

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В.М. Рынков

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ РЕЖИМОВ
НА ВОСТОКЕ РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1918 — 1919 г.)**

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В.А. Ильиных*

Новосибирск, 2008

ББК 63.3 (2P5)612-201
Р 952

Р е ц е н з е н т ы

доктор социологических наук *Н.Д. Вавилина*
доктор исторических наук *А.А. Николаев*
доктор исторических наук *В.Л. Соскин*

Утверждено к печати

Ученым советом Института истории СО РАН

Р 952 **Рынков В.М.**

Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.). Новосибирск, 2008. 440 с.

ISBN 978-5-94301-066-8

В монографии рассмотрена социальная политика антибольшевистских режимов Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, определены её цели, основные направления, приоритеты и результаты. Богатый фактический материал, извлеченный из архивных и опубликованных источников, проанализирован на основе современных социологических подходов. Это позволило автору поднять широкий круг проблем, связанных с особенностями взаимодействия государства и общества в период Гражданской войны, показать специфику взаимоотношений антибольшевистских политических режимов с основными социально-политическими группами населения.

Книга рассчитана на историков, экономистов, социологов, краеведов и всех интересующихся историей России.

*Издание осуществлено при поддержке
Американского совета научных сообществ
(American Council of Learned Societies)*

ISBN 978-5-94301-066-8

ББК 63.3 (2P5)612-201

© В.М. Рынков, 2008

© Институт истории СО РАН, 2008

ВВЕДЕНИЕ

Один из теоретиков обществознания, Б. де Жувеналь, писал: «Защитники и противники перераспределения доходов, ломая копья в борьбе друг с другом, не всегда имеют в виду один и тот же предмет»¹. Именно поэтому спорными до сих пор остаются базовые понятия, связанные с социальной справедливостью. Например, государственная поддержка нуждающимся гражданам необходима, но где та грань, за которой она переходит в поощрение иждивенчества? Что является доброй волей государства, а что его социальной обязанностью? До каких пор государство должно поддерживать население, если оно само находится на грани банкротства? На эти и многие другие вопросы разные социально-философские системы дают разные ответы. Хотя очевидно, что существуют некоторые исходные положения, по отношению к которым в большинстве социально-философских доктрин сложился консенсус. Никто не усомнится в необходимости социальной защиты государством населения, проведения им активной социальной политики.

Поэтому в западной, а в последнее десятилетие и в российской общественной мысли сложилось серьёзное направление, связанное с анализом социальной политики государства. Отличительной особенностью этой литературы является то, что в основном она нацелена на выявление социальной роли государства в стабильной, растущей экономике. Это объяснимо – основные положения данной исследовательской парадигмы выкристаллизовывались во второй половине XX в. на Западе, не знакомом с глубокими кризисами. И лишь кризис государств постсоветского пространства, сопровождавшийся почти двукратным спадом производства и распадом системы социальных гарантий, поставил на повестку дня острые вопросы. Объективный ли это процесс или в

---

¹ Жувеналь Б. де. Этика перераспределения. М., 1995. С. 83.

социальных издержках есть вина руководства, проигнорировавшего свои прямые обязанности? Кто несет ответственность за социальные последствия мировых катаклизмов: государство или народ? Оценка случившегося в общественном сознании и в общественных науках остается далеко не однозначной.

Социальная политика обречена оставаться производной от экономического самочувствия государства и общества. Кризис в сфере экономики влечет за собой трансформацию социальной политики государства, в полной мере ещё не осознанную и не описанную. Чтобы понять механизмы этой трансформации, обозначить границу между имманентной социальной функцией государства и тем, что привносится эпохой стабильности, необходимо рассмотреть ситуацию в обостренном и усугубленном до предела виде.

Масштабный социальный эксперимент в жизни невозможен. Каждый исторический пример индивидуален. Любая конкретная политика зависит не только от объективной социально-экономической реальности, но и от политической доктрины. Революционная эпоха в России чрезвычайно благоприятна для исследования. Её пример поучителен с точки зрения социальной теории. Благоприятно присутствие в относительно схожих ситуациях альтернативных линий проведения социальной политики. Советский вариант политики всегда привлекал пристальное внимание исследователей – и апологетов и критиков – тем, что был воплощением доктринального опыта. Не менее актуален пример противников большевизма. Испытывая на себе влияние эсеровской и кадетской социально-политических доктрин, политики «белого» лагеря всё же были далеки от стремления воплотить в жизнь глобальный социально-утопический эксперимент. Они не собирались преобразовывать мир. Их политические установки не выходили за рамки традиционных, лежали в одной плоскости с целями большинства реалистичных политиков своего времени и XX века в целом. Необычна была лишь та социальная катастрофа, в которой оказалось общество и государство в момент, когда они на время встали у руля власти. Опыт «белых» интересен именно этим. Его изучение не просто закроет ещё одну лауну в российской истории, а позволит на конкретном материале разо-

браться в механизмах трансформации социальной политики государства под влиянием социально-политической и экономической катастрофы.

Все это объясняет цель настоящего исследования: реконструкцию и анализ основных направлений социальной политики антибольшевистских режимов на востоке России во второй половине 1918 – начале 1919 г.

Объект исследования охватывает государственные институты и общество в пределах изучаемого пространства и времени. В поле зрения, следовательно, находятся органы власти и управления многочисленных антибольшевистских правительств, возникших на востоке России в 1918–1919 гг., а также те общественные силы, которые оказали ощутимое влияние на формирование социальной политики. Но основное внимание фокусируется на анализе государственной социальной политики в лагере восточной контрреволюции Временного сибирского и Российского правительств, как наиболее значимой и результативной.

Предмет исследования – совокупность конкретных социальных решений и мероприятий, связанных с регулированием прав собственности, социально-трудовой сферы, поддержкой малоимущих семей (домохозяйств), а также с обеспечением развития некоммерческой части социально-культурной сферы. Отраслевая структура социальной политики задается конкретными обстоятельствами. В разных условиях на первый план могут выступать различные её части, а некоторые – просто отсутствовать. Поэтому иерархия изучаемых научных проблем и структура самого исследования задаются конкретно-исторической реальностью.

Территориальные рамки исследования включают всё пространство востока России (Поволжье, Прикамье, Урал, Сибирь и Дальний Восток), оказавшееся под властью антибольшевистских сил в разные периоды Гражданской войны. Начальная хронологическая граница связана с созданием государственных образований, альтернативных советской власти. Конечная – с падением колчаковского режима в Восточной Сибири. Борьба против большевиков на протяжении 1920–1922 гг. продолжилась в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Но этот сюжет, очень интересный сам по себе, не вписывается в рамки данного исследования

как резким сужением территориальных масштабов антибольшевистской государственности, так и спецификой военно-политической ситуации, выдвинувшей на повестку дня проблему выживания социума на малых пространствах.

В данной работе автор ставит следующие задачи:

- определить структуру и приоритеты социальной политики, реконструировать её реализацию;
- проследить характер взаимодействия государственных и общественных институтов в процессе выработки и проведения в жизнь социальной политики;
- оценить последствия социальной катастрофы периода Гражданской войны, роль государства в амортизации или усугублении негативных социальных последствий войны для общества и причины, препятствовавшие эффективному выполнению государством своих социальных функций.

Конкретно-исторический характер проведенной работы всё же не позволяет отделяться дежурными фразами об историзме и объективности как методологических основаниях. Всё это очевидно до оскомины и уже давно застыло в методологический железобетон, мало разъясняющий истинную природу конкретных исследовательских моделей и конструкций. Цель исследования неизбежно вынуждает препарировать историческую действительность с помощью обществоведческого инструментария.

В изучаемое время не существовало того понимания социальной политики, которое сложилось в современной науке. Еще В. Зомбарт сформулировал подход, противопоставивший социальную политику индивидуальной². С тех пор под социальной понимали политику государства по отношению к различным слоям общества. Предметом «штудий» историков дореволюционного и советского прошлого становились дворянская, крестьянская, рабочая политика. Настоящее исследование написано на основе иного подхода, обозначенного в определении предмета, хотя и его узость трудно оспаривать.

Конечно, очень заманчиво попытаться осмыслить весь социальный срез ресурсонакопления и ресурсопотребления примени-

---

² Зомбарт В. Идеалы социальной политики. СПб., 1906.

тельно к революционной эпохе, в осуществлении которых государство играло роли аккумулятора и регулятора, а также усилия государства по поддержанию социальной стабильности. В широком смысле слова все это тоже социальная политика. Однако объять такой круг проблем и сделать значимые выводы невозможно в рамках одной монографии, особенно если учесть, что традиция исследований такого рода пока отсутствует. Предметное поле было бы слишком широким. Поэтому оправданным является узкое, кстати, более распространенное в современной социологии, очерчивание контуров социальной политики.

Проблемы, затронутые в настоящей монографии на конкретно-историческом материале, в теоретическом аспекте анализировались в работах по социальной философии и социологической теории, социологии экономики и социальной конфликтологии. Безусловно, основополагающая методология лежит в области социальной философии. Как уже было отмечено, почти всех теоретиков интересовал принцип социальной справедливости в условиях стабильного роста благосостояния. Но ряд теоретических положений не утрачивает значения, напротив, актуализируется в противоположной ситуации. Дж. Ролсу принадлежит важное наблюдение. Он писал, что формальное соблюдение справедливости, т.е. строгое следование установленным законам, не тождественно реальной справедливости. Отсюда следует не озвученный этим автором, но очевидный и принципиальный вывод. Уклонение государственных служащих или населения от исполнения закона подчас может в большей степени способствовать установлению социальной справедливости, чем соблюдение правовых норм. Для Дж. Ролса важнейшим критерием социальной справедливости является наличие общественного договора – согласия участников отношений по поводу предмета социального конфликта. Не менее существенна и убедительнейшая критика идей Дж. Ролса П. Козловски. Он показал, что согласие слишком субъективно, чтобы стать гарантией справедливости. Любой участник социальных отношений может заблуждаться от недостатка информации или идти к вынужденному компромиссу. То-

гда социальный консенсус не будет справедлив и не станет эффективным механизмом социальной политики³.

Ключевым моментом социально-философского и экономико-социологического обоснования социальной справедливости обычно представляется проблема оправдания перераспределения. Права и обязанности государства по поддержанию социальной стабильности обосновываются и очерчиваются вполне рационально. В соответствии с законом убывающей предельной полезности перераспределение относительно избыточной части доходов богатых членов общества в пользу бедных целесообразно, так как увеличивает общий уровень социальной удовлетворенности⁴. При этом расходы государства на потребление могут рассматриваться как форма социальных инвестиций, обещающих отдачу в далеком будущем. Но в данном исследовании изучается совершенно особая кризисная ситуация: совокупный общественный доход резко снизился, а доля граждан, нуждавшихся в социальной помощи, существенно возросла. Правильнее говорить не об инвестициях, а о социальном страховании, причём одних сограждан за счет других и всех за счет будущего поколения. Государство вступило на путь отчуждения части необходимого продукта, чтобы перераспределить её ещё более нуждающимся. Делается это не обязательно через добровольные пожертвования или налоговую систему, но и через сеньораж – доход, извлекаемый государством из выпуска в обращение необеспеченных товарной массой денег. Он является своеобразным суррогатом налоговых изъятий, при которых издержки несут держатели денежных средств. Цена вопроса совершенно очевидна. Формируемая таким образом система социального обеспечения должна создавать эффект, превышающий ущерб от изъятий. Иначе оправдать такую социальную политику нечем.

Однако экономический эффект появляется там, где работают стимулы. Социальное обеспечение не является сферой производства прибыли. Экономические стимулы из неё по определению исключены (если только они не являются дисфункцией). Более

---

³ Жувеналь Б. де. Этика перераспределения; Козловски П. Принципы этической экономики. СПб., 1999; Ролс Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

⁴ См., например: Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М., 1985. Т. 1–2.

того, эта нерыночная сфера экономики неизменно функционирует по принципам экономики дефицита, так как затрагивает преимущественно дефицитную часть ресурсов. Но анализ Я. Корнаи, Ф. фон Мизеса, Ф.А. фон Хайека показал, что, во-первых, в экономике дефицита отсутствуют стимулы для повышения эффективности, во-вторых, там неизбежно возникают квазирыночные отношения, а управленческий ресурс превращается в квазисобственность⁵.

Сфера социального обеспечения непроизводительна. Чем больше ресурсов оттягивает она на себя, тем скромнее темпы экономического роста или тем быстрее темпы спада производства. Экономическая логика диктует минимизацию социальных расходов в эпоху кризиса. Но существует и иная логика, акцентирующая внимание на ценности человеческой жизни. Экономически неэффективные вложения можно оправдывать сохранением чьих-то жизней, удовлетворением потребностей социально незащищенных слоев населения, не способных позаботиться о себе в рыночной ситуации. Основная дилемма государственной социальной политики – несимметричность её анализа и оценки с точки зрения экономической эффективности и социальной целесообразности.

Здесь нельзя не учитывать наблюдения П.А. Сорокина, глубокого исследователя и непосредственного свидетеля российской революции, показавшего, как трансформируется общество под влиянием резкого сокращения производства, от каких обстоятельств зависят конкретные очертания этой трансформации⁶. Он убедительно доказал объективный характер распада социальной структуры общества и деструктивных изменений трудовой этики, правовой культуры, динамики демографических процессов в период революции. По его мнению, очень большая доля ответственности в этом случае возлагается на государство. Избранный П.А. Сорокиным аспект исследования наталкивает на выводы о необходимости проведения более жесткой продовольственной политики государства, нацеленной на равномерное перераспре-

---

⁵ Корнаи Я. Экономика дефицита. М., 1990; Мизес Ф. фон. Социализм. М., 1999; Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 2000.

⁶ Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003; Он же. Социология революции. М., 2005.

деление пищевых продуктов. Целью государственного регулирования в периоды кризиса, полагал социолог, должно стать не просто достижение экономического эффекта, но и предотвращение распада общества, криминализации, милитаризации, демографического и морального разложения. Это наталкивает на мысль, что выводы П.А. Сорокина можно распространить на антикризисную социальную политику в целом. Активная помощь бедным, больным и всем тем, кто, с точки зрения П.А. Сорокина, не способен адаптироваться к трудностям именно в силу нерушимости своих моральных принципов, есть важнейший фактор социального выживания общественного организма.

Но в то же время социальную политику следует понимать шире, чем это предполагает взгляд П.А. Сорокина, сводящий её к социальным трансфертам, перераспределению материальных ресурсов от богатой части населения к голодающей. Значительное место в государственной социальной политике занимает регулирование трудовых отношений, которые структурно подразделяются на два крупных блока: проблему трудового контроля и проблему занятости⁷. Сторонниками марксизма (современниками революционных событий и исследователями) была навязана идея о классовом характере эксплуатации и оправдании контроля работника за производственным процессом. В отечественной науке это надолго определило исследовательские подходы, уводившие в сторону от проблем восстановления и стимулирования роста производительности труда. Поиски эффективных принципов организации труда следует рассматривать в контексте дискуссии Ф. Тейлора и А. Файоля. Из неё вытекает, что основной водораздел проходил между теми, кто акцентировал внимание на правильной организации самого трудового процесса работника и сторонниками административного регулирования. Однако для исследуемой проблематики имеет ценность не только опыт, накопленный социологами труда и теоретиками менеджмента ко времени Первой мировой войны, но и достижения более поздних теоретических школ, идеи которых позволяют посмотреть на дискуссионные проблемы времен Гражданской войны с точки

---

⁷ Радаев В.В. Социология экономики. М., 2005. С. 269–315.

зрения перспектив. Особенно важна эволюция социологии труда в теорию организаций и теорию человеческого капитала. Первая позволяет сравнить опыт регулирования трудовых конфликтов в антибольшевистском лагере с развитием этой сферы в советской России. Вторая дает ряд ключей к расшифровке трудового поведения работников в кризисных условиях и причин провала многих государственных мероприятий в сфере регулирования труда.

Другой областью знаний, в которой оказались теоретически осмыслены рассматриваемые конкретные проблемы, является конфликтология труда. Хотя в её эпицентре находится изучение забастовок, очень важно исходить из положения о том, что забастовка – это только маленькая вершина айсберга трудовой конфликтности. Основные её формы укладываются в формат «оружия слабых» – термин, введенный Дж. Скоттом применительно к крестьянству⁸, но широко используемый при описании социально-трудовой сферы. Спектр коллективного давления работников на работодателя чрезвычайно широк. Отечественная историография, воспроизводя дискурс революционной эпохи, обычно оперировала идеями экономического детерминизма коллективных действий рабочих. Но наиболее конфликтные отрасли и предприятия не всегда самые депрессивные. Теория коллективного действия позволяет в полной мере подключать социально-психологические объяснения разного уровня конфликтов, их сценариев и результатов, исходя из особенностей трудовых коллективов.

Конфликты в сфере занятости и безработицу следует изучать через анализ спроса и предложения на рынке труда⁹. Это позволяет применить к историческому материалу исследовательский инструментарий экономистов и социологов от А. Пигу и Дж. Кейнса до К. Полани и Дж. Акелрофа, а также отойти от политизации контекста социально-трудовых отношений, присущей источникам и историографии. Вопросы занятости рассмотрены в сознательно суженном контексте. Ряд социальных процессов в первые десятилетия XX столетия ещё окончательно не институционализировался, и для их изучения требуются методики социо-

⁸ Скотт Дж. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 285–287.

⁹ Павленков В.А. Рынок труда. Занятость. Безработица. М., 2004.

культурного и этнографического анализа, далеко уводящие за рамки исследовательских задач. Имеются в виду институты воспроизводства рабочей силы, динамика и характер вертикальной трудовой мобильности. В эпицентре настоящего исследования окажется государственное регулирование рынка труда, условий найма и высвобождения работника, а не социально-трудовые отношения в их многообразии. За пределами детального анализа останутся занятые в домашних хозяйствах и наемные работники аграрной сферы, а также занятые в государственно-мобилизационных структурах (армия, военнопленные, трудомобилизованные и др.).

Стоящие перед автором задачи требуют оценки состояния общества в целом. Революционная эпоха представляет собой классический случай социальной аномии: распад общественных связей, эрозия укоренившихся в дореволюционном строе правовых и морально-этических норм и ценностей. Социальная сторона этого процесса выразилась в масштабной маргинализации практически всех слоев населения. При знакомстве с литературой по социальной политике бросается в глаза то, что исследователи очень слабо представляют специфику данного предмета применительно к обществам, переживавшим системный/революционный кризис¹⁰. Существовало два основных фактора, обусловивших аномию. Прежде всего, это разрыв между целями развития общества и социально допустимыми способами их достижения: политико-идеологический конфликт, расколовший общество не только на два воюющих лагеря, но и на несколько противоборствующих группировок внутри каждого из них. Вторым стала всеобщая бедность, обусловленная катастрофическим падением уровня производства и отвлечением ресурсов на войну. Огромная масса населения оказалась за чертой нищенства, остальные ощутили резкое сокращение возможностей удовлетворения своих материальных и социальных потребностей. Обнищание трансформирует социальное поведение и массовую психологию, деформирует

---

¹⁰ Социальная политика. М., 2003. С. 28–29. Это единственное теоретическое издание, в котором поставлен вопрос о специфике социальной политики в обществах, находящихся в системном кризисе или революционной ситуации. (См.: Социальная политика: парадигмы и приоритеты. М., 2000; Шаяхметов И.Т. Социальная политика: сущность, функции, практика. Уфа, 2000; и др.).

привычные ценности¹¹. Между тем, важнейшим условием успешного проведения социальной политики является признание большинством населения справедливыми тех мер, в которых она воплощается. Поведение большинства населения демонстрирует разные проявления аномии: всплеск патернализма, радикализма, девиаций. Поэтому важнейшей задачей исследования станет анализ структур потенциального и реального социального партнерства, причин их слабости.

Бедность и распад социальных связей активизируют поиск людьми путей выживания в новых условиях. При изучении революционных эпох всегда возрастает актуальность исследования стратегий адаптации населения к проявлениям экономического и социально-политического кризиса. Естественно, невозможно обойти стороной всё многообразие эксплоярных форм экономики, начиная от коррупции и заканчивая экономической ролью домашних хозяйств. Экономический кризис и социальная катастрофа усиливали тягу населения именно к эксплоярным стратегиям, которые начинали вносить существенные коррективы в реализацию социальных мероприятий государства¹².

Историография Гражданской войны на востоке России чрезвычайно богата¹³, но она имеет мало точек соприкосновения с теми сюжетами и методологическими подходами, которые лежат в основе данного исследования.

Общеизвестно деление научной литературы по истории Гражданской войны на четыре направления: советское, постсоветское, эмигрантское и иностранные исследования. Два обстоятельства позволяют в настоящем случае отказаться от подобного деления. Первое состоит в том, что социальная политика занимала в историографической традиции столь малое место, что имеющийся исследовательский опыт трудно разделить на четыре привычные

---

¹¹ Вавилина Н.Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема. Новосибирск, 2000. С. 121, 168–169.

¹² Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999; Барсукова С.Ю. Неформальная экономика. Экономико-социологический анализ. М., 2004; и др.

¹³ Детальный анализ историографии отдельных проблем будет представлен в соответствующих главах. Поэтому во введении большинство библиографических данных опущено.

части. Второе – менее очевидно. В последние пятнадцать лет историографы привыкли противопоставлять «ущербную» советскую историографию Гражданской войны идеологически свободной и более совершенной постсоветской. В данном случае (как и во многих других) для этого нет практически никаких оснований. Каждая эпоха задает прошлому свои вопросы. Поэтому работа с советской историографией, как и с любой другой, требует знания её дискурса и его адаптации к конкретным исследовательским задачам. Постсоветские же исследования нередко по уровню исполнения значительно уступают своим идеологизированным и «идеологически устаревшим» советским предшественникам. Более того, в рамках исследуемой проблематики современные авторы в большинстве своем озаботились лишь оформлением в иные лексические формы достижений критикуемых ими советских предшественников.

В советское время марксистские рамки диктовали весьма специфическое понимание социальной политики. В поле зрения историков попадали такие сюжеты, как рабочая, крестьянская политика и отношения власти с предпринимателями. Причём последний вопрос рассматривался на особенно узкой и тенденциозной источниковой базе – высказываниях советских лидеров и документах антиколчаковского подполья. Под видом крестьянской политики анализировалось государственное регулирование продовольственной, налоговой и земельной сфер. Всё это нельзя относить к социальной политике в том понимании, которое принято за основу настоящего исследования.

Исследовательский интерес в этот период сосредоточивался на рабочей политике. Именно здесь и были достигнуты наибольшие результаты. В частности, монографию В.И. Шемелева, исследования и документальные публикации А.П. Тяяева, труды В.В. Гармизы, В.А. Кадейкина, Г.С. Куцего и диссертационное исследование В.А. Кучеряева отличают внушительная источниковая база и введение в научный оборот значительного фактического материала¹⁴. Ими и другими авторами детально описаны

---

¹⁴ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968; Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.) в документах и материалах с вводным очерком А. Тяяева. Свердловск, 1929; Ку-

наиболее крупные социально-трудовые конфликты. Естественно, авторская интерпретация сегодня нуждается во взвешенном использовании и критическом осмыслении. Общая идея советской историографии выражается в характеристике рабочей политики антибольшевистских правительств как «антирабочей». Такой далекий от научности вывод всё же не позволяет сбрасывать со счетов обилие фактического материала, в рамках иных подходов нуждающегося в гармоничной интерпретации. Примечательно, что после перестройки исследования этой проблемы ограничивались малоформатными тезисами (Н.И. Дмитриев, С.В. Макаrchук)¹⁵. Авторы исходили из принципиально иного понимания природы государства, допуская, что оно способно стать надклассовым арбитром в противостоянии буржуазии и пролетариата, но при условии поддержания или восстановления нормального уровня производства. Произошла переоценка общего курса рабочей политики и трудового законодательства, но в рамках ранее заданных подходов. У современных исследователей отсутствует стремление выйти на новый уровень понимания проблем, обратиться к новым или качественно иначе прочесть уже известные первоисточники. Историки, пишущие о событиях Гражданской войны в Поволжье, как правило, воспроизводят логическую схему и повторяют информацию В.В. Гармизы, добавляя к ней новые первоисточники, но почти не обновляя острополемическую риторику советского автора (А.В. Калягин, В.А. Маландин, В.Г. Медведев, В.Н. Парамонов)¹⁶. Исключением на фоне совре-

---

ций Г.С. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервенции и внутренней контрреволюции. 1918–1920 гг. Владивосток, 1967; Кучеряев В.А. Деятельность большевиков в профсоюзах Восточной Сибири в годы гражданской войны. 1918–1920 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1983; [Шемелев В.И.] Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.). Новосибирск, 1928.

¹⁵ Дмитриев Н.И. Из истории министерства труда Российского правительства адмирала А.В. Колчака // История белой Сибири: Тез. третьей науч. конф. Кемерово, 1999. С. 107–110; Макаrchук С.В. К политической биографии Л.И. Шумиловского // История «белой» Сибири: Сб. тезисов. Кемерово, 1995. С. 135–138; Он же. Социал-демократы и рабочий вопрос при «белых» правительствах Сибири // История «белой» Сибири: Тез. второй науч. конф. Кемерово, 1997. С. 28–32.

¹⁶ Калягин А.В., Парамонов В.Н. Социально-экономическая политика Комуча (торгово-промышленный аспект) // Вестник Самарского университета. Сер:

менной историографической ситуации представляется диссертация О.Ю. Никоновой и монография Д.О. Чуракова¹⁷. В первой положение на Урале рассмотрено на обширной и разнообразной источниковой базе, даны оригинальные и взвешенные оценки основным мероприятиям уральских властей по отношению к рабочему классу. Д.О. Чураков проанализировал природу массовых протестных выступлений в советской России и рассмотрел в качестве уникального опыта деятельность руководящих органов Ижевско-Воткинского восстания.

Остальные проблемы социальной политики правительств антибольшевистского лагеря изучались на уровне отдельных сюжетов. В поле зрения советских историков медицины попало состояние здравоохранения в Сибири в 1918–1919 гг. (Г.Х. Рипп, Н.П. Федотов, П.А. Бова, В.П. Березин)¹⁸. Авторы выдвинули тезис о критическом положении лечебной инфраструктуры и неспособности колчаковского правительства решать стоявшие перед ним задачи медицинского обслуживания населения. Любопытно, что современные авторы С.С. Ипполитов и А.А. Мышанский, не ссылаясь на работы предшественников, изучили примерно те же источники, но пришли к противоположным выводам об эффективной деятельности учреждений здравоохранения, недостатки которой следует отнести за счет экстремальных условий Гражданской войны. К аналогичным выводам пришла и М.В. Угрюмова на основе анализа состояния земской медицины в Тобольской губернии¹⁹.

История. 1998. № 1 (7). С. 66–74; Маландин В.А. Комитет членов Учредительного Собрания: структура власти и политическая деятельность: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1997; Медведев В.Г. Белый режим под красным флагом (Поволжье в 1918 г.). Ульяновск, 1998.

¹⁷ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика «демократической» контрреволюции и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996; Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России 1917–1918 гг. М., 2004.

¹⁸ Рипп Г.Х. Советская военная медицина во время гражданской войны и интервенции в Сибири (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1987; Федотов Н.П., Бова П.А., Березин В.П. Очерки по истории здравоохранения Томской области. Томск, 1967.

¹⁹ Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Мы-

---

К данной тематике близко примыкает ещё один издавна популярный сюжет. Речь идет о деятельности благотворительных организаций. В советской историографии проблемы отечественной благотворительности в лагере «белых» в годы Гражданской войны не анализировались. Табуированность этой темы легко понять – ведь её изучение могло привести к мысли о поддержке населением правящего режима. Зато в поле зрения исследователей попадали иностранные, главным образом, американские благотворительные структуры. Тон исследований был сугубо обвинительный. Историки сообщали о лечении американцами раненых военных в колчаковских госпиталях, пропагандистской и шпионско-разведывательной деятельности американских благотворительных организаций, но умалчивали о помощи гражданскому населению. Диапазон современных оценок раскинулся от традиционного обличительства, по духу близкого советскому (С.С. Ипполитов), до признания американцев единственной силой, способной оказывать помощь населению в тылу и на фронте (П.Л. Нестеренко)²⁰. Именно эта тема оказалась единственной, попавшей под пристальное внимание иностранных аналитиков (К.Е. Файк)²¹, сообщавших о крупных инвестициях в гуманитарную сферу и о помощи гражданскому населению востока России.

И лишь недавно опубликованная статья томского исследователя Е.В. Лукова охватывает сюжет о государственном призрении в целом²². Заслугой автора является тщательный анализ законодательных и официальных информационных источников.

шанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004; Угрюмова М.В. Земская медицина и земская школа в Тобольской губернии в годы Гражданской войны // Сибирский исторический журнал. Тобольск, 2004. № 1. С. 91–96.

²⁰ Нестеренко П.Л. Сибирские газеты о деятельности американского Красного Креста в годы гражданской войны // Историческая наука на рубеже веков: Материалы всерос. науч. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 215–218.

²¹ Fike С.Е. The Influence of the Creel Committee and the American Red Cross on Russian-American Relations, 1917–1919 // The Journal of History. Vol. 31. № 2 (Jun. 1959). P. 93–109.

²² Луков Е.В. Политика антибольшевистских правительств в области государственного призрения // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. Томск, 2006. С. 182–194.

Е.В. Луков впервые показал, что помощь социально обездоленным четко осознавалась лидерами антибольшевистского движения как совершенно особое направление внутренней политики. В статье обозначены основные направления государственной политики в области призрания и ключевые достижения в рамках каждого из них. Но минимальный объем публикации и акцент на официальные источники не позволили автору отразить всю сложность ситуации, подчас далекую от той, что рисовала на своих страницах широко используемая им газета «Правительственный вестник».

Вопросы культурной жизни Поволжья, Урала и Дальнего Востока в советское время также совершенно не привлекали внимание исследователей, если не считать изучения политических позиций интеллигенции. Лишь некоторые сюжеты, связанные с жизнью научного и образовательного сообщества в Сибири, нашли отражение в публикациях В.Л. Соскина²³. Ситуация изменилась в начале 1990-х гг., когда появился широкий поток работ историко-культурного характера. Акцент был сделан на культурно-национальную проблематику и положение системы образования и её работников. Кроме того, исследования имели локальные территориальные рамки, были посвящены узким аспектам. Но в целом в этом направлении сделан огромный шаг вперед. Изучение положения некоторых учебных заведений, школьного и библиотечного дела в отдельных губерниях, деятельности известных представителей интеллигенции в годы Гражданской войны складывается в общую мозаику, открывающую выход на новый уровень исторического анализа. В публикациях Е.Г. Михеенкова показаны различные аспекты научной и образовательной деятельности томской интеллигенции в период Гражданской войны, её материальное положение и взаимодействие с властью. Диссертационное исследование А.А. Мышанского затрагивает вопрос о материальном положении земских и городских учреждений социального и культурного характера. Диссертации Г.Г. Губсковой, С.А. Кочуриной, К.А. Чеховских рассматривают различные

---

²³ Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 гг.). Новосибирск, 1965; Он же. Сибирь, революция, наука. Новосибирск, 1989.

направления образовательной политики. Эти работы отличает внимание к нормативной базе изучаемых проблем, обширное использование делопроизводственной документации²⁴.

Один из ключевых вопросов социальной политики – отношение к собственности – в советское время не стал предметом научного анализа. Историки ссылались на принятие всеми правительствами на востоке России законов о денационализации, декларируя при этом, что произошло немедленное и полное возвращение всей собственности в руки прежних владельцев. Проследить динамику этого процесса, проверить, была ли воплощена данная норма, отечественные исследователи не пытались. Лишь в последнее десятилетие поставлена проблема темпов денационализации и особенностей её проведения в разных отраслях экономики (Н.И. Дмитриев), показано, что эту сложную политико-правовую и экономическую проблему вообще нельзя сводить только к денационализации (В.М. Рынков)²⁵.

Сравнительно недавно в отечественной историографии появились публикации, формулирующие изучение социальной политики государства в одном из регионов востока России, вышедших

---

²⁴ Губскова Г.Г. Власти и образование на Южном Урале накануне, в период революции 1917 года и гражданской войны: Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003; Кочурина С.А. Учительские институты в Западной Сибири и их роль в подготовке педагогических кадров (1902–1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005; Михеенков Е.Г. Участие вузовской интеллигенции г. Томска в работе комиссий частного совещания и секций Сибирской областной думы (лето–осень 1918 гг.) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. Т. 12. С. 115–121; Он же. Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция Томска в годы революции и Гражданской войны. Томск, 2002; Мышанский А.А. Органы местного самоуправления...; Чеховских К.А. Народное образование на Алтае осенью 1917 – весной 1921 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1997.

²⁵ Дмитриев Н.И. Новый подход к проблеме денационализации белогвардейскими властями промышленности и транспорта на востоке России // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Владивосток, 1993. Кн. III. С. 46–48; Рынков В.М. Проблема частной собственности в экономической политике «белых» правительств Сибири: законодательство и практика // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 87–90; Он же. Восстановление прав собственников антибольшевистскими правительствами на востоке России (лето 1918–1919 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2004. № 2. С. 12–15.

из-под контроля советской власти, в качестве исследовательской задачи. Одна из них принадлежит перу Е.Е. Иванова и М.А. Кудинова²⁶. Значительная часть их брошюры отведена описанию политической канвы событий начального этапа Гражданской войны в Поволжье. В третьей главе, многообещающе названной «Социальные преобразования Комуча», они рассмотрели только вопросы заработной платы поволжских учителей и открытия новых учебных заведений. Основной вывод сведен к констатации прогрессивного характера социальной политики Комуча. Очевидно, что авторы обошли молчанием большинство сюжетов, относившихся к теме, заявленной в качестве предмета анализа данной главы. Другим примером служит небольшая статья Е.В. Семёновой. В ней описано функционирование земских благотворительных учреждений Благовещенска в условиях острого финансового дефицита²⁷.

В.В. Минаев поднял в своей статье широкий круг вопросов, связанных с исследуемой темой: беженство, организация медицинского обслуживания²⁸. Попутно он впервые осветил такие проблемы, как воздействие беженства и наплыва эмигрантов из Китая на дестабилизацию рынка рабочей силы в Сибири и на Дальнем Востоке. Ценно обращение автора к архивным материалам, умение обнаружить взаимосвязи различных социально-экономических процессов и явлений друг с другом. Но неспособность сосредоточиться на ключевых проблемах привела к поверхностному анализу. Так, в одной статье он затрагивает и реформы денежного обращения, и динамику потребительских цен, и регулирование продовольственного рынка, и борьбу с эпидемиями. Переселенческую политику автор совершенно необоснованно объединяет с государственной помощью беженцам. Недоуме-

---

²⁶ Иванов Е.Е., Кудинов М.А. «Третий путь» в гражданской войне (Опыт деятельности Самарского Комуча). Самара, 1995.

²⁷ Семёнова Е.В. Опыт дальневосточных органов местного самоуправления в решении социальных проблем в 1917–1920 гг. // Вестник Амурского госуниверситета. Сер.: Гуманитарные науки. Благовещенск, 2003. Вып. 20. С. 53–55.

²⁸ Минаев В.В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Гражданская война в России (1917–1922 гг.). М., 2002. С. 207–224.

ние вызывает и формулировка темы, слабо связанная с исследуемым материалом.

Социальную политику государства невозможно понять вне широкого контекста. Тесно связанные с темой исследования сюжеты социальной истории начали проникать в отечественную историографию Гражданской войны с середины 1990-х гг. Основные находки и достижения принадлежат исследователям советского лагеря. Ситуация на востоке России изучена фрагментарно: городская повседневность проанализирована в статье С.Ф. Фоминых, Д.Н. Шевелева, Э.И. Черняка, социальное поведение горожан – в публикациях С.П. Звягина, В.М. Рынкova²⁹.

Особняком в отечественной историографии стоит оригинальное исследование И.В. Нарского, воспроизводящее картину социальной жизни Урала в годы Гражданской войны³⁰. Автор не ставил перед собой задачу проследить специфику социальной картины под властью антибольшевистских режимов. Тем не менее все основные сюжеты представлены им в динамике. Его обращение к статистическим источникам повышает достоверность сделанных наблюдений, а умелое использование прессы позволило в деталях реконструировать социальный облик эпохи. Им отмечен упадок общественной жизни, в том числе и снижение влияния общественных организаций на ситуацию в стране; неэффективность системы распределения потребительских товаров, усугублявшая дефицит и озлоблявшая людей; неспособность властей справляться с эпидемическими болезнями, деградацией системы образования; особенности социального поведения населения: дезурбанизация, усиление социальных девиаций, криминализация жизни и прочие тревожные тенденции революционной эпохи.

Зарубежная историография поражает обилием исследований о Гражданской войне на востоке России, но при этом отличается

---

²⁹ Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001; Рынков В.М. Будни гражданской войны: поведение горожан в экстремальной экономической ситуации // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах: Материалы регион. науч. конф. Новосибирск, 2003. С. 35–42; Фоминых С.Ф., Шевелев Д.Н., Черняк Э.И. Повседневная жизнь сибирского города в годы гражданской войны // Россия в XX веке: революции и реформы. М., 2002. С. 46–51.

³⁰ Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

концентрацией внимания на военно-политических сюжетах. Социальная политика никогда не выделялась специально. Лишь Дж. Д. Смил подробнее других иностранных авторов реконструировал картину социально-экономической жизни «белой» Сибири, рассматривая социально-трудовые конфликты (излагая их, впрочем, по советским публикациям), беженство и эпидемии. В освещении последних двух сюжетов автор опирается на газетные материалы и малодоступные российским исследователям зарубежные публикации, что придает дополнительную ценность его монографии³¹.

Итак, отдельные итоги в изучении социальной политики налично. При этом целый ряд ключевых проблем остался не только не решенным, но даже не осознан историческим сообществом. В последние годы зародилось робкое стремление анализировать социальную политику как особую сферу деятельности государства в антибольшевистский период. Но те, кто ставил перед собой такую задачу, не имели даже приблизительного представления ни о реальной структуре исследуемых научных проблем, ни о масштабах источниковой базы, которой обеспечена данная тема. Недаром большинство авторов не попыталось реконструировать нормативно-правовую базу осуществления социальной политики в целом и даже того сюжета, который рассматривался ими в частности. А это начальная стадия любого исследования.

Заслуги отечественных историков всё же не следует приуменьшать. За советское время и, главным образом, в постсоветский период вышло огромное количество литературы по разнообразным проблемам истории Гражданской войны. В основном изучены политические процессы в антибольшевистском лагере и ход вооруженной борьбы, что позволяет достаточно глубоко ориентироваться в историческом контексте событий. Большой ценностью обладают также краеведческие издания, добавляющие множество штрихов в изучаемую проблематику, но почти не востребованные историографией.

Тем не менее залогом успешного выполнения поставленных в исследовании задач является привлечение достаточной источни-

---

³¹ Smele J.D. *Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918–1920*. Cambridge, 1996.

ковой базы. Социальная жизнь общества многообразна, поэтому важно правильно отграничить нужные источники, определить приоритеты в их изучении и использовании. В качестве источников ключевого характера выступают нормативно-правовые акты антибольшевистских правительств на востоке России. В исследовании использованы официальные публикации, научные переиздания, а в случае необходимости – архивные комплексы законодательства. Это позволяет отчасти восполнить неполноту его сохранности и издания³². Также уделено повышенное внимание протоколно-резолютивным документам высших органов власти. Это оправдано их чрезвычайной информативностью³³. Автором выявлены и подвергнуты сплошной обработке протоколы и журналы заседаний Комуча, Временного областного правительства Урала, Западно-Сибирского комиссариата, Временного сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства, Российского правительства, частично – Временного правительства автономной Сибири. В совокупности эти два типа источников позволяют в полной мере представить, какие вопросы социальной жизни попадали в поле зрения крупнейших правительств востока России.

Из огромного делопроизводства центральных и местных органов власти акцент был сделан на анализе документов нескольких ведомств, деятельность которых связана с проведением в жизнь основных направлений социальной политики: внутренних дел, труда, народного образования. Следует отметить достаточно полную сохранность в архивах документов центральных органов власти и фрагментарную – в отношении делопроизводства местных органов.

В настоящем исследовании особенно важно придерживаться принципа разносторонней наблюдаемости социальной действи-

---

³² Рынков В.М. Законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (вторая половина 1918 – 1922 г.): проблемы выявления и изучения // Документ в системе социальных коммуникаций: Материалы III всерос. науч. конф. Томск, 2008. С. 313–316.

³³ Шишкин В.И. Журналы заседаний Совета министров Временного Сибирского правительства как исторический источник // Западная Сибирь: проблемы истории, историографии и источниковедения: Материалы окр. науч. конф. Нижневартовск, 2005. С. 47–52.

тельности. На характер информации ощутимое влияние оказывала ведомственная принадлежность документов. Обратную связь населения и власти, реакцию различных слоёв общества на основные мероприятия государства можно наблюдать лишь по источниками неправительственного происхождения. Но существует также необходимость перепроверять сведения о действиях властей, организаций и учреждений по документам иного ведомственного, идейно-политического, социального происхождения. Изобилие противоречий и разночтений, встретившихся на исследовательском пути, только подтверждает правомерность перекрестного анализа источников. Источниковая база вполне позволяет это сделать.

Помимо делопроизводства государственных органов власти и управления автором изучены документы кооперативных органов, предпринимательских организаций, профсоюзов и партий. Широчайшие возможности для исследования представляет пресса, содержащая как документальные, так и повествовательные источники³⁴. Более 170 комплектов газет и журналов, использованных при подготовке данного исследования, дают достаточно объёмную картину социальной жизни и восприятия социальной политики разными слоями населения и разными частями государственного аппарата во всех исследуемых регионах.

Особое значение для правильного отображения предмета исследования имеют источники личного происхождения. В мемуарах описываются условия жизни, подробности быта времен Гражданской войны. Это позволяет более четко представить реальную иерархию социальных проблем, беспокоивших общество, и ознакомиться с отзывами непосредственных участников событий о важнейших мероприятиях власти по стабилизации социальной обстановки. Значительное количество источников мемуарного и эпистолярного характера было привлечено благодаря

---

³⁴ Рынков В.М. Периодическая печать: проблема дифференциации документальных и повествовательных источников // Документ в парадигме междисциплинарного подхода: Материалы второй всерос. науч.-практ. конф. Томск, 2006. С. 203–208; Он же. Периодическая печать востока России в годы Гражданской войны: численность, проблемы сохранения и изучения // Наука. Университет. 2007: Материалы восьмой науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 121–123.

многочисленным публикациям за рубежом и в России, особенно в последние годы. Не менее ценным хранилищем этого вида источников явилась пресса. Здесь же помещены и многочисленные публицистические произведения. Уникальные, малодоступные и почти невостребованные исследователями воспоминания, письма и статьи ценны передачей мироощущения людей революционной эпохи и как источник дополнительных сведений.

Структуру исследования определили цели и задачи, методология и состояние источниковой базы, а также реальные очертания социальной политики. Первая глава носит вводный, ознакомительный характер. В ней дан очерк событий Гражданской войны на востоке России, обозначены все правительства, возникшие в этот период, проанализировано их взаимодействие друг с другом. Здесь же описаны наиболее значимые силы, формировавшие общественное мнение и настроения: кооперация, предпринимательские, профсоюзные и партийные организации. Взаимодействие с ними определяло государственную социальную политику.

Вторая глава посвящена мероприятиям по урегулированию прав собственников. Чрезвычайные обстоятельства Гражданской войны, российская государственная традиция и её трансформация под влиянием революционных событий толкали власть одновременно на восстановление и на нарушение прав собственников. Это направление деятельности государства тесно связано с пониманием новой властью принципов социальной справедливости. В то же время анализу подвергнута не только и не столько нормативно-правовая база, сколько правоприменительная практика. После экспериментов большевиков с национализацией собственности и стихийно начавшимся переделом земли и имущества решение данной задачи должно было позиционировать власть на социальном поле России, обозначать социальную дистанцию между ней и каждой группой населения.

Третья глава анализирует размеры и принципы регулирования оплаты труда государственных служащих, военных и наёмных работников, что является важнейшей характеристикой социальной политики. В этой деятельности проявляются социальные приоритеты властей, представителей бизнеса и ожидания наёмных работников. В то же время, подобный анализ позволя-

ет выявить и ряд объективных процессов, протекавших в России в результате экономического кризиса и не зависевших от намерения власти.

Предметом четвертой главы стали, во-первых, пенсии и пособия наименее социально защищенным группам населения, во-вторых, деятельность государственных и муниципальных органов, направленная на поддержание системы социального страхования широких слоёв населения. В центре внимания оказалась проблема роста объёмов необходимых выплат в условиях сокращения материальных возможностей органов власти, что вписывается в контекст основных противоречий социальной политики между экономической эффективностью и социальной целесообразностью.

В пятой главе рассмотрено многообразие трудовых конфликтов с точки зрения современной конфликтологии, социального партнерства и корпоративной солидарности. В поле зрения попали мероприятия по поддержанию производственной дисциплины и отношения, складывавшиеся в этой связи между государством, представителями бизнеса и организациями трудящихся.

Шестая глава фокусируется на анализе деятельности по преодолению чрезвычайных социально-демографических ситуаций, связанных с Гражданской войной: помощь раненым, беженцам, борьба с эпидемиями, эвакуация гражданского населения. Особое внимание уделено сложному взаимодействию государства и общественных благотворительных организаций в решении этих задач.

В седьмой главе внимание сосредоточено на материальном положении, проблемах материального обеспечения культурной сферы. Вместе с этим показан размах и многообразие культурной жизни, проанализировано положение науки и образования. Реализация масштабных проектов развития культуры и образования в условиях экономического коллапса не только затруднительна с материальной стороны, но и порождает борьбу вокруг социальных приоритетов государства. Одновременно в такие эпохи обостряется вопрос о социальной цене реализации подобных проектов.

Итоги исследования актуальны в контексте анализа общемировых политических кризисов и гражданских войн. Но полученный результат является, прежде всего, частью историографии Гражданской войны в России и позволяет по-новому осмыслить её причины, закономерности, движущие силы и предопределенность исхода.

* * *

В этой книге удалось реализовать далеко не весь первоначальный замысел. Её рамки оказались слишком тесны. Значительные пласты выявленных источников остались за пределами текста. Исследовательское видение изучаемых проблем определялось не только научными методами и подходами, но и интуицией, выработанной в процессе формирования личного научно-го опыта, и неизбежно несет в себе долю субъективизма.

Данная монография является результатом многолетних изысканий автора, которые велись индивидуально и в рамках научного коллектива под руководством доктора исторических наук, профессора В.И. Шишкина. В разное время эта работа получала поддержку РГНФ: 1997–1998 гг. – исследовательский проект № 97-01-523 «Сибирская контрреволюция в годы Гражданской войны (1918–1922 гг.)»; 2001–2003 гг. – исследовательский проект № 01-00-377а «Гражданская война в Сибири. 1917–1920 гг.», а в 2003–2004 гг. – СО РАН: Постановление № 404 от 06.12.2002, проект № 109. Финальная часть исследования и подготовка монографии поддержана Американским советом научных сообществ (American Council of Learned Societies), профинансировавшим и само издание.

Я благодарен коллегам, которые помогали мне своими советами и консультациями: Михаилу Васильевичу Мельникову, Дмитрию Геннадьевичу Симонову, Владимиру Ивановичу Шишкину и Владимиру Александровичу Шулдякову. Сотрудники сектора аграрной истории Института истории СО РАН, возглавляе-

мого доктором исторических наук Владимиром Андреевичем Ильиных, много лет создавали комфортные условия для моей работы. Двоим из них моя особая благодарность. Альбина Павловна Мелентьева была внимательнейшим и вдумчивым редактором и проделала огромную работу для улучшения литературного облика монографии. Елена Петровна Лунегова также дала много полезных советов, готовя этот текст к изданию.

Низкий поклон моей супруге Светлане, внимательно и критично читавшей все связанные с этой монографией тексты, от первых набросков до конечных гранок. Это исследование могло появиться только в уютной семейной гавани.

ГЛАВА 1

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ

1.1. Политическое пространство Гражданской войны

Февраль 1917 г. разрушил единую властную вертикаль. Её возрождение в первые революционные месяцы было призрачным. Если в столице ситуацию принято характеризовать как двоевластие, то в целом по России существовало безусловное многовластие, на деле обозначавшее значительную автономию региональных органов в решении хозяйственных вопросов. Причина состояла не столько в квазидемократической идеологии революции, сколько в экономическом бессилии центра. Ярким тому подтверждением служила быстрая этнократизация политических процессов. Она в наибольшей степени охватила окраины бывшей империи и выразилась в автономистском движении большинства народов, проживавших в России, в частности, на востоке страны: татар, башкир, казахов, алтайцев и бурят. Октябрьские события в Петрограде обозначали повторный распад государственности. На этот раз многие политические конфликты вышли из латентной формы и вылились в открытое вооруженное противостояние.

С точки зрения идеологии социальной политики наблюдались амбивалентные процессы. С одной стороны, весь спектр сил, участвовавших в революции, от анархистов до умеренных либералов, исповедовал идеи социального государства. Это предполагало усиление социальных функций государственного аппарата и совпало с ростом патерналистских настроений населения, т.е. отражало чаяния масс. С другой стороны, руководи-

тели государства осознавали материальную неспособность нести тяжкое бремя социальной реабилитации. Тем не менее именно в составе Временного правительства впервые в истории российской государственности образовались Министерство труда и Министерство социального призрения. Большевики, оказавшись у кормила государственной власти, сохранили первое из этих ведомств, но ликвидировали второе. На протяжении 1917 – первой половины 1918 г. сменявшие друг друга правительства всё усиленнее декларировали заботу о социально незащищенных слоях населения, но все меньше выполняли свои социальные обязательства на практике.

Появившиеся на востоке России органы государственной власти провозгласили себя продолжателями и наследниками политики Временного правительства. Но в одну реку нельзя войти дважды. История стремительно убежала вперед. Им пришлось действовать совершенно в иной обстановке.

Начало Гражданской войны одни исследователи относят к лету–осени 1917 г., другие – к весне–лету 1918 г. Всё зависит от того, считать ли точкой отсчета начало вызревания организованной контрреволюции или окончательное превращение её в равноценную сторону Гражданской войны. Сторонники первой точки зрения применительно к востоку России отмечают вызревание очагов антибольшевистского сопротивления в казачьих районах. Особенностью азиатской части страны являлось наличие 8 казачьих войск. Революция поставила на повестку вопрос об уничтожении сословий, который был неоднозначно воспринят казачеством. Желая сохранить свои привилегии, главным образом, увеличенные по сравнению с крестьянскими земельные наделы, казаки стремились избавиться от тягот казачьей военной службы. Разногласия раскололи почти каждое войско на два враждующих лагеря задолго до начала вооруженной борьбы в остальных регионах России¹. На территории Забайкальского, Оренбургского,

---

¹ Хвостов Н.А. Борьба большевиков за трудовое казачество на востоке страны (1917–1920 гг.). Красноярск, 1991. С. 91–104; Футорянский Л.И. Казачество России в преддверии гражданской войны. Оренбург, 2000; История казачества Азиатской части России. Екатеринбург, 1995. Т. III: XX век. С. 14–72.

Семиреченского, Уральского и Уссурийского казачьих войск военные действия начались с конца 1917 – начала 1918 г.²

В любом случае мятеж чехословацкого корпуса против большевиков в мае–июне 1918 г. представляется важным рубежом – после него огромный регион, превышающий по площади любую из мировых держав, оказался оторван от центра и надолго включен в орбиту организованного противостояния советской власти.

Антибольшевистская государственность стала формироваться задолго до этого мятежа. Первым и наиболее явным её очагом на востоке страны была территория Оренбургского казачьего войска, где в ноябре–декабре 1917 г. функционировал региональный центр сопротивления большевикам. Концентрация власти на региональном уровне в руках войскового атамана А.И. Дутова началась ещё в октябре 1917 г. Накануне падения Временного правительства ему были переданы права верховного уполномоченного по продовольствию в Оренбургском казачьем войске и Тургайской области с правами министра, а позже Оренбургский войсковой круг распространил власть атамана на Тургайскую область. А.И. Дутов сохранил контроль над этой территорией и при антибольшевистских правительствах, формально пытавшихся восстановить Тургайскую область как самостоятельную административную единицу³. В январе 1918 г. атаман увел своих сторонников в Тургайские степи, перейдя к тактике партизанской борьбы против большевиков, а часть станиц, собранная вокруг Нижне-Озерного съезда/круга, с апреля по июнь 1918 г. осуществля-

---

² Балмасов С.С. Антибольшевицкое движение в Уральском казачьем войске: Краткий исторический очерк // Белая гвардия. М., 2005. № 8. С. 161–162; Ганин А.В. Антибольшевицкое движение в Оренбургском казачьем войске: Краткий исторический очерк // Там же. С. 180–184; Ивлев М.Н. Антибольшевицкое движение в Семиреченском казачьем войске: Краткий исторический очерк // Там же. С. 225–235; Шустов Ю. Геноцид Семиреченского казачества: Краткий исторический очерк // Там же. С. 236–240; Новиков П.А. Антибольшевицкое движение в Забайкальском казачьем войске: Краткий исторический очерк // Там же. С. 280–283; Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в гражданской войне на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Хабаровск, 2002. С. 62–120.

³ Плешкевич Е.А. Органы государственной власти и управления правительства «демократической контрреволюции» и диктатуры А.В. Колчака на Урале (1917–1919 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. С. 94–95.

ла функции регионального управления, альтернативного советскому⁴.

В Сибири события развивались по совершенно иному сценарию. Здесь не было готовой военной организации, но для противостояния советской власти имелась прочная почва в виде областнического движения, способного обосновать автономное от центра существование восточной окраины государства. Именно в рамках областничества в конце 1918 г. стали формироваться небольшие советские органы власти. Созванный по инициативе областников 13 декабря 1917 г. Сибирский областной съезд избрал Временный сибирский областной совет, который разработал порядок созыва Сибирской областной думы. В конце декабря в Томск стали съезжаться выдвинутые различными политическими организациями Сибири депутаты Сибирской областной думы. В условиях противостояния советской власти этот орган так и не собрался. Зато в ночь на 28 января 1918 г. часть прибывших в Томск депутатов сформировала Временное сибирское правительство⁵ (Временное правительство автономной Сибири) в составе 20 министров под председательством П.Я. Дербера. В ту же ночь часть министров была арестована томскими большевиками, другая часть выехала на Дальний Восток⁶. В пути членами правительства были созданы подпольные структуры (Западно-Сибирский комиссариат в Томске и, возможно, Восточно-Сибирский комиссариат в Иркутске), призванные подготовить антисоветский

---

⁴ Костокрызов П.И. «Дутовщина» без Дутова: антибольшевистская борьба оренбургских казаков в апреле–июне 1918 г. // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2001. № 9. С. 15–20.

⁵ Именно под таким названием было создано это правительство. Но на Дальнем Востоке его представители называли себя Временным правительством автономной Сибири даже в своем официальном издании. Именно такое наименование закрепилось за правительством П.Я. Дербера в историографии.

⁶ Вегман В. Областнические иллюзии, рассеянные контрреволюцией. К истории возникновения Сибоблдумы // Сибирские огни. Новосибирск, 1923. № 3. С. 89–116; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 70–74; Журавлев В.В. Органы государственной власти сибирской контрреволюции (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): от автономной Сибири к возрожденной России // Власть и общество в Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 5–7; Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 182–188.

переворот и передачу власти в руки правительства П.Я. Дербера. Ровно через месяц Временное правительство автономной Сибири оказалось в Харбине. Харбинское общественное самоуправление ещё 19 декабря 1918 г. заявило о своей независимости от России и признании полной административной самостоятельности управляющего КВЖД Д.Л. Хорвата⁷. Правительство П.Я. Дербера вступило в борьбу с созданным в феврале 1918 г. Д.Л. Хорватом «Дальневосточным комитетом спасения Родины и защиты Учредительного собрания»⁸.

Противостояние внутри российского общества достигло высокой степени уже весной 1918 г. Во-первых, борьба большевиков против национально-автономистского движения башкирского, казахского, алтайского и бурятского народов всё больше усиливала антибольшевистские настроения среди представителей этнических меньшинств востока России. Во-вторых, это проявилось в создании многочисленных подпольных антибольшевистских группировок, разбросанных по городам России. Их костяк составили офицеры и члены эсеровской партии. Сильные подпольные организации существовали в Самаре и городах Сибири. Они в значительной мере подготовили антибольшевистский переворот⁹. В Поволжье и на Урале рабочие, крестьяне и городские обыватели, резко настроенные против советской власти, были готовы активно поддержать антисоветское выступление¹⁰. В Сибири и на Дальнем Востоке, где советская власть утвердилась позже, эти настроения ещё находились в стадии вызревания.

---

⁷ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М., 1997. С. 23.

⁸ Он же. Российская эмиграция в Китае. С. 31; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 25–30. В историографии встречаются самые разнообразные варианты названия этого комитета: «...активной защиты Родины и Учредительного собрания», «...защиты родины и Учредительного собрания» и др.

⁹ Контрреволюция в Сибири. Доклад полковника Глухарева // Красная летопись. М., 1923. № 5. С. 356–370; Флуг В.Е. Отчет о поездке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 г. // Архив русской революции. М., 1991. Кн. 5. Т. 9. С. 249–267; Белоусов Г.М. Эсеровское вооруженное подполье в Сибири (1918 г.) // Сибирский исторический сборник. Иркутск, 1974. Вып. 2. С. 129–151; Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 105–137.

¹⁰ Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919: Документы и материалы. Париж, 1982.

В связи с этим можно признать справедливым, что чехословацкое выступление оказалось несколько преждевременным с точки зрения успеха антибольшевистского движения.

Тем не менее с 26 мая 1918 г. на огромной территории от Пензы до Владивостока начался мятеж чехословацких легионеров против советской власти. До начала открытых действий руководители чехословаков вступили в контакт с лидерами антибольшевистского подполья, которые подготовились к политическому руководству антибольшевистским движением, а кое-где возглавили свержение советской власти¹¹.

Сначала власть нескольких антибольшевистских государственных образований носила очаговый характер. В первый день после переворота в Западной Сибири из подполья вышел Западно-Сибирский комиссариат в составе членов Учредительного собрания Б.Д. Маркова, П.Я. Михайлова, М.Я. Линдберга. Они находились в Томске и Новониколаевске, а 12 июня переместились в Омск. Западно-Сибирский комиссариат просуществовал месяц и 30 июня передал власть Временному сибирскому правительству, сформированному из оставшихся в Сибири министров¹².

В Самаре, очищенной от большевиков 8 июня 1918 г., в тот же день вышел из подполья Самарский губернский комитет членов Учредительного собрания. Уже через несколько дней из регионального органа временной власти он преобразовался в общероссийский комитет членов Учредительного собрания (Комуч), который должен был «дозреть» до соответствующего масштаба путем включения в свой состав всех желающих членов разогнано-

---

¹¹ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России в 1914–1921 гг. М., 1965. С. 205–229; Шиловский М.В. Политические процессы... С. 194–195.

¹² Журавлев В.В. Рождение временного сибирского правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России. Новосибирск, 2002. С. 35–47; Лившиц С.Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата // Вопросы истории. Барнаул, 1969. С. 69–93; Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны – летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2. С. 24–30; Западно-Сибирский комиссариат Временного сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): Сб. материалов и документов. Новосибирск, 2005.

го большевиками в январе 1918 г. парламента. Действительно, его численность стала постепенно возрастать. Начиная с 5 членов в первые дни, она достигла 97-ми в сентябре 1918 г. Председателем этого правительства стал В.К. Вольский. 15 августа 1918 г. при Комуче был образован Совет управляющих ведомствами, ставший исполнительным органом этого псевдопредставительного учреждения¹³. Преимущественно эсеровский по своему составу¹⁴, Комуч воплотил собой леворадикальный небольшевицкий путь развития русской революции и этим оказался схож с Западно-Сибирским комиссариатом, но отличался от Временного сибирского правительства.

На протяжении нескольких месяцев самарский центр власти играл существенную роль в событиях Урало-Поволжского региона. В орбиту его влияния попало ещё несколько государственных образований. Одно из них было порождено Ижевско-Воткинским антисоветским мятежом. В этом районе против местных советов восстали рабочие. С 10 по 28 августа 1918 г. повстанцами руководил эсеровский совет, который вскоре признал самарское правительство единственным законным правительством в России и передал региональную власть Прикамскому комитету членов Учредительного собрания. Последний просуществовал до 14 октября 1918 г.¹⁵

Вторым органом, признавшим Комуч, стало Оренбургское войсковое казачье правительство. Известие о чехословацком мятеже вызвало восстание в оренбургских казачьих станицах. 28 июня 1918 г. войсковой круг признал власть самарского правительства. Вскоре атаман Первого округа К.Л. Каргин был назначен уполномоченным Комуча. А.И. Дутов и войсковое правительство вернулись в Оренбург 3 июля 1918 г., а 6 июля был образован Оренбургский Комитет членов Учредительного собра-

---

¹³ Майский И. Демократическая контрреволюция. М., 1923. С. 55–60. Историю государственного строительства Комуча большинство исследователей воспринимает по этим мемуарам.

¹⁴ Протасов Л.Г. Комитет членов Учредительного собрания: социопортрет в зеркале русской революции // Вестник Самарского госуниверситета. 2004. № 1 (31). С. 91–95.

¹⁵ Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 92.

ния в составе К.Л. Каргина, П.В. Богдановича и И.П. Нестерова. Уже 7 июля И.П. Нестеров назначил уполномоченным Комуча в Оренбуржье войскового атамана А.И. Дутова. Войсковые органы, несмотря на формальное признание Комуча, сохранили почти полную автономию¹⁶.

Поддержали Комуч ещё два экстерриториальных национальных правительства. Первым было сформированное ещё при большевиках Башкирское правительство, обосновавшееся сначала в Челябинске, потом в Оренбурге. В действительности это правительство в большей степени зависело от позиции А.И. Дутова и Временного сибирского правительства¹⁷. Вторым оказалось правительство Алаш-Орда. Ориентировавшееся в целом на Самару, оно лавировало между ней и Сибирью. Комуч пытался распространить свою власть на Урал, но это ему удалось лишь отчасти.

Уфимская губерния, за исключением Златоустовского уезда, попала под контроль поволжского правительства. Однако Временный комитет, созданный 5 июля 1918 г. Уфимской городской думой (сразу после занятия города белыми войсками), действовал как самостоятельная региональная власть. Его состав определяла городская дума и общественные организации г. Уфа, а председателем стал городской голова В.П. Гиневский. 24 июля Комуч упразднил Временный комитет, назначив В.П. Гиневского на пост губернского уполномоченного¹⁸.

В Сибири тем временем укреплялась власть Временного сибирского правительства. Председателем его Совета министров стал П.В. Вологодский. Совет министров состоял из 5-ти, позже – 6 министров. Всего же глав министерств (министров и управляющих) было гораздо больше. Политические противоречия внутри

---

¹⁶ Костогрызов П.И. «Дутовщина» без Дутова... С. 18–20; Плешкевич Е.А. Органы государственной власти... С. 114. Е.А. Плешкевич ошибочно утверждает, что А.И. Дутов вернулся в Оренбург именно 7 июля.

¹⁷ Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение (1917–1945 гг.). М., 2000. С. 156–183.

¹⁸ Казанчиев А.Д. Временный комитет Уфимской городской думы в июле 1918 г. // Крушение царизма и гражданская война на Урале: Исторические чтения. Челябинск, 1998. С. 38–42; Плешкевич Е.А. Органы государственной власти... С. 198–201.

правительства, частые отъезды его членов заставили укрепить власть созданием Административного совета. Это была официальная институционализация и наделение юридическими полномочиями совещания министров и их товарищей – органа, сложившегося и функционировавшего с первых дней существования Временного сибирского правительства¹⁹.

С середины лета омский центр антибольшевистской государственности стал доминировать на всём востоке России. Во-первых, расширилась территория влияния Временного сибирского правительства. 11 июля сибирские войска вошли в Иркутск. В конце июля оно уже контролировало всю Западную и Восточную Сибирь, а в августе распространило свою юрисдикцию на ряд уральских уездов – Челябинский, Верхнеуральский, Шадринский, Ирбитский. 30 августа 1918 г. чешские войска соединились в Забайкалье с войсками атамана Г.М. Семёнова. Формально Забайкалье признало верховенство Омска.

Во-вторых, это было единственное правительство, которому постепенно и не без трудностей удалось сформировать местные административные органы на уровне нескольких губерний и уездов. Сначала власть на местах олицетворяли коллегиальные органы – губернские и уездные комиссариаты. В августе их заменили единоличными комиссарами, которых наделили полномочиями, близкими к губернаторским. Все остальные государственные образования, включая Комуч, реально и подолгу контролировали ситуацию только в пределах одной губернии.

Временное сибирское правительство к концу лета 1918 г. не только имело в своём подчинении самую крупную территорию востока России и наиболее стабильную систему управления, но и претендовало на распространение своей юрисдикции на соседние регионы.

Между тем, политическая ситуация за это время существенно усложнилась как в Сибири, так и за её пределами. Временному сибирскому правительству удалось собрать Сибирскую област-

---

¹⁹ Журавлев В.В. Рождение Временного сибирского правительства... С. 43–47; Он же. Антибольшевистский переворот и создание государственной власти контрреволюции в Сибири (май–июнь 1918 г.) // Проблемы истории гражданской войны на востоке России. Новосибирск, 2003. С. 52–53.

ную думу. Но эсеро-социалистический состав думы, сочувствовавший политической линии, проводимой Комучем, выступил против правительственного курса. Противостояние Временного сибирского правительства со своим «псевдопарламентом» 18–21 сентября 1918 г. вылилось в открытое столкновение с вмешательством военных и убийством известного сибирского политического деятеля А.Е. Новосёлова²⁰.

Тем временем отношения Башкирского правительства и Алаш-Орды с Оренбургом и Сибирью ухудшались, тогда как Комуч признал их автономию²¹. Алтайское национальное движение, сформировав особый орган – Каракорум-Алтайскую окружную управу, хотя и поддержало Временное сибирское правительство, претендовало на автономное управление алтайцами на территории их проживания. В Забайкалье наряду с не подчинявшимся власти Омска атаманом Г.М. Семёновым усиливалось автономистское движение среди бурят, сплотившихся вокруг Народной думы бурят Восточной Сибири (Бурнацдумы)²². Придерживаясь идеи культурно-национальной автономии, национальные правительства и органы самоуправления создали в своих структурах подразделения, ответственные за социально-культурную работу, и пытались проявить самостоятельность в этой сфере. Но ресурсы для реального проведения собственной социальной политики у автономистов отсутствовали. Важно, что национальное движение уводило из-под контроля Временного сибирского правительства окраины Сибири и порождало напряженность в отношениях русского и коренного населения, проживавшего обычно чересполосно.

---

²⁰ Ларьков Н.С. Борьба за власть на территории «белой» Сибири: сентябрьский встречный бой 1918 г. // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 48–66; Шиловский М.В. Омские события последней декады сентября 1918 г. // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1993. С. 21–39.

²¹ Вестник Комуча (Самара). 1918. 25 сент.; Аманжолова Д.А. Казахское движение Алаш и Россия. М., 1995. С. 98; Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение... С. 183.

²² Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск, 1983. С. 154–155; Он же. От Каракорума к автономии. Новосибирск, 1996. С. 64–71; Жабаяева Л.Б. Элбек-Жоржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. Улан-Удэ, 2001. С. 122–135.

Между Поволжьем и Сибирью тем временем сформировался своеобразный буфер. 19 августа 1918 г. в Екатеринбурге возникло Временное областное правительство Урала, действовавшее до 10 ноября. Оно состояло из девяти главных управлений и совета, куда входили главные управляющие и их товарищи, а также управляющий делами (всего 20 членов). Председателем совета этого правительства стал П.В. Иванов.

В историографии традиционно отмечалось, что созданное на Урале правительство было наиболее кадетским по своему составу и политике среди прочих правительств востока России²³. Однако, как справедливо заметил Е.А. Плешкевич, наиболее тщательно проанализировавший административную практику и политические обстоятельства деятельности этого государственного образования, кадеты, занимая ключевые посты, были в меньшинстве среди членов правительства. Облик большинства центральных ведомств Урала определяли лица, принадлежавшие к социалистическим партиям²⁴.

Самостоятельность Временного областного правительства Урала была ограничена отсутствием средств и военной силы. Оно пыталось лавировать между Временным сибирским правительством и Комучем. Примечательно, что 13 августа 1918 г. Времен-

---

²³ Тяняев А. Колчаковщина на Урале (1918–1919). М.; Свердловск, 1930; Временное областное правительство Урала. Документы и материалы. Екатеринбург, 1993. (Позже эта документальная публикация была переиздана: Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Тверь, 1999. Далее ссылки даются по этому изданию); Запольская В.М. Контрреволюционная сущность социально-экономической политики белогвардейских властей на Урале (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Из истории уральских и сибирских партийных организаций. Свердловск, 1973. Вып. 7. С. 164–169; Коробкин А.А. К вопросу о возникновении Временного правительства Урала (Историография вопроса) // V Всероссийские Платоновские чтения: Материалы всерос. конф. Самара, 1999. С. 120–123; Плешкевич Е.А. Временное областное правительство Урала: дискуссии о причинах образования // Отечественная история. 2003. № 5. С. 30–34; Сичинский Е.П. Из истории областного правительства Урала (историография вопроса) // Экономика и социально-политическое развитие Урала в переходный период: история, историография. Свердловск, 1990. С. 18–28; Он же. Из истории Временного областного правительства Урала // История СССР. 1992. № 1. С. 164–171.

²⁴ Плешкевич Е.А. Органы государственной власти... С. 140.

ное сибирское правительство рассмотрело и утвердило состав Временного областного правительства Урала (в документе оно названо «Приуральское временное правительство») ²⁵. В период его существования железные дороги и армия на Урале находились под контролем Временного сибирского правительства, что было официально закреплено в специальном соглашении этих двух региональных государственных образований ²⁶. На Урале действовали уполномоченные министерств торговли и промышленности, труда, продовольствия и снабжения Временного сибирского правительства, во главе которых стоял товарищ министра торговли и промышленности С.С. Постников ²⁷.

Временное областное правительство Урала претендовало на территорию Пермской, части Вятской, Оренбургской и Уфимской губерний (От Новой Земли до Аральского моря) ²⁸. Реально же оно контролировало только прилегавшие к Екатеринбургскому, Красноуфимскому и Кунгурскому уездам, Кыштымскую и Каслинскую волости и Невьяновский район. Шадринский, Камышловский и Ирбитский уезды Пермской губернии, Челябинский и Верхнеуральский уезды Уфимской губернии были территориями спорными между Екатеринбургом и Омском. Соперничество быстро разрешилось в пользу сибирских властей. В октябре Временное областное правительство Урала контролировало только Екатеринбургский уезд ²⁹.

Некоторое время своеобразной «автономией поневоле» являлся Челябинский район. После выступления чехословаков и вспышки белоказачьего повстанчества в 3-м округе Оренбургского казачьего войска в Челябинске был созван уездный съезд. На него прибыли представители от казаков и неказачьего населения Курганского и Шадринского уездов. Этот съезд избрал Исполнительный комитет народной власти. Председателем Исполкома народной власти, а затем и окружным комиссаром стал меньшевик, известный экономист П.П. Маслов. В составе комитета

---

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 122.

²⁶ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 1. Д. 1. Л. 126–127об.

²⁷ Плешкевич Е.А. Органы государственной власти... С. 193.

²⁸ Уральский архив // Уральский областник. 1991. № 1. С. 81–84.

²⁹ Плешкевич Е.А. Органы государственной власти... С. 137.

находилось 8 отделов, которые возглавили назначенные П.П. Масловым комиссары (уполномоченные), в основном социал-демократы. Председатель имел право выпускать временные постановления. Дискуссионным является вопрос о статусе Исполкома народной власти. Е.А. Плешкевич определил его как орган местной власти в структуре Временного сибирского правительства, хотя, безусловно, некоторыми признаками автономности он обладал. 18 июля 1918 г. Временное сибирское правительство учредило Челябинский (Приуральский) округ в составе Златоустовского, Троицкого и Челябинского уездов. Позже в него вошли Шадринский и Верхнеуральский уезд, Кыштымский и Каслинский горные округа Екатеринбургского уезда. Окружной комиссар, им был назначен всё тот же П.П. Маслов, обладал правами губернского. В конце октября 1918 г. он подал в отставку. Вскоре после колчаковского переворота самостоятельную административную единицу в Приуралье ликвидировали. Но лишь с 1 июля 1919 г. Челябинский округ был упразднен официально, а его уезды возвращены в состав тех губерний, куда они входили ранее³⁰.

На Дальнем Востоке падение советской власти привело к возникновению политического вакуума. Огромные расстояния и отсутствие единого центра сильно осложняли обстановку. Некоторое время каждая территориально-административная единица представляла собой полную автономию. Это вытекало ещё из характера борьбы в регионе между советской властью и её противниками. На протяжении одного–двух месяцев областные и уездные советы в Забайкалье, Амурской области и Приамурье защищались от натиска контрреволюции и функционировали как самостоятельные республики. Свержение советской власти не изменило ситуацию – регион оставался политическим «лоскутным одеялом».

---

³⁰ ПВ. 1919. 5 июня; Назыров П.Ф. Приуральский край в условиях «Демократической контрреволюции» // И.И. Неплюев и Южноуральский край: Материалы науч. конф. Челябинск, 1993. С. 112–114; Он же. Челябинск в 1918–1919 гг. (Из истории города периода гражданской войны) // Челябинск неизвестный. Челябинск, 1996. Вып. 1. С. 90–103; Плешкевич Е.А. Органы государственной власти... С. 180–191; Сичинский Е.П. К истории Челябинского комитета народной власти // Оренбургскому краю 250 лет: Материалы юбилейн. науч. конф. Оренбург, 1994. С. 73–75; Челябинск: Энциклопедия. Челябинск, 2004. С. 67, 146.

Отдельные антибольшевистские государственные образования сами определяли свои полномочия и территориальные пределы, конкурируя друг с другом. С 18 сентября по 10 ноября 1918 г. в Благовещенске действовало Правительство Амурской области. Его главой, отвечавшим также за вопросы юстиции, охраны и безопасности, путей сообщения, внешних сношений и финансов, стал член Учредительного собрания от Амурской области, известный меньшевик А.Н. Алексеевский. Без малого два месяца область жила в условиях почти полной самостоятельности. Ситуация осложнялась тем, что Амурское войсковое казачье управление претендовало на автономию уже внутри области³¹.

В полосе отчуждения КВЖД и в Приморье ещё несколько месяцев продолжалась драма противостояния между Временным правительством автономной Сибири и Д.Л. Хорватом, который 9 июля 1918 г. сформировал «Деловой кабинет Временного правителя». Претензии обоих государственных образований на власть носили явно авантюрный характер. В то же время, с точки зрения революционной политической мифологии, генезис правительства П.Я. Дербера выглядел более или менее легитимно. При этом Д.Л. Хорват подкреплял свои амбиции материально. Не найдя поддержки в полосе отчуждения КВЖД, правительство П.Я. Дербера после выступления чехословаков во Владивостоке переместилось в этот город, где вступило в альянс с Приморским областным земством³².

---

³¹ Бутенин Н.А. Крушение эсеро-меньшевистской контрреволюции на Дальнем Востоке в 1918 г. // Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982. С. 103–120; Он же. К истории временного правительства Амурской области // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск, 1982. С. 193–200; Он же. К истории «демократической» контрреволюции на Дальнем Востоке в 1918 г. // Великий Октябрь и непролетарские партии. М., 1982. С. 57–64; Он же. К истории временного правительства Амурской области // VII Арсеньевские чтения: Тез. докл. регион. науч. конф. Усурийск, 1994. С. 195–196; Он же. Временное правительство Амурской области // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Усурийск, 2001. С. 162–169; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 80–90; Шиндялов Н.А. Правительство А.Н. Алексеевского в Амурской области // Россия и АТР. 2003. № 2. С. 5–14.

³² Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. С. 82–83; Иоффе Г.З. Кол-

В сентябре 1918 г. премьер-министр Временного сибирского правительства П.В. Вологодский выехал на Дальний Восток. По пути он провел переговоры с атаманом Г.М. Семёновым, А.Н. Алексеевским, Д.Л. Хорватом и П.Я. Дербером. Дальневосточные автономисты отказались от претензий на власть, уступив её Омску³³. Д.Л. Хорват при этом получил должность верховного уполномоченного Временного сибирского правительства на Дальнем Востоке.

Более важные события разыгрывались на западе, ближе к фронту Гражданской войны. Ещё в июле 1918 г. в Челябинске состоялось первое совещание, имевшее целью скоординировать действия между Самарой и Омском. 23–25 августа там же проходило более представительное Государственное совещание, на котором были предварительно согласованы позиции сторон по поводу предстоящего объединения востока России под эгидой одной политической власти, принимаемой всеми региональными и национальными государственными образованиями.

Вопрос был окончательно разрешён на так называемом Уфимском государственном совещании. В результате переговоров 170 представителей нескольких «всероссийских», региональных, национальных правительств, казачьих войск, партий и организаций, длившихся с 8 по 23 сентября 1918 г., удалось создать Временное всероссийское правительство – Директорию. Она должна была передать власть старому Учредительному собранию при наличии кворума, а при его отсутствии Директория после победы над большевиками должна была сложить свои полномочия перед Учредительным собранием нового созыва³⁴.

чаковская авантюра... С. 30–36; Лившиц С.Г. Крах «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 87–89; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. М., 2005. Кн. 1. С. 242–255; Назимок В.Н. К истории так называемого «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории Сибири. Томск, 1970. Вып. 5. С. 18–24; История Дальнего Востока России от эпохи первобытного общества до конца XX века. Владивосток, 2003. Т. 3: Дальний Восток России в период революции 1917 г. и гражданской войны. С. 252–256.

³³ Образование всероссийской власти (Из дневника П.В. Вологодского) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 135–140.

³⁴ Уфимское государственное совещание // Русский исторический архив. Пра-

Одним из актов Директории стало предписание 4 ноября 1918 г. о роспуске всех областных государственных образований³⁵. Это ускорило ликвидацию многих из них. Однако и сама военно-политическая обстановка свидетельствовала о неизбежном конце областной самостоятельности. 29 сентября 1918 г. Комуч объявил о самороспуске, а 7 октября 1918 г. Красная армия взяла Самару. В качестве административного органа сохранялся Совет управляющих ведомствами, эвакуированный в Уфу к 1 ноября 1918 г. Вскоре вслед за этими событиями последовала самоликвидация Прикамского Комуча и Временного областного правительства Урала. Район действия Оренбургского войскового казачьего правительства под влиянием наступления Красной армии сильно сузился.

Вновь созданная Директория планировала обосноваться в Екатеринбурге, но вскоре остановила свой выбор на Омске, куда прибыла 9 октября 1918 г. Здесь начались длительные и мучительные переговоры с Временным сибирским правительством о персональном составе Совета министров, которые завершились только 4 ноября. К этому времени налицо имелось одно существенное достижение – областные правительства либо уже прекратили своё существование, либо их ликвидация ожидалась со дня на день. Но само Временное всероссийское правительство стало площадкой для политической борьбы. Задачи административного и хозяйственного управления были отодвинуты на периферию. Все успехи сибирской власти могли оказаться под угрозой. Поэтому недовольство новым правительством зрело не только среди военных и политиков правой ориентации, но и среди практиков-управленцев. Директории оставалось жить ещё одну неделю³⁶.

га, 1929. Сб. 1. С. 57–280; Казанчиев А.Д. Уфимская Директория 1918 года. Уфа, 2003.

³⁵ Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 6 нояб.; СВ. 1918. 6 нояб.; ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 111–115, 132.

³⁶ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака... Т. 1. С. 341–422; Шиловский М.В. Временное Всероссийское правительство (Директория): 23 сентября – 18 ноября 1918 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX в.). Новосибирск, 2001. С. 68–98.

В начале ноября 1918 г. в Омске всё созрело для политического переворота. Он был осуществлен в ночь с 18 на 19 ноября 1918 г. Картина переворота восстановлена сегодня в деталях³⁷.

Утром следующего дня А.В. Колчак был провозглашен Верховным правителем России. При нем было создано Российское правительство. Его основу составили руководители сибирских ведомств. Пост премьера остался за П.В. Вологодским.

Естественно, все эти события вызвали ряд новых политических конфликтов в лагере контрреволюции. Колчаковский переворот привел к открытому выступлению некоторых правых социалистов против военной диктатуры. Формально самораспустившись, Комуч реально был преобразован в Съезд членов Учредительного собрания, обосновавшийся в Екатеринбурге. Цель этого органа состояла в привлечении максимального количества членов распущенного большевиками Учредительного собрания, собрав необходимый кворум, получить, наконец, власть в свои руки. В результате в конце ноября – начале декабря 1918 г. новому режиму пришлось расправиться с эсеровской оппозицией в Екатеринбурге, Челябинске и Уфе³⁸. Часть эсеров перешла на

---

³⁷ Государственный переворот адмирала А.В. Колчака в Омске 18 ноября 1918 года: Сб. документов / Сост. Зензинов В. Париж, 1919. С. 7–60; Гармиза В.В. Директория и Колчак // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 16–32; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и её разгром. М., 1982. С. 195–207; Лившиц С.Г. Колчаковский переворот // Вопросы истории. 1983. № 3. С. 79–90; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала А.В. Колчака... С. 423–478; Плотникова М.Е. Роль Временного сибирского правительства в подготовке колчаковского переворота // Труды Томского государственного университета. Томск, 1964. Т. 167. С. 51–54; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра... С. 122–146; Шишкин В.И. К истории колчаковского переворота // Известия СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. 1989. Вып. 1. С. 59–63; Он же. Как Колчак стал верховным правителем // Сибирские огни. 1993. № 5–6. С. 143–148; Он же. Вице-адмирал А.В. Колчак (19 сентября – 4 ноября 1918 г.) // Россия в глобализирующемся мире. Архангельск, 2006; С. 164–176; Он же. Военный и морской министр вице-адмирал А.В. Колчак // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 45–48; Штыка А.П. Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Томск, 1991. С. 27–34; Шудяков В.А. Гибель сибирского казачьего войска. М., 2004. Кн. 1. С. 226–263; и др.

³⁸ Святицкий Н.В. К истории Всероссийского Учредительного собрания: (Очерк событий на востоке России в сентябре–декабре 1918 г.). М., 1921. С. 127; Плотников И.Ф. Гибель Всероссийского учредительного собрания. Трагические со-

сторону советской власти, другая часть вскоре присоединилась к антиколчаковскому подполью в Сибири³⁹.

Установление колчаковского режима подтолкнуло к контактам с советской властью лидеров башкирского и казахского национального движения. Это привело в 1919 г. к его расколу на просоветское, проколчаковское и нейтральное направления и сохранению нестабильности на Южном Урале и в казахских степях⁴⁰. В рамках бурятского движения одна часть перешла в оппозицию белым, другая же, основная, пошла на более тесный союз с Г.М. Семёновым. Теократическое крыло бурятских национальных лидеров даже попыталось в феврале–апреле 1919 г. создать на ст. Даурия ламаистское правительство⁴¹.

Более дестабилизирующее воздействие на политический режим оказал конфликт А.В. Колчака с атаманом Г.М. Семёновым, отказавшимся сначала признавать законность власти Верховного правителя. Последующее подчинение было в значительной мере формальным⁴². Забайкалье так и не перешло под контроль Омска,

---

бытия на Урале и в Сибири. 1918 г.: Очерки истории Урала. Екатеринбург, 2002. Вып. 13. С. 15–86.

³⁹ Максаков В., Турунов А. Хроника гражданской войны в Сибири. 1917–1918 гг. М.; Л., 1926. С. 101; Добровольский А.В. Эсеры в Сибири во власти и в оппозиции. Новосибирск, 2002. С. 198–204.

⁴⁰ Аманжолова Д.А. Казахское движение... С. 125–145; Она же. Национальная политика правительства А.В. Колчака (1918–1919 гг.) // Вестник Челябинского университета. Сер. 1. История. № 1 (7). 1994. С. 20–32; Кульшарипов М.М. Башкирское национальное движение... С. 193; Наумова Н.И. Из истории взаимоотношений колчаковской власти и башкирского национального движения (1918–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. Краеведение. Этнология. Археология. 2003. № 276. С. 83–89.

⁴¹ Бабаков В.В. Бурнацком – Бурнацдума: первый опыт национально-государственного строительства в Бурятии: Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. С. 133–141; Жабаяева Л.Б. Элбек-Жоржи Ринчино... С. 133–136.

⁴² Катанаев Г.Е. На заре сибирского самосознания. Новосибирск, 2005. С. 165–343; Аблажей Н.Н., Симонов Д.Г. Атаман Семёнов в Белом движении (1917–1945) // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах: Материалы регион. науч. конф. Новосибирск, 2003. С. 60–63; Кручинин А.С. К истории конфликта между А.В. Колчаком и Г.М. Семёновым // История белой Сибири: Тез. 4-й науч. конф. Кемерово, 2001. С. 213–215; Лившиц С.Г. «Верховный правитель» Колчак и атаман Семёнов (к истории «семёновского инцидента») // Из

более того, вмешательство атамана в работу Транссибирской магистрали нарушало контакты Сибири и Дальнего Востока, дестабилизировало и ослабляло государственную власть и экономику всего востока России. Ощутимую проблему создавал сепаратизм других атаманов – есаула Б.В. Анненкова в Степном крае и Семиречье, сотника И.П. Калмыкова в Хабаровском районе и в Приморье и пр.

Но наличие казачьих войск и сепаратизм атаманов – не единственная особенность политического режима, распространявшего в лучшие времена своё влияние на пространство, превосходившее любое из государств мира. Колчаковский режим функционировал при наличии двух крупных автономных территориальных образований: Урала и Дальнего Востока. Пост главноуполномоченного на Дальнем Востоке был учрежден ещё 28 октября 1918 г. Временным сибирским правительством⁴³. Его долгое время сохранял за собою Д.Л. Хорват. По соглашению с П.В. Вологодским он должен был пользоваться достаточно большой степенью самостоятельности. Однако действовавший при нем совет был в значительной мере сформирован из представителей ведомств, командированных из Омска, поэтому лишь отчасти выражал интересы региона, а отчасти являлся проводником интересов центра в дальневосточной окраине.

Назначение на этот пост бывшего Енисейского губернского уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия генерала С.Н. Розанова не привело к централизации, как ожидал Верховный правитель. Напротив, С.Н. Розанов назначил местными уполномоченными атаманов Г.М. Семёнова и И.П. Калмыкова, чем легализовал атаманщину и окончательно уронил авторитет власти в глазах населения⁴⁴.

Ситуация на Урале в ходе осеннего раута борьбы за установление единой централизованной власти на востоке России стала близка к административной анархии. Особенно негативно это

истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. Новосибирск, 1985. С. 176–183.

⁴³ СУР ВСП. № 20. Ст. 176; ЗДБПС. Вып. 2. С. 324–329.

⁴⁴ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент в русской истории. 1918–1920. Пекин, 1921. Т. II. Ч. 3. С. 399–403.

отразилось на уральской промышленности, которая оказалась без хозяина. Поэтому 30 ноября 1918 г. Российским правительством были созданы Уральский край в составе Пермской губернии и Самаро-Уфимский край, куда вошли Самарская и Уфимская губернии, Челябинский и Троицкий уезды Оренбургской губернии. 10 декабря 1918 г. было принято положение о главных начальниках краев⁴⁵. Ими стали С.С. Постников (Уральский) и генерал-майор К.Е. Вишневецкий (Самаро-Уфимский). Для них устанавливались полномочия, близкие генерал-губернаторским. Это был временный, подчиненный непосредственно Верховному правительству институт. В составе краев оставались контролируемые начальниками губернские и уездные структуры. С.С. Постников, сохранивший за собой пост главноуправляющего Уральской промышленности, преобразовал уральские центральные областные структуры в местные краевые. Когда в начале весны 1919 г. недовольный бессилием гражданской власти С.С. Постников подал в отставку, замену ему искать не стали. 9 апреля оба края были упразднены⁴⁶.

Зато 12 февраля 1919 г. был образован Южно-Уральский край в составе Троицкого и Оренбургского уездов Оренбургской губернии и Тургайской области во главе с А.И. Дутовым. Но и эта административная единица просуществовала недолго. В конце мая 1919 г. А.И. Дутов уехал в Омск, где получил должность походного атамана всех казачьих войск и генерал-инспектора кавалерии, после чего край был упразднен⁴⁷.

Разную степень автономии сохраняли казачьи органы. Революция вынесла их в авангард движения за автономные права. Несмотря на раскол в каждом казачьем войске на сторонников «красных» и «белых», в целом преобладали антибольшевистские настроения, которые проявлялись в поддержке восстановления государственности. При этом казачество продолжало настаивать на расширении своих автономных прав. Самого существенного

---

⁴⁵ ПВ. 1918. 17 янв.; ЗДРП. Вып. 1. С. 126–127; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 45–46.

⁴⁶ ПВ. 1919. 6 мая.

⁴⁷ Там же. 17 янв.; 28 февр., 30 апр., 9 авг.; СУР РП. № 4. Ст. 36; ЗДРП. Вып. 1. С. 126–128; Плешкевич Е.А. Органы государственной власти... С. 215–216.

результата здесь достигло казачество Оренбуржья. Верховный правитель даровал права на автономию Оренбургскому казачьему войску, признав неприкосновенность территории и уклада, широкие prerogatives Оренбургского войскового казачьего правительства⁴⁸, которое и в 1918, и в первой половине 1919 г. функционировало как автономное областное правительство.

Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войска хоть и имели в своей структуре войсковые правительства, но функционировали в большей степени как органы управления территориально-войсковой единицей, по статусу близкие земствам, а не как автономное самостоятельное учреждение. Значительная самостоятельность дальневосточных казачьих войск определялась их удаленностью, лидерством атаманов и желанием сплотиться вокруг регионального объединения Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск⁴⁹. То же можно сказать о Енисейских и Иркутских казаках, которые создали самостоятельные войсковые структуры в ходе революции и только 10 июня 1919 г. были законодательно признаны отдельными войсками⁵⁰.

Контролировавшее основную часть азиатской страны Российское правительство едва ли справлялось с задачей установления контроля над формально подвластным ему огромным пространством. Но главные проблемы ожидали его на фронтах.

После успехов первой половины 1919 г. Белая армия стала терпеть одно сокрушительное военное поражение за другим. Начавшееся в июле 1919 г. отступление «белых» развивалось стремительно. 3 июля они оставили Пермь, 14 июля – Екатеринбург, в августе с Южного Урала вышли последние войска атамана А.И. Дутова. На линии р. Тобол Российская армия держала оборону весь август, сентябрь и половину октября. Летом 1919 г. в тылу возникли крупные очаги партизанского движения. На Алтае, в Енисейской и Иркутской губерниях колчаковские власти контро-

---

⁴⁸ ПВ. 1919. 28 февр., 5 июня; СУР РП. № 7. Ст. 101.

⁴⁹ Савченко С.Н. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) и поездка атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (июнь–август 1919 г.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Хабаровск, 1999. С. 40–74.

⁵⁰ ПВ. 1919. 9 авг.

лировали только города. Деревня же стала ареной вооруженного противоборства. Причём партизаны постоянно расширяли зону своих действий, ставя под угрозу движение по Транссибирской магистрали – этой «дороге жизни» антибольшевистского режима.

14 ноября 1919 г. красные войска заняли столицу Сибири. Через несколько дней Российское правительство, заранее эвакуированное из павшего Омска, возобновило свои заседания в Иркутске. Новым премьер-министром стал В.Н. Пепеляев, а министром внутренних дел – А.А. Червен-Водали. С переездом Российского правительства в Иркутск и сменой ключевых фигур в кабинете активно стали обсуждаться идеи либерально-демократических реформ. В частности, планировали созвать выборное Земское совещание или даже Земский собор. Но это уже не устраивало оппозицию, которая требовала всю политическую власть.

Осенью 1919 г. в результате переговоров представителей земских и городских органов, эсеровских, меньшевистских, крестьянских и профсоюзных организаций в Сибири возник Политический центр, готовивший свержение Верховного правителя. В конце декабря он организовал серию городских восстаний в Восточной Сибири, в том числе и в Иркутске. С 24 декабря 1919 г. по 5 января 1920 г. в городе существовало две параллельных власти. Победивший политический центр претендовал на создание в Восточной Сибири нейтрального буферного государственного образования, не советского, но и не принимающего участия в борьбе с большевиками. Его влияние было во многом номинальным. 27 января Политический центр передал государственную власть Иркутскому военно-революционному комитету⁵¹.

Центр вооруженной борьбы с большевиками в начале 1920 г. переместился в Забайкалье. 4 января 1920 г. А.В. Колчак успел

---

⁵¹ Берсенева И.В. Попытки формирования демократической государственности в Восточной Сибири (межпартийный блок «Политцентр»: ноябрь 1919 – январь 1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Добровольский А.В. Эсеры в Сибири... С. 250–261; Мальцева Т.В. Сибирское земство и колчаковщина // Вопросы социалистического строительства в Сибири. Томск, 1983. С. 125–138; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака... Кн. 2. С. 398–428; Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири... С. 369–389; Струк Е.Н. История формирования оппозиции правых эсеров режиму адмирала А.В. Колчака в Восточной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000.

передать верховную власть атаману Г.М. Семёнову, который на протяжении 1920 г. удерживал контроль над восточной частью Забайкалья, а на рубеже 1920–1921 гг. эвакуировал свои силы в Маньчжурию и Приморье. В Приморье антибольшевистские правительства просуществовали до октября 1922 г.

1.2. Социальная политика государства: бюрократическое измерение

Военно-политическая история Гражданской войны на востоке России изучена достаточно полно, и это позволяет представить канву основных событий. Но государственное строительство рассмотрено исследователями только в общих чертах, на уровне истории высших органов власти. Поэтому для понимания механизма выработки социальной политики необходим экскурс в структуру государственных институтов, ответственных за принятие социально значимых решений.

Лидеры Комуча, верные эсеровской политической программе, провозгласили решение социальных проблем одним из приоритетных направлений своей деятельности. В составе правительства образовали Ведомство труда, Ведомство внутренних дел, Ведомство народного просвещения, которые можно отнести к социальному блоку. 24 июля 1918 г. на Совете управляющих ведомствами рассматривался вопрос о создании ведомства социального обеспечения. Оно должно было объединить в себе функции бывших Министерств труда и Министерства внутренних дел, касавшиеся социальной политики (предполагалось создание двух отделов – труда и государственного призрения)⁵². Предложение было встречено с пониманием, но дальше обсуждения не продвинулось.

Вопреки политическим декларациям, проблемы социального обеспечения не оформились в отдельное направление внутренней политики Комуча. Об этом свидетельствует сама структура государственного аппарата в Поволжье. Хотя необходимо учесть то обстоятельство, что как только антибольшевистская бюрократиче-

---

⁵² ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–4.

ская машина в поволжском регионе начала зарождаться и структурироваться, этот процесс был прерван военным поражением.

В отличие от Комуца, уральские власти, наоборот, открыто провозгласили курс на эффективное государство, живущее по средствам. Но решением социальных проблем заниматься всё же пришлось. Поэтому в составе Временного областного правительства Урала имелись Главные управления труда, внутренних дел, образования.

Куда более разветвленным и структурированным оказался сибирский государственный аппарат. Примечательно, что созданная в недрах Западно-Сибирского комиссариата администрация послужила основой для Совета министров Временного сибирского правительства, затем – Директории и, наконец, на этой же основе сформировался Совет министров Российского правительства. Конечно, персональный состав этого аппарата был весьма подвижен, но более чем годовая преемственность и на кадровом, и на структурном уровнях принципиально выделяет омский центр власти среди других антибольшевистских правительств.

Совет министров Российского правительства был не единственным высшим органом государственной власти на востоке России в период правления А.В. Колчака. В конце ноября 1918 г. государственная власть попыталась скорректировать свой экономический курс в сторону расширения роли рыночных механизмов и экономических стимулов. Ставка на сильных, на личную инициативу, на негосударственные структуры получила свою реализацию в создании нового консультативно-совещательного органа – Чрезвычайного государственного экономического совещания. Первые три месяца своей работы совещание играло роль общественного эксперта деятельности правительства. За это время министры, их товарищи, руководители многих управлений и департаментов представили Чрезвычайному государственному экономическому совещанию отчетно-программные доклады. Летом 1919 г. состав совещания был расширен за счет выборных представителей от губернских земств, научных и образовательных организаций, более широкого представительства со стороны государственных ведомств. Вторая сессия Государственного экономического совещания, собравшаяся в расширенном составе,

начала работу 15 июня 1919 г.⁵³ Предварительное обсуждение на совещании законопроектов, затрагивавших не только экономические, но и социальные вопросы, стало обычной стадией законотворческого процесса. Но совершенствование работы Государственного экономического совещания происходило параллельно с потерей российским правительством реальной власти⁵⁴. Попытка преобразовать его в Государственное земское совещание за счет расширения выборного начала не была реализована. После эвакуации в Иркутск Государственное экономическое совещание возобновило работу только в середине декабря 1919 г., но оказалось втянуто в политическую борьбу и не восстановило в полной мере свои экспертные функции.

Возвращаясь к анализу центрального звена государственного аппарата, отметим, что социальный блок сибирской/российской власти формировался постепенно, но быстрее, чем в других правительственных центрах. Когда в структуре Западно-Сибирского комиссариата были созданы отделы, социальная работа ограничилась двумя ведомствами – труда и просвещения. В составе Временного сибирского, а потом Российского правительств было более десятка министерств и ещё больше главных управлений, межведомственных комиссий, многие из которых так или иначе оказались вовлечены в разработку и реализацию социальной политики.

Обладая одинаковым ведомственным статусом, министерства имели совершенно разное реальное значение. На первый план выступало персональное влияние на принятие политических решений. Министерство финансов явно доминировало среди министерств экономической специализации. Оно вместе с Государственным контролем играло решающую роль в определении сроков и размеров социальных расходов. С июля 1918 г. по август 1919 г. Министерство финансов возглавлял И.А. Михайлов. Затем его сменил на этом посту Л.В. фон Гойер, а в ноябре 1919 г.

---

⁵³ С этого времени из его названия убрали слово «чрезвычайное».

⁵⁴ ПВ. 1918. 27 нояб.; 1919. 16 мая; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак... Т. 2. С. 22–23, 216–231, 279–284; Кроль Л.А. За три года. Воспоминания члена Уральского правительства. Владивосток, 1922. С. 179–196; Дмитриев Н.И. Чрезвычайное государственное экономическое совещание: как это было // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 65–98.

П.Н. Бурьшкин. Ведомство государственного контроля появилось в структуре Комуча, где его главой стал Г.А. Краснов. С падением Комуча он занял аналогичный пост в Совете министров Временного всероссийского, а потом и Российского правительств, на котором бессменно оставался до начала 1920 г. Вопрос о выделении особого органа, координирующего все социальные трансферты, никогда не поднимался.

Гражданская война ставила перед государством сложнейшие социальные проблемы, решение которых требовало объединенных усилий нескольких ведомств, а иногда зависело от взаимодействия разных правительств. На протяжении нескольких месяцев существования антибольшевистской власти в Поволжье социальная работа ограничивалась помощью беженцам и подготовкой к эвакуации гражданских служб в период отступления Народной армии. Вся она оказалась в руках Ведомства внутренних дел, возглавляемого М.А. Веденяпиным, в котором отсутствовали специальные подразделения. Аналогичная ситуация сложилась и на Урале, где решением текущих социальных проблем занималось Главное управление внутренних дел, возглавлявшееся кадетом Н.В. Асейкиным.

В структуре Временного сибирского и Российского правительств функции социального обеспечения населения сосредоточивались в нескольких отделах Министерства внутренних дел. Никто из крупных политиков не «вел» специализированно это направление внутренней политики. Первоначально министерство возглавил известный областник В.М. Крутовский, мало принимавший участие в его работе. Но именно в этот период стала оформляться структура министерства, в которой помимо административных и правоохранных подразделений предусматривались и социально ориентированные. При Директории его сменил А.Н. Гаттенбергер, оставшийся управляющим до конца апреля 1919 г., когда этот пост занял В.Н. Пепеляев. Оба руководителя занимались, прежде всего, налаживанием работы административных и милицейских органов, регулированием отношений между военными и гражданскими властями.

Отдел призрения Министерства внутренних дел был создан в июле 1918 г. Реальная работа подразделения началась в сентябре

этого же года, когда его возглавил А.А. Корчагин – врач, известный своей общественной деятельностью в Самарской и Оренбургской губерниях⁵⁵. Можно указать на три основных направления работы этого ведомства: регулирование выплаты пенсий и социальных пособий, обеспечение работы приютов и помощь беженцам. На уровне губерний и областей, городов и уездов существовали местные отделы призрения, при которых были организованы попечительские советы. Они занимались определением круга получателей пособий, пенсий и социальных льгот, делая это, как правило, в тесном сотрудничестве с присутствиями по воинской повинности и воинскими начальниками, органами городского и земского самоуправления.

Наиболее существенной частью деятельности отдела призрения стала помощь беженцам. Эта масштабная задача была не под силу одному ведомству. Ещё при царском правительстве для организации медицинского обслуживания и питания беженцев были использованы структуры Переселенческого управления Министерства земледелия и колонизации. На востоке России государственная власть вновь привлекла к попечительству центральные и местные структуры этого ведомства.

Значительную часть социальной работы осуществляли земские и городские органы, которые предоставляли в распоряжение государства свои административные и материальные ресурсы, но относили все расходы по работе с беженцами на счет казны. В 1919 г. к работе с беженцами подключился Красный крест. Координировали эту деятельность уполномоченные Министерства внутренних дел по делам беженцев, подчинявшиеся Главному уполномоченному. Через них проходили финансовые и материальные ресурсы, распределявшиеся между беженцами напрямую и через посредничество других государственных или общественных организаций. Иные вопросы социальной работы решались через земский и городской отделы Министерства внутренних дел.

С конца 1918 г., когда из германского и австрийского плена стали возвращаться военнопленные, им была оказана социальная помощь наряду с беженцами. В данном случае этому суще-

---

⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 140. Л. 122–124.

ственно содействовало не только Переселенческое управление, но и Военное министерство, и Министерство иностранных дел. Именно в рамках последнего 11 марта 1919 г. была создана комиссия по делам пленных, которую возглавил товарищ министра В.Г. Жуковский⁵⁶.

Медицинское обслуживание гражданского населения осуществляли органы земского и городского самоуправления, поддержка работы которых в этом направлении была возложена на отдел народного здоровья Министерства внутренних дел, возглавлявшийся К.М. Гречищевым⁵⁷. В ведение отдела входило содействие обеспечению медицинскими препаратами, развитию фармацевтической промышленности, наблюдение за санитарным состоянием городов, развитие курортного дела. Наконец, отдел народного здоровья должен был оказывать материальную помощь органам, борющимся с распространением эпидемических заболеваний. Медицинскую работу для армии координировало Главное военно-санитарное управление Военного министерства. Его работа настолько тесно переплеталась с деятельностью Красного креста и муниципальных медицинских служб, что их практически невозможно было отделить друг от друга.

С лета 1919 г. социальная работа государства в значительной мере свелась к мероприятиям санитарно-медицинского характера. 22 июля 1919 г. при Министерстве внутренних дел взамен отделов призрения и народного здоровья было учреждено Врачебно-санитарное управление, а в августе создан Строительно-распорядительный комитет, объединявший под контролем министерства усилия разных ведомств по строительству и оборудованию помещений для размещения больных и раненых, беженцев и эвакуированных. Работа Министерства внутренних дел по санитарному обслуживанию населения протекала в тесном контакте с Военно-санитарным управлением Военного министерства, тем более, что многие лечебные учреждения строились или перепрофилировались в расчёте на обслуживание военных.

---

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 143. Л. 10.

⁵⁷ Там же. Д. 140. Л. 65–67.

Рабочий вопрос, являясь частью социальной политики, занимает в ней особое положение и тесно связан с государственным регулированием промышленности и транспорта. Контроль за индустриальными объектами – это, прежде всего, нормальные отношения с коллективами, осуществлявшими их эксплуатацию. С этой точки зрения трудно переоценить роль и самостоятельное значение политики в области рабочего вопроса. К тому же известна роль рабочих в радикализации революционного процесса в стране. Это была социальная группа, занимавшая в большинстве конфликтов самую бескомпромиссную позицию, легко мобилизуемая и часто сама игравшая роль ударного механизма в политической борьбе⁵⁸. Ключевые проблемы, с которыми пришлось столкнуться ведомствам труда, заключались в урегулировании правового положения рабочих организаций, режима рабочего времени, заработной платы, социальное страхование.

Среди многочисленных антибольшевистских государственных образований востока России самостоятельную политику в рабочем вопросе проводили только четыре центра: Комуч, ПриКомуч, Временное областное правительство Урала и находившиеся в Омске Западно-Сибирский комиссариат, Временное сибирское и Российское правительства. Естественно, географический масштаб деятельности и глубина проработки мероприятий этих правительств различны. Опыт каждого уникален, по меньшей мере, исходя из трех оснований. Во-первых, каждое из них пыталось выработать собственную модель политики в отношении рабочих, во-вторых, занимало совершенно особый регион со специфическими индустриальными традициями, социальным строем. Конечно, сибирский центр сопоставим в этом случае с остальными только в период лета–осени 1918 г. В-третьих, в решении рабочего вопроса больше, чем в других сферах внутренней политики, проявились партийно-политические пристрастия. И это несмотря на то, что основные очертания мероприятий в социально-трудовой сфере повсеместно определяли меньшевики или мень-

---

⁵⁸ Булдаков В.П. Красная смута. М., 1997. С. 81–102; Ларьков Н.С. Сибирский Октябрь и маргиналы // Из истории революции в России (первая четверть XX в.): Материалы всерос. симпозиума, посв. памяти проф. И.М. Разгона. Томск, 1996. Вып. 1. С. 171–172.

шевистски ориентированные лидеры. Их деятельность часто шла вразрез с общим курсом своих правительств.

В составе Комуча ведомство труда возглавил меньшевик И.М. Майский, будущий известный советский дипломат. В качестве местного аппарата были использованы советские губернские и уездные комиссариаты труда, в которых проводилась усиленная кадровая «перетряска». Руководителем Главного управления труда Временного областного правительства Урала стал меньшевик П.В. Мурашев, по его собственному признанию, мало знакомый с вопросами труда и промышленности⁵⁹. Он в большей степени был фигурой «политической». Главным же действующим лицом в управлении стал инженер Н.М. Обухов⁶⁰, занимавший пост уполномоченного труда на Урале даже при Колчаке. Позже он возглавил отдел социального страхования Министерства труда. Отдел труда в составе Западно-Сибирского комиссариата, преобразованный в июле 1918 г. в министерство, возглавил бывший меньшевик Л.И. Шумиловский, сохранявший свой пост до падения колчаковского режима в начале 1920 г.⁶¹ Структура этого одного из самых немногочисленных омских министерств включала отдел охраны труда, рынка труда и взаимоотношений труда и капитала, отдел социального страхования и департамент статистики. На местах были сформированы губернские и уездные комиссариаты труда, в 1919 г. переименованные в инспекции.

---

⁵⁹ Мурашев П. Контрреволюция на Урале. 1918–1919 гг. // Уральский областник. 1994. № 4. С. 31.

⁶⁰ Якимов К.В. Страницы из жизни Н.М. Обухова, областного инспектора труда Урала при Всероссийском правительстве адмирала А.В. Колчака // Проблема человека в историческом процессе. Екатеринбург, 2000. С. 108–111.

⁶¹ Биография этого яркого деятеля антибольшевистского движения получила широкое освещение в современной историографии: Русаков К. Барнаулец – министр правительства Колчака (Л.И. Шумиловский) // Контраст (Барнаул). 2001. 31 янв. – 6 февр.; Гришаев В.Ф. 120 лет со дня рождения педагога и журналиста Л.И. Шумиловского (1876–1920) // Страницы истории Алтая 1996 г.: Календарь памятных дат. Барнаул, 1995. С. 9–11; Он же. Леонид Шумиловский // Вечерний Барнаул (Барнаул), 1994. 27 авг.; Дмитриев Н.И. Л.И. Шумиловский – одна из первых жертв советского репрессивного аппарата // Тоталитаризм и личность: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 1994. С. 152–154; Макарчук С.В. К политической биографии Л.И. Шумиловского // История «белой» Сибири: Сб. тезисов. Кемерово, 1995. С. 135–138.

Значительные усилия государство тратило на образование, важнейшая функция которого – социализация – трансформируется, но не уходит на второй план в кризисной ситуации. Эта сфера весьма капиталоемкая, требующая огромных финансовых вложений со стороны государства. Кроме того, образовательная политика всегда дифференцированно ориентирована на разные социальные группы. Социальная политика в отношении лиц, обеспечивающих образовательный процесс и научное развитие (учителя, профессорско-преподавательский состав вузов), – очень тонкая сфера, находящаяся на границе между социально-трудовыми отношениями и культурной политикой.

В период революции резко возросла роль земских и городских органов самоуправления в осуществлении школьного дела, влиянии на общую политику в сфере образования и просвещения. Этому способствовала передача 20 июня 1917 г. Временным правительством всего начального школьного образования на местах в ведение земских и городских органов самоуправления. Каждая земская и городская управа имела в своей структуре отдел образования, ведавший начальными и частью средних учебных заведений своего региона. И всё же определяющую роль сохраняло государство, обладавшее материальными ресурсами для решения образовательных задач общества.

Образовательное ведомство присутствовало в аппаратах большинства общероссийских и региональных антибольшевистских правительств на востоке России, в том числе национальных. Как правило, отсутствие материальных и кадровых ресурсов не позволяло им развернуть свою деятельность. Даже поволжское ведомство народного просвещения, возглавляемое Е.Е. Лазаревым, просуществовав более четырех месяцев, почти не успело вникнуть в дела и начать руководить образовательным процессом. Что можно говорить о Главном управлении народного просвещения Временного областного правительства Урала, которое долгое время оставалось без руководителя? Менее чем за три недели до расформирования правительства, в середине октября 1918 г., его возглавил В.М. Анастасьев. Основные заботы об образовании в Поволжье и на Урале взяли на себя земские и городские органы.

Сибирское министерство народного просвещения, которому суждено было стать общероссийским и сыграть ключевую роль в выработке культурной политики региона, имело некоторые особенности своего функционирования. В 1918 г. оно располагалось в Томске и только решением Совета министров Российского правительства от 31 декабря 1918 г. было переведено в Омск. Активно руководивший им В.В. Сапожников остался в Томске. С января по май 1919 г. делами министерства управлял П.И. Преображенский, ставший в последующем министром. Очень разветвленная структура министерства включала в себя департаменты общих дел, народного просвещения и профессионального образования. Второй департамент имел в своем составе отделы, отвечавшие за работу начального, среднего, профессионального, высшего, педагогического и внешкольного образования. Осенью 1918 – в первые месяцы 1919 г. Министерство народного просвещения восстановило значительную часть функций контроля и управления местными учреждениями образования и просвещения.

Такова была конфигурация высших и центральных органов власти антибольшевистских правительств востока России, осуществлявших социальную политику. Остается добавить, что она не претерпела принципиальных изменений даже после колчаковского переворота, что лишний раз подтверждает единство внутриполитического курса Временного сибирского и Российского правительств.

Разработка и проведение продуманной социальной политики государства возможна при наличии соответствующих государственных учреждений. Структура органов социальной направленности должна отражать иерархию социальных проблем, которые пытается решить государство. Можно сделать и обратное заключение – отсутствие соответствующих государственных учреждений, скорее всего, обозначает неспособность государственной власти вести систематическую деятельность. Для большинства государственных образований на востоке России в антибольшевистский период краткость отведенного для них срока и слабость административных ресурсов не позволяли развернуть определенный курс социальной политики. Они имели возможность реализовывать только эпизодические мероприятия. Исключение

составляет аппарат Временного сибирского и Российского правительств. Однако успех государственной политики зависел не только от наличия государственных структур, но и от состояния общества, характера его взаимодействия с государственным организмом.

1.3. Расстановка сил на поле лоббирования социальных интересов

Революция взорвала общественную жизнь Российской империи, политизировала деятельность ранее существовавших общественных организаций, вызвала к жизни огромное количество новых, нацеленных на активное участие в политике. Это кипение общественной жизни продолжилось и в антибольшевистском лагере. Одни организации успешно лоббировали социальные и экономические интересы отдельных групп населения, оказывали воздействие на формирование социальной политики, другие обладали меньшим влиянием на государственную власть, зато формировали общественные настроения. Естественно, масштабы задуманного исследования не позволяют проанализировать положение и деятельность всех национальных, культурных, религиозных и социально-классовых организаций, чья работа протекала в лагере контрреволюции во второй половине 1918 – 1919 г. В поле зрения попали только те из них, чей вклад в формирование социальной политики антибольшевистских правительств оказался достаточно весомым.

В первую очередь следует остановиться на органах местного самоуправления. Природа российского варианта муниципалитетов является предметом длительной дискуссии. Со времен либеральных реформ 1860–1870-х гг. обществоведы делились на сторонников общественной природы этих учреждений и тех, кто считал их нижним этажом государственного аппарата. Не вдаваясь в существо дискуссии, отметим, что в период революции и в законодательстве, и в общественном мнении доминировало отношение к городским и земским органам как самостоятельным и независимым от государства представительным учреждениям,

которые, избавившись от излишней бюрократической опеки и реорганизовавшись на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права, стали подлинными представителями интересов населения. Но введение пропорциональной избирательной системы привело к излишней политизации работы муниципальных органов, быстро терявших свой авторитет.

Городские органы самоуправления на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке функционировали с конца XVIII в. на тех же основаниях, что и на европейской территории России. Иное дело – земства, учрежденные с 1864 г. в европейской части России. В Поволжье, Оренбуржье и на Урале ко времени революции они насчитывали историю длиной в несколько десятилетий. Длительная борьба за введение земств в Сибири и на Дальнем Востоке увенчалась успехом только летом 1917 г. Их появление совпало с кардинальной всероссийской перестройкой муниципальных органов на основе всеобщих выборов. Едва сформировавшись и приступив к работе, новые земские и городские учреждения подверглись гонениям со стороны советской власти. В первой половине 1918 г. они были ликвидированы, их хозяйственные структуры переданы местным советам.

После антибольшевистского переворота восстановление распущенных советской властью органов местного самоуправления воспринималось в качестве одной из первоочередных задач. Военные, заняв новый район, как правило, собирали городские и земские управы ранее, чем удавалось организовать местную государственную администрацию. Земства и городские органы оказались широко вовлечены в решение социальных задач и видели своё назначение в том, чтобы представлять правительству экономические, социальные и культурные нужды населения. Кому и Западно-Сибирский комиссариат, да и Временное сибирское правительство на первых порах полагали, что местная государственная администрация нужна только на переходное время, а в дальнейшем вся местная власть сосредоточится в органах самоуправления. Казалось, что для муниципальных органов должен наступить «золотой век». Но чрезмерно левый состав гласных городских и земских дум дал власти и отчасти населению повод усомниться в их деловых качествах. Очень быстро Временное си-

бирское правительство постаралось поставить муниципальные органы под жесткий государственный контроль.

На Дальнем Востоке ситуация кардинально отличалась от сибирской. Там и при советской власти земские и городские органы не переставали играть роль альтернативного полюса власти. С падением советов они стали основным властным центром не только во Владивостоке, где сформировали одно из правительств – Временное правительство автономной Сибири, но и в других городах.

14–21 августа 1918 г. в Самаре собрался Чрезвычайный съезд земств и городов Поволжья, Урала и Сибири, который высказал притязания на выполнение многих функций государства⁶². Им была сформирована Временная объединенная организация земств и городов освобожденной России и его рабочий орган – Чрезвычайный главный комитет во главе с известным московским предпринимателем и земским деятелем С.М. Третьяковым, будущим министром торговли и промышленности Российского правительства⁶³. После эвакуации антибольшевистских сил из Поволжья правое крыло этого движения сконцентрировалось вокруг объединения несоциалистических деятелей земств и городов России. Они требовали от Российского правительства признать их организацией, представляющей интересы земств и городов на востоке России и ведущей от их имени работу на фронте и в тылу. Это направление земской работы было институционализировано утверждением 11 августа 1919 г. уставов Земского и городского союзов Российским правительством⁶⁴.

Признанная правительством организация оказалась оторвана от большинства городских и земских органов. В местных самоуправлениях доминировал менее лояльный к власти настрой. Состоявшийся в Томске в сентябре 1918 г. Всесибирский съезд органов местного самоуправления начал борьбу за признание новой

---

⁶² Вестник Комуча (Самара). 1918. 18 авг.; Наш День (Самара). 1918. 15 авг.; Волжский день (Самара). 1918. 22 авг.; Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995. С. 166, 170–171, 192–193.

⁶³ Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004. С. 165.

⁶⁴ ПВ. 1919. 9 сент.

общественной организации – Всесибирского союза земств и городов (Сибземгора). Министерство внутренних дел воспротивилось этому, хотя организация активно работала, не будучи признанной⁶⁵. Влияя на формирование общественных настроений, она не могла, однако, официально лоббировать свои интересы. Тем не менее на местном уровне городские и земские органы оказывали существенное воздействие на формирование социальной политики. Кроме того, у них была возможность по отдельности апеллировать к правительству. Власть решала многие социальные проблемы при непосредственном участии органов местного самоуправления, часто за счет их бюджетов. Члены управ тесно и по-деловому сотрудничали с местными и центральными органами власти и управления, тогда как в среде городских и земских гласных нарастало оппозиционное отношение к политическому режиму.

Важно отметить, что, отказавшись интегрировать земско-городские структуры в систему высшей власти, правительство приобрело себе в их лице мощную оппозицию⁶⁶. Особенно сильное выражение получили антиправительственные настроения на Дальнем Востоке, где после регионального съезда органов самоуправления сформировалась самостоятельная структура – Дальневосточный краевой союз земств и городов (Далькрайземгор), претендовавший на почти полную подмену административных органов муниципальными. Именно он в ноябре 1919 г. стал инициатором антиколчаковского восстания во Владивостоке⁶⁷.

Активно участвуя в формировании политической оппозиции, земские и городские самоуправления имели сеть влиятельных газет и журналов⁶⁸. Во многих уездных центрах единственным

---

⁶⁵ См.: Известия Всесибирского союза земств и городов («Сибземгора») (Томск). 1919. № 1–6.

⁶⁶ Мальцева Т.В. Сибирское земство и колчаковщина // Вопросы социалистического строительства в Сибири. Томск, 1983. С. 125–138.

⁶⁷ Солодовников Б. Сибирские авантюры и генерал Гайда: из записок русского революционера. Прага, б.г.; Гайдовское восстание во Владивостоке 1917 – 20 ноября 1919 г. // Дальистпарт: Сб. материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Владивосток, 1923. Кн. 2. С. 141–148; Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака... Т. 2. С. 316–344; История Дальнего Востока России... Т. 3. С. 329–339.

⁶⁸ Шереметьева Д.Л. Газеты органов земского самоуправления Сибири в период

печатным изданием являлись газеты городской или уездной земской управы. Они отличались многотиражностью, были рассчитаны на широкие массы населения и в том числе нередко доходили до деревни, где являлись подчас единственным источником информации.

Возвращаясь к вопросу о природе муниципальных органов в России, отметим, что и в антибольшевистском лагере она оставалась двойственной. Исполняя ряд государственных функций, земские и городские органы одновременно сохранили особый, отдельный от государства бюджет, выборный способ формирования. По самосознанию работников муниципальные службы все больше становились некоей структурой, противостоявшей государству от имени общества. В антибольшевистский период обозначились два противоречия в положении городских и земских органов. Во-первых, в условиях падения популярности в массах их лидеры продолжали выступать от имени всего населения. Во-вторых, претендуя на независимость от государства, муниципальные органы переживали резкое сокращение своих хозяйственных возможностей, все больше попадали в материальную зависимость от государства.

Наряду с органами местного самоуправления активно влияли на политический процесс иные хозяйственные организации и их объединения. Наиболее массовой общественно-хозяйственной организацией в России революционной эпохи являлась кооперация. Сибирь была, безусловно, регионом наиболее развитого союзного кооперативного строительства. Здесь сложились три крупнейших союза кооперативных союзов, объединивших региональные кооперативные союзы. Первым по времени возникновения (1912 г.) являлся Сибирский союз маслodelьных артелей, имевший 20 районных контор. С 1914–1916 гг. он выступал единственным скупщиком масла для государства в условиях существования государственной монополии. В конце 1917 – начале 1918 г. Союз вступил в борьбу за повышение закупочных цен на масло и показал, что имеет довольно эффективные рычаги моби-

---

«демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г. // 150 лет периодической печати в Сибири: Материалы регион. науч. конф. Томск, 2007. С. 85–88.

лизации общественного мнения сибиряков. Союз говорил от имени нескольких миллионов сибирских крестьян.

В сентябре 1917 г. 20 кредитных союзов Сибири сформировали Союз сибирских кредитных союзов (Синкредитсоюз). Это позволило единой организацией выступать от лица огромной сети кредитных и ссудо-сберегательных товариществ Сибири. Влияние союза обуславливалось ещё и его ролью крупного посредника в государственных заготовках продовольствия.

Особенно мощной на востоке России являлась сеть потребительских кооперативов. По данным В. Махова, потребительская кооперация охватывала 65,2% крестьянских хозяйств Сибири и 50,6% всего сибирского населения⁶⁹. В августе 1916 г. возник общесибирский Союз союзов потребительской кооперации – Закупсбыт, в который в 1918–1919 гг. вступили почти все союзы кооперативов Урала, Сибири и Дальнего Востока. Закупсбыт отказался стать членом общероссийской организации потребительской кооперации Центросоюз и даже вступил в противостояние с этой могущественной структурой. Поэтому в антибольшевистский период действовало Сибирское бюро Центросоюза: летом 1918 г. – в Уфе, с осени 1918 г. – в Омске и, наконец, после ноября 1919 г. – во Владивостоке. Жесткое противостояние Центросоюза и Закупсбыта привело к тому, что в 1918–1919 гг. большинство сибирских кооперативных союзов прекратили своё членство в Центросоюзе. Последний сосредоточился на закупочных или посреднических операциях и не имел тесной связи с сибирским населением. Зато роль Закупсбыта возросла благодаря высвободившейся нише. Он объединил союзы не только Сибири, но и Дальнего Востока.

Кооперация востока России провела три общесибирских съезда и создала свою представительскую организацию – Всесибирский совет кооперативных съездов (Всекосовет)⁷⁰, просуществовавший с сентября 1918 по январь 1920 г. Возглавил его А.В. Са-

---

⁶⁹ Махов В. Потребительская кооперация Сибири в процессе её развития (1898–1920). Новониколаевск, 1923. С. 148.

⁷⁰ Рынков В.М. Всесибирский совет кооперативных съездов (конец 1918 – 1919 г.) // Отечественная кооперация: исторический опыт и современность: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Иваново, 2004. С. 194–197.

зонов. Эта организация активно лоббировала интересы кооперации в правительственных структурах, влияла на общественное мнение. Но Всекосовет, хотя и выступал от имени всего кооперированного населения, отнюдь не представлял его в действительности. Параллельно действовали Уральский и Восточно-Сибирский советы кооперативных съездов, являвшиеся центрами притяжения своих кооперативных организаций.

В историографии давно идет дискуссия о природе кооперации. Одни исследователи склонялись к определению её как разновидности мелкобуржуазной организации, ориентированной на обслуживание социально-экономических нужд зажиточного населения⁷¹. Другие вслед за видными деятелями российской кооперации начала XX века писали об особом некапиталистическом и надклассовом характере этого явления. Дискуссию в подобном формате нельзя считать плодотворной. Мало выяснить, каков имущественный статус рядового участника кооперативных объединений или какова идеология их лидеров. Важнее помнить, в каком качестве кооперация выступала на рынке. За годы Первой мировой войны и революции она претерпела серьёзные метаморфозы. При резком увеличении количества участников кооперативов её материальная база существенно сократилась. Многообразие кооперативной деятельности постепенно примитивизировалось и почти свелось к работе простой потребительской лавки, включенной через систему местных и региональных союзов в огромную закупочно-распределительную сеть. Следовательно, кооперация в годы революции представляла интересы, прежде всего, потребителя, т.е. консолидированного покупателя на рынке, пораженном дефицитом. Поэтому она тяготела к распределительным схемам экономического взаимодействия и созданию системы социально-экономической защищенности своих клиентов любой ценой. В то же время кооперативная верхушка отрывалась от рядовых участников движения. У неё появлялись собственные социально-экономические интересы. Они могли противоречить интересам кооперативной массы, более того, становилась воз-

---

⁷¹ Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976. С. 91.

можно «эксплуатация» кооперативным аппаратом сил, средств и представительского ресурса кооперации, т.е. возможности говорить от имени основной массы населения. Кооперативные союзы противостояли частнопредпринимательским организациям в большей степени как экономические конкуренты. Но при этом они использовали социальную риторику, постоянно заявляли, что стоят вне экономической борьбы⁷².

Один из эффективных путей влияния кооперации на массовое сознание заключался в обладании солидной сетью периодических изданий. Кооперативные союзы на востоке России владели очень сильной полиграфической базой, издавали 48 наименований журналов и газет, охватывавших основные центры⁷³. Среди них – крупнейшая политическая газета «Заря», которая питала информацией многие издания востока России.

По большинству общественных и хозяйственных вопросов кооперация выступала единым фронтом с земскими и городскими органами самоуправления. Они стремились узурпировать право называть себя демократическим лагерем и обращались к власти от имени всего народа, противопоставляя себя «цензовым элементам» и «контрреволюции». Это было преувеличением, но в хоре общественности голос кооперации звучал достаточно веско, что делало её весомым участником медиапроцесса, формировавшего ценности, устремления и представления части населения о современной ситуации.

После антибольшевистского переворота быстро возродились и предпринимательские организации: биржевые и военно-промышленные комитеты, союзы предпринимателей, даже союзы домовладельцев. Они предложили антибольшевистским правительствам свой коммерческий и управленческий опыт, но взамен требовали снятия ограничений на частнопредпринимательскую дея-

---

⁷² См. подробнее: Рынков В.М. На полпути к «военному коммунизму»: кооперация востока России в 1914–1919 гг. // Кооперация Сибири: факторы устойчивого развития. Новосибирск, 2003. Вып. 4. С. 91–119; Он же. Идеиное и экономическое противоборство кооперации и предпринимателей Сибири в годы Первой мировой и гражданской войн // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Новосибирск, 2006. Вып. 5. С. 163–174.

⁷³ ГАОО. Ф. Р-2105. Оп. 1. Д. 8. Л. 26–27.

тельность. Влияние торгово-промышленных кругов на власть было достаточно велико, независимо от политических оттенков самих правительств. Об этом свидетельствует активное сотрудничество Комуча с предпринимательскими организациями. Наиболее полно программу сибирской и дальневосточной буржуазии отразил Деловой кабинет генерала Д.Л. Хорвата, большинство членов которого вошли в него именно как представители буржуазных организаций.

Закрытые при советской власти предпринимательские организации – биржевые и торгово-промышленные союзы – возобновили свою деятельность в первые месяцы после антибольшевистского переворота⁷⁴. В Западной Сибири они организовались очень быстро: 13–20 июля 1918 г. провели Сибирский торгово-промышленный съезд и сформировали центральную организацию региона – Сибирский совет съездов представителей торговли, промышленности и сельского хозяйства⁷⁵. Чуть позже, в первые дни августа, работал областной торгово-промышленный съезд в Самаре, собравший буржуазию поволжского региона⁷⁶. Предпринимательские организации Поволжья и Урала 7–9 сентября 1918 г. провели в Уфе торгово-промышленный съезд и организовали Всероссийский совет съездов торговли и промышленности⁷⁷. Его резиденцией с ноября 1918 г. стал Омск, где данный орган объединился с аналогичным сибирским. Именно он представлял интересы предпринимателей в высших и центральных органах власти и управления. Всероссийскому совету удалось создать разветвленную структуру отраслевых учреждений: бюро мукомолов, лесопромышленников, горнопромышленников и др.⁷⁸ Но и он не оставался единственным центром притяжения частнопредпринимательских кругов на востоке России. Влиятельнейшими организациями в ураль-

---

⁷⁴ Дмитриев Н.И. О возрождении торгово-промышленных организаций на востоке России в 1918–1919 гг. // Деловая Россия: история и современность: Тез. 2-й всерос. заоч. науч. конф. СПб., 1996. С. 93–95.

⁷⁵ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1991. Ч. 2. С. 273–281.

⁷⁶ Вестник Комуча (Самара). 1918. 3 авг.

⁷⁷ Уфимский торгово-промышленный вестник (Уфа). 1918. № 24–25. С. 1.

⁷⁸ Торгово-промышленный вестник (Омск). 1919. 1, 22, 23 февр., 1 апр., 18 марта.

ском регионе стали Бюро уральских горнопромышленников и Совет съездов торговли и промышленности Урала.

Кроме того, существовала ещё и сеть военно-промышленных комитетов Урала, Сибири и Дальнего Востока, выразителем мнения которых стал Омский военно-промышленный комитет. Особенность его положения состояла не только в том, что он в значительной мере определял порядок распределения средств, отпущенных правительством на заготовку военного снаряжения, но и в огромном влиянии на общественное мнение и политические настроения в столице, а также в активном участии его руководителей в «подковёрной» политической игре. Тесная связь некоторых военно-промышленных комитетов с местными военными придавала в период Гражданской войны данным структурам существенно большее значение, чем это было до революции⁷⁹.

В отличие от кооперативных союзов предприниматели не обладали таким сильным каналом воздействия на общественное сознание, как сеть периодических изданий. Омским военно-промышленным комитетом финансировалась газета «Русская речь». Других известных газет предпринимательские организации не издавали. Многие газеты выпускались частными лицами, и традиционно в отечественной литературе, посвященной анализу прессы в антибольшевистский период, они приравнивались к буржуазным (предпринимательским). В действительности лишь несколько специализированных изданий отражали в полной мере точку зрения предпринимательских организаций.

Земские и городские управы, общероссийские и региональные кооперативные и частнопредпринимательские организации активно вмешивались в процесс формирования социального курса антибольшевистских правительств, пытаясь корректировать его в своих интересах. У них была возможность выражать своё мнение в Государственном экономическом совещании или выходить напрямую в

---

⁷⁹ Рынков В.М. Омский военно-промышленный комитет в годы гражданской войны // Гражданская война в Сибири: Сб. докл. науч. конф. Красноярск, 1999. С. 51–60; Он же. Военно-промышленные комитеты Сибири в годы гражданской войны // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2000. С. 289–298.

соответствующее министерство со своими предложениями и замечаниями. Российское правительство нередко посылало к ним на экспертизу законопроекты и считалось с их позицией.

Пролетариат, напротив, оказался лишен таких каналов взаимодействия с властью. Рабочий класс на востоке России был малочисленным и имел тенденцию к сокращению под влиянием деградации промышленности и транспорта. В Российской империи узы, связывавшие людей общих профессиональных и корпоративных интересов, были достаточно слабы, особенно в восточных регионах страны. Во время революции ситуация изменилась. Накануне антибольшевистского переворота профессиональные союзы оказались массовой организацией, активно влиявшей на политическую ситуацию и на социально-трудовые отношения. Только на территории Сибири за период с февраля 1917 по май 1918 г. возникло 594 профессиональные организации. В первой половине 1918 г. наблюдался резкий рост числа членов профсоюзов. Но это было связано не столько с добровольным волеизъявлением рабочих и служащих, сколько с использованием административно-принудительных методов наращивания массы участников профсоюзного движения. В результате при численном росте образовался балласт – значительное число номинальных членов профессиональных организаций, не поддерживающих их ни организационно, ни материально⁸⁰. Летом–осенью 1918 г. наблюдалось сокращение и количества профсоюзов, и их численности. Отчасти причины коренились в состоянии профсоюзного движения и являлись следствием объективных закономерностей. Чрезмерный радикализм профсоюзных лидеров заставил отшатнуться от них многих политически умеренных и консервативных людей, ставших невольными участниками профессионального движения в период советской власти. Получили возможность покинуть профсоюзные организации и пассивные члены. Ещё одним, вероятно, далеко не главным фактором спада профсоюзного движения стали политические репрессии. Профсоюзы оказались теснее других общественных организаций связаны с советской властью, в

---

⁸⁰ Дробченко В.А. Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 – май 1918). Томск, 2006. С. 29, 65, 92, 112.

них находилось значительное количество большевиков и их сторонников. Поэтому, не запрещая деятельность профсоюзов, антибольшевистские правительства подвергли репрессиям многих профсоюзных лидеров. Превратное представление о свертывании профсоюзной деятельности в период «контрреволюции», укорененное в советских и воспроизводимое до сих пор во многих современных исследованиях, не соответствует действительности⁸¹. Необходимость решать вопросы организации производства требовала взаимодействия с профсоюзными органами.

Достаточно существенным влиянием обладали уральские профсоюзы. 29 июля 1918 г. представители 11 профессиональных союзов Екатеринбурга постановили учредить вместо Совета профсоюзов Урала Центральное областное бюро профсоюзов Урала. 4 августа 1918 г. вокруг бюро объединились уже 26 профсоюзов. Оно активно координировало работу профессиональных организаций региона и выполняло представительные функции перед органами власти и организациями уральской буржуазии. 15 июня 1919 г., незадолго до ухода «белых» с Урала, Бюро созвало Областной съезд профессиональных союзов Урала, представлявший 91 профессиональную организацию⁸². Высокая степень централизации позволила уральским профсоюзам осуществлять представительские функции.

Поволжские и уральские профсоюзы летом–осенью 1918 г. оставались одним из активнейших участников политического процесса, что не исключало персональных репрессий их лидеров, дискредитировавших себя в глазах властей сотрудничеством с большевиками. В Сибири и позже во всероссийском масштабе профсоюзы подвергались более интенсивным гонениям, а их лидеры – репрессиям. Так, в Томске в октябре 1918 г. был разогнан Всесибирский съезд профсоюзов после избрания своим председа-

---

⁸¹ Акулов М.Р., Московский А.С. Профсоюзы Западной Сибири. М., 1962. С. 20–22; Акулов М.Р. Профсоюзы Сибири в борьбе против контрреволюционного эсеро-меньшевистского правительства и колчаковщины, за восстановление советской власти // Годы боевые. Новосибирск, 1959. С. 17–22; Вторушин М.И. Профсоюзное движение на территории Сибири в период Гражданской войны // Социальная политика и профсоюзное движение: история и современность. М., 2005. С. 137–142.

⁸² Колчаковщина на Урале... С. 93–94, 123.

телем известного большевика М.М. Рабиновича. После этого в Сибири крупные профсоюзные форумы не созывались. Профсоюзные газеты и журналы закрывались, помещения правлений подвергались реквизициям. Возникший в июле 1918 г. в Омске Временный совет профсоюзов Сибири не стал авторитетным органом ни для властей, ни для рядовых членов профсоюзов.

Куда более действенно влияли на обстановку и общественные настроения региональные и отраслевые органы профессиональных союзов. Их советы и бюро обладали высоким авторитетом и организационным потенциалом в рабочей среде, а Западно-Сибирское областное бюро горнорабочих, Всесибирский союз печатного дела объединяли представителей разных промышленных центров. Влияние данных организаций оказалось намного глубже, чем предполагали власти, и его нельзя было искоренить простыми репрессиями. Профсоюзы издавали целый ряд журналов и газет, оказывавших воздействие на настроение рабочих. Цензурные гонения против профсоюзной прессы не давали результатов⁸³. Закрываемые издания возобновлялись под другими названиями и с другими учредителями. Но хуже было то, что центры реального влияния на рабочую среду оказались загнаны в подполье. В статусе нелегальной оппозиции они исключались из нормального процесса согласования социальных интересов. Это понимали даже отдельные представители высшей колчаковской бюрократии, такие как Л.И. Шумиловский и управляющий Иркутской губернией П.Д. Яковлев, полагавшие, что лучше расширить права и свободы профсоюзов, чем поте-

---

⁸³ Вегман В.Д. Партийно-советская пресса Сибири // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. Омск, 1920. С. 111–117; Никитин А.Н. Издания сибирских профсоюзов (1918–1919 гг.) // Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в годы строительства социализма. Новосибирск, 1987. С. 140–158; Он же. Нелегальная печать Сибири периода гражданской войны // Развитие книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке (советский период). Новосибирск, 1993. С. 3–31; Семёнова Н.М. Периодическая печать Сибири как источник по истории профсоюзного движения в Томской губернии в период «демократической контрреволюции» // Некоторые вопросы истории. Томск, 1973. Вып. 2. С. 79–95; Она же. Профсоюзная печать Томской губернии как источник по истории рабочего движения в Сибири в период «демократической» контрреволюции в 1918 г. // История СССР и история КПСС. Томск, 1972. Вып. 3. С. 44–45.

рять над ними контроль⁸⁴. Профсоюзы становились организаторами мощного протестного движения рабочих и служащих за улучшение условий труда.

Представительство наиболее многочисленного слоя населения – крестьянства – во властных структурах оказалось более чем слабым. Если в летние месяцы 1918 г. сказывалась инерция революционной практики, и во многих губерниях и уездах прошли крестьянские съезды, то осенью 1918 г. их созыв прекратился⁸⁵. Единственной группой, причём сословной, интересы которой были представлены в верхних этажах власти, являлось казачество. Будучи до революции организованным военно-служилым сословием, казаки и во время революции сохранили тесно сплоченные сословные структуры. Более того, ещё в 1917 г. сформировалось межвойсковое взаимодействие представителей казачьих войск во всероссийском масштабе. Поэтому и после падения советской власти казачество предприняло шаги по пути сословной консолидации. Одновременно с Уфимским государственным совещанием 21 сентября 1918 г. в Уфе собралась казачья конференция, в которой приняли участие представители Оренбургского, Уральского, Семиреченского и Сибирского казачьих войск, Енисейских и Иркутских казаков⁸⁶. Они выдвинули идею создания Восточного союза казачьих войск и казачьего совета при Военном министерстве. Попытки атаманов Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск в октябре–ноябре 1918 г. сформировать Дальневосточный союз казачьих войск хотя и породили череду внутренних военно-политических конфликтов в лагере контрреволюции⁸⁷, но не повлияли на правительственную политику в отношении казачества.

Российское правительство видело в казаках свою опору, для укрепления которой стремилось учесть социальные нужды воен-

⁸⁴ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–3.

⁸⁵ Черняк Э.И. Революция в Сибири. Съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций. Томск, 2001. С. 179–186.

⁸⁶ История казачества Азиатской части России. Екатеринбург, 1995. Т. III: XX век. С. 75–76.

⁸⁷ Савченко С.Н. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) и поездки атамана А.И. Дутова на Дальний Восток (июнь–август 1919 г.) // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Хабаровск, 1999. С. 40–74.

но-служилого сословия и даже потворствовало казачьему автономизму. В ноябре 1918 г. при Российском правительстве было сформировано Совецание по делам казачьих войск, которое готовило законопроекты, связанные с казачьими правами и привилегиями, добивалось выделения средств на удовлетворение социальных нужд войскового населения⁸⁸. Его возглавил помощник военного и морского министра по делам казачьих войск, генерал-майор Б.И. Хорошкин. Совмещение двух постов давало ему право присутствовать на заседаниях Совета министров и официально лоббировать интересы казаков. Хотя участники совещания признавали, что действовали почти в отрыве от своих войск⁸⁹, его нельзя не признать достаточно эффективной структурой защиты социально-сословных интересов казачества.

Отечественная историография очень много внимания уделяла работе политических партий на востоке России⁹⁰. Эта традиция, идущая от современников Гражданской войны, продолжается ещё и сегодня⁹¹. Опубликованные в последние годы документы

---

⁸⁸ Шудьяков В.А. Совецание представителей казачьих войск в Омске (ноябрь 1918 – июль 1919 года) // Катанаевские чтения: Материалы шестой всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2006. С. 227–230.

⁸⁹ Бородин Н.А. Идеалы и действительность: 40 лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879–1919). Берлин; Париж, 1930. С. 204.

⁹⁰ Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции. М., 1975. С. 227–243, 278–336; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и её разгром. М., 1982; Воробьева В.Я. Путь меньшевиков и эсеров Поволжья и Сибири от «чистой демократии» к колчаковской диктатуре // Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. Ленина. № 306. М., 1969; Шерстянников Н.А. Идеино-политический и организационный крах меньшевиков в Восточной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; и др.

⁹¹ Алдашов А.Н. Общероссийские социалистические партии в Уфимской губернии в 1917–1922 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997; Авдошкина О.В. Деятельность местных отделений политических общероссийских партий на Дальнем Востоке России (март 1917 – ноябрь 1922 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2000; Балковая В.Г. Политические партии в революционном процессе на Дальнем Востоке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998; Добровольский А.В. Эсеры в Сибири...; Кокоулин В.Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922 г.). Новосибирск, 2002; Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период гражданской войны 1917–

свидетельствуют о том, что в непарламентской системе государственного управления востока России политические партии неизбежно теряли не просто влияние, но и связь с текущей политикой. Они оторвались от ситуации и замкнулись на обсуждении доктринальных вопросов⁹². В этом смысле деятельность политических партий нельзя признать фактором, повлиявшим на формирование социальной политики. Более того, нет никаких оснований считать политические партии представителями интересов отдельных социальных групп, как это делалось ранее, когда кадетам приписывали выражение интересов буржуазии, эсерам – зажиточного крестьянства и так далее.

Вместе с тем, два обстоятельства делали партийные организации мощным игроком на политическом поле. На фоне низкого авторитета государственной власти партии притягивали к себе всех недовольных. В конце концов, эсеровские группировки Восточной Сибири сыграли важную роль в свержении колчаковского режима. Кроме того, в крайне политизированное революционное время идейно-доктринальное видение действительности оставалось мощным рычагом политической мобилизации и выработки общественного мнения. Пожалуй, важнее была не внутрипартийная жизнь, а воздействие на общественные настроения через прессу и иные каналы социальных коммуникаций. Эсеры выпускали ряд партийных газет. Официальная кадетская и меньшевистская пресса была не очень многочисленна, но сильна своей сплоченностью и относительно высокой партийной дисциплиной. Значительное количество органов печати, близких по своим идейным позициям к кадетской партии, не было связано решениями партии, и правильнее охарактеризовать такую прессу как ли-

---

1922 гг. Хабаровск, 2005; Московкин В.В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень, 1999; Сергеева Е.Б. Большевики в политической борьбе на Урале (1917–1924 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996; Фомин В.Н. Борьба политических партий за власть на Дальнем Востоке в 1917–1925 гг. М., 1998; и др.

⁹² Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг.: Сб. документов. М., 2000. Т. 3. Кн. 2: 1918–1920. С. 58–63, 68–125; Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 2: Октябрь 1917 – 1925 г. С. 393–419, 509–520.

беральную. Меншевики имели сильные позиции в профсоюзной печати, эсеры – в кооперативной и земской. В этом смысле партийное воздействие на общественное мнение было шире, чем влияние собственно партийной прессы.

О прессе уже много говорилось в связи с деятельностью тех или иных общественных институтов. Несмотря на диктаторские полномочия военных и восстановление предварительной цензуры, существование разноголосой, информативной и подчас критично настроенной по отношению к власти прессы на востоке России отрицать невозможно⁹³. Многие издания оставались относительно независимыми, так как были основаны частными лицами, иногда издателями с многолетним стажем. Серьезное влияние на общественное мнение оказывали крупнейшие газеты Урала («Отечественные ведомости») и Сибири («Сибирская жизнь»). Информационной насыщенностью выделялись такие дальневосточные издания, как «Приморская жизнь», «Дальневосточные известия» и др. Они, как правило, имели точку зрения, отличающуюся от официальной, хотя могли быть вполне лояльны к правительственной политике в целом. Такие обстоятельства, как активный обмен информацией между газетами, транспортировка изданий между регионами позволяют рассматривать прессу в качестве одного из существенных факторов влияния на социальные настроения, что не могло не сказываться на формировании внутривнутриполитического курса.

Антибольшевистские правительства зависели от общественного мнения и старались корректировать внутривнутриполитический курс с его учётом. Но влияние общественной жизни на принятие политических решений не стоит преувеличивать. Значительно больше действия правительства зависели от двух других обстоятельств –

---

⁹³ Звягин С.П. Об отношении периодической печати Сибири к репрессивной политике властей (май 1918 – декабрь 1919 г.) // История российской духовности: Материалы двадцать второй заоч. науч. конф. СПб., 2001. С. 222–225; Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917 – 1920 г.). М., 2001. С. 83–106; Он же. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны. М., 2002. С. 142–176; Он же. Цензура «белой» Сибири // История «белой» Сибири: Тез. третьей науч. конф. Кемерово, 1999. С. 76–78; Никитин А.Н. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991.

наличия свободных денежных средств и положения дел на фронте. Когда появлялись основания сомневаться в успехе вооруженной борьбы, власть начинала терять поддержку общественности.

Наконец, необходимо учесть ещё одно обстоятельство. В условиях распада социальных связей, раскола общества природа многих общественных организаций претерпела глубокую трансформацию. В них укрепились неформальные общественные нормы и правила, которые очень сильно влияли на поведение членов организации, подчас начинали определять его вопреки намерениям формальных лидеров и внешних сил. Данное обстоятельство является одним из показателей социальной аномии.

На востоке России важнейшим её проявлением стало существование антиправительственного подполья и партизанского движения, широкой сети нелегальных общественных организаций и периодических изданий, нацеленных на ликвидацию действовавшего политического режима. Уже осенью 1918 г. на фоне продолжавшейся борьбы с оставшимися в тылу сторонниками советской власти по Сибири прошла серия крестьянских и городских восстаний. На первом этапе, до конца весны 1919 г., антиколчаковскому сопротивлению были свойственны аморфность, разрозненность структуры и несогласованность действий. В основном оно было представлено небольшими группами ушедших в тайгу бывших красноармейцев, советских работников и дезертиров, существование которых вносило дезорганизацию в положение государственной власти в деревне, но не нарушало в целом относительно единого пространства власти. С лета 1919 г. можно говорить о новом этапе. Его отличительной чертой стало появление целых партизанских республик. Крупные районы Сибири и Дальнего Востока уходили из-под контроля Российского правительства.

* * *

Отсутствие единого центра власти, долгое время являвшееся характерной чертой антибольшевистского востока России, привело к тому, что отдельные государственные образования оказались не в состоянии сформировать государственный аппарат и аккумулировать достаточные ресурсы для организации взаимодействия с различными частями общества. Исключение составляет Россий-

ское правительство, которое тоже с лета 1919 г. начало терять нити управления. Тем не менее история социальной политики антибольшевистских правительств на востоке России в наибольшей степени является историей Российского правительства. Пространственный фактор и специфика революционной эпохи наложили отпечаток на характер социальных связей, призванных обеспечивать сцепление государства и общества, и определили три особенности протекания Гражданской войны на востоке России.

Возникшие после свержения советской власти государственные образования на востоке страны занимали наименее населенную часть территории, где социальное пространство оказалось более «разряжено» и очень неравномерно по сравнению с европейскими регионами России. Взаимодействие государства и общества в этом случае предполагает значительно большие коммуникационные издержки. Отсюда вытекает первая особенность – географическая и социальная несимметричность, с которой различные силы оказались представлены на уровне политических институтов. Причём институциональный уровень не всегда коррелировался с реальным значением регионов и общественных страт. Урал имел решающее стратегическое положение на протяжении лета 1918 – лета 1919 г., но не привлекал должного внимания верховной власти, а Приморье и полоса отчуждения КВЖД, важнейшая транспортная артерия, вообще оказались оттеснены от власти расстоянием и дальневосточной атаманщиной. Диалог с рабочим классом, наиболее организованным среди прочих групп населения, у власти не состоялся. Широкая прослойка городских обывателей так и не сформировала каналы представительства своих интересов, а крестьянство, чей уровень институционализации в революционные эпохи оказывался удивительно высоким, на этот раз в «большой» политике практически безмолвствовало. Зато политизированные круги предпринимателей, кооператоров и муниципальных работников выступали от имени значительных групп населения.

С этим связана вторая особенность – всеобщность кризиса легитимности. О данном явлении много писали применительно к государственной власти. Но проблему следует понимать шире. Революционный процесс выдвинул в эпицентр политики сово-

купность претендовавших на политическую роль общественных сил, каждая из которых переживала аналогичный государству в целом кризис легитимности. Буйство общественной жизни имело мало общего с представительной демократией. Множество все-российских, всесибирских и иных региональных организаций заставляли власть считаться с ними и учитывать их мнение. Но почти все они искусственно сформировались сверху, оспаривали свою легитимность друг у друга и не отражали позицию собственного сообщества. Более того, обычно они не имели ресурсов для его мобилизации. Их представительские права и возможности при внимательном изучении оказывались блефом.

Наконец, третья особенность заключается в деинституционализации существенных сторон социально-политического взаимодействия. В отечественной историографии имеются десятки монографий и сотни статей о функционировании антиколчаковского подполья и партизанского движения, детально изучена их региональная динамика. Но всё, что до сих пор написано, нацелено на анализ этих явлений в отрыве от политического режима. Проблеме социального взаимодействия разных социально-политических сил в ситуации вооруженного внутреннего противостояния никто не рассматривал. А ведь основная часть общества оставалась не затронута собственно вооруженным конфликтом, но вынуждена была адаптироваться к экстремальным социальным реалиям Гражданской войны. В условиях непредсказуемости или недееспособности формальных и легальных действий государственных и общественных структур закономерным и даже рациональным становилось снижение их роли. Институциональные связи вытеснялись теневыми, нелегальными практиками, распались и переставали функционировать. Причём это затрагивало не только обывателей, но и организованную часть общества и даже государственную вертикаль; значительный объём работы органов управления протекал вне институционального режима. Структура легальной власти и формализованных каналов лоббирования социальных интересов различных слоёв населения отображала только верхушку айсберга социальной жизни и социально-политической борьбы, происходившей в обществе на востоке России в антибольшевистский период.

ГЛАВА 2

ВОКРУГ СОБСТВЕННОСТИ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРАВА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

2.1. Поиск механизмов защиты погранных имущественных прав

Любая революция приносит хаос в сферу отношений собственности. Одной из её причин всегда становилось недовольство значительных масс населения принятым в обществе характером распределения доходов, порождающим соответствующий тип имущественной дифференциации и закрепленным в нормативной базе. Стремление произвести передел имущества реализуется через революционные акции и приводит к формированию новых общественных отношений. Революционные силы ломают устоявшиеся нормы и не скованы ими. Сложности возникают на нисходящей линии революционного процесса, когда наступает время для цементирования нового, рожденного революцией, правопорядка и присущих ему имущественных отношений. В этом случае контрреволюционная линия развития событий особенно интересна. Она, как правило, заключается в попытке восстановить сломанный революцией имущественный порядок, естественно, с учетом новых, созданных революцией, реалий.

После прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. в России был произведен ряд кардинальных экономических преобразований, существенная часть которых заключалась в экспроприации у собственников имущества и средств производства. Значительная часть предприятий торговли, промышленности и транспорта, финансово-кредитные учреждения подверглись национализации или были взяты в управление местными советами, органами рабочего контроля. Особенностью восточных регионов России, как и других окраин, стало прекращение революционных

преобразований во второй половине 1918 г. в результате временного перехода власти к антибольшевистским правительствам.

В советской историографии не подвергалось сомнению, что победа «белых» сопровождалась немедленным возвращением прежним владельцам национализированных частных предприятий. Этот тезис основывался на пропагандистских клише большевиков времен Гражданской войны и в лучшем случае подтверждался ссылками на законодательные акты или иллюстрировался отдельными примерами. Лишь в последние годы в небольших по объёму публикациях предприняты попытки пересмотра этого вопроса. Но в широком контексте положение прав собственников в антибольшевистский период никем не рассматривалось.

В этом нет ничего удивительного – не отличалось глубиной и осмыслением действий советской власти. Большинство исследователей сосредоточилось на изложении декретов и примерах их воплощения – национализации крупных предприятий¹. Поражает уровень понимания научной проблемы: исследователи всерьёз говорили о национализации губернскими и местными советами отделений Государственного банка и участков Транссибирской магистрали. Несколько лучше отражают реальную ситуацию сборники документов, но и они повествуют только о промышленности, а тщательно подобранный материал нацеливает читателя на идеологическую интерпретацию событий и не даёт возможности провести социально-экономический и правовой анализ². Хотя даже опубликованные документы позволяют понять, что смена собственности принимала различные формы, и арсенал методов осуществления революционных преобразований оказался достаточно широк.

Если общероссийские тенденции в последние годы начали анализироваться, главным образом, на материалах центральных

---

¹ Московский А.С. Промышленное освоение Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1975. С. 43–50; Сербин А.И. Национализация банков и транспорта советами Сибири в первой половине 1918 г. // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 1994. С. 26–34.

² Национализация промышленности СССР: Сб. документов. М., 1954; Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах. Свердловск, 1927. Т. 2: 1917 год. С. 148–243; Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 – июнь 1918 г.): Сб. документов. Свердловск, 1958.

регионов России, то изучение реальной картины и результатов первых месяцев советской хозяйственной политики в восточных регионах еще не предпринято. Поэтому приходится отчасти опираться на работы советских предшественников или авторов, работавших в советской парадигме. Положение облегчается тем, что в документации по возвращению собственности встречается информация о положении предприятий и учреждений при большевиках. Вообще следует заметить, что объективное изучение советской политики в области регулирования отношений собственности невозможно без изучения источников, созданных «белыми» при восстановлении имущественных прав. В связи с обозначенным состоянием историографии и источников невозможно привести сводную статистическую информацию о ходе передела средств производства и имущества при советской власти ни по одному из интересующих нас регионов.

В источниках речь идет то о денационализации, то о возвращении собственности, подвергшейся при советской власти переделу в любой форме. Второе, безусловно, шире, и по существу правильнее вести речь именно о широкой интерпретации событий, подразумевая восстановление любых нарушенных при советской власти собственнических прав. Власть предполагала возвращение всех предприятий прежним владельцам: частным лицам и компаниям, органам местного самоуправления, общественным организациям и государству. Поэтому денационализация являлась лишь составной частью процесса возвращения собственности. Объективная реконструкция масштабов, сроков, характера предпринятых в этом направлении усилий важна для понимания общих принципов и результатов социальной и экономической политики оппонентов советской власти.

Узаконенная центральным советским правительством национализация крупных промышленных и транспортных предприятий ко времени антибольшевистского переворота на востоке России делала только первые шаги. Процесс обобществления и экспроприации в это время широко охватил все сферы экономики и формы собственности. Он осуществлялся по инициативе местных органов, трудовых коллективов и даже отдельных групп населения. Жертвой эгалитарной стихии становились не обязательно

предприятия целиком. Часто это были отдельные производственные помещения, запасы сырья, имущество.

В соответствии с антибольшевистским законодательством имущество, подвергшееся подобному «перераспределению», подлежало возвращению прежним владельцам. Для этого не требовалось переоформления права собственности, и термин «денационализация» в отношении такой собственности обычно не использовался. Следовательно, если анализировать только ход денационализации, то основной массив фактов, связанных с восстановлением прав собственников, окажется вне рамок исследования. С другой стороны, нельзя применять термин «национализация» условно в качестве обозначения всех видов принудительного и безвозмездного изъятия собственности, как это предлагает делать К.В. Харченко³. Такой прием не позволит дифференцированно изучить многие аспекты, возникавшие в связи с нарушением собственнических отношений.

Вопреки утверждениям советских историков, противники большевиков даже не планировали поспешного пересмотра результатов советских экспериментов с собственностью. Первые декларации правительств Поволжья, Урала и Сибири не предписывали немедленного возвращения крупной собственности, хотя содержали признания, что в перспективе это сделать необходимо⁴. В Новониколаевске Военно-революционный штаб 27 и 28 мая 1918 г. постановил, не предрешая судьбу национализированных предприятий, взять всё их имущество под охрану⁵. Члены Западно-Сибирского комиссариата заявили, что не уполномочены решать вопросы о собственности⁶. Опасаясь дальнейшего развала промышленности, они предусмотрели период временной консер-

---

³ Харченко К.В. Власть – Имущество – Человек. Передел собственности в большевистской России 1917 – начала 1921 гг. М., 2000. С. 73.

⁴ Самарские ведомости (Самара). 1918. 22 июня; Колчаковщина на Урале в документах и материалах с вводным очерком А. Таяева. Екатеринбург, 1929. С. 6, 14; СУР ЗСК. № 2. Ст. 22; Калягин А.В., Парамонов В.Н. Социально-экономическая политика Комуча (торгово-промышленный аспект) // Вестник Самарского университета. Сер.: история. 1998. № 1 (7). С. 66–74.

⁵ Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): Сб. документов и материалов. Новосибирск, 2005. С. 27, 33.

⁶ Там же. С. 51.

вации существовавших производственных отношений. Постановление комиссариата от 1 июня 1918 г. «О денационализации» гласило, что «впредь до разрешения вопроса о дальнейшем порядке использования национализированных предприятий и имуществ, никакое вмешательство в распоряжение ими частных лиц и групп до установления нового порядка, не может быть допущено»⁷. Спустя некоторое время обозначился механизм разрешения вопроса о собственности. На заседании Западно-Сибирского комиссариата 10 июня 1918 г. было решено разделить все предприятия на государственные и местные. Судьбу первых передали на рассмотрение органов местного самоуправления, которые разрешали вопрос чаще всего в пользу денационализации. «Вторые нельзя денационализировать, охраняем имущество. Заменяем коллективы управляющими, заводим отчетность»⁸.

На самом деле, никакого нормативного акта, регламентировавшего управление производственными объектами, комиссариат так и не создал. Прорекларированное разделение предприятий можно было осуществить только на глазок. В практике управления комиссариата сказывались социалистические воззрения уполномоченных. Власть не торопилась с возвратом частной собственности, зато имущество органов самоуправления и государства подлежало возврату ранее разработки общих правил возвращения предприятий и изымалось из ведения органов рабочего контроля, причём подчас путем принятия срочных, разовых для каждого отдельного случая постановлений. Так, например, согласно постановлению Западно-Сибирского комиссариата от 25 июня 1918 г. «О передаче механических мастерских в ведение Томского технологического института» данный производственный объект подлежал изъятию из ведения фабрично-заводского комитета и передаче бывшему законному владельцу. Необходимость этой меры обосновывалась тем, «что названный институт – государственное учреждение, имеющее общественное значе-

---

⁷ СПР ЗСК. № 1. Ст. 4; ЗДБПС. Вып. 1. С. 18; Западно-Сибирский комиссариат... С. 64. Алтайские губернские известия (Барнаул). 1918. 28 июля; Голос народа (Томск). 1918. 4 июня; Свободная речь (Семипалатинск). 1918. 19 июня.

⁸ Западно-Сибирский комиссариат... С. 93.

ние»⁹. Естественно, что муниципалитеты спешили восстановить свои собственнические права и кооперативных организаций, с которыми были близки идеологически и по своим экономическим интересам.

Похожим образом события разворачивались и в Поволжье. Комуч приказом № 93 от 9 июля 1918 г. распорядился для возвращения национализированных фабрично-заводских предприятий созвать комиссию с широким представительством от общественных и муниципальных организаций¹⁰. Управление национализированной собственностью приказом № 101 от 13 июля 1918 г. временно передавалось в руки земских органов¹¹. Без решения комиссии восстановление прав собственности не допускалось.

Оба эсеровских правительства исключали возвращение предприятий собственникам, если это повлечет за собой их закрытие. Но уже в первый месяц после падения советской власти сформировался и иной подход к решению назревших проблем. Участники частных совещаний Сибирской областной думы, кстати, в основном члены будущего Временного сибирского правительства, 28 июня 1918 г. намеревались до предела упростить процесс денационализации. Они предлагали объявить, что один факт восстановления деятельности судов, основывающих свои решения на гражданском законодательстве, предполагает денационализацию всех национализированных предприятий и имущества. Владельцам оставалось только подать соответствующие иски. Но и они главную проблему видели в том, чтобы создать правовой механизм, по которому наиболее важные для государства предприятия и имущество могли бы остаться в национальной собственности¹². Следовательно, в первый месяц нахождения у власти лидеров антибольшевистского движения больше интересовал не только вопрос, как вернуть изъятую большевиками собственность, но и как обосновать сохранение некоторой её части в распоряжении государства.

---

⁹ СПР ЗСК. № 1. Ст. 19; ЗДБПС. Вып. 1. С. 29; Западно-Сибирский комиссариат... С. 146; ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.

¹⁰ Приказы Комуча. Самара, 1918. № 93.

¹¹ Там же. № 101; Вестник Комуча (Самара). 1918. 14 июля.

¹² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 1.

28 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат издал общее постановление о возвращении предприятий прежним владельцам¹³. Способ возвращения подробно разъяснялся в специальных правилах отдела промышленности и торговли от 30 июня. Ими предписывалось создание на местах «комиссий по возвращению предприятий и имущества, захваченных в период так называемой советской власти». В комиссии входили представители судебного ведомства, органов самоуправления, профсоюзов, торгово-промышленного класса, домовладельцев. Председатель назначался губернским или областным комиссаром¹⁴. Таким образом, контроль за возвращением предприятий возлагался на местную администрацию и общественность. Под действие этой инструкции попадали все формы собственности, а не только частная. Достаточно поздно, 2 октября 1918 г., Министерство торговли и промышленности циркулярно разослало «Инструкцию уездным комиссиям по возвращению предприятий и имущества, захваченных в период так называемой советской власти». В ней детально регламентировались порядок учреждения, штаты, последовательность приёма заявлений от граждан. Все спорные дела предлагалось передавать в суд для разрешения в соответствии с гражданским законодательством¹⁵.

Уральские власти летом и осенью 1918 г. по всем вопросам денационализации ссылались на сибирское законодательство. Временное областное правительство Урала намеревалось разработать специальное постановление о порядке денационализации горнопромышленных предприятий Урала, но так и не реализовало своё намерение¹⁶.

В Поволжье отношения государства и собственников, пострадавших от советской власти, складывались иначе. Созданная Комучем комиссия по восстановлению в правах владельцев промышленных предприятий, «отторгнутых путем национализации и муниципализации», обязала владельцев ликвидировать долги,

---

¹³ СПР ЗСК, № 2, ст. 22; ЗДБПС. Вып. 1. С. 34–35; Западно-Сибирский комиссариат... С. 155–156.

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 22. Л. 72.

¹⁵ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 102. Л. 85–86.

¹⁶ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 16. Л. 39об.

урегулировать отношения с существующими коллективами рабочих и служащих, предоставить план дальнейшего развития производства. Только на этих условиях владелец мог вернуть свои средства производства¹⁷. Официальная декларация Комуча от 24 июля 1918 г. содержала запрет закрывать предприятия¹⁸. Правда, по утверждениям советских исследователей, массовая ликвидация предприятий шла и до, и после этой декларации. Впрочем, убедительных сведений советская историография не приводит¹⁹. Намного проще решался вопрос о восстановлении имущественных прав на другую собственность. Дома, помещения, кустарные предприятия передавались в распоряжение земских и городских органов, которые на основании заявлений возвращали имущество бывшим владельцам²⁰.

Итак, законодательство всех правительств предписывало формирование на местах специальных комиссий, действовавших под контролем центральных властей. Реализованный на практике механизм возвращения собственности далеко не всегда соответствовал нормативным положениям. Это не удивительно. Значительная часть имущества и предприятий при большевиках была взята в распоряжение местных советов, т.е. муниципализирована. Возобновившие свою деятельность земские и городские самоуправления, считая себя правопреемниками советов, приняли на себя урегулирование отношений с бывшими собственниками. Представляя власть в своём регионе, городские и земские управы подчас не дожидались выработки нормативных положений. Поэтому реальное возвращение предприятий прежним владельцам в отдельных случаях несколько опережало выработку механизмов законодательного регулирования этого процесса. В крупных городах Западной Сибири возврат имущества начался практически сразу после установления антибольшевистской власти. Еще до принятия Западно-Сибирским комиссариатом соответствующего

---

¹⁷ Вестник Комуча. 1918. 11 авг.

¹⁸ Приказы Комуча. С. 90–92; Вестник Комуча. 1918. 27 июля; Наша жизнь (Самара). 1918. 28 июля.

¹⁹ Кроль Р.И. Комитет членов учредительного собрания и приход к власти Колчака: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1949. С. 74.

²⁰ Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 148–149.

постановления Новониколаевская городская управа создала комиссию, возложив на неё обязанность передачи владельцам предприятий. 19 июля 1918 г. комиссия самораспустилась, чтобы уступить место новой, учрежденной в законном порядке уездным комиссаром. Но все совершенные ею передачи были утверждены²¹. В середине июня 1918 г. в Омске начала работу городская комиссия по возвращению предприятий²². Её правомочность подтвердил 7 июля Совет министров²³. В Томске во второй декаде июля 1918 г. при промышленном отделе Томского губернского управления сформировалась комиссия по обследованию национализированных предприятий²⁴. В Иркутской губернии «ликвидационная» комиссия была создана 20 июля 1919 г., но приступила к работе, не имея правительственных инструкций о порядке проведения денационализации²⁵. В Тобольской губернии уполномоченный Временного Сибирского правительства Ю.А. Кузнецов от имени правительства объявил, что денационализация предприятий поручается городским и земским самоуправлениям²⁶. В Семипалатинске воинский начальник района войсковой старшина В.И. Волков опубликовал приказ, в соответствии с которым все национализированные и захваченные рабочими предприятия со дня подписания приказа переходят в распоряжение прежних владельцев²⁷. В Чите возобновившая свою работу после ухода большевиков городская Дума взялась за осуществление денационализации и возвращения предприятий и имущества²⁸. Иногда местные органы по собственной инициативе создавали специализированные отраслевые комиссии. В Красноярске денационализацией типографий занималась специальная комиссия. В Перми были образованы отдельные комиссии по денационализации предприятий фабрично-заводской и лесной промышленно-

²¹ ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 2. Д. 274. Л. 92.

²² Барабинская степь (Каинск). 1918. 22 июля.

²³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 35.

²⁴ Сибирская жизнь (Томск). 1918. 18 июля.

²⁵ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 100. Л. 19.

²⁶ Ведомости Тобольского губернского комиссариата (Тобольск). 1918. 17 июля.

²⁷ Сибирская жизнь. 1918. 21 июня.

²⁸ Василевский В. Забайкальская белая государственность. Краткие очерки истории. Чита, 2000. С. 54.

сти, речного флота и «по разгрузке железнодорожного узла» (т.е. для возвращения товаров, находившихся на железнодорожных складах и в вагонах)²⁹. В Оренбурге судьбу захваченного имущества решала военно-следственная комиссия, хотя вопросы об участии целых предприятий лежали вне её компетенции³⁰.

В Приморье с июня по август 1918 г. вопрос о собственности оставался не решенным. В августе 1918 г. Приморская областная земская управа создала комиссию по делам национализированных, реквизированных и секвестрированных советской властью предприятий. Комиссия только готовила материалы и предложения по каждому делу, решения же принимала управа. До начала октября управа на основании рекомендаций комиссии распорядилась о возвращении ряда предприятий бывшим владельцам: Лукьяновскому – золотоносный рудник, Шаховскому – «Мариинский рудник» на о. Аскольд, Ф.П. Зальгальву – пивоваренный завод «Ливония» и Океанский паровой кожзавод, Минаеву – рудник «Титан», Одалевской – рудник «Надежда»³¹.

Самая упрощенная процедура декларировалась в Приамурье. Приказом № 6 Правительства Амурской области учреждения и частные лица призывались оказывать содействие владельцам реквизированных, секвестрированных, конфискованных, национализированных и социализированных предприятий в деле вступления в законное владение ими. «Всякий формализм должен быть отброшен», – гласил нормативный акт, не предусматривавший никаких специальных правил³². Несколько дней спустя председатель этого правительства А.Н. Алексеевский предложил частным лицам, учреждениям и организациям в 3-дневный срок освободить все помещения, занятые при советской власти, а также призвал всех пострадавших от большевистских реквизиций явиться в городскую управу за получением мебели, одежды, домашней утвари³³. Как видно, в разных местах восстановлением

²⁹ ЦХДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 122. Л. 5–6об., 10–12.

³⁰ Оренбургский казачий вестник (Оренбург). 1918. 9 авг.

³¹ Земская жизнь Приморья (Владивосток). 1918. № 4. С. 1–3.

³² Бюллетень правительства Амурской области (Благовещенск). 1918. 25 сент.

³³ Там же. 25 сент., 9 окт.

собственнических прав могли в силу обстоятельств заниматься совершенно различные организации.

Особую процедуру предусматривало сибирское законодательство для возвращения горных предприятий. Оно должно было происходить под непосредственным надзором Министерства торговли и промышленности, что закреплялось в утвержденных Временным Сибирским правительством 24 июля 1918 г. «Правилах возвращения владельцам горных предприятий, захваченных (национализированных) в период советской власти»³⁴. В соответствии с ними учреждались должности уполномоченных Министерства торговли и промышленности, которые имели право производить ревизию горных предприятий. Вопрос об их возвращении, как и в случае с остальными предприятиями, решала комиссия с широким представительством. Она же наделялась правом давать рекомендации министерству о необходимости выдачи ссуд. В случаях, если владелец предприятия отсутствовал или отказывался вступать в права управления, либо если его предприятие признавалось особо важным для государства, оно оставалось в ведении министерства. По инструкциям Министерства торговли и промышленности для возвращения предприятий владельцам комиссиям предстояло собрать информацию о прибылях и убытках, понесенных предприятиями за время их нахождения в ведении государства или рабочих. Причём вопрос о том, было ли предприятие национализировано или его самочинно захватили рабочие, имел принципиальное значение. В первом случае государственной власти предстояло возместить владельцу нанесенные убытки или, наоборот, взыскать с него денежные излишки при передаче предприятия. Во втором – комиссии ограничивались простой передачей законному владельцу права на распоряжение собственностью. Государство оставалось индифферентно к причиненному самочинными действиями рабочих ущербу. Издержки, которые понесла казна за период временного управления возвращаемым предприятием и в связи с проведением денационализации, владельцев обязали возместить³⁵.

³⁴ СУР ВСП. № 4. Ст. 39; СВ. 1918. 17, 18 авг., ЗДБПС. Вып. 1. С. 87–91.

³⁵ СВ. 1918. 17, 18 авг.; СУР ВСП. № 4. Ст. 39; ЗДБПС. Вып. 1. С. 87–91.

Любопытно, что в отчетных материалах, вышедших примерно в это же время из-под пера управляющего Министерством торговли и промышленности П.П. Гудкова, содержались утверждения принципиально иного свойства. Он писал, что так как советская власть признана самочинной, то и её декреты о национализации тех или иных объектов собственности не возлагают на государство ни право на владение этими объектами, ни ответственности за имущественное состояние последних перед их отстраненными от распоряжения владельцами³⁶. По-видимому, принципиально вопрос так и не был решен, и государству пришлось действовать, исходя из имущественных интересов, а не правовой логики.

2.2. Восстановление прав собственников: шаг вперед, шаг назад

С конца июля по октябрь 1918 г. в большинстве уездных городов Сибири создавались комиссии по возвращению предприятий³⁷. Но во многих городах вообще ничего не предпринималось. Понадобилось вторичное требование Министерства торговли и промышленности о скорейшем созыве комиссий и осуществлении возложенных на них работ в двухмесячный срок³⁸. Но и это не везде ускорило ход событий. В Красноярске комиссия по денационализации типографий была создана 24 июля 1918 г. и работала до 15 января 1919 г.³⁹ В Кургане комиссия открылась 28 января 1919 г., в Туринске – 7 февраля, в Ялуторовске – 14 февраля⁴⁰. Самым поздним по времени было создание Пермской городской управой комиссии по восстановлению производств в Перми. Это произошло 2 января 1919 г., через несколько дней после занятия «белыми» города. Ввиду отсутствия в городе

³⁶ «Реальная» политика Временного сибирского правительства /публ. С.В. Дрокова // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2002. № 10. С. 38.

³⁷ Барабинская степь. 1918. 30 окт.; Новый путь (Енисейск). 1918. 2, 16 нояб.; Канский земский голос (Канск). 1918. 27 авг.; ГАКК. Ф. 1800. Оп. 2. Д. 29. Л. 66, 74; ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 100. Л. 17–17об.

³⁸ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 22. Л. 72.

³⁹ ГАКК. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–3, 30, 47; Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

⁴⁰ Вестник Тобольской губернии (Тобольск). Приложение к № 9. 1919. 4 марта.

большинства владельцев предприятий, основная задача комиссии сводилась не к возвращению собственности, а к временному управлению ею через особых уполномоченных, обязанных отчитываться перед управой и возвращавшимися владельцами⁴¹.

27 сентября (по другим сведениям 4 октября) 1918 г. Правительство Амурской области сформировало комиссию по денационализации золотопромышленных предприятий Амурского, Бурейского и Зейского горных округов⁴². Вряд ли это являлось самостоятельным решением дальневосточных властей. В сентябре 1918 г. в составе делегации Временного сибирского правительства на восток отбыл особоуполномоченный управляющего Министерством торговли и промышленности Э.Э. Арендт. Он обладал правом назначать временных управляющих на горные предприятия Забайкалья, Приамурья, Приморья и о. Сахалин с целью организации их возвращения владельцам⁴³. Совет министров выделил ему 27 декабря 1918 г. на расходы 1 млн руб. с зачетом в эту сумму уже произведенных затрат⁴⁴. Следов функционирования в других районах комиссий по возвращению горных и горно-заводских предприятий в источниках не обнаружено, хотя работа, связанная с передачей заводов и рудников, встречается в документации иных органов.

Делопроизводство комиссий по возвращению предприятий и имущества сохранилось преимущественно фрагментарно, поэтому об их деятельности приходится, подчас, судить только по отрывочным данным. Тем не менее вырисовывается определённая картина. Местные органы часто поступали исходя из конкретной ситуации, не дожидаясь предписаний. В одних случаях действовала специальная процедура, регулировавшая возвращение предприятий, в других – это делалось параллельно вместе с осталь-

⁴¹ Городская дума. Бюллетень № 1 (Пермь). 1919. 6 янв.

⁴² Долгов Л.Н. Экономическая политика белых правительств на Дальнем Востоке (август 1918 – январь 1920 г.) // Дальний Восток России в период революции 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 1998. С. 161; Малышев В.П. Борьба за власть советов на Амуре. Благовещенск, 1961. С. 131; Ципкин Ю.Н. Антибольшевистские режимы на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2003. С. 49.

⁴³ ГАСО. Ф. Р-1952. Оп. 1. Д. 74. Л. 7.

⁴⁴ ПВ. 1919. 31 января; ЗДРП. Вып. 2. С. 109; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 48. Л. 85об.

ным имуществом. Так, в Канске в октябре–ноябре 1918 г. комиссия по денационализации предприятий провела четыре заседания, в ходе которых рассмотрела и удовлетворила 10 прошений о возвращении прежним владельцам предприятий или их части: национализированного инвентаря, помещений, средств, незаконно присвоенных советскими или рабочими органами⁴⁵. В Ачинске за период с 17 августа по 20 сентября комиссия рассмотрела пять мелких дел: возврат небольших денежных сумм, оружия. В Красноярске в июне–августе 1918 г. комиссия передала бывшим владельцам все частные типографии, национализированные при советской власти⁴⁶. А в Камышлове комиссия по денационализации имущества с 3 августа 1918 г. по 20 февраля 1919 г. вынесла 247 постановлений о восстановлении имущественных прав⁴⁷.

В нашем распоряжении имеется «Отчет о деятельности иркутской губернской ликвидационной комиссии по денационализации имущества и предприятий, национализированных советской властью за время её существования»⁴⁸. За период с 20 июля 1918 г. по 20 января 1919 г. она вынесла более 100 постановлений о возвращении законным владельцам предприятий, захваченных советскими организациями под видом «социализации», «национализации» и «муниципализации». Автор отчета отметил, что «почти ни один из указанных видов отчуждения... не был проведен в жизнь в чистом виде... Под влиянием атмосферы советской власти имели место случаи отчуждения имущества частными лицами и сельскими обществами самоуправно, без уполномочия советской власти»⁴⁹. Комиссия решала судьбу мукомольных мельниц, лесопильных и винокуренных заводов и т.д. Как и многие другие местные комиссии, она занималась не только промышленными предприятиями, но и рассматривала вопросы о возвращении владельцам прав на оперативное управление банями, гостиницами, различным имуществом, восстанавливала права не только частных собственников, но и государства. Так, Томской железной

---

⁴⁵ Новый путь. 1918. 16 нояб.

⁴⁶ ГАКК. Ф. 1800. Оп. 2. Д. 25. Л. 6–7.

⁴⁷ ГАСО. Ф. Р-838. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–207.

⁴⁸ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 100. Л. 19–20об., 22–22об.

⁴⁹ Там же. Л. 19об.

дороге был возвращен алебастровый завод в с. Тыреть, военному ведомству – сельскохозяйственные (бывшие обозные) мастерские. Обнаруженное бесхозное имущество передавалось казне.

Несмотря на недостаток информации о работе комиссий по денационализации и возвращению собственности, некоторое представление о масштабах возвращения промышленных предприятий бывшим владельцам можно составить по косвенным сведениям. По газетным публикациям, по контексту текущего делопроизводства прослеживается, что значительная часть промышленных предприятий, национализированных или захваченных рабочими в первые месяцы советской власти, осенью 1918 г. уже вновь являлась собственностью прежних владельцев. Конкретные примеры приводятся в историографии (национализированные золотодобывающие предприятия Енисейской губернии, фабрика Бородиных А.Д. и Н.Д. в Бийске, пимокатные мастерские в Барнауле, кожевенные мастерские военно-промышленного комитета в Красноярске)⁵⁰, но они лишь иллюстрируют общий процесс. Очевидно, именно местные комиссии, действовавшие во второй половине 1918 – начале 1919 г. при органах городского и земского самоуправления, губернских и уездных комиссарах, обеспечили возвращение прежним владельцам основной части предприятий, а также отдельного имущества, изъятого советской властью. Летом–осенью 1918 г. в собственность прежних владельцев вернулись частное жильё и предприятия сферы услуг (бани, гостиницы, парикмахерские, аптеки, кинематографы и т.д.), небольшие промышленные предприятия полиграфической, легкой и пищевой промышленности. Общая статистика возвращения местными комиссиями предприятий промышленности и сферы услуг прежним владельцам отсутствует, но, вероятнее всего, речь должна идти о нескольких тысячах.

Самая безболезненная схема была выработана при возвращении банковских предприятий. В первые недели после антибольшевистского переворота прежняя администрация вернулась в банки и возобновила свою работу. Взаимные претензии частных

---

⁵⁰ История Сибири. Л., 1968. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. С. 74–76.

и Государственного банков и беспорядок в делопроизводстве не явились препятствием к денационализации. Работа по выяснению финансовых взаимоотношений банков и казны проводилась уже после денационализации банков и растянулась до весны 1919 г.⁵¹

Несколько иначе складывалась ситуация в горнозаводской промышленности. Большинство горнозаводских предприятий летом 1918 г. оставалось в государственном управлении, причём работу некоторых правительство решило свернуть. Например, Временное сибирское правительство не считало целесообразным возвращение владельцам Экибастузских шахт, так как они оказались полностью выведены из рабочего состояния. Владельцы отказывались уплачивать зарплату рабочим за период управления предприятиями органами рабочего контроля, а также признавать своим долгом расходы правительства на расчёты с рабочими за это время⁵². Правительство изначально нацелилось на ликвидацию предприятия⁵³. Экибастузские шахты оставались в казенном ведении несколько месяцев, в течение которых правительство подготовило их демонтаж, произвело расчёт с рабочими. На эти цели 10 сентября Административный совет выделил 100 тыс. руб. Причём все казенные траты решено было считать правительственной ссудой владельцам Экибастузский копей⁵⁴.

Летом–осенью 1918 г. почти полностью прекратили работу горнозаводские предприятия Енисейской губернии. На медном руднике «Улень» комиссар правительства К.И. Хруцкий пытался с помощью жестких мер возобновить рентабельную работу. В августе 1918 г. он понизил зарплату, увеличил продолжительность рабочего дня до 10 часов, ввел штрафы⁵⁵. Не добившись рентабельности рудника, К.И. Хруцкий в соответствии с разрешением Министерства труда от 1 августа 1918 г. распорядился закрыть рудник⁵⁶.

---

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 208. Л. 7; ГАТО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 547. Л. 3; Наш день (Самара). 1918. 30 июня; Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток. М., 1998. С. 160.

⁵² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 48.

⁵³ Там же. Л. 53.

⁵⁴ Там же; Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 11.

⁵⁵ ГАКК. Ф. 1800. Оп. 2. Д. 93. Л. 122.

⁵⁶ Там же. Л. 123.

На других горных предприятиях в Енисейской тайге летом 1918 г. работы тоже были прекращены. Выяснение отношений между государственными органами и бывшими владельцами длилось около двух месяцев. В течение этого времени рабочие горнозаводских предприятий, оставленные без работы, снабжения и оплаты за текущие и несколько предыдущих месяцев, принялись «экспроприировать» имущество предприятий. Обстановка на отдаленных рудниках и шахтах была близка к бунту. Только в августе–сентябре 1918 г. правительство выдало рабочим большинства этих предприятий расчёт (по пониженным ставкам, без доплат на дороговизну и дорогу). С момента расчета с рабочими предприятие считалось переданным в распоряжение прежнего владельца. Правительство обещало в будущем рассмотреть вопрос о выдаче ссуд для восстановления производства⁵⁷. Однако финансовая помощь на эти цели стала выделяться только четыре месяца спустя. Поэтому для ряда предприятий денационализация совпала с их закрытием. Временное сибирское правительство возвратило енисейские предприятия горнодобывающей отрасли промышленникам осенью 1918 г. непригодными для дальнейшей эксплуатации. На них были полностью истрочены запасы сырья, уволены трудовые коллективы⁵⁸. Возобновить их работу почти никому не удалось. Летом 1919 г. все золотопромышленные предприятия Красноярского и Ачинского горного округов, за исключением одного Богодарованного рудника, бездействовали. Получили ссуду и готовились к возобновлению работы владельцы только Андреевского рудника⁵⁹.

И всё же более распространенными оставались противоположные случаи, когда до передачи предприятий владельцам государство было вынуждено принимать на себя управление и финансирование и тратить значительные средства на поддержание

⁵⁷ ГАКК. Ф. 1800. Оп. 2. Д. 182. Л. 6–7, 13, 15, 40.

⁵⁸ В.А. Кучеряев совершенно необоснованно утверждает, что увольнение рабочих рудников «Улень», Александровский и «Юлия» является примером локаута по политическим мотивам в соответствии с указом Временного Сибирского правительства об увольнении сторонников советской власти (см.: Кучеряев В.А. Деятельность большевиков в профсоюзах Восточной Сибири в годы гражданской войны. 1918–1920 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1983. С. 56).

⁵⁹ Минусинский край (Минусинск). 1919. 26 июня.

их, как правило, нерентабельной работы. Так, рабочие Аскольдова рудника в Приморье требовали уплатить зарплату за период работы ликвидационной комиссии. Комиссия расплатилась, сдав под залог золото из запасов рудника⁶⁰. И таких примеров очень много⁶¹. Обычно передача горнозаводских предприятий владельцам создавала новые имущественные противоречия между хозяевами и казной.

Медленнее всего производилось возвращение уральских металлургических и угольных предприятий. Большинство заводов во второй половине 1918 г. оставалось в казенном ведении. Многие собственники находились в европейской части страны или в эмиграции, либо по другим причинам отсутствовали и не могли вступить в свои права. Это стало одним из ключевых препятствий нормальному ходу восстановления собственнических прав. Кроме того, в соответствии с правилами от 24 июля 1918 г. владелец мог вступить во владение предприятием только после уплаты ранее выданных кредитов. Частные промышленники были не в состоянии возместить государству эти долги. Только за январь–август 1918 г. советская власть выдала предприятиям Урала субсидий на общую сумму 526 млн руб.⁶² Управляющие горными округами Урала высказывались против денационализации горных заводов региона, отметив, что нельзя перекладывать ответственность на доверенных лиц в условиях, когда хозяева заводов почти поголовно отсутствуют⁶³. Пермская городская управа постановила назначить на все предприятия, владельцы коих отсутствуют, уполномоченных, возложив на них ответственность перед управой. Для руководства этой деятельностью решено было специально создать комиссию, а позже – временный отдел по восстановлению производств⁶⁴.

Темпы денационализации предприятий не устраивали их бывших владельцев, многократно выступавших с требованиями

---

⁶⁰ Приморская жизнь (Владивосток). 1918. 15 авг.

⁶¹ ГАКК. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–23; ГАСО. Ф. Р-1952. Оп. 1. Д. 74. Л. 106, 131, 133; и др.

⁶² Национализация промышленности на Урале... С. 284.

⁶³ Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 21 июня.

⁶⁴ Городская Дума. Бюллетень. 1919. 6 янв.

об ускорении её хода. Так, в августе 1918 г. хозяева Экибастузских копей – Киргизское АО – и омские промышленники, получавшие до 1918 г. уголь с этих копей, потребовали от правительства их скорейшего возврата⁶⁵. В конце ноября 1918 г. в Екатеринбурге состоялось совещание горнопромышленников Урала, которое отметило, что задержка денационализации бывших частных горных предприятий на Среднем и Северном Урале привела к остановке многих из них. Совещание указало Российскому правительству, что Уральский промышленный комитет не справляется с управлением бывшими частными предприятиями, и потребовало скорейшего упразднения этого органа и передачу заводов частным владельцам⁶⁶. Не довольны были и промышленники Восточной Сибири. Передача владельцам копей Забайкалья задерживалась в связи с тем, что выяснение их финансового состояния и взаиморасчётов с казной протекало крайне медленно.

В конце ноября – начале декабря 1918 г. владельцы Арбаргатских, Тарбагатайских, Харновских и Черновских копей потребовали вернуть им предприятия в полное распоряжение и принять меры к обеспечению безостановочного производства. Они предлагали производить покрытие убытков казны, если таковые обнаружатся, и даже выяснение их объёма уже после возобновления работы копей. Забайкальские промышленники получили отказ, мотивированный сложностью взаиморасчётов предприятий и казны, изучение которых требует времени. Казалось бы, Восточносибирский районный уполномоченный по топливу решил вопрос в пользу хозяев предприятий: 2 марта 1919 г. была сформирована специальная комиссия по выяснению денежных отношений Забайкальских копей с казной, а копии передали владельцам уже 3 марта 1919 г. Но на этом вопрос не был исчерпан. Комиссия продолжала работать до октября 1919 г.⁶⁷ Все это время копии находились под опекой казны. Причём, как следует из протокола заседания комиссии по выяснению взаимоотношений казны и угольных предприятий Забайкальского района от 19 мая 1919 г., основные вопросы о финансовых расчётах оказались решены в

⁶⁵ Промышленность Западной Сибири (Омск). 1918. № 4–5. С. 31.

⁶⁶ ПВ. 1918. 4 дек.

⁶⁷ ГАИО. Ф. 2143. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 3, 4, 5, 7, 11; Д. 4. Л. 11, 12, 19, 20, 2; Д. 9. Л. 1.

пользу казны. Все долги рабочим по зарплате за период «безвластия» на копях должны были выплачиваться за счет владельцев⁶⁸. А 13 июня 1919 г. Совет министров поручил министерствам торговли и промышленности и финансов выработать условия, на которых владельцы Тарбагатайских копей погасят свой долг за советский период в 2 млн 25 тыс. руб.⁶⁹

Правительство выдвинуло ряд условий возвращения горных предприятий, которые представлялись владельцам совершенно неприемлемыми, граничащими с издевательством. Так, владельцы копей и приисков должны были внести налоги и подесятинную плату за пользование недрами за то время, когда их предприятия находились в руках рабочих. Хозяин Александровского и Борисовского приисков в Забайкалье А.К. Станкевич в течение 1918 г. дважды изгонялся вооруженными группировками со своих предприятий. После освобождения приисков от партизан они так и не были возвращены владельцу до тех пор, пока он не уплатил все налоги и сборы за 1918 г. «Вносить какую бы то ни было подать за предприятие, фактическими хозяевами которого являются какие-то пришельцы и насильники, я принципиально не хотел и не должен был», – писал забайкальский золотопромышленник А.К. Станкевич, точно отражая общее настроение горнопромышленников⁷⁰. В марте 1919 г. он, как и большинство других владельцев, смирился и уплатил налоги. Но только в сентябре 1919 г., когда деньги поступили в казенную палату, ему разрешили вступить в управление своей собственностью⁷¹. Большинство собственников считали такого рода требования со стороны государственных органов узаконенным произволом и были недалеко от истины. Формализация и забюрократизированность процедуры возвращения горных предприятий прежним владельцам задерживала восстановление прав собственников и вызывала недовольство владельцев промышленных предприятий.

Нередко комиссии сталкивались со случаями, которые ставили в тупик бывалых юристов. Так, рабочим Черновских копей вес-

---

⁶⁸ ГАИО. Ф. 2143. Оп. 1. Д. 9. Л. 26–27об.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 148.

⁷⁰ ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1463. Л. 21об.

⁷¹ Там же. Л. 16, 18, 21, 23, 25, 30.

ной 1918 г. зарплату выдали золотом, конфискованным с соседнего Нерчинского рудника. Очевидно, что такую ситуацию возможно было разрешить только произволом в пользу одной из сторон-участниц. Специальная комиссия постановила золото вернуть. Администрация копей должна была взыскать его с рабочих (*где гарантия, что они уже не продали его в Китай.* – Р.В.), а им компенсировать заработок деньгами. Убытки же копей этой операции в конце года намеревалось покрыть государство⁷².

Несовершенство законодательной базы, регулировавшей порядок возвращения предприятий владельцам, осознавали в Министерстве торговли и промышленности, которое в начале 1919 г. подготовило новый законопроект о денационализации. Совет министров отправил его на отзыв во Всероссийский совет съездов торговли и промышленности. Там проект встретил резкое возражение⁷³. Вопрос так и не разрешился из-за невозможности согласовать интересы предпринимателей и казны.

Одной из важнейших задач, провозглашенных Временным сибирским правительством, являлось восстановление прав бывших собственников транспортных предприятий. Основная часть частных железных дорог Урала и Сибири к лету 1918 г. не была национализирована. Управление ими перешло к коллективным органам, куда входили представители рабочих и служащих. Следовательно, от государственной власти не потребовалось проведения денационализации частных железных дорог, а только восстановление прежнего порядка управления.

Речной флот Поволжья, Сибири и Дальнего Востока, практически целиком являвшийся до революции частной собственностью, напротив, был полностью национализирован при советской власти. На Волге летом–осенью 1918 г. он остался в государственном управлении. Приказом № 56 от 19 июня 1918 г. Комуч создал особое Управление речным флотом в составе представителей от Комуча, штаба речной обороны и рабочих. Все судовые команды перешли в распоряжение военной власти⁷⁴. Хотя в соответствии с законом Временного Сибирского правительства от

⁷² ГАИО. Ф. 2143. Оп. 1. Д. 9. Л. 26–27об.

⁷³ Отечественные ведомости. 1919. 29 марта.

⁷⁴ Приказы Комуча. № 56, 65.

30 июля 1918 г. речной флот подлежал денационализации, проводить её Временное сибирское правительство не торопилось. Многие владельцы судов отсутствовали и не могли вступить в свои права. Поэтому правительство временно оставило речной флот в своем распоряжении. Государственные служащие Управления водного транспорта обязаны были следить за эксплуатацией и ремонтом судов, расходом материалов и топлива⁷⁵. Всю навигацию 1918 г. основная часть речного флота Западной и Средней Сибири находилась в ведении Министерства путей сообщения. Бывали, правда, и исключения. Если верить сообщениям газет, суда Западно-сибирского пароходства были денационализированы уже к началу июля, коллективные органы управления распущены и администрация восстановлена в том виде, в котором существовала до установления советской власти⁷⁶.

Доклад о порядке денационализации речного флота Министерство путей сообщения представило в Совет министров ещё 24 сентября 1918 г. Но этот орган добрался до его рассмотрения только 10 декабря, хотя и признал проблему требующей срочного разрешения⁷⁷. 21 ноября 1918 г. в Омске собрался съезд судовладельцев. Его целью была выработка таких условий передачи частникам речных судов и их дальнейшей эксплуатации, которые удовлетворяли бы интересам государства и частных владельцев. Съезд постановил образовать в каждом затоне или группе затонов приемно-сдаточные комиссии в составе представителей судовладельцев и Министерства путей сообщения. Ввиду непригодности флота к следующей навигации судовладельцы вынесли решение просить правительство об ассигновании средств на восстановление флота.

К съезду было приурочено межведомственное совещание при Министерстве путей сообщения. На нем рассматривался вопрос о порядке денационализации речного флота. Представители министерства признали приемлемыми предложения судовладельцев об образовании приемно-сдаточных комиссий и выделении им ссуд. На совещании обсуждался также порядок организации государственных перевозок с помощью частного коммерческого флота.

---

⁷⁵ Вестник Министерства путей сообщения (Омск). 1919. № 4–5. С. 21.

⁷⁶ Сибирский листок (Тобольск). 1918. 14 июля.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 42.

Решено было, что «общий план речных перевозок и контроль над планомерным использованием всего водного транспорта будет возложен на порайонные комитеты»⁷⁸. Эти комитеты возникли еще до революции и являлись государственными органами. Таким образом, провозгласив формальную передачу речных судов частникам, Временное сибирское правительство подчинило их работу общему плану перевозок, выработанному государственными органами. В ноябре–декабре 1918 г. начали свою деятельность ликвидационные и приемно-сдаточные комиссии. В Обском и Енисейском бассейнах их насчитывалось восемнадцать⁷⁹.

Иначе обстояли дела в прифронтовом Волжско-Камском бассейне. Национализированные при большевиках речные суда находились в ведении Нижегородского управления речного транспорта. Летом 1918 г. речной флот от Самары до Казани перешел в подчинение Самарского Главного управления водным транспортом. С отступлением Народной армии из Поволжья значительная часть флота оказалась потеряна, хотя белым удалось вывезти в район Уфы 92 парохода и около 100 непаровых судов. Эвакуировалось и главное управление, преобразованное во Временное управление Волжско-Камского флота. Но начавшееся наступление в Прикамье поставило на повестку дня вопрос о том, что делать с освобождаемым флотом. Министерство путей сообщения предложило передавать суда владельцам по мере освобождения речной системы. Для этого требовалось восстановить деятельность 13 наиболее крупных пароходств. Для мелких пароходств и единичных частных судов, владельцы которых отсутствовали или отказывались принимать суда, сочли нецелесообразным создавать государственные администрации, предпочитая передавать такие суда во временное управление более крупных компаний⁸⁰.

---

⁷⁸ ПВ. 1918. 27 нояб.

⁷⁹ Дмитриев Н.И. Водный транспорт Сибири в период белогвардейского правления // История советской России: новые идеи, суждения: Тез. докл. науч. конф. Тюмень, 1993. Ч. 1. С. 48; Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1996. С. 38.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 33. Л. 4–9.

Дальше начался сложный переговорный процесс между государством и хозяевами судов. 30 декабря 1918 г., 2 и 4 января 1919 г. состоялись межведомственные совещания по денационализации речного флота Волжско-Камского бассейна. В нем приняли участие владельцы судов и представители пароходств, находившиеся в Омске. Они настаивали на том, что передача судов возможна только после окончания военных действий в каждом из районов речной системы, причём государство должно взять на себя все убытки, которые флот понес в результате национализации и военных действий, и удовлетворить рабочих и служащих жалованием по день передачи судна владельцу. После факта передачи флота обратно в частные руки органы государственного управления водным транспортом подлежали ликвидации, и государство обязывалось прекратить всякое вмешательство в деятельность пароходо-владельцев⁸¹. Позиция Министерства путей сообщения была совершенно иной: владельцам следует вменить в обязанность принять флот немедленно и восстановить его за счет ссуд государства, но с максимальным привлечением собственных средств; государство не должно нести ответственность за материальное состояние временно попавшего к нему «беспризорного» имущества; ссуду необходимо расценивать не как компенсацию за убытки, а как возвратную помощь для приведения судов в работоспособное состояние; после этого по мере необходимости государство должно иметь возможность привлекать частные плавсредства к исполнению военно-судовой повинности в рамках законодательства военного времени⁸². 17 января 1919 г. Министерство путей сообщения было принято решение о создании ликвидационных и приемно-сдаточных комиссий в Волжско-Камском бассейне⁸³.

Н.И. Дмитриев не обнаружил различия между ликвидационными и приемно-сдаточными комиссиями⁸⁴, которые в действительности имели разные функции. Ликвидационные комиссии состояли из представителей судовладельцев и министерств тор-

---

⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 33. Л. 10–11об.

⁸² Там же. Л. 12–21.

⁸³ Вестник Министерства путей сообщения. 1919. № 16–18. С. 7–8.

⁸⁴ Автор употребляет гибридный термин «сдаточно-ликвидационные комиссии», который в делопроизводственной документации не встречается.

говли и промышленности, финансов, путей сообщения, Государственного контроля. Они содержались за счет казны и в их задачи входило: определение судового имущества, принадлежавшего возвращению прежним владельцам, выяснение их полномочий, создание приемно-сдаточных комиссий в местах зимовок, состоящих из местных чиновников ведомства водного транспорта и представителей судовладельцев, получавших свое имущество. Именно приемно-сдаточные комиссии осуществляли техническую сторону денационализации, а также занимались подробным выяснением ущерба, нанесенного плавсредствам в период их национализации и военных действий, определением суммы, необходимой на восстановление судов⁸⁵.

Государственное вмешательство в собственнические права судовладельцев Дальнего Востока имело свои особенности. Закон 16 октября 1916 г. запрещал продажу судов Дальнего Востока иностранным подданным. Но после принятия декрета СНК от 5 февраля 1918 г. о денационализации речного флота многие владельцы амурских судов продали их китайским купцам, спасая от национализации. Этому способствовали и действия Д.Л. Хорвата, и российского посланника в Пекине Н.А. Кудашева, напротив, санкционировавших продажу речных судов в амурском бассейне китайцам⁸⁶. Национализированная же часть флота сильно пострадала во время военных действий летом–осенью этого же года. Когда зимой 1918–1919 гг. суда вернули их прежним владельцам, средств на капитальный ремонт у них не оказалось, поэтому судовладельцы стремились продать иностранцам оставшуюся часть плавсредств. По сведениям советских историков, китайцам было продано 62 парохода и 55 барж⁸⁷. В прессе публиковались иные данные: продано 45 пароходов. В результате подобных сделок

---

⁸⁵ Вестник Министерства путей сообщения. 1919. № 16–18. С. 7–8, 15–19.

⁸⁶ Ковальчук М.А. Транспортники Дальнего Востока в 1917–1920 гг.: социально-психологические аспекты участия в революции и гражданской войне // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1999. С. 34; Залеская О.В. Российско-китайские пограничные отношения на Дальнем Востоке (1917–1924 гг.). Благовещенск, 2002. С. 52.

⁸⁷ Светачев М.И., Щагин Э.М. Участие Китая в империалистической интервенции на советском Дальнем Востоке // История СССР. 1978. № 6. С. 32.

грузоподъемность амурского флота сократилась на 20% (по другим данным – на 28%)⁸⁸.

Учитывая важность амурского флота, Совет министров 17 марта 1919 г. признал все сделки по продаже амурских судов недействительными, потребовав от владельцев выкупить суда в двухнедельный срок. Прокурор Пограничного окружного суда опротестовал эти сделки как противоречившие интересам России⁸⁹. Командированный на Дальний Восток генерал П.П. Иванов-Ринов пригрозил придать военно-полевому суду всех, не подчинившихся этому распоряжению⁹⁰. Естественно, китайцы не спешили возвращать дешево купленные и уже отремонтированные суда, тем более, что некоторые из них были предусмотрительно куплены на подставных лиц – русских подданных. Летом 1919 г. местные власти во исполнение правительственного постановления силой задержали принадлежавшие китайцам бывшие российские суда. В ответ на эту акцию Китай захватил российские пароходы в Харбине и ввел свою военную эскадру в Амур для охраны собственности китайских граждан⁹¹. Попытка решения проблемы амурского речного флота силовыми методами привела, таким образом, к еще большему обострению положения. Однако в данном случае политика явно была принесена в жертву праву, да и само государство вскоре, чувствуя слабость юридических оснований, поспешило отменить решение местных военных властей. 11 июня министр юстиции предложил Правительствующему сенату отменить приказ генерала П.П. Иванова-Ринова как незаконный⁹².

Нетипичная ситуация и порядок денационализации флота Амуро-Байкальского бассейна не вписывались в общую схему, пе-

---

⁸⁸ ПВ. 1919. 6 апр.; Вестник Маньчжурии (Харбин). 1919. 3 июня; Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 9 апр.

⁸⁹ Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 152; Залеская О.В. Приграничные отношения между Россией и Китаем на Дальнем Востоке в 1917–1924 гг.: исторический опыт. Благовещенск, 2004. С. 64.

⁹⁰ Амурское эхо (Благовещенск). 1919. 23 марта.

⁹¹ Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1983. С. 137; Он же. О роли китайских милитаристов в антантовской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) // Новая и новейшая история. 1970. № 5. С. 43.

⁹² Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. С. 162.

регруженную проволочками. Совершенно не соответствует действительности утверждение А.А. Распопиной о том, что он не был национализирован в соответствии с декретом СНК от 5 февраля 1918 г., и эта национализация состоялась лишь после восстановления советской власти⁹³. Документы антибольшевистского происхождения свидетельствуют, что летом 1918 г. как минимум часть речного флота региона была все-таки отобрана у собственников. Начальник управления Ленско-Байкальского района инженер А.Н. Латугин 18 июля 1918 г. созвал специальное совещание по денационализации речных предприятий. Последнее сформировало комиссию по денационализации, которая оперативно, к осени 1918 г., передала суда прежним владельцам⁹⁴. Но боевые действия привели к серьезному повреждению речных судов байкальской переправы⁹⁵, и к весне 1919 г. Байкальское пароходство выставило на продажу 26 своих судов, пристани, склады и другое имущество по демпинговой цене в 1,5 млн руб. Казна выкупила их, и именно на этой базе было создано Управление Ангаро-Байкальского водного бассейна⁹⁶. Остальные суда остались в частном владении.

Результаты денационализации речного флота выглядели впечатляюще. К весне 1919 г., по официальным данным, большинство судов было денационализировано: в Амурском бассейне на 100%, Енисейском и Обском – на 97–99%, в Пермском районе – на 77–91%, в недавно перешедшем к «белым» Уфимском районе – на 36–46%⁹⁷. Однако произведенная денационализация флота отчасти носила декларативный характер. На протяжении всего периода контрреволюции государственная власть активно вмешивалась в права распоряжения частным водным транспортом, что в наибольшей степени сказалось на судах Волжско-Камского бассейна, самого близкого к фронту.

---

⁹³ Распопина А.А. Становление и развитие пароходства в Байкальском водном бассейне в середине XIX – первой четверти XX века: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Иркутск, 2003. С. 24.

⁹⁴ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 102. Л. 8–9.

⁹⁵ Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 83–92.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–23об.; Вестник Министерства путей сообщения. 1919. № 19. С. 13–14.

⁹⁷ Сибирь в период гражданской войны. С. 38.

Восстановление прав собственников оказалось делом чрезвычайно сложным и запутанным, влекло за собой массу юридических коллизий. Одним из острейших являлся вопрос о том, кто должен компенсировать убытки, причиненные собственнику за время захвата или национализации его предприятия или имущества, и кто имеет право воспользоваться прибылью, полученной за этот период. Основная масса дел в комиссиях была связана не с предприятиями, а с имуществом, обычно мелким.

Нередко возвращением имущества занимались не специальные комиссии, а иные органы. В Иркутской губернии советские организации перед уходом передали всё имущество Иркутскому продовольственному совету кооперативных организаций. Совет был завален просьбами и требованиями о возвращении собственности или компенсации потерь. Кооператоры констатировали, что советские органы реквизировали всё подряд, расценки устанавливали совершенно произвольно, оплату, если и производили, то обычно частичную, разобраться в хаотично сваленных на складах товарах и делопроизводстве практически невозможно. Работники Продовольственного совета сетовали на отсутствие в августе 1918 г. указаний о том, кто несёт ответственность за действия советской власти, и есть ли какой-то порядок расчёта с гражданами за нанесенные убытки⁹⁸. Ни тогда, ни год спустя никаких руководящих указаний по этому поводу не появилось. Да и трудно было предусмотреть множество ситуаций. Например, в Киренском уезде советские органы реквизировали у предпринимателя Бабицкого дефицитные кожи, передав их кооперативу для обработки и последующей реализации. Там кожи обработали и изделия продали. При новой власти Бабицкий потребовал вернуть кожи либо их рыночную стоимость. Киренская ликвидационная комиссия высказалась в его пользу, но натолкнулась на жесткую позицию кооператива. Кооператоры настаивали на том, что получили кожу на основании законных решений тогдашних органов власти и нести материальную ответственность за это не собираются⁹⁹. Сходные ситуации возникали и между отдельными

---

⁹⁸ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 132. Л. 75–75об.

⁹⁹ Там же. Д. 100. Л. 17–17об.

гражданами. Например, земельный отдел Амурской областной земской управы собрал сведения о конфискациях и реквизициях инвентаря. Управа намеревалась взыскать компенсацию в пользу пострадавших с тех, кто получил инвентарь при советской власти¹⁰⁰. А в Пермской губернии во второй половине 1918 г. местными советами у крестьян был изъят по реквизиционным ценам скот, который раздали в пользование беднейшему населению. Новые владельцы отказывались возвращать скот (в крайнем случае, его предпочитали забить), легко соглашаясь компенсировать прежним хозяевам реквизиционную стоимость. Естественно, пострадавшие требовали обратно свой скот или его рыночную стоимость с учетом инфляции.

Масса похожих проблем была связана с возвращением обывателям сельскохозяйственного инвентаря, повозок, экипажей, оружия, одежды и т.п. В погоне за призрачной социальной справедливостью власти неизбежно сеяли новые столкновения, противоречия и недовольство. Тем не менее многие комиссии объявили сбор информации о реквизициях, конфискациях и контрибуциях, наложенных на граждан и предпринимателей советской властью, обнадеживая этим обывателей¹⁰¹. Да и центральная власть время от времени уверяла, что после победы над большевиками новое Учредительное собрание решит вопрос о том, как поступить с материальными издержками населения от деятельности большевиков. Это подстегивало социальный реваншизм, подталкивало к поиску конкретных обидчиков.

Не менее сложной оказалась судьба изъятых или реквизируемых большевиками товаров. Если они находились на складах, непонятно было, кто должен оплачивать их хранение. Ни владельцы, ни новая власть не соглашались брать издержки на себя. Огромная масса имущества была продана советскими хозяйственными учреждениями или утеряна. Обыватели ждали от государства возмещения ущерба. В довершение уже антибольшевистские органы устраивали распродажу этих ценностей, чтобы ослабить дефицит на рынке, освободить склады и т.д. Кто и по каким ценам

---

¹⁰⁰ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 572. Л. 1–1об.

¹⁰¹ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 100. Л. 6.

должен был компенсировать убытки владельцев и казны? Взаимный подсчет имущественных претензий занял львиную долю усилий многочисленных комиссий по возвращению предприятий и имущества. Иногда казна предпочитала не возвращать имущество, если это грозило убытками. Например, в Пермской губернии бессистемно изъятый органами советской власти лес на сумму 30 млн руб. остался в распоряжении казны, так как не был решён вопрос, откуда следует взять 7,5 млн руб., необходимых для высвобождения ото льда, сортировки и учета леса, подлежащего возвращению. Хозяева леса считали, что работы должны финансироваться государством, а чиновники – собственниками¹⁰².

Когда речь шла о возвращении предприятий, возникал целый комплекс юридических и социально-экономических проблем. Министерство торговли и промышленности осенью 1918 г. в одном из отчетов так сформулировало свою позицию: «Временное сибирское правительство не вправе ни возмещать владельцам какие-либо убытки, нанесенные им захватом их предприятий, ни признать за государством обязанности оплачивать рабочих за время работы их с момента объявления предприятия национализированным, ни требовать с владельцев тех сумм, которые были израсходованы на их предприятия по распоряжению органов советской власти»¹⁰³. Впрочем, во взаиморасчётах государство вскоре легко отступило от этих принципов в пользу взыскания с владельцев всех выданных их предприятиям когда-либо средств.

Как уже отмечалось, владельцы многих предприятий отсутствовали. На месте обычно оставались представители собственников, управлявшие предприятиями раньше. Но, как правило, срок их доверенностей на оперативное управление уже истек, и прав на изменение судьбы вверенных им предприятий у них не было. Поэтому Совету министров 28 ноября 1918 г. пришлось продлить срок доверенностей и предоставить управляющим права на получение кредитов и решение вопросов о форме погашения долгов перед казной¹⁰⁴. Но устранение и этого препятствия не решало проблему кардинально. В период советской власти пред-

¹⁰² Освобождение России (Пермь). 1919. 1 февр., 7 марта.

¹⁰³ «Реальная» политика Временного сибирского правительства. С. 38.

¹⁰⁴ ПВ. 1918. 25 дек.; ЗДРП. Вып. 1. С. 54–55.

приятия крупной промышленности существовали за счет государственных кредитов. Теперь казна стремилась переложить этот долг на восстановленных в правах владельцев, на что те резонно возражали, что не должны нести ответственность за события, произошедшие в период, когда они были лишены прав распоряжаться делами. Получался замкнутый круг. Некоторые промышленники, настойчиво требовавшие от казны немедленного возвращения своих предприятий, получали отказ под предлогом непоплаченного государству долга за советские месяцы.

Наконец, многие предприятия находились на грани банкротства, и их возвращение могло привести к массовому закрытию производств. Анализ состояния промышленных и торговых предприятий Приморья, проведенный комиссией по делам национализированных, реквизированных и секвестрированных предприятий, выявил, что почти все они за несколько месяцев управления своими коллективами полностью разорились. Рабочие и служащие, как правило, сразу повышали зарплату, но спустя месяц переставали её выплачивать из-за отсутствия денег. Все разоренные предприятия комиссия вернула владельцам¹⁰⁵. В других местах ситуация выглядела не лучше.

Если данное производство не имело особой государственной ценности, комиссии обычно выступали за его скорейшее возвращение собственнику. Когда остановка предприятия, наоборот, грозила нанести ущерб интересам казны или была чревата дестабилизацией социальной обстановки, властям приходилось договариваться с владельцами об условиях продолжения работы предприятий за счет выплаты казенных дотаций. Представители Министерства торговли и промышленности предпочитали оттягивать возвращение таких предприятий. Можно сказать, что не всегда клубок взаимных претензий собственников и государства удавалось распутать. Иногда в результате деятельности антибольшевистских властей он запутывался ещё больше.

В особенности это коснулось горной и горнозаводской промышленности. С начала Первой мировой войны она получала больше всего дотаций от государства, сильнее других отраслей

---

¹⁰⁵ Земская жизнь Приморья (Владивосток). 1918. № 4. С. 1–3.

оказалась затронута национализацией. Кроме того, многие предприятия этой отрасли имели ключевое значение в экономике востока России. Недаром для их возвращения Временное сибирское правительство предусмотрело особые условия. В результате итоги восстановления прав собственников в этих отраслях промышленности кардинально отличались. До начала 1919 г. представители правительства занимались не столько денационализацией, сколько обследованием состояния предприятий. Для этого были созданы специальные комиссии в Кыштымском и Златоустовском районах, в Киргизской степи, в Томском горном округе, Енисейской тайге, на Черемховских коях, в Забайкалье¹⁰⁶. Работы у таких комиссий оказалось много, и она двигалась черепашьями шагами. На Урале из 25 национализированных горных округов к марту 1919 г. владельцам был возвращен только один¹⁰⁷. Основная масса частных заводов и копей на востоке России оставалась в управлении казны.

Конечно, ситуация в других местах могла и не повторять уральскую. В частности, по утверждению министра торговли и промышленности Н.Н. Шукина, к 10 декабря 1918 г. на территории востока России владельцам передали 46 горных и горнозаводских предприятий. А к марту 1919 г. в Енисейской, Иркутской и Томской губерниях собственники получили обратно свои рудники, копи и заводы. Основная же часть владельцев вступила в права управления своими предприятиями осенью 1918 г. В Приморье к октябрю 1918 г. владельцам были возвращены 4 рудника, в Приамурье к февралю 1919 г. – золотодобывающие предприятия Амурского, Брейского и Зейского горных округов¹⁰⁸.

Но министр явно упускал существенные детали, которые становятся видны при знакомстве с делопроизводством. Правительство породило ситуацию замкнутого круга, которая в более или

---

¹⁰⁶ «Реальная» политика Временного сибирского правительства. С. 39; ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

¹⁰⁷ Нарский И.В. Уральская промышленность в 1917–1922 гг.: социалистический эксперимент или консервация «оригинального строя?» // Промышленность Урала в XIX–XX веках. М., 2002. С. 165.

¹⁰⁸ ПВ. 1919. 5 марта; Земская жизнь Приморья. № 4. С. 1–3; Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926 гг.: Сб. документов. М., 2002. Т. 1. С. 76.

менее драматической форме повторялась почти повсеместно. Банки отказывали частным предприятиям, как временно управлявшимся государственными уполномоченными, так и возвращенным прежним владельцам, в новой ссуде, ссылаясь на неоплату предыдущих. Владельцы же не хотели платить долг до тех пор, пока предприятие не будет денационализировано, а часто вовсе не признавали ссуд, данных их предприятиям в период денационализации¹⁰⁹. Возможность коммерческого кредита оказалась блокирована. Оставалось уповать лишь на государственные субсидии. Но владельцы не мирились с требованиями государства выплатить или хотя бы признать обязательства на погашение в рассрочку прежних субсидий, полученных за время действия органов рабочего контроля, когда их собственнические права были ограничены. Действительно, ведь государство не выполняло своей обязанности по охране их прав.

Издание Временным сибирским правительством закона о возвращении предприятий бывшим владельцам отечественные историки приравнивали обычно к факту полного восстановления частной собственности на средства промышленного производства, а по отношению к мероприятиям контрреволюции, предпринятым в этом направлении, в историографии всегда употреблялся термин «денационализация». В действительности этот термин не совсем верно отражает суть проводимой контрреволюционной политики. Правильнее говорить о возвращении прежним владельцам предприятий, национализированных и захваченных рабочими за время советской власти. Единственный историк, поднявший вопрос о порядке, темпах и пределах этого процесса, — Н.И. Дмитриев. В статье об уральской промышленности, изданной в 1989 г., он утверждал, что к 10 декабря 1918 г. на Урале и в Сибири было денационализировано 36 горнозаводских и 9 каменноугольных предприятий¹¹⁰. В более поздних публикациях автор, со ссылкой на тот же источник, сообщал, что «на обширной территории от Урала до Дальнего Востока было возвращено

---

¹⁰⁹ Отечественные ведомости. 1919. 26 марта.

¹¹⁰ Дмитриев Н.И. Крупная промышленность Урала в условиях белогвардейской оккупации (1918–1919 г.) // Строительство социализма на Урале: история, историография. Свердловск, 1989. С. 22.

прежним владельцам лишь 46 предприятий (почти исключительно горнодобывающих)¹¹¹.

Н.И. Дмитриев совершенно необоснованно распространил имевшиеся в его распоряжении данные, во-первых, на всю территорию контрреволюционного востока России, во-вторых, на все отрасли промышленности. В действительности, приведенные им цифры отражали масштабы возвращения бывшим владельцам частных предприятий горнозаводской промышленности, осуществленные при непосредственном участии Министерства торговли и промышленности. Автор не учёл, что их возвращение началось с первых дней после перехода власти к «белым», шло в основном через комиссии, созданные при местных органах, и затрагивало главным образом городские промышленные предприятия. Возвращены были десятки типографий, пищевых, металлообрабатывающих, текстильных и прочих предприятий. Кроме того, Н.И. Дмитриев оставил без внимания тот факт, что для части предприятий, официально при советской власти не национализированных, не требовалось юридического переоформления права собственности. Необходимо было лишь передать их руководство от рабочих законной администрации. Наконец, совершенно проигнорирован в историографии факт восстановления прав собственников непромышленных предприятий, движимого и недвижимого имущества. Работа в этом направлении заняла львиную долю усилий государственных и муниципальных органов, специально созданных для восстановления имущественных прав.

2.3. Права владения и распоряжения под прессом чрезвычайных обстоятельств

Различие между порядком возвращения крупных объектов производства и мелкой собственности на средства производства и имущества очевидно. Оно порождало и разный комплекс отно-

---

¹¹¹ Он же. Новый подход к проблеме денационализации белогвардейскими властями промышленности и транспорта на востоке России // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Владивосток, 1993. Кн. III. С. 48; Он же. Экономика по Колчаку // Урал в событиях 1917–1920 гг. Челябинск, 1999. С. 145.

шений собственников и государства. Важно выяснить, до какой степени возвращение прежнего права распоряжения имуществом влекло за собой реальное восстановление юридических и фактических прав его обладателей.

Крупные частные предприятия промышленности и транспорта были возвращены прежним хозяевам или их представителям либо за отсутствием владельцев перешли под контроль временных управляющих. Ещё 30 августа 1918 г. Временное сибирское правительство определило, что на предприятиях, владельцы которых отсутствуют или связаться с ними невозможно по военным обстоятельствам, управляющие временно признаются правомочными на получение от казны ссуд под залог имущества, даже если владельцы не наделяли их такими полномочиями, или срок таких истек. При этом безусловная обязанность возвращения ссуд возлагалась на владельцев предприятий¹¹². В ситуации дефолта, которую переживала индустриальная сфера в годы Гражданской войны, подавляющая часть промышленных и транспортных предприятий могла свести свои бюджеты с большим дефицитом. Поэтому неизбежным стало их обращение за финансовой поддержкой к государственным органам. Именно позиция государственной администрации определяла положение большинства частных промышленных и транспортных предприятий.

За примерами далеко ходить не нужно. Прифронтовые частные железные дороги почти до нуля сократили свои коммерческие перевозки. Вся их работа свелась к небольшим пассажирским перевозкам и обслуживанию нужд армии. Поэтому казенные субсидии явились основным источником поступления средств. Получение денег становилось возможным только после очень заблаговременного составления сметы, её обоснования, перепроверки в нескольких государственных инстанциях. Даже после решения о выделении средств нередко проходили месяцы, пока деньги поступали на счета железнодорожных предприятий. Если возникали не предусмотренные сметой расходы, то на них приходилось запрашивать средства отдельно. Причём, пока вопрос о дополнительном финансировании решался, руководство предприятий изыскивало сред-

---

¹¹² СУР ВСП. № 23. Ст. 218; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 159–160.

ства за счет сметных поступлений. Следовательно, обыкновенные расходы (закупка материалов, выплата заработной платы и пр.) оказывались недофинансированы¹¹³. Аналогичная картина наблюдалась в других индустриальных отраслях.

Позиция правительства определилась достаточно рано, и она заключалась в том, что казенные субсидии должны выделяться тем производствам, работа которых представлялась жизненно необходимой для нормального функционирования государственного и военного аппарата. Следовательно, финансировалось только то, что обслуживало нужды государства. Большинство владельцев воспринимали это с пониманием и не сомневались в необходимости таких мер в период военных действий. Но к их глубокому неудовольствию, государство не соглашалось просто финансировать работу предприятий. Все средства выделялись им на условиях банковского кредита и облагались процентами. И хотя в инфляционной экономике ставку в 6–8% нельзя признать высокой для пользователей, но ведь и кредит не нес получателям коммерческих выгод. Он не порождал прибыль, и набегавшие проценты оказывались финансово обременительными. Кроме того, кредиты вызывали досаду у получателей несправедливостью условий выделения: деньги шли на покрытие убытков от обслуживания государственных нужд и на них же начислялись проценты. Неоднократно поднимался вопрос об их списании и выдаче беспроцентных кредитов, но он категорически отвергался правительством.

Государственная власть стремилась блокировать попытки промышленников избавиться от нерентабельной собственности и принимала меры по усилению контроля за их деятельностью. 7 ноября 1918 г. Совет министров Временного Всероссийского правительства одобрил идею воспретить всякие сделки на отчуждение (продажу) горных и промышленных предприятий без особого разрешения Министерства торговли и промышленности. Министерство же должно было выяснить, не отпускались ли предприятию средства из казны в период советской власти. Если отпускались, то отчуждение возможно было лишь при условии

---

¹¹³ ГАОО. Ф. Р-1858. Оп. 1. Д. 5. Л. 68; Д. 11. Л. 19, 22, 31, 59–59об., 63; Д. 21. Л. 52–52об., 128–128об.; Д. 23. Л. 10–10об.; Д. 39. Л. 13.

погашения долга перед казной. Идея так и не была оформлена законодательно, хотя Министерству торговли и промышленности поручили подготовить соответствующий законопроект¹¹⁴. 4 марта 1919 г. управляющим частными железными дорогами разрешили создавать Временные правления. Причём в них должны были входить представители министерств путей сообщения, финансов и государственного контроля. Все их постановления подлежали утверждению указанными министерствами. Срок действия таких правлений был определен до тех пор, пока законные правления не смогут вступить в свои права¹¹⁵.

23 мая 1919 г. было утверждено положение о главноуполномоченном по уральской промышленности, в котором предусматривалось право Министерства торговли и промышленности принимать решения о временном закрытии частных предприятий, об их принудительном расширении и открытии новых производств. Постановление Российского правительства от 9 сентября 1919 г. окончательно передавало контроль над промышленностью и торговлей, чья работа могла быть связана с обслуживанием армии, министру продовольствия и снабжения. Он получал право принудительной замены администрации на частных предприятиях на представителей министерства, а также право секвестрировать предприятия, не выполнявшие его директив¹¹⁶. Такие жесткие меры, принятые накануне поражения «белых», едва ли могли широко применяться и поэтому не обеспечили мобилизацию промышленности. Но примечательна сама тенденция к расширению прав вмешательства государства в управление частной собственностью по мере мобилизации экономики.

Особое место в правительственной практике занимало решение вопроса о статусе копей Черемховского бассейна¹¹⁷. Ситуация на копиях резко ухудшилась еще при советской власти. Рабочие несколько месяцев не получали заработную плату, практиче-

---

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 70об.–71.

¹¹⁵ ПВ. 1919. 27 авг.; СУР РП. № 11. Ст. 164.

¹¹⁶ ПВ. 1919. 7 окт.

¹¹⁷ Подробнее этот вопрос см.: Рынков В.М. Колчаковская национализация: Черемховские копи во второй половине 1918 – 1919 г. // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 87–108.

ски полностью прекратилось продовольственное снабжение. Положение усугублялось тем, что анархистски настроенные рабочие еще в 1917 г. взяли управление копами в свои руки и летом 1918 г. отказывались вернуть их владельцам. Насильственное возвращение копей грозило остановкой добычи угля. Поэтому распоряжением министра торговли и промышленности частные копи Черемховского района оставили во временном управлении комиссара министерства Н.Н. Щукина¹¹⁸.

Углепромышленники остались недовольны решением правительства о сохранении Черемховских копей в государственном управлении. Ходили упорные слухи о том, что, пользуясь сохранением за собой права собственности на угольные предприятия, углепромышленники вступили в переговоры с японцами о продаже им своих копей. Особая важность Черемховского угольного бассейна, от которого зависело снабжение топливом железных дорог Восточной Сибири, заставила правительство 30 января 1919 г., во-первых, объявить его зоной, закрытой для свободного горного промысла, и, во-вторых, признать необходимой покупку казной всех Черемховских угольных предприятий¹¹⁹. Правда, подсчет стоимости предприятий и урегулирование отношений с бывшими владельцами затянулись. Лишь 1 мая 1919 г. Совет министров распорядился выкупить копи, выплатив владельцам 59 млн 116 тыс. руб. в течение трех месяцев¹²⁰. Это постановление фактически предусматривало национализацию угольных копей Черемховского бассейна. От большевистской такая национализация отличалась тем, что предусматривала компенсацию владельцам стоимости предприятий. Её размер оказался очень невысок, но и определить рыночную стоимость в условиях весны 1919 г. представлялось совершенно невозможным.

Были и другие, менее заметные, случаи изъятия собственности. Например, секвестр типографских машин и предприятий Временным областным правительством Урала¹²¹ или изъятие ти-

---

¹¹⁸ СВ. 1918. 12 окт.; Свободный край (Иркутск). 1918. 6 авг.

¹¹⁹ ПВ. 1919. 1 апр.; СУР РП. № 1. Ст. 5.

¹²⁰ ПВ. 1919. 1 авг.

¹²¹ СУР ВОПУ. № 7. Ст. 45, 46.

пографии Закупсбыта в Новониколаевске военным ведомством¹²².

С большой долей условности можно говорить о денационализации водного транспорта в контрреволюционный период. Государственная власть восстановила право частного владения транспортными средствами, в то же время ограничив право распоряжения ими. 27 декабря 1918 г. Л.А. Устругов и управляющий Морским министерством М.И. Смирнов сделали доклад по этому поводу в Совете министров. На примере работы Волжско-Камского водного транспорта во второй половине 1918 г., когда военные действия проходили одновременно с осуществлением коммерческих перевозок, они сделали вывод о необходимости милитаризации работы водного транспорта в районе боевых действий и передаче его в совместное ведение двух министерств: морского и путей сообщения. К частным судам могли быть предъявлены требования по принудительной перевозке военных грузов за счет военного министерства, мобилизации судов, рабочих и служащих на обслуживание военной кампании. А владельцам и рабочим должна была выплачиваться компенсация за нанесенный ущерб¹²³.

В первую очередь новое законодательство затронуло речной флот Волжско-Камского бассейна. По окончании ремонта военное ведомство в порядке военно-судовой повинности реквизировало около 75% флота. В течение мая–июня 1919 г. казна целиком финансировала работу реквизированных судов. Во время отступления «белых» с Волги и Камы летом 1919 г. по приказанию морского министра адмирала М.И. Смирнова, оставшегося одновременно командующим Камской флотилией, было взорвано около сотни судов, в том числе и мобилизованных частных¹²⁴. Компенсация за нанесенный ущерб и аренду судов Волжско-Камского бассейна должна была составить 130 млн руб. Управление водных путей сообщения предложило не производить выплату долга, а объявить, что государство выкупает реквизирован-

---

¹²² Обской кооператор (Новониколаевск). 1919. № 4. С. 37; Присяжный А.Г. Кооперация Сибири в период колчаковщины. 1918–1919 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1974. С. 121.

¹²³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 32. Л. 5–8об.; Оп. 5. Д. 92. Л. 13.

¹²⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1534. Л. 304.

ные суда с возмещением их стоимости по мере предъявления претензий¹²⁵. Поскольку решение об этом приняли уже в октябре, в разгар отступления «белых» на восток, то никаких выплат, естественно, не производилось.

В Обском и Енисейском бассейнах государственное вмешательство в дела речного транспорта проявлялось в более мягкой форме. Порайонные комитеты по транспорту составили планы речных перевозок, обязательные для исполнения частными судовладельцами. В соответствии с ними к перевозке в первую очередь принимались военные грузы, во вторую – кооперативных организаций и самоуправлений, в третью – других общественных организаций и частные¹²⁶. Небольшую часть судов реквизирировало военное ведомство. Причём это были лучшие пароходы частных компаний. В меньшей степени изъятия затронули казенные пароходства. Суда редко забирали надолго, обычно на один рейс или на исполнение конкретных работ, например, перевозку заготовленных дров¹²⁷. Тем не менее крупные судовладельцы не спешили возвращать плавсредства, отказываясь вкладывать деньги в ремонт и эксплуатацию. Они дожидались государственных субсидий¹²⁸. Не только частные, но и государственные предприятия резко возражали против реквизиций, объясняли ими невыполнение планов продовольственных и топливных перевозок, подготовки к эксплуатации Северного морского пути¹²⁹. Количество плавсредств, реквизирированных военным ведомством или снаряженных для военных и государственных перевозок в Обском и Енисейском бассейнах, в течение лета 1919 г. непрерывно росло. Всего к осени 1919 г. на реках Обского и Енисейского бассейнов военные реквизирировали только 20% судов, но принудительные перевозки военных грузов заняли большую часть тоннажа флота¹³⁰.

---

¹²⁵ ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 39. Л. 315–317, 325.

¹²⁶ ГАКК. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 26. Л. 37.

¹²⁷ ГАТ. Ф. И-722. Оп. 1. Д. 142. Л. 71.

¹²⁸ Сибирская жизнь. 1919. 4 февр.

¹²⁹ ГАКК. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 26. Л. 22–33.

¹³⁰ Подсчеты очень приблизительные, так как количество судов, реквизирированных в 1919 г., сравнивается с общим количеством судов в 1920 г. (ГАКК. Ф. 1188. Оп. 1. Д. 26. Л. 17, 19; ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 39. Л. 318; Фейгин А.

Настоящая борьба за пароходы развернулась на Лене осенью 1918 г. Военные реквизируют один пароход за другим для ведения боевых операций, в частности, борьбы с большевиками в Якутии. Комиссар Киренского уезда Даровский совместно с уездным земством реквизирует пароходы для снабжения товарами населения отдаленных районов. Причём власти обвиняли судовладельцев в том, что в погоне за барышами они перевозили не грузы первой необходимости, а те товары, за которые больше платил владелец, и этим провоцировали голод в крае. Судовладельцы жаловались губернскому комиссару П.Д. Яковлеву, что действия местных военных и гражданских властей не только разоряют их, но и срывают работу по снабжению населения¹³¹.

Собственнические права на мелкие средства производства и имущество, используемое в коммерческих целях, также не были в безопасности. С одной стороны, все антибольшевистские правительства признали их незыблемость и обещали компенсировать убытки, нанесенные большевиками. С другой стороны, неоднократно возникал вопрос о бремени борьбы с большевизмом, которое должно равномерно раскладываться на всех членов общества. Следовательно, материальные издержки, вызванные войной, не только не подлежали компенсации, но и воспринимались как доля обязательств каждого индивидуума перед воюющим обществом и государством.

В советской историографии выявлены многочисленные факты изъятия властями профсоюзного и кооперативного имущества, и в особенности товарных запасов кооперации. Этот вопрос изучался целенаправленно, чтобы показать посягательство колчаковского режима на имущество демократических организаций, ограничивавшееся в интересах развития частного капитала¹³². Такой вульгарно-социологический подход выглядел убедительно при

Водные пути Сибири в навигацию 1920 г. // Сборник Сибирского стат. управления. Новониколаевск, 1922. Вып. 2. С. 73).

¹³¹ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 132. Л. 219об., 220, 227, 239, 407–407об.

¹³² Дрожбин П. Поход на кооперацию в Сибири. 1917–1919 гг. // Алтай. 1994. № 6. С. 112–117; Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976. С. 251–253, 290–293; Сибирская кооперация в период военной диктатуры. Омск, 1922. С. 5–24.

игнорировании фактов ограничения прав частных собственников. На самом деле изъятия распространялись на виды имущества и в меньшей степени зависели от формы собственности. Причём частники оказались затронуты в той же степени, что и кооперативные и общественные организации.

Так, для размещения административных и воинских учреждений, постоя войск требовались значительные площади. После решения этого вопроса вставала проблема поиска мебели и иных предметов обстановки. Острейшую форму приобрел дефицит печатных машинок. Никто из владельцев не соглашался расставаться со своими ценностями, даже за достаточно большие деньги. Естественно, что это приводило к реквизициям помещений и всего необходимого для работы государственных органов. У государства же, испытывавшего острейший бюджетный дефицит, была возможность компенсировать лишь минимальную стоимость отчуждаемого имущества. Поэтому вопрос о принудительном изъятии ресурсов, его регламентации и правовом регулировании занял значительную долю внимания законодателей.

Уже 30 августа 1918 г. Совет министров Временного сибирского правительства поручил Министерству внутренних дел рассмотреть вопрос о реквизиции помещений, необходимых для служащих и правительственных учреждений¹³³. В функционировавшей в конце 1918 – начале 1919 г. комиссии по реквизиции жилья в Омске половину мест занимали военные. Остальные места распределялись между представителями ведомств, кооперацией и домовладельцами. Именно военным принадлежала установка на выселение в первую очередь богаделен, приютов, землячеств, во вторую – земств и кооперативов, частных учреждений¹³⁴. Подчас операции по изъятию или временному отчуждению имущества проводились без оглядки на юридические и этические границы. Так, в Омске периодически производили реквизицию стульев из кинотеатров. Хозяин кинотеатра «Одеон» жаловался, что у него с августа по декабрь 1918 г. четыре раза отнимали помещение, а стулья отбирали даже без его предупре-

---

¹³³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 164об.

¹³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 35. Л. 20.

ждения и ведома. Министерство внутренних дел предлагало владельцам залов представлять их в дневное время в распоряжение правительственных учреждений, а в вечернее – использовать для увеселительных мероприятий¹³⁵. Очевидно отношение властей к индустрии развлечений не менее, а иногда даже более жесткое, чем к торговцам и кооператорам. 11 февраля 1919 г. Совет министров выделил 42,7 млн руб. для оплаты постоя войск. При этом расквартировывать их следовало в казенных и городских помещениях¹³⁶. Но государственные учреждения и городские управы тоже старались не расставаться с собственными помещениями и предпочитали производить реквизиции у обывателей, частных или общественных организаций. Кроме того, ведомства и военные отказывались оплачивать реквизированные помещения, ссылаясь друг на друга, а все вместе на неполучение пособия от казны¹³⁷. Когда незадолго перед эвакуацией Омска в сибирскую столицу оказалось стянуто огромное количество войск, Совет министров 15 октября 1919 г. постановил в целях предоставления помещений учреждениям военного ведомства подвергнуть уплотнению в первую очередь частные здания, банки и торговые заведения¹³⁸. Аналогичные установки давались и на местах¹³⁹. Естественно, когда дело доходило до конкретного выбора помещений, военные часто предпочитали либо торговые, либо учебные учреждения как наиболее удобные для занятия под казармы, штабы и прочие воинские присутствия. Сказывалось и представление военных о том, что в условиях чрезвычайщины и полной мобилизации должно быть не до учебы, и вообще, всякая размеренная жизнь общества должна быть прекращена и подчинена удовлетворению нужд армии. Другое дело, что посягательства на кооперативную собственность подвергались более активному публичному обсуждению в силу организованности кооперативной печат-

---

¹³⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 34. Л. 3–8.

¹³⁶ Там же. Оп. 5. Д. 92. Л. 86об.

¹³⁷ Там же. Оп. 1. Д. 34. Л. 64.

¹³⁸ Там же. Оп. 5. Д. 245. Л. 202об.

¹³⁹ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 111. Л. 7–8; ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 18. Л. 97; Сибирская жизнь. 1919. 27 июля.

ти, консолидированности кооперативного сообщества и его веры в свою исключительную общественную значимость¹⁴⁰.

Но в гораздо большей степени оказалось подвержено регулированию и распределению самое обыкновенное обывательское жильё. Этот процесс начался, когда Временное правительство 5 августа 1917 г. ввело фиксированную цену на сдачу в наём жилых помещений. Уже тогда это были невысокие цены. Спустя год, когда общий уровень цен вырос примерно в десять раз, ни один хозяин не соглашался добровольно сдавать помещение по твердым ценам. Во всех городах при городских управах открылись квартирные комиссии. 7 марта 1919 Совет министров принял новый закон об установлении предельных цен на жильё. Он предусматривал обязательное создание в городах жилищных комиссий, распределявших сдаваемое в наём жильё и устанавливающих предельные цены на него (п. 3–9). Разбор конфликтов между хозяевами помещений и постояльцами осуществлялся специальными примирительными жилищными камерами, которые становились первой судебной инстанцией в жилищных спорах (п. 40–68)¹⁴¹. Но и до появления этого постановления и после него в прифронтовой зоне и в столице распределением жилья и нежилых помещений занимались, главным образом, военные, которые подчас полностью определяли, в какую квартиру кого подселить из военных или гражданских чиновников, запрещали коммерческий наём жилья.

Власти, очевидно, стремились переложить часть своих проблем на домовладельцев. Отказав 10 октября 1919 г. в очередном повышении окладов военным и гражданским служащим на Дальнем Востоке, Совет министров предложил обратить особое внимание на интенсивность работы комиссии по реквизиции квартир в целях обеспечения ими служащих¹⁴². Обыватели отвечали изобретательностью: ставили бутафорские кровати, селили домочад-

---

¹⁴⁰ Рынков В.М. Идейное и экономическое противоборство кооперации и предпринимателей Сибири в годы Первой мировой и гражданской войны // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Новосибирск, 2006. Вып. 5. С. 163–174.

¹⁴¹ ПВ. 1919. 5 апр.; СУР РП. № 16. Ст. 253.

¹⁴² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 200.

цев в смежных комнатах, предоставляя непрошенным жильцам проходные, загромождали личными вещами места общего пользования, уклонялись от регистрации, требовали переплату¹⁴³.

Существовало принципиальное различие политики большевиков и антибольшевистских органов власти в жилищном вопросе. В революционном лагере предпринимался масштабный передел собственности, чтобы наделить жильём всех малообеспеченных и уравнивать всех в жилищных условиях. Противники же большевиков ставили перед собой куда более утилитарные цели: обеспечить нуждавшихся в жилье военных и государственных служащих, предоставить помещения правительственным учреждениям. Но обнаруживается и определенное сходство. И в европейской части страны, и на востоке распределением жилья занимались специальные городские комиссии военно-бюрократического характера. Очень сходным был и сам алгоритм их работы¹⁴⁴. Но ещё важнее были социальные последствия мероприятий по урегулированию жилищных отношений. Квартирный вопрос всеми принимался близко к сердцу. Притеснения в этой сфере доставляли массу неудобств, оставляли ощущение некорректного отношения власти к гражданам. Нарушение жилищных прав при антибольшевистских режимах стало важнейшим фактором, культивировавшим недовольство действиями власти. В группу недовольных попали достаточно широкие слои населения: домовладельцы, собственники складских и офисных помещений, учителя, ученики и их родители и т.п.

Реквизициям также подвергалось и другое имущество: лошади, повозки и иные транспортные средства, одежда, обувь, оружие¹⁴⁵. Нет смысла рассматривать подробно их обстоятельства и последствия. Достаточно отметить, что декларативно восстановленные права собственности в ходе Гражданской войны постоян-

---

¹⁴³ ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 18. Л. 13, 62; Сибирская жизнь. 1919. 4 сент.

¹⁴⁴ Харченко К.В. Власть – Имущество – Человек. Передел собственности... С. 101–122.

¹⁴⁵ ПВ. 1919. 18 марта; СУР РП. № 4. Ст. 41, 42; Сибирская жизнь. 1919. 26 авг.; Рынков В.М. Место и роль реквизиций в экономической политике антибольшевистских правительств Сибири // История белой Сибири: Материалы 5-й междунар. науч. конф. 4–5 февраля 2003 года. Кемерово, 2003. С. 284–288.

но нарушались антибольшевистскими правительствами. Делалось это не во имя достижения всеобщего равенства, а с целью мобилизации ресурсов для победы в военных действиях. Расхождение между обещаниями уважать имущественные права и практикой периодических ограничений прав владения и распоряжения вызывало дополнительную напряженность между государством и обществом на востоке России.

Правительственные органы широко и очень активно вторгались в права владельцев распоряжаться своими товарными запасами. Примечательна в этом отношении политика Комуча, который организовал Отдел государственных движимых имуществ. Его основной задачей являлась оценка товаров бывших складов Кундинского (крупнейших в районе Самары) и их продажа с целью «укрепления кассы высшей государственной власти»¹⁴⁶. Временное сибирское и Российское правительства осудили эту практику, но сами широко применяли реквизиции грузов, владельцы которых не могли их получить по причине расстройств транспорта. Ещё летом 1918 г. «бесхозные и бездокументные» грузы, найденные представителями государственной власти, подлежали реквизиции и продаже как в Поволжье, так и в Сибири¹⁴⁷. Апофеозом этой практики стало решение Совета министров от 17 июня 1919 г. о реквизиции некоторых товаров Владивостокской таможни. 29 августа 1919 г. правительство учредило комиссию по описи товаров, предметов и материалов, находящихся на складах Владивостока и принадлежащих казне, общественным и частным организациям. Их реквизицию разрешалось произвести в случае нужды казны в частных товарах¹⁴⁸, а также с целью их продажи, в том числе и за валюту, с перечислением дохода казне и вознаграждением владельцев в рублях по курсу дня реквизиции. Ведомства отбирали для себя всё необходимое и отчуждали по реквизиционным ценам. Уплата владельцу предполагалась через неопределенное время, когда тот обратится за своими гру-

---

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

¹⁴⁷ См.: Приказы Комуча. № 76, 97; ГАРФ. Ф. Р-167. Оп. 1. Д. 1. Л. 13, 14.

¹⁴⁸ ПВ. 1919. 26 июля; 18 сент.

зами¹⁴⁹. Такая практика ничем не отличалась от деятельности Комуча, извлекавшего доходы от перепродажи частных грузов.

Основная масса случаев изъятия, ограничения прав собственников на распоряжение их имуществом объяснялась государственной необходимостью. Но накал страстей в годы Гражданской войны оставался слишком велик, чтобы можно было совершенно избежать сведения политических счетов. Например, в Оренбурге при советской власти дома казачества подверглись грабежу со стороны горожан. Вернувшись в город, Оренбургское войсковое казачье правительство постановило взыскать с обидчиков контрибуцию. Её наложили на окраинные кварталы города. Несмотря на протесты городских властей и профсоюзов Оренбурга, казаки решили, что спустя несколько месяцев невозможно разобраться, кто был участником грабежей, а кто нет, поэтому компенсацию решили взыскать огульно, путем поквартальной разверстки¹⁵⁰. Не менее примечателен случай наказания енисейских партизан. Деревни Тасеево Канского уезда и Степно-Баджейское Красноярского уезда являлись крупными центрами партизанского движения. 21 июня 1918 г. Совет министров постановил изъять надельные земли жителей этих селений. Они должны были перейти в фонд, предназначенный для наделения земельными участками участников войны с большевиками¹⁵¹.

Военные широко применяли контрибуции по отношению к населению в районах борьбы с партизанским движением. Законодательно эти действия никак не регулировались, да и вовсе часто граничили со стихийным грабежом¹⁵². Их объяснение следует искать в природе особого социально-политического и социально-психологического явления, именуемого «атаманщина». Об этом много написано, но глубже всего в данной проблеме разобрался омский исследователь В.А. Шулдяков, справедливо отметивший её антибуржуазную струю¹⁵³. Притупление моральных ограничи-

---

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 71об.–72.

¹⁵⁰ Народное дело (Оренбург). 1918. 20, 21, 23, 25 июля.

¹⁵¹ СУР РП. № 12. Ст. 200.

¹⁵² Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. С. 259–260.

¹⁵³ Шулдяков В.А. Атаманщина как феномен гражданской войны на востоке России // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2006. Т. 5.

телей, свойственное комбатантам, переплетается здесь с эгалитаризмом «героев» Гражданской войны, что отчасти роднит их с советским походом на собственность.

В единственном случае законы Российского правительства предусматривали изъятие имущества отдельных граждан в качестве возмездия за их нелояльность по отношению к действующему режиму. Приказ Верховного правителя от 14 мая 1919 г. предписывал конфискацию в пользу казны движимого и недвижимого имущества лиц, добровольно сдавшихся в плен или перешедших на сторону «красных». В июне на местах был разработан механизм единообразного применения этого приказа. Конфискация всего имущества предполагалась, если на сторону противника переходил глава семейства. Если же в преступлении был виновен член семейства, управляющему уездом предстояло выяснять отношение семьи к этому поступку. В случае сочувствия дезертирству конфисковывали также все имущество. Если же семья осуждала переход одного из своих членов на сторону противника, конфискации подлежала только его личная часть семейного имущества¹⁵⁴. Командование некоторых полков активно использовало эту норму, регулярно высылая в тыл списки сдавшихся в плен солдат с указанием места жительства и семейного положения и просьбой произвести конфискацию¹⁵⁵. Однако нельзя судить по отрывочной документации о том, насколько широко применялась эта мера на востоке России. В любом случае объём изъятий не мог быть значительным.

* * *

В литературе принято считать национализацией любое принудительное и безвозмездное изъятие собственности. Такой подход обедняет представления о многих юридических и вещных аспектах происшедшего в годы революции имущественного передела.

Вып. 1. С. 40; Он же. К вопросу о «белом большевизме» в Русской гражданской войне // Человек и война. XX век. Проблемы изучения и преподавания в курсах отечественной истории: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2002. С. 78.

¹⁵⁴ ЦХАФАК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 13. Л. 4–5, 14–15об.

¹⁵⁵ Там же. Л. 7, 8, 12, 25.

Напротив, дифференциация всех случаев перераспределения собственности на национализацию, муниципализацию, социализацию, отделение друг от друга выкупа, секвестра, реквизиций, конфискации, поиск всевозможных промежуточных форм отчуждения собственности является методологически более верным приёмом.

Сложный и многоплановый процесс восстановления прав прежних владельцев, пострадавших от действий советской власти в 1917 – первой половине 1918 г. на востоке России, нельзя сводить только к денационализации крупных промышленных предприятий. Он охватил различные сферы народного хозяйства, затронул крупную, среднюю и мелкую собственность, частную, муниципальную, кооперативную и государственную и был растянут во времени. Аналогично проводившимся советской властью мерам по национализации и обобществлению, восстановление прав прежних владельцев включало в себя два встречных потока, шло одновременно «сверху» и «снизу», сочетало в себе элементы организованности и стихийности. Очевидно, что последствия этого процесса тоже были не всегда предсказуемыми и нуждаются в дальнейшем полном и всестороннем исследовании. Безусловно, наиболее глубокое понимание будет достигнуто, если рассматривать во взаимосвязи мероприятия советской власти по переделу собственности и антибольшевистских правительств по возвращению предприятий и имущества.

Доступные нам источники, отражающие ход возвращения собственности бывшим владельцам, далеко не полны, но позволяют сделать вывод, что в действительности летом – в начале осени 1918 г. антибольшевистской власти удалось практически полностью восстановить дооктябрьский порядок управления предприятиями государственной и общественной форм собственности. К зиме этого же года обратно в частное владение передали большинство мелких и средних предприятий. Случаи передачи крупных заводов, рудников, копей и шахт были редки. Их частная форма собственности не оспаривалась, но распоряжение ими временно перешло к государству.

Антибольшевистские власти ставили перед собой задачу восстановить социальную справедливость, компенсировав гражданам потери от действий предшественников. Но в то же время

необходимость мобилизации ресурсов для победы над военным и идейно-политическим противником заставляла лидеров антибольшевистского движения применять почти весь спектр форм и методов ограничения прав собственности. Кроме того, очевидно, что задача восстановления прав собственников, нарушенных при советской власти, провозглашалась не только как акт социальной справедливости, но и потому, что оказалась одним из удачных способов десакрализации образа поверженного врага.

В войне между государствами существует надежда после победного её завершения взыскать издержки с проигравшей стороны. Поэтому подсчет материального ущерба от действий противника не лишен смысла. В гражданской войне государство может произвести компенсацию либо за счет своего бюджета, либо за счет части своих сограждан, которые будут признаны виновниками. Такой реваншизм известен в мировой практике со времен Великой французской революции. Но на кого переложить материальные издержки от мобилизации собственности уже новой властью? Ответ на этот вопрос в России было найти тем более сложно, что антибольшевистские правительства сдерживали социальный реваншизм, оттягивая решение вопроса о компенсации ущерба до «Учредительного собрания». И только обязательства граждан перед государством подлежали неукоснительному соблюдению, независимо от того, были они пострадавшей в переделе собственности стороной или нет.

Не стоит искать причину этого в глубинном этатизме российской власти. Всё это плохо вписывалось в основы дореволюционного гражданского законодательства, на который пытались опираться политики антибольшевистского лагеря, но было продиктовано принципом целесообразности. Политики исходили из презумпции материальной ответственности собственника средств производства за все издержки, возникшие в процессе эксплуатации его имущества, независимо от того, лежит ли вина за это на нём лично, или на ком-то из третьих лиц, действовавших по собственному усмотрению.

Восстановление прав собственников не обозначало их дальнейшее соблюдение в полном объёме. На востоке России в период Гражданской войны возникла многочисленная группа пред-

приятий, которые, оставаясь частными по форме собственности, имели централизованное финансирование, снабжение и контролировались правительственными чиновниками. Подобная ситуация охватила целые отрасли: горнодобывающую, угольную, железнодорожный, а в прифронтной зоне и водный транспорт. Ограничения касались не только предприятий, но и имущества. Причём едва ли можно говорить о классовых пристрастиях политиков и администраторов. Просто для нужд общественного характера обычно урезались права общественной собственности: муниципальной, кооперативной, общественных организаций. Но когда дело касалось мелкого имущества, находившегося в пользовании граждан, то ограничения распространялись на частных собственников. Причём им был присущ характер прогрессивного обложения. Власть старалась не ущемлять малоимущие слои, напротив, распределяя бремя общественных обязанностей преимущественно на зажиточные слои населения.

Определенное сходство форм и методов ограничения прав собственников в «белом» и «красном» лагере делает плодотворным проведение параллелей и сравнительного анализа. Различия тем не менее остаются очевидными. На востоке России в отношении средств производства и объектов недвижимости государственная власть практиковала вмешательство в права пользования и распоряжения. А в редких случаях национализации имущества закон предписывал возмещение собственникам убытков. Изъятие же имущества, тоже за исключением особых случаев, диктовалось военной необходимостью, а не стремлением к социальному переустройству. «Грабительский» характер мероприятий властей по регулированию имущественных отношений в значительной степени объясняется пустой казной и приоритетом решения военных задач «любой ценой», а не нацеленностью представителей власти на осуществление масштабного имущественного передела.

ГЛАВА 3

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОТНИКОВ: ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ

3.1. Государственные служащие

Административный аппарат – один из важнейших атрибутов любого государства. Он же составляет ядро его социальной базы – служащие поддерживают действия государства наиболее последовательно. Вполне естественно, что антибольшевистские правительства заботило в первую очередь материальное положение работников государственных предприятий и учреждений. Это вписывалось в дореволюционную практику повышенной заботы государства о чиновниках и отчасти даже перекликалось с советским опытом. Поразительно, что отечественная историография, пристально изучавшая быт и материальное положение дореволюционного чиновничества и других отрядов служащих, активно исследовавшая в последнее время советскую номенклатуру, оставила практически без внимания вопрос о положении государственных служащих в антибольшевистский период Гражданской войны, если не считать фрагментарного упоминания этой проблемы в монографии В.Д. Зиминной, исследования материального положения работников органов милиции и суда в публикациях С.П. Звягина и М.М. Степанова, работников сферы образования – Е.Г. Михеенкова¹.

---

¹ Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 79–80, 188–194; Зимина В.Д. Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Волгоград, 1997. С. 440; Михеенков Е.Г. Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция Томска в годы революции и Гражданской войны. Томск, 2002. С. 37–39; Степанов М.М. Органы внутренних

Отчасти это объясняется состоянием источников. Информация об условиях содержания аппарата большинства мелких и недолго существовавших правительств очень скудна: многие из них не оставили достаточной документации. Судить о мерах таких правительств по регулированию денежных и иных выплат и о материальном положении их служащих очень сложно. Но обрывочная информация свидетельствует, что при наличии средств некоторые из них в первую очередь думали о сносном существовании работников правительственного аппарата. Даже не успевшие создать разветвленную структуру управления, к каковым можно отнести деловое управление Д.Л. Хорвата, и то изыскивали средства на выплату заработной платы довольно многочисленным чиновникам. В одном только Министерстве земледелия этого правительства, не управлявшего никакими земельными угодьями, жалование получали 38 служащих².

Аналогичные тенденции проявились и в действиях Временного областного правительства Урала. Завершая свою работу в октябре 1918 г., оно утвердило штаты и оклады государственным служащим большинства ведомств, действительные со времени создания правительства. На фоне бедствующего региона, в котором остальные работники получали зарплату по ставкам начала 1918 г., это был признак особой заботы. Ликвидируя свою деятельность, правительство позаботилось и о выходном пособии для служащих, хотя этот вопрос регулировался общим законодательством³.

Легче проследить ситуацию с чиновниками Временного сибирского и Российского правительств, что тем более целесообразно, так как с ноября 1918 г. власть Омска распространилась на весь восток России. Правительственный аппарат, насчитывавший летом 1918 г. небольшое количество служащих, осенью стал быстро увеличиваться. Например, утвержденное в октябре 1918 г. штатное расписание Министерства юстиции насчитывало 69 должностей, а Главное управление налогов и сборов при Ми-

---

дел белых правительств периода гражданской войны в России: Дис. ... канд. юр. наук. М., 1998. С. 73–79.

² ГАРФ. Ф. Р-3516. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³ СУР ВОУП. № 8. Ст. 59. № 9. Ст. 61, 68–69, 71, 74, 76–77.

нистерстве финансов – 314⁴. Значительная часть штатов правительственных учреждений была утверждена с сентября 1918 по февраль 1919 г. Причём чем позже происходило утверждение, тем более раздутыми оказывались штаты. Однако в соответствии с постановлениями Временного Сибирского правительства от 22 июля и 16 сентября 1918 г. все оклады вступали в силу с начала его деятельности, и чиновники получали содержание по новым окладам с 1 июля 1918 г. Основной массе служащих центральных учреждений выдавали оклад от 50 до 500 руб., губернских и уездных учреждений - в среднем на 100 руб. меньше. 16 октября 1918 г. Административный совет уточнил, что служащие, чей оклад по новым табелям оказался ниже, чем был до антибольшевистского переворота, будут получать разницу между прежними и новыми окладами в виде личных прибавок⁵. Стремление не ухудшить материальное положение чиновника в этот период явно превалирует над тягой к бюджетной экономии.

Власти Поволжья, Урала и Сибири признавали недействительными увольнения служащих, произведённые при советской власти, и предусматривали их обратный приём. Заработная плата за дни вынужденного безделья выплачивалась сполна так же, как и все деньги, не выплаченные советской властью остававшимся на службе чиновникам. На этот раз антибольшевистские правительства не задумываясь приняли на себя обязательства свергнутых большевиков, хотя это потребовало немалых средств. Но исполнение этого решения сильно затянулось. Распоряжением Министерства финансов Временного сибирского правительства были закрыты все счета советских организаций, что вызвало техническую накладку в осуществлении выплат служащим долгов по зарплате. Долго не могли решить, за счет каких средств производить расчёты. Невыплаченный в некоторых случаях до конца 1918 г. долг тем временем обесценивался⁶.

⁴ СУР ВСП. № 23. Ст. 208; 223; ЗДБПС. Вып. III. С. 396–398; 423–427.

⁵ СВ. 1918. 2, 9 окт., 4 нояб. (приложение); СУР ВСП. № 13. Ст. 123; № 22. Ст. 192; № 23. Ст. 220, 221; ЗДБПС. Вып. 2. С. 226–231; Вып. III. С. 370, 421–423; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 65.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 71.

На казну отчасти легла забота о материальном обеспечении служащих государственных учреждений Европейской части России, спасавшихся в Сибири от большевиков. 29 октября 1918 г. Административный совет Временного сибирского правительства принял постановление о порядке привлечения эвакуированных служащих правительственных учреждений к исполнению служебных обязанностей⁷. Постановление предусматривало вывоз за счет казны государственного имущества, служащих правительственных учреждений и их семейств. Однако в отмену постановления 28 ноября 1915 г. Временное сибирское правительство отказалось вывозить земские и городские учреждения. Все правительственные служащие, если они подлежали эвакуации по распоряжению военных и гражданских властей после 1 сентября 1918 г., сохраняли право на занятие своих должностей и мест, но не получали содержание, а числились в резерве. В соответствии с дореволюционным законодательством, правительство гарантировало им лишь небольшое шестимесячное пособие (лицам, занимавшим должности до V класса включительно, – 500 руб., VI–VIII – 400 руб., IX–XII – 250 руб., прочим лицам, состоявшим на государственной службе, – 150 руб.). Часть эвакуированных была принята на действительную службу, что привело к сильному раздуванию штатов.

Умеренные, но не очень низкие на первых порах ставки оплаты труда государственных служащих быстро обесценивались в связи с интенсивной инфляцией. Поэтому в дальнейшем условия их выплаты неоднократно менялись и дополнялись. Финансовый дефицит заставил экономить даже на зарплате чиновников, поэтому принимались далеко не все предложения об улучшении материального положения чиновничества. Так, Совет министров отклонил представление И.А. Михайлова от 24 декабря 1918 г. о повышении зарплаты и выплате к новогодним праздникам единовременной надбавки в размере полуторамесячного оклада⁸. Зато несколько дней спустя в Совет министров поступила просьба ха-

---

⁷ ЗДБПС. Вып. II. С. 298–301; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 76; Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 856. Л. 65.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 81. (По другим сведениям – месячного. См.: там же. Д. 47. Л. 78–79).

баровских служащих, получавших свою зарплату местными советскими бонами, курс которых был на 30–40% ниже общероссийских денег, увеличить им оклады на 20%. В ответ Совет министров постановил выдать такое месячное пособие служащим Амурской и Приморской областей⁹. Позже, 31 декабря 1918 г., это решение распространили на всех правительственных служащих Забайкальской, Сахалинской и Камчатской областей¹⁰. Прослеживается особое отношение Российского правительства к столичному чиновничеству. Неоднократно рассматривались вопросы о повышении окладов и предоставлении надбавок именно служащим центральных правительственных учреждений.

За всеми дополнительными выплатами уследить очень сложно. 9 мая 1919 г. Совет министров разрешил Министерству финансов совместно с Государственным контролером производить дополнительные надбавки служащим центральных учреждений на дороговизну, не обращаясь за утверждением в Совет министров¹¹. Эти надбавки, как правило, составляли месячный оклад и выплачивались довольно регулярно¹².

Власти старались проявлять особенную заботу еще об одной группе служащих – школьных учителях, фиксированное жалование которых за период революции сильно обесценилось. Прибавки по закону от 22 октября 1916 г., правилам от 5 августа 1917 г. и пособие по закону от 1 июля 1917 г. в большинстве учебных заведений остались не выданными¹³. Увеличив в 1918 г. жалование рядовым педагогам с 75 до 200 руб., казна в связи с началом Гражданской войны смогла выплатить только треть обещанных денег. Это вызвало отток кадров из системы школьного образования, а остававшиеся на службе учителя владели нищенское существование. Комуч продекларировал повышение им зарплаты с нового учебного года. Её планировали установить от 400 до 600 руб. Но за неимением средств в казне, поволжское прави-

⁹ ПВ. 1919. 1 февр.; ЗДРП. Вып. 2. С. 127–128; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 47. Л. 90.

¹⁰ ПВ. 1919. 31 янв.; ЗДРП. Вып. 2. С. 114–115; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 47. Л. 99; Д. 48. Л. 102.

¹¹ ПВ. 1919. 24 мая; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 42об.

¹² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91, Л. 138; Д. 245. Л. 142, 184, 200.

¹³ ГАТО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 17. Л. 22.

тельство перевело школы на муниципальное содержание и определило размер государственного вознаграждения лишь в 200 руб. Остальную часть жалования должны были изыскать городские и земские органы. Однако в связи с отсутствием средств в муниципалитетах уже 5 октября 1918 г. пришлось повысить бюджетные выплаты учителям до 325–375 руб.¹⁴

Аналогичную заботу об учителях проявили и уральские власти. В октябре 1918 г. Главное управление народного просвещения Урала подняло на Совете правительства вопрос об их материальном благосостоянии. Летом 1918 г. уральские школы оказались на содержании земств, которые, тратя большую часть своего бюджета на эту статью, всё-таки не могли обеспечить существование учителей. 22 октября 1918 г. Временное областное правительство Урала приняло ряд постановлений, повышавших зарплату школьным педагогам¹⁵. Но это был канун ликвидации Временного областного правительства Урала, и эти решения не могли действовать в регионе более одного месяца.

29 июля 1918 г. Временное сибирское правительство утвердило оклады педагогическому персоналу средних и низших учебных заведений. Учителя стали получать 175–225 руб. ежемесячно зарплаты и по 50 руб. квартирных денег¹⁶. Постановлением от 6 декабря заработную плату увеличили. Они стали получать от 350 руб. ежемесячно с широким спектром надбавок за дополнительную педагогическую нагрузку¹⁷. Вскоре были подтверждены прибавки в 100–300 руб. в год за проверку письменных заданий¹⁸.

---

¹⁴ Иванов Е.Е., Кудинов М.А. «Третий путь» в гражданской войне (Опыт деятельности Самарского Комуча). Самара, 1995. С. 44–45; Губскова Г.Г. Власти и образование на Южном Урале накануне, в период революции 1917 года и гражданской войны: Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003. С. 100. (Автор ошибочно утверждает, что такой размер жалования ввели еще при советской власти).

¹⁵ СУР ВОПУ. № 8. Ст. 55–59; № 9. Ст. 69; ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 52. Л. 74–75.

¹⁶ СУР ВСП. № 8. Ст. 79; ЗДБПС. Вып. I. С. 156–160; Чеховских К.А. Сибирская областная дума и народное образование: второй этап в развитии образования в Сибири (июнь–ноябрь 1918 г.) // История белой Сибири: Тез. третьей науч. конф. Кемерово, 1999. С. 131.

¹⁷ ПВ. 1919. 26 янв.; ЗДРП. Вып. 2. С. 64–74; Кочурина С.А. Учительские институты Западной Сибири и их роль в подготовке педагогических кадров: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. С. 197.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 36.

В дальнейшем все прибавки, выделяемые служащим казенных учреждений, распространялись и на педагогический персонал.

В условиях инфляции антибольшевистские правительства встали на путь индексации зарплат: 3 ноября и 27 декабря 1918 г., 18 марта и 3 апреля 1919 г. выплаты государственным служащим увеличили, введя так называемые надбавки на дороговизну¹⁹. Причём декабрьское постановление 1918 г. предусматривало шкалу обратной прогрессии. Чем выше базовый оклад, тем меньший процент прибавки получал служащий. Он колебался от 25% у низкооплачиваемых работников до 10% у чиновников, получавших высокие оклады. В этом смысле можно отметить тенденцию к постепенному выравниванию окладов чиновников верхних и нижних классов. Столичным чиновникам доплачивали еще 25%-ную надбавку. Постановлением от 28 декабря 1918 г. все прибавки на дороговизну, а также пенсионные и иные вычеты производились со всего денежного вознаграждения, а не с базового оклада²⁰. 18 марта всем государственным служащим взамен дифференцированной ввели единую 35%-ную надбавку к базовому окладу и стали выплачивать пособия в размере 50% от суммы оклада. С учетом надбавок на дороговизну, следовательно, общие выплаты чиновникам составляли 206–233% от базового оклада.

Летом–осенью 1919 г. территория, подвластная Российскому правительству, стала сокращаться под натиском Красной армии. Но на численность государственного аппарата это повлияло незначительно. Он сокращался непропорционально потерянной территории, так как подавляющее большинство служащих эвакуировалось на восток, сохраняя занимаемые должности. Лишь в последние два месяца существования Российского правительства началось их бегство. Многие чиновники, спасая себя, предпочли оставить места службы и потерять государственное жалование. Это видно из мемуарных источников²¹, газетных сообщений, но,

---

¹⁹ ПВ. 1919. 22 янв., 9 апр.; СУР ВСР. № 13. Ст. 123; № 19. Ст. 153; № 23. Ст. 220; ЗДБПС. Вып. II. С. 226–231, 297–298; ЗДРП. Вып. 2. С. 17–19; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 85; Д. 245. Л. 59.

²⁰ ПВ. 1919. 1 февр.; ЗДРП. Вып. 2. С. 128–129; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 89.

²¹ Руднев С.П. При вечерних огнях: Воспоминания. Т. 1. Харбин, 1928. С. 276.

естественно, не отражено в документах в виде четких статистических сведений. Такой статистики в отношении численности государственного аппарата даже и не существовало.

Представляется справедливым суждение министра финансов И.А. Михайлова о том, что качественный состав служащих в сравнении с предшествовавшим временем сильно ухудшился. Сибирь ощущала острый недостаток квалифицированных и опытных управленцев. «Число чиновников выросло непропорционально росту и значению работы», – таково было печальное резюме одной из аналитических записок министра на эту тему²². В то же время, в отличие от дореволюционного периода, большинство служащих, замещавших низшие должности, не были семейными людьми, и похоже, руководство учреждений поощряло приём на работу именно их. Министерство финансов, по крайней мере, исчисляя оклады, исходило из того, что содержание должно быть достаточным для выживания одинокого человека. По расчётам министерства, оклада должно было хватать для обеспечения семейства только служащим свыше 8-го класса.

Надбавки и пособия, вводимые для смягчения социальных проблем чиновничества, в условиях стремительной инфляции оказывались малозначительными. Чиновники государственного аппарата никогда не отличались склонностью к активным формам протеста, но регулярно и довольно организованно доводили до сведения руководства информацию о своем материальном положении, прося, а иной раз требуя двукратного увеличения денежных выплат. Делалось это в порядке субординации через начальство, из чего, кстати, следует, что руководители учреждений присоединялись к настойчивым просьбам своих подчиненных об увеличении зарплаты. Если верить официальным данным, в июле 1919 г. по сибирским городам прожиточный минимум в среднем составлял 470 руб., в августе – 540 руб., в сентябре 580–600 руб.²³ При этом в мае 1919 г. по различным городам наблюдались значительные колебания: 392 руб. в Томске, 481 руб. в Тюмени, 707 руб. в Екатеринбурге. Но это не отражало истинной

---

²² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 900. Л. 69.

²³ Там же. Л. 69об.

картины, так как официальные сведения о прожиточном минимуме всегда приукрашали реальное положение. Служащие Благовещенской таможни ещё в декабре 1918 г. настаивали, что их прожиточный минимум составлял 700 руб. для холостого, 1000 руб. для семейного, до уровня которых просили поднять оклады²⁴. Летом 1919 г. чиновник, получавший менее 1000 руб. (подавляющее большинство), мог позволить себе покупку лишь необходимого продовольствия и едва ли был способен приобрести одежду или обувь. За чертой бедности находились не только канцелярские служащие, но и работники милиции, налоговых служб, сферы образования. По данным прессы, при 10-кратном росте цен за год, зарплаты чиновников выросли лишь в 2 раза²⁵. Это отрицательно сказывалось на работе большинства государственных структур, приводило к уходу лучших и наиболее квалифицированных работников в негосударственные учреждения. К тому же, трудно найти более благоприятную почву для распространения коррупции и должностных правонарушений, чем нищенская зарплата служащих, принимающих ответственные решения²⁶. Иногда региональная корректировка заработной платы проводилась без особых проволочек. Так, 24 января 1919 г. Совет министров, учтя, что до прихода в Пермь «белых» зарплаты в городе были достаточно высоки, постановил при переводе работников на более низкие сибирские оклады доплачивать им в виде личных надбавок до уровня «советских» зарплат²⁷.

Тот факт, что материальное обеспечение чиновников занимало непропорционально большое место в деятельности антибольшевистских правительств по сравнению с другими актуальными проблемами, нельзя считать чем-то из ряда вон выходящим. Лишь отчасти это связано со «шкурными интересами» чиновников, оставшимися, кстати, далеко не удовлетворенными, отчасти же

---

²⁴ Вестник железнодорожного союза Амурской железной дороги (Свободный). 1918. 13 дек.

²⁵ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 23 окт.

²⁶ Этот вопрос наиболее полно разработан в историографии в отношении милиции. См.: Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. С. 188–189; Малыгин А.Я., Степанов М.М. Правоохранительные органы белых правительств. М., 1999. С. 63, 77.

²⁷ ПВ. 1919. 9 февр.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 41.

являлось следствием естественного положения вещей. По известному закону А. Паркинсона, управленцы склонны обсуждать в деталях мелкие вопросы, о которых хорошо информированы, и, напротив, легко и быстро принимают решение, столкнувшись с масштабными, стратегическими проблемами, от которых психологически очень далеки²⁸. Поэтому малозначительные законопроекты, касавшиеся ставок и штатов, были многочисленны и могли вызвать жаркие споры.

Дефицит денежных средств вынудил правительство выбирать наиболее приоритетные направления финансирования. В этом случае позиция и влияние руководителей министерств имели решающее значение, так как каждый в полной мере представлял себе критическое положение с уровнем оплаты труда в своём ведомстве и прилагал все усилия, для того, чтобы доказать необходимость скорейшего повышения зарплаты именно своих подчиненных. Достаточно много делалось в этом направлении руководством Министерства внутренних дел и Министерства юстиции. Помимо традиционных надбавок Совет министров по просьбе соответствующих министерств повышал классы должностей. Но никогда надбавки не поспевали за инфляцией. Осенью 1919 г. газеты писали о том, что низкие оклады судей и милиционеров дорого обходятся обществу – система правосудия и охраны правопорядка работала крайне неэффективно, теряла свой кадровый потенциал. Не имея возможности расширять материальные стимулы к службе в милиции, Совет министров освободил милиционеров от службы в армии. Существенно могло стимулировать службу милиционеров наличие продовольственного и мануфактурного пайка²⁹. Вводились премии, льготы, надбавки, впрочем, не менявшие кардинально бедственного положения милиции. В ситуации с милиционерами и учителями дополнительные сложности возникали в связи с двойным финансированием – государством и органами самоуправления. Так, милиция по «Временному положению о сибирской милиции» (п. 8) на одну треть финансировалась из бюджетов местных органов само-

²⁸ Паркинсон А. Законы Паркинсона. М., 1989. С. 38.

²⁹ Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. С. 78–81, 180, 189.

управления, которые часто были не в состоянии или не желали выделять для этого средства³⁰.

В некоторых случаях правительство шло на изыскание внебюджетных средств финансирования своих служащих. Это, как раз, коснулось работников милиции. 9 апреля 1919 г. Совет министров разрешил учреждать дополнительные милицейские должности на частные средства. Этой возможностью воспользовались многие промышленные предприятия, некоторые частные лица и даже отдельные государственные ведомства³¹.

Чрезвычайную значимость приобрела бесперебойная работа транспорта. Поэтому удержание на своих местах железнодорожных служащих стало актуальной проблемой, не менее значимой, чем урегулирование рабочего вопроса на транспортных предприятиях. Постановлением Совета министров от 27 декабря 1918 г. транспортным служащим с 1 октября 1918 г. вводились прибавки на дороговизну в 25%, а 18 марта 1919 г. установили ещё одну прибавку в 35%, которую стали начислять с 1 марта 1919 г. Но это привело к увеличению окладов минимум до 209 руб., тогда как прожиточный минимум в марте 1919 г. определялся по Забайкальской железной дороге в 375 руб., а по Томской – в 400 руб. на одного человека. На Пермской дороге находились около 500 эвакуированных железнодорожных служащих, оставшихся за штатом и получавших пособие по 150 руб. Нищета служащих приводила к тому, что некоторые были не в состоянии выкупать продукты, привозимые им по самым минимальным ценам через систему специализированного снабжения³². Тем не менее важнейшим стимулом удержания служащих железнодорожного транспорта стал продовольственный и мануфактурный паёк.

³⁰ СВ. 1918. 3 окт.; СУР ВСП. № 13. Ст. 118; ЗДБПС. Вып. II. С. 218.

³¹ ПВ. 1919. 8 мая; Сибирская милиция (1918–1919 гг.): Сборник нормативно-правовых документов. Кемерово, 1996. С. 37; Звягин С.П. Из опыта финансирования милиции Всероссийским временным правительством в 1919 г. // Российская государственность: опыт и перспективы изучения: Материалы межвуз. науч. конф. М., 1995. С. 65–67; Он же. Из практики Всероссийского Временного правительства по содержанию милиции на частные средства // 50 лет Великой победы: Тез. науч. конф. Кемерово, 1995. С. 127–129; Он же. Правоохранительная политика А.В. Колчака. С. 192–193.

³² ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 140. Л. 220–221, 228–229.

В ноябре 1918 г. приступила к работе комиссия с широким представительством от ведомств и продовольственных организаций каждой железной дороги, в задачу которой входило улучшение снабжения железнодорожников³³. Вскоре Совет министров выделил 24 550 000 руб. для организации снабжения продовольствием и предметами первой необходимости рабочих и служащих казенных железных дорог (Омской, Томской, Забайкальской, Амурской и Ташкентской) и 6 650 000 руб. на выдачу для той же цели беспроцентной ссуды частным железным дорогам³⁴.

Служащие частных железных дорог находились в одинаковом положении со служащими казенных предприятий этой отрасли. В соответствии с законом Временного правительства от 24 сентября 1917 г. на них в официальном порядке распространялись все надбавки к окладам³⁵. В одном их положение существенно отличалось в худшую сторону. Практически не имевшие денежных поступлений, железнодорожные акционерные общества вынуждены были по несколько месяцев дожидаться правительственных ссуд на оплату труда своих работников. Поэтому систематическим явлением стала задержка оплаты труда.

Нагромождение многочисленных надбавок нарушало дифференциацию оплаты труда служащих, а попытки выделять приоритетные группы служащих не решали общую проблему катастрофически низкой зарплаты. Главное – новые надбавки никогда не успевали компенсировать падение рубля. Радикальный проект решения проблемы материального обеспечения государственных служащих и рабочих казенных предприятий выдвинул летом 1919 г. министр путей сообщения Л.А. Устругов. Первоначально свой проект министр придал огласке на заседаниях Комитета экономической политики, потом в бюджетной комиссии Государственного экономического совещания. В условиях падающего курса рубля он предлагал ежемесячную индексацию заработной платы. Причём в представленном проекте точкой отсчета должны были стать цены и зарплаты 1915 г. Вся тарифная сетка окладов 1915 г. соотносилась с существовавшим в том году прожиточным

³³ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 81.

³⁴ ПВ. 1919. 31 июля; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 4–4об.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 61.

минимумом. Затем полученный коэффициент ежемесячно пересчитывали к текущему прожиточному минимуму, что позволяло ежемесячно обновлять шкалу зарплат. Это, во-первых, позволило бы восстановить существовавшую до революции прогрессию денежных выплат работникам разной квалификации, во-вторых, должно было поддерживать уровень жизни государственных служащих и рабочих примерно на дореволюционной отметке. Сам Л.А. Устругов признавался, что правительство может, исходя из своих денежных резервов, установить любой удобный базовый коэффициент. Важно, что с определенного момента будет осуществлен переход на новый принцип пересчета зарплат, учитывавший инфляцию³⁶. Однако с предупреждением выступил государственный контролер Г.А. Краснов, указав, что принятие подобного проекта потрясет правильные основы государственного бюджета и нанесет тяжелый удар по финансовому положению страны. Несмотря на это, 29 августа 1919 г. Совет министров постановил создать при Министерстве труда «Временную комиссию по выработке прожиточного минимума», а при местных инспекциях труда – комиссии по сбору сведений о ценах, на основе которых этот минимум следует рассчитывать³⁷.

Поднятый Л.А. Уструговым вопрос 26 августа 1919 г. обсуждался на заседании Совета министров. На нем решено было взять за базовый (нормальный) заработок ту зарплату, которую выплачивали рабочим и служащим по штатному расписанию по 1916 г. включительно. Но при этом в расчёт не принимались никакие дореволюционные надбавки на дороговизну. Текущий заработок определялся по формуле:

$$S = a + ({}^a/_{100} + x)m, x = \frac{1,55m - 20}{m},$$

где «S» – месячное содержание или заработок, «a» – нормальное содержание или заработок, «m» – прожиточный минимум для одного взрослого, устанавливавшийся периодически особым комитетом при Министерстве труда. Содержание или заработок женщин, занятых физическим трудом, вычисляли, исходя из

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 3. Д. 1. Л. 42–49.

³⁷ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 46об.

0,5 прожиточного минимума, подростков – из 0,75, малолетних обоего пола – из полного прожиточного минимума. Пересчет содержания или заработков предполагалось производить при изменении прожиточного минимума в сторону повышения на 20% или понижения его на 15%³⁸. Такой подход обещал существенное увеличение заработков. Так, получавшие в 1916 г. оклад в 50 и 200 руб. могли рассчитывать на 1374 и 2274 руб. соответственно (*Подсчёт наш.* – В.Р.).

Казалось бы, судьбоносное принципиальное решение вынесено. Оставалось произвести калькуляцию и облечь эти нормы в соответствующий текст закона. Но 4 сентября 1919 г., во избежание разнообразия окладов, на основании которых предполагалось производить пересчет, решили произвести их согласование, установив в случае различия одинаковые оклады одним и тем же должностям в разных ведомствах. Это должно было ещё больше отдалить долгожданную индексацию зарплат³⁹.

Наконец, убедившись в невозможности ввести гибкий механизм индексации зарплат государственным служащим в силу совершенной обременительности его для казны, Российское правительство пошло по пути механической индексации выплат. В соответствии с постановлением Совета министров от 6 октября 1919 г. оклады служащих были увеличены в 2,5 раза с 1 августа. При этом снималась 35%-ная надбавка на дороговизну, но сохранилась 25%-ная надбавка служащим в столице и на театре военных действий. Правда, мастеровым и рабочим казенных предприятий сохранили 35%-ную надбавку на дороговизну, но с 1 октября 1919 г. прекратили выплачивать надбавку по постановлениям 28 и 29 июля 1919 г. в размере полуторамесячного оклада. Служащим на предприятиях транспорта, наоборот, вводилась 25%-ная надбавка, но при её выплате за август и сентябрь в неё включалось пособие в размере месячного и полуторамесячного оклада. Так, в результате ряда перетасовок с добавлением и вычитанием надбавок реальное увеличение зарплаты служащих и

³⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 141–141об.

³⁹ Там же. Л. 152. Это решение было оформлено в виде постановления, датированного 9 сентября 1919 г. (См.: Там же. Д. 30. Л. 30–31об.; ПВ. 1919. 29 окт.; Амурские областные ведомости (Благовещенск). 1919. 15 дек.).

рабочих казенных предприятий оказывалось намного скромнее продекларированного уровня⁴⁰. 28 октября 1919 г. было обещано, что все ставки рабочим и служащим государственных предприятий и учреждений, жалование военнослужащим будут увеличены не в 2,5 а в 3 раза. Причём решено было провести увеличение с 1 августа⁴¹. Е.Г. Михеенков утверждает, что это распоряжение не было выполнено ввиду спешного отступления войск и отсутствия средств у правительства. Но данный тезис представляется сомнительным, так как он сам в его подтверждение приводит сведения, указывающие на трехкратный рост базовых окладов служащих⁴².

В соответствии с принятым решением полагалось задним числом выплатить повышенную зарплату за три прошедших месяца. Однако, известно, что денег в бюджете не было, и проследить, в какой степени это решение удалось провести в жизнь, практически невозможно. Хотя постановление от 28 октября 1919 г. предусматривалось ввести в действие по телеграфу, не дожидаясь опубликования и, следовательно, начать немедленную выплату денег. Само же увеличение выплат в исчислении за один месяц с учетом ликвидации надбавок оказалось не таким уж высоким. Доходы служащих выросли на 20–30%. А уровень цен в осенние месяцы 1919 г. «скакал» вверх на 50–100% ежемесячно. Не удивительно, что служащие принялись сразу же ходатайствовать о восстановлении прежних процентных надбавок к уже новым ставкам оплаты⁴³. 18 декабря 1919 г. Совет министров распорядился выдать пособия на дороговизну служащим государственных учреждений в размере трехмесячного оклада во Владивостоке, двухмесячного – в Сахалинской, Амурской и Камчатской областях, Иркутске и Чите, полуторамесячного оклада – в Енисейской и Иркутской губерниях. Эвакуированные и получающие разницу между гражданскими и воинскими окладами обеспечивались пособиями на тех же основаниях⁴⁴. Чем ближе было к

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 140. Л. 13об.; Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 193–194об.

⁴¹ ПВ. 1919. 11 окт.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 216–216об.

⁴² Михеенков Е.Г. Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция... С. 39.

⁴³ ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 1028. Л. 78.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 38. Л. 28.

концу «белой» эпопеи на востоке России, тем больше зарплаты выравнивались и становились похожи на социальные пособия для работающих. С 1 января 1920 г. в Приморье надбавки на дороговизну увеличились в 6 раз, и служащий с базовым окладом в 15 руб. стал получать 1590 руб.⁴⁵

Летом 1919 г. «белые» были вынуждены оставить Урал. Эвакуация региона не была подготовлена должным образом и сопровождалась значительными срывами, в том числе и в материальном обеспечении служащих. Уральские события показали несоответствие правовой базы реальным требованиям по эвакуации государственных и иных учреждений, а также выявили необходимость заранее предпринимать организационные усилия и сконцентрировать материальные ресурсы на случай дальнейшей эвакуации. Созданной решением Совета министров от 15 июля 1919 г. специальной комиссии вменялось в обязанность подготовить эвакуацию семей правительственных служащих на восток и районы для их приемки, обеспечить технически перевозку людей и имущества. Было принято решение, чтобы чиновники, оставленные в столице, но эвакуировавшие свои семьи на восток, также получали эвакуационное пособие. Сам вывоз семей произвели за счет государства⁴⁶. По положению об эвакуации от 20 августа 1914 г. все эвакуировавшиеся служащие получали от казны суточные на себя и членов семьи на время эвакуации и компенсацию расходов на проезд. 5 сентября 1919 г. Совет министров постановил выдавать в дополнение ещё и двухмесячный оклад, пособие в размере месячного оклада, причём как самому эвакуирующемуся чиновнику, так и его семейству, если оно эвакуируется отдельно. Правда, все пособия решено было считать от окладов, существовавших до 1 августа 1919 г.⁴⁷ Много это или мало – можно судить по тому, что некоторые эвакуированные в Иркутск семейства в конце октября вернулись в Омск, объясняя это дороговизной жизни в Восточной Сибири⁴⁸.

---

⁴⁵ Уссурийский край (Никольск-Уссурийский). 1920. 17 янв.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 138–138об.

⁴⁷ Там же. Л. 156–156об.

⁴⁸ Сибирская жизнь. 1919. 2 нояб.

Особо оговаривалась ситуация со служащими, которые не желали эвакуироваться. Им предлагалось либо перейти на службу в другое, не эвакуируемое учреждение, либо уволиться с выдачей двухмесячного пособия. Принудительная эвакуация не применялась⁴⁹. Причём независимо от того, выезжал ли глава семейства вместе с семьёй или оставался отбывать свои обязанности, семейству выдавалось эвакуационное пособие⁵⁰. Совет министров вновь признал заслугу земских и городских работников по несению государственных обязательств военного времени. Недаром сентябрьское постановление предписало выдачу эвакуационных пособий служащим земских и городских органов наряду с государственными чиновниками⁵¹.

Жалование за период следования к месту эвакуации полностью сохранялось, и его должны были выплачивать сразу после начала работы на новом месте. Наконец, постановлением Совета министров от 3 ноября 1919 г. при объявлении эвакуации решено было выплачивать одиноким служащим правительственных учреждений эвакуационное пособие в размере месячного оклада, семейным – двухмесячного. А остающимся на месте намеревались выдать четырехмесячный оклад⁵². Однако в декабре 1919 г. находившееся в Иркутске Российское правительство распорядилось, чтобы отказавшиеся от эвакуации служащие удовлетворялись окладом по день эвакуации учреждения, в котором они работали. Вместо проездных денег эвакуирующимся выдавались деньги на аренду и приспособление к проезду теплушек – по 7 тыс. руб. на теплушку, а в пути расходы оплачивались по мере надобности распоряжениями местных управляющих казенной палатой – весьма зыбкий вариант получения денег⁵³.

Далеко не всегда постановления об эвакуационных выплатах выполнялись. Например, готовя в сентябре 1919 г. эвакуацию

---

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 152об.

⁵⁰ Там же. Л. 104об.

⁵¹ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1919 – январь 1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 167.

⁵² ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 1028. Л. 3.

⁵³ Сибирская жизнь. 1919. 10 дек.

учреждений Березовского уезда, местные власти задним числом оформили увольнение со службы с 20 августа 1919 г. всех отказавшихся от эвакуации⁵⁴.

12 сентября 1919 г. комиссия по сокращению штатов, действовавшая при Министерстве труда, предложила существенные структурные сокращения центрального аппарата, приуроченные к эвакуации. При этом сокращаемым чиновникам предложено было выдать не заштатное содержание, а единовременное двухмесячное пособие, которое следовало рассчитать по окладам, существовавшим до 1 августа 1919 г., т.е. в 2,5–3 раза более низким, чем действовавшим на момент сокращения⁵⁵.

Только 28 октября наконец было принято решение о начале планомерной эвакуации правительственных учреждений в Иркутск. При этом сочли необходимым сократить на $\frac{2}{3}$ штаты центральных учреждений. Эвакуационное пособие решили выдавать на основании новых, увеличенных втрое окладов. Половину выдавали в Омске, остальное в Иркутске. Причём размер пособия увеличили до четырехмесячного оклада. Срок разгрузки столицы установили в 7–10 дней, оттянув давно готовившуюся эвакуацию на начало ноября, за неделю до прихода Красной армии⁵⁶. Только 28 ноября 1919 г. главнокомандующий генерал К.В. Сахаров отдал приказ об эвакуации Барабинска, Барнаула, Бийска, Новониколаевска⁵⁷. Уже находясь в Иркутске, 12 декабря 1919 г. Совет министров распорядился выдать четырехмесячный оклад всем эвакуирующимся из местностей восточнее Омска. Но эти деньги зачитывались взамен полагавшегося служащим по постановлению от 5 сентября 1919 г. эвакуационного пособия⁵⁸.

Однако план эвакуации сильно отличался от действительного хода её проведения. То, что повелось с уральской эвакуации, продолжилось и при вывозе учреждений из сибирских городов. Служащим многих учреждений производили только частичную

---

⁵⁴ Цысь В.В. Север Западной Сибири в период Гражданской войны (1917–1921 гг.). Нижневартовск, 2005. С. 151.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 108–109об.

⁵⁶ Там же. Д. 245. Л. 213–214об.

⁵⁷ Сибирская жизнь. 1919. 3 дек.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 38. Л. 18.

выдачу эвакуационных пособий и выплат, иногда даже не успевали выделить средства. Даже начинаясь вполне планомерно, эвакуация расстраивалась по пути из-за плохой работы транспорта. До места назначения служащие и их семьи прибывали разрозненно. Подчас и вовсе не могли отыскать друг друга и свое начальство. Нередко даже министерства не обладали информацией о том, куда эвакуировалось то или иное подведомственное им учреждение, или где место сбора его служащих, циркулярно запрашивая сведения о своих исчезнувших губернских и уездных подразделениях⁵⁹. Где уж тут было выплачивать пособия, суточные и прогонные за эвакуацию? Часто начинался спор между ведомствами или даже внутри одного ведомства, кому выплачивать деньги – организующей эвакуацию стороне или принимающей. Такая бюрократическая дискуссия могла тянуться месяцами, а люди оставались без денег. Подчас в эвакуационных выплатах отказывали по той причине, что эвакуированные прибыли на место неожиданно и не могли быть немедленно поставлены на денежное довольствие. Особенно сложным оказалось материальное положение семей служащих, добровольно ушедших или призванных в армию. По закону они тоже подлежали эвакуации, но получали за военнотружущего только разницу между его служебным и воинским окладом и не имели права на эвакуационное пособие. Отказываться же от эвакуации было опаснее, чем семьям других служащих – ведь их мужья, отцы и дети служили в колчаковской армии, многие добровольно⁶⁰.

Казалось бы, правительство своевременно подготовило нормативную базу для вероятной эвакуации дальше на восток, проявило немалую заботу о служащих. Но нескорректированность организационных усилий очевидна. Лидеры Российского правительства в своем стремлении смягчить служащим издержки эвакуации весьма плохо взвешивали свои финансовые возможности. За одну только осень–зиму 1919 г. они многократно отменяли только что установленные эвакуационные выплаты. С самой эвакуацией опять затаили, и многое из приготовленного заранее

⁵⁹ ГАТО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 753. Л. 68–68об.; Сибирская жизнь. 1919. 7 окт.

⁶⁰ ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 1028, Л. 56–58, 32–32об; ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 365. Л. 92–92об.

оказалось тщетным. Своевременная выдача денег на эвакуацию подчас зависела от случайных обстоятельств, план перевозки учреждений и организаций был нарушен. Служащие государственного аппарата в большинстве своём претерпели громадные материальные лишения. Лишь элитные государственные учреждения были перевезены в Иркутск заранее и с максимумом удобств⁶¹.

3.2. Жалование военнослужащих

Во время войны одной из самых актуальных проблем было материальное обеспечение военнослужащих. Решать её приходилось Комучу, Временному сибирскому и Российскому правительствам. Им формально подчинялись воинские подразделения, созданные другими государственными образованиями на востоке России.

Так, в Сибири ещё до начала регулярной работы Западно-Сибирского комиссариата Военно-революционный штаб Временного сибирского правительства в качестве революционной инициативы принял решение, согласно которому правительство выплачивает зарплату всем мобилизованным в армию, а добровольцам гарантирует сохранение прежних должностей по возвращении из армии⁶². Такие беспрецедентные социальные льготы ни одно из антибольшевистских правительств не смогло реализовать на практике. В соответствии с приказом Комуча № 163 от 29 июля 1918 г., постановлениями Западно-Сибирского комиссариата от 26 июня 1918 г. и Административного совета Временного сибирского правительства от 25 октября 1918 г. призванные на военную службу и поступившие на неё добровольно из прави-

---

⁶¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2007. С. 558–559; Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистского правительства и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006. С. 213–215; Руднев С.П. При вечерних огнях: Воспоминания. Т. 1. Харбин, 1928. С. 290.

⁶² Западно-Сибирский комиссариат Временного сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): Сб. документов и материалов. Новосибирск, 2005. С. 33.

тельствственных учреждений сохраняли своё прежнее место работы и имели право занять его по возвращении из армии. Принимать новых людей на эти места можно было только временно⁶³. Кроме того, предприятие или учреждение, откуда военнослужащий был призван или отправился служить добровольно, должно было оказывать ему материальную помощь. Но ни в одном из этих нормативных актов ничего не говорилось об обязательствах негосударственных учреждений и предприятий.

По приказу Комуча № 94 от 8 июля 1918 г., если трудовой стаж работника на данном предприятии был менее 3 месяцев, ему выплачивался двухнедельный заработок, если более – то месячный⁶⁴. Постановление Временного областного правительства Урала от 10 сентября 1918 г. обязывало работодателей выплатить мобилизованным в армию или поступившим в неё добровольно пособие в размере одно-, двухмесячного заработка (в зависимости от стажа)⁶⁵. Сибирское же законодательство, распространенное с ноября 1918 г. на весь восток России, предусматривало постоянную выплату разницы между воинским окладом и прежним жалованием. Правда, принятое 26 июня 1918 г. Постановление Западно-Сибирского комиссариата предлагало учитывать не весь объём денежных выплат, а только жалование и квартирные. Закон не упоминал различий между предприятиями разной формы собственности. На практике частные и кооперативные предприятия нередко ставили вопрос о том, что для них эта норма не является обязательной, и выплаты, которые они производят, не могут жестко регламентироваться, так как они добровольные. Юридически вопрос остался неурегулированным. Совет министров Российского правительства 28 января 1919 г. признал правовой вакуум в этой сфере, поручив военному министру решить, обязаны ли все или только казенные предприятия и учреждения выплачивать

---

⁶³ Вестник Комуча (Самара). 1918. 1 авг.; СУР ЗСК. № 1. Ст. 20; СУР ВСП. № 22. Ст. 197; ЗДБПС. Вып. I. С. 30. Вып. III. С. 382; Западно-Сибирский комиссариат... С. 147.

⁶⁴ Приказы Комуча. Самара, 1918. С. 63; Оренбургский вестник Комуча (Оренбург). 1918. 7 авг.

⁶⁵ СУР ВОПУ. № 3. Ст. 15; Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Тверь, 1999. С. 102.

разницу между гражданским и военным окладом, и должно ли военное ведомство компенсировать эти расходы⁶⁶. В принятом 25 февраля 1919 г. Положении о службе добровольцев провозглашалось, что добровольцу должна выплачиваться разница между окладом содержания на старой службе в гражданском ведомстве и новым воинским содержанием⁶⁷. По смыслу текста следовало, что это правило распространяется только на казенные учреждения (ведомства). После такой трактовки Всесибирский совет кооперативных съездов рекомендовал всем кооперативным организациям выплачивать одно-двухмесячное единовременное пособие призванным, а постоянные выплаты в размере 20–75% от оклада только семьям, в которых у призванного остались иждивенцы⁶⁸. Имеющиеся источники не позволяют судить, какого порядка придерживались частные предприятия.

Осенью 1919 г., когда большинство государственных служащих было призвано на военную службу или ушли на неё добровольцами, Совет министров особо оговорил недопустимость сокращения штатов за счет таких людей. Подтвердив 4 сентября 1919 г. необходимость осуществлять доплату из казенных средств разницы между денежным вознаграждением военнослужащих и тем окладом, который они получали по службе до призыва в армию, Совет министров особенно подчеркнул, что государство обязано гарантировать военнослужащему, вернувшемуся домой, трудоустройство на прежнее место и с прежним окладом содержания⁶⁹.

Размер денежных выплат военнослужащим Народной армии из казны Комуца был ничтожен. Судя по мемуарным, но весьма достоверным свидетельствам, нижние офицерские чины получали 5 руб. в месяц, ротный – 10 руб., командир полка – 15 руб.⁷⁰ Другие сведения сообщает С.И. Константинов, правда, не рас-

---

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 50об.

⁶⁷ ПВ. 1919. 9 марта; СУР РП. № 5. Ст. 57.

⁶⁸ Вестник Совета Всесибирских кооперативных съездов (Омск). 1919. № 10–11. С. 5.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 152об.–153.

⁷⁰ Климущкин П.Д. Борьба за демократию в России // Гражданская война на Волге в 1918 году. Прага, 1930. Сб. 1. С. 88.

крывая источников. По его словам, добровольцы получали по 15 руб., к которым прибавлялись 1 руб. суточных рядовому и 8 руб. – офицеру. Через несколько страниц он приводит уже другую информацию – рядовой боец получал 45 руб., командир полка – 540 руб.⁷¹

1 июня 1918 г. Западно-Сибирский комиссариат установил размер жалования военнослужащим. На казенном обмундировании, содержании и квартировании рядовой боец получал 60 руб., фельдфебель – 120 руб., ротный командир – 400 руб.⁷² Жалование высших командных чинов не оговаривалось. Как видно, оплата была на порядок выше, чем в Народной армии. Временное сибирское правительство определилось с размером денежных выплат военным 22 июля 1918 г., подтвердив постановление Западно-Сибирского комиссариата от 1 июня. Вместо множества разновременных установленных выплат был разработан новый табель окладов. Выдававшиеся ранее отдельно жалование, столовые, порционные, добавочные и прочие денежные выплаты теперь сводились в общий оклад, который, как и прежде, зависел не только от должности, но и от места службы. Новый порядок оплаты начинал действовать с момента свержения власти большевиков в данной местности⁷³. В соответствии с ним во второй половине 1918 г. командир корпуса получал 1360 руб., дивизии – 1120 руб., полка – 680 руб., роты – 400 руб. Именно такой размер оплаты привел П.А. Новиков, не оговаривая, что новый табель действовал лишь до конца года⁷⁴, и Е.В. Волков, глухо отметивший, что такие оклады существовали при Временном сибирском правительстве⁷⁵.

В изменение этого постановления 3 декабря 1918 г. был принят новый табель воинских окладов. Оставив прежними солдат-

---

⁷¹ Константинов С.И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1998. С. 102–103, 109.

⁷² Западно-Сибирский комиссариат... С. 60–61.

⁷³ СВ. 1918. 16 авг.; СУР ВСП. № 6. Ст. 54; ЗДБПС. Вып. I. С. 130. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 63.

⁷⁴ Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 103–104.

⁷⁵ Волков Е.В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001. С. 252.

ские денежные выплаты, офицерам с 1 ноября 1918 г. установили оклады от 480 до 800 руб.⁷⁶ Находившимся на фронте, а также несшим службу в столице солдатам и офицерам оклады увеличивались на 20%. Постановлением 27 декабря 1918 г. Совет министров ввел 10–25%-ные надбавки к окладам военных строевых частей армии, а 3 апреля 1919 г. к ним добавили 35%-ную надбавку⁷⁷. При этом, в отличие от гражданских чиновников, военным не отменили прежнюю надбавку. Следовательно, общая индексация составила 1,48–1,66 раза. Исследователь Е.В. Волков отметил, что установленное в декабре 1918 г. содержание было в 6 раз выше окладов 1914 г., не отвечая, однако на вопрос, много это или мало⁷⁸. Следует оговориться, что, во-первых, цены за это время поднялись более чем в 10 раз и продолжали интенсивно расти, во-вторых, данные, которыми оперирует Е.В. Волков, отражают ситуацию не на весь 1919 г., как он считает⁷⁹, а только на конец 1918 – начало 1919 г. Ставки окладов и порядок оплаты изменялись и в дальнейшем. 4 февраля 1919 г. Совет министров утвердил оклады офицерам флота и классным чинам морского ведомства в размере от 300 до 1120 руб.⁸⁰

Стимулируя добровольное поступление на службу, более высокие размеры денежных выплат устанавливали для добровольцев. В соответствии с постановлением Российского правительства от 25 февраля 1919 г. рядовые добровольцы получали денежное пособие, повышенное на 50%, офицеры – на 150%. Кроме того, при поступлении на службу и по прошествии четырех её шестимесячных сроков должны были выплачиваться единовременные пособия в 200, 300, 400, 500 и 600 руб. соответственно

---

⁷⁶ ПВ. 1918. 24 дек.; ЗДРП. Вып. 1. С. 47–50; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 34–34об.

⁷⁷ ПВ. 1919. 22 янв., 9 апр.

⁷⁸ Волков Е.В. Благополучие и быт колчаковских офицеров // История белой Сибири: Тез. 4-й науч. конф. 6–7 февр. 2001 г. Кемерово, 2001. С. 128;

⁷⁹ Он же. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 208. Это второе, дополненное издание книги Е.В. Волкова «Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования» (Челябинск, 2001). В первом издании рост зарплаты офицеров вообще не упомянут.

⁸⁰ ПВ. 1919. 22 февр.; СУР РП. № 2. Ст. 15.

(с 29 августа 1919 г. они были повышены до 1000, 800, 1000, 1500 и 5000 руб. соответственно). Семья добровольца должна была получать квартирные деньги в размере $\frac{1}{3}$ оклада главы семейства, получаемого до поступления в армию⁸¹.

В те тяжелые времена такие выплаты превращались в существенное дополнение к доходу, при условии их регулярности. Но индексация размера ежемесячных выплат не только проводилась с большим опозданием, но часто не была вовсе обеспечена средствами из бюджета. Настоящим бедствием для армии стали задержки денежных выплат, что угнетающе сказывалось на моральном состоянии военнослужащих⁸².

С 1 марта 1919 г. тыловые военнослужащие наряду с гражданскими чиновниками стали получать 35%-ную прибавку на дороговизну. На фронтовые части она не распространялась, что казалось воевавшим солдатам и офицерам вопиющей несправедливостью. С 1 июня 1919 г. эту надбавку стали получать и на фронте, причём начислили её, как и тыловым военнослужащим, с 1 марта. Кроме того, с 1 июня всем военнослужащим начали выдавать внеурядную надбавку на дороговизну в 25%. Решение об этом было принято 1 сентября 1919 г. Все прибавки распространялись одинаково на солдат и офицеров. Совет министров в заседаниях 20 и 24 июня 1919 г. принял новый табель воинских окладов, который вступил в действие с 1 июня 1919 г. Оклад рядового сверхсрочника или добровольца устанавливался в 75–350 руб. Новые таблицы распространили и на служащих военно-морского ведомства. В результате офицеры, получавшие от казны довольствие и обмундирование, имели от 800 до 1300 руб. в месяц⁸³. Кроме то-

---

⁸¹ ПВ. 1919. 9 марта, 3 сент.; СУР РП. № 5. Ст. 57; Симонов Д.Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии в 1919 г. // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 79.

⁸² Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1920 гг.): Воспоминания. Рига, 1930. С. 93; Гоппер К. Четыре катастрофы: Воспоминания. Рига, 1920. С. 110; Климушкин П.Д. Борьба за демократию в России // Гражданская война на Волге в 1918 году. Прага, 1930. Сб. 1. С. 88; Доронин Ю.П. Авиация белых армий на Восточном фронте // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1997. № 4. С. 63; Волков Е.В. Колчаковские офицеры... С. 253.

⁸³ ПВ. 1919. 20, 25 июля, 9 сент.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 173–175, 185об.–186об.; Д. 99. Л. 74.

го, базовые оклады солдат увеличивались в размере от 25% рядовому до 5% прапорщику⁸⁴. Новый табель окладов распространил 25%-ные прибавки на контрразведчиков, военных медиков и на другие, связанные с армией и флотом, категории служащих. Летом 1919 г. это были вполне приличные деньги, но осенью инфляция «съела» эти надбавки.

Следующее увеличение выплат произошло поздней осенью. Постановление Совета министров от 28 октября 1919 г. о повышении окладов распространялось и на военнослужащих и было для них наиболее благоприятно. Оно трехкратно увеличило размеры утвержденных 1 июня 1919 г. окладов, и так достаточно высоких на фоне оплаты труда государственных служащих⁸⁵.

Радикальное улучшение материального положения военнослужащих приготовил Совет министров в конце своей деятельности. В соответствии с его постановлением от 10 декабря 1919 г. с 1 декабря надбавка для военнослужащих на театре военных действий увеличивалась с 25% до 50%, а остальным военнослужащим вводился «усиленный» оклад, повышенный на 25%⁸⁶. В случае эвакуации с 12 августа 1919 г. на семьи военнослужащих распространили все пособия и денежные выплаты, которые полагалось выплачивать семьям гражданских служащих⁸⁷. 4 сентября 1919 г. на такие пособия семьям эвакуированных Совет министров выделил 8,6 млн руб.⁸⁸

Специфической сословно профессиональной группой военнослужащих на востоке России оставалось казачество. В отличие от советской власти антибольшевистские правительства видели в нем опору и старались сохранить все особенности казачьего уклада. Военнослужащие казачьего сословия по-прежнему производили экипировку за свой счет и получали за это денежные надбавки. 3 сентября 1918 г. Административный совет Временного сибирского правительства постановил выдать 52 000 руб. для образова-

---

⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 87. Л. 81.

⁸⁵ ПВ. 1919. 4 нояб.

⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 253об.

⁸⁷ ПВ. 1919. 19 авг.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 26об.

⁸⁸ ПВ. 1919. 24 сент.; Военный министр запрашивал на эти цели 10 млн руб. См.: ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 85–85об.

ния ремонтного капитала в казачьих частях Западно-Сибирского военного округа. Деньги предназначались для приобретения лошадей казачьими офицерами или выплаты им компенсации за сданных лошадей⁸⁹. 30 апреля 1919 г. казакам проиндексировали выплаты за экипировку и лошадей. В соответствии с постановлением Совета министров от 21 августа 1919 г. казачьим офицерам и чиновникам предоставлялось пособие за купленных лошадей. Приобретенные до 13 декабря 1918 г. лошади компенсировались по 1300 руб. Если покупка производилась позже, но до 13 июня 1919 г., – пособие возрастало до 2500 руб., а после этого срока – до 3000 руб. Казакам также выплачивали компенсацию за лошадей, утраченных в боевых действиях, причём 23 июня 1919 г. её тоже проиндексировали⁹⁰.

Одной из особенностей Гражданской войны являлось то, что государство не стало абсолютным монополистом в финансировании военных. Добровольцев, особенно на начальном этапе антибольшевистской борьбы на востоке России, нередко принимало на довольствие местное население. Речь шла не только о снабжении, но и выплате жалования, подчас весьма сносного. Так, целый месяц на добровольческие средства существовала дружина Красноуфимского уезда⁹¹. Граждане Атбасарской станицы постановили выплачивать казакам стоявшей в городе сотни ежемесячно по 200 руб.⁹² В 1919 г. такие примеры уже не встречаются. К тому же, общественная поддержка не могла существенно скорректировать государственную политику – совокупный объём таких выплат был ничтожен.

Но в период военных действий материальное положение военнослужащих определяли не только, а подчас и не столько официальные выплаты. Немалую роль играло «самоснабжение» армии – реквизиции продовольствия и иных ценностей у населения и военная добыча. На фронте деньги наряду с оружием станови-

---

⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 2.

⁹⁰ ПВ. 1919. 30 июля, 2, 17 авг., 7 сент.; Амурские областные ведомости (Благовещенск). 1919. 30 окт.

⁹¹ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 22. Л. 12об.

⁹² Шульдяков В.А. Гибель сибирского казачьего войска. М., 2004. Кн. 1. С. 136.

лись главным предметом вождения и иногда составляли солидный привесок к жалованию военных⁹³.

Если мы учтем все эти факторы, то окажется, что невозможно судить об уровне благосостояния военнослужащих, принимая во внимание только динамику заработной платы. Учет иных способов вознаграждения и «самовознаграждения» существенно меняет картину. Другое дело, что сохранившиеся исторические источники позволяют лишь отрывочно судить о структуре и объемах таких дополнительных доходов. Одно можно утверждать уверенно: война, нестабильность хозяйственной жизни и произвол военных усиливали неравномерность реального материального положения этой группы населения. Щепетильность и законопослушность командиров и солдат мешали им выживать в условиях Гражданской войны. Многие пережили психологическую ломку и стали преодолевать недостатки военного снабжения и перебои с оплатой службы. Феномен «человека с ружьем» был не нов. Он объясняет не только атаманщину в узком смысле слова, но и вообще произвол военных на фронте и в тылу. Но в результате материальное обеспечение военнослужащих подчас зависело в большей степени от случайных обстоятельств, чем от государственных выплат.

Тем не менее нельзя не отметить, что жалование военных находилось в центре внимания государственной власти, индексировалось чаще других групп, находившихся на казенном обеспечении. И все равно предпринимаемых правительством усилий оказывалось недостаточно, и именно это вынуждало армию самостоятельно решать свои материальные проблемы.

---

⁹³ Рынков В.М. Место и роль реквизиций в экономической политике антибольшевистских правительств Сибири // История «белой» Сибири: Материалы 5-й междунар. науч. конф. Кемерово, 2003. С. 284–288; Он же. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 156–157.

3.3. Материальное вознаграждение рабочих

Одним из самых болезненных вопросов трудовых отношений являются условия и объем заработной платы на предприятиях торговли, промышленности и транспорта. Он неразрывно связан с режимом трудовой деятельности. Вопрос, поистине большой для русской революции, оставался таковым и после свержения советской власти на востоке России.

Следует отметить, что Первая мировая война и революция самым негативным образом повлияли на положение работников. Во-первых, мобилизация мужского населения в армию, которая в первые два года оторвала до 40% рабочих промышленных предприятий, оказала разрушительное воздействие на трудовые ресурсы. Лишь к 1915 г. появились отсрочки для работников оборонных предприятий. Они охватывали до половины российских пролетариев, занятых на крупных промышленных предприятиях. Но значительная часть квалифицированных рабочих оказалась уже призвана, и бронь от мобилизации была предоставлена кадровому составу уже худшего качества. В 1916 г. отсрочки расширили. Ими смогли воспользоваться около 30–45% рабочих. Кроме того, широко стала практиковаться демобилизация квалифицированных рабочих. В масштабах России количество рабочих увеличилось, но происходило это главным образом за счет усиленного использования труда женщин, подростков, военнопленных и иностранных рабочих (трудовая эмиграция из Китая и Кореи). Именно эта деформация рабочей силы привела уже в 1916 г. к плачевным результатам – при росте числа занятых объем промышленного производства стал сокращаться. В 1917 – первой половине 1918 г. этот процесс резко усилился.

Для понимания экономической подоплеки протекавших в России процессов важно учесть, что рост заработной платы в её абсолютном измерении происходил на фоне снижения объёмов производства и обвального падения рентабельности. Рабочие коллективы устанавливали объём денежных выплат, руководствуясь потребительским принципом, индексируя ставки в соот-

ветствии с ростом цен⁹⁴. Исследователь профсоюзного движения в годы революции В.А. Дробченко отмечает, что представители интеллигенции считали недостойным открыто выступать в защиту своих материальных интересов. Служащие промышленных предприятий и рабочие вели себя более прагматично, постоянно прибегая к жестким методам защиты своего уровня жизни от инфляции: забастовкам, вмешательству в управление предприятиями и даже их захватам⁹⁵.

К моменту свержения советской власти ситуация осложнялась практикой предшествовавших месяцев, когда установление 8-часового (а в отдельных случаях и 6-часового) рабочего дня сопровождалось введением очень вольной трудовой дисциплины. Например, после перехода с 1 апреля 1917 г. к 8-часовому рабочему дню на каменноугольных коях Л.А. Михельсона производительность труда упала на 50%⁹⁶. При этом ставки оплаты труда в 1917 – первой половине 1918 г. повышались достаточно регулярно, но они не могли компенсировать падение стоимости рубля. Даже при советской власти сохранялось впечатление, что благосостояние рабочего класса в целом падает.

Весной 1918 г. умеренную заработную плату удавалось выплачивать во многом благодаря распродаже производственных запасов и основных фондов, за счет оборотных капиталов и в значительной мере государственных дотаций. Иждивенчество подошло к крайней черте, необходим был решительный пересмотр как режима производства, так и условий оплаты труда. Этот процесс протекал одновременно, хотя и в разных масштабах в советской и антибольшевистской России, и был одинаково болезненным.

Ужесточение трудовой дисциплины и снижение уровня оплаты труда в советской России отечественная историография преподносила как оправданную Гражданской войной политику. Аналогичные меры в стане контрреволюции свидетельствовали об антира-

---

⁹⁴ Кадейкин В.А. Рабочие Сибири в борьбе за власть советов и осуществление первых социалистических преобразований (ноябрь 1917 – август 1918 г.). Кемерово, 1966. С. 191.

⁹⁵ Дробченко В.А. Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 – май 1918). Томск, 2006. С. 40, 51.

⁹⁶ ГАКО. Ф. Д-20. Оп. 1. Д. 23. Л. 18.

бочем характере осуществляемых мероприятий. Сейчас во многих работах двойной стандарт продолжает сохраняться, только в перевернутом виде, когда уже советскую политику оценивают как «антирабочую». На самом деле, ещё при советской власти даже отдельные органы рабочего управления признавали, что для поднятия производительности труда следует вернуться к сдельной оплате, увеличив продолжительность рабочего дня⁹⁷. Такова была логика любой государственной власти в ситуации углубляющегося спада производства. В середине 1918 г. подавляющая масса государственных и частных предприятий оказалась полными банкротами, уровень реальной заработной платы упал. Перед работником встал острейший вопрос о способах выживания в этой чрезвычайной ситуации, а перед государством и руководством предприятий – о путях удержания качественной рабочей силы.

Очевидной мерой, необходимой для смягчения многих назревших проблем, представлялся переход от повременной оплаты труда, введенной повсеместно в период революции и советской власти, к сдельной везде, где это было целесообразно с точки зрения повышения производительности труда. Ситуация в разных регионах могла сильно зависеть от партийно-политической доктрины оказавшихся у власти лидеров. Эсеровские политики Поволжья не спешили расставаться с революционными иллюзиями о возможности достойной оплаты свободного труда в условиях спада производства. Куда более решительной и реалистичной оказалась практика правительств Сибири и Урала. На заседании Совета министров Временного сибирского правительства 23 июля 1918 г. после доклада управляющего Министерством путей сообщения Г.М. Степаненко правительство признало желательным перевод всех казенных работ на сдельную систему⁹⁸. Проблема заключалась в изменении стоимости рубля и условий труда за прошедшие месяцы. Появился ряд новых вопросов: как оплачивать простои, возникавшие по вине работодателей, сверхурочные и т.д.

---

⁹⁷ Кадейкин В.А. Рабочие Сибири в борьбе... С. 192; История Дальнего Востока России. Владивосток, 2003. Т. 3. Кн. 1: Дальний Восток России в период революции и гражданской войны. С. 199.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 43. Л. 65об.

В их решении власти опасались дальнейшей эскалации социальных конфликтов и жестким директивам предпочитали переговорный процесс. Циркуляр Министерства труда от 13 июля 1918 г. предлагал для определения новой шкалы зарплат созвать губернские совещания с участием профсоюзов и торгово-промышленного класса. На это предложение охотно откликнулись рабочие. Зато предприниматели, как правило, отказывались от участия в таких совещаниях. В результате, например, акмолинскому областному комиссару И.Г. Торговицкому не удалось собрать совещание по выработке новых тарифов⁹⁹. Но во многих местах они действительно появились и разработали местные нормы заработной платы¹⁰⁰.

Довольно редко представители Министерства труда добивались не только созыва совещаний, но и принятия новых тарифных соглашений между профсоюзами и торгово-промышленными организациями. Но такие действия подчас не решали проблему, а только отдаляли острые проявления конфликта. Постановления тарифных съездов никак не регламентировались в законодательстве, и было непонятно, носят ли их решения рекомендательный или директивный характер¹⁰¹. Бывало и так, что обсуждение приводило к обострению конфликта между разными общественными группами. В.И. Шемелев, бывший в годы Гражданской войны алтайским губернским комиссаром труда, спустя много лет писал, что в Барнауле при его участии удалось выработать общий тарифный договор, подписанный 11 декабря 1918 г. биржевым обществом и советом профсоюзов Барнаула. В договоре регламентировалась заработная плата по всем существовавшим в городе профессиям¹⁰². Но путь к этому договору был полон конфликтов между профсоюзными деятелями, объединившимися вокруг В.И. Шемелева, и предпринимателями Барнаула, на сторону которых встали военные власти города. Центральная тарифная комиссия при Совете алтайских профсоюзов пересмот-

---

⁹⁹ Заря (Омск). 1918. 23 сент.

¹⁰⁰ Свободная речь (Семипалатинск). 1918. 19 июля; Народное дело (Оренбург). 1918. 17 июля.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 12.

¹⁰² ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 131. Л. 33.

рела тарифные ставки в сторону повышения. Это решение не поддержали предпринимательские организации Алтая. Совещание представителей ведомств и предпринимателей признало новые тарифы чрезвычайно преувеличенными. В.И. Шемелева заключили в тюрьму и отдали под суд¹⁰³.

Справедливости ради следует отметить, что В.И. Шемелев действительно допускал грубое превышение своих полномочий, в частности, он возглавил правление Барнаульской больничной кассы, хотя по закону как губернский инспектор труда осуществлял правительственный надзор за её деятельностью¹⁰⁴. Но это был административный проступок. У военных властей имелось достаточно и других поводов для его ареста. Трудно признать нормальной ситуацию, когда губернский комиссар труда одновременно является и лидером профсоюзного движения, позволяющим жесточайшую критику режима, граничащую с призывами к борьбе с ним¹⁰⁵. Подозревали, что брат В.И. Шемелева А.И. Шемелев проводил у него на квартире собрания подпольщиков¹⁰⁶.

Похожая печальная судьба постигла договоренности по тарифам оплаты труда красноярских печатников. В ходе длившихся с 9 по 30 ноября 1918 г. переговоров представителей торгово-промышленников и профсоюзов рабочие согласились на ставки чуть ниже тех, что предусматривала тарифная комиссия из рабочих. Только хозяева не признали прожиточный минимум, утвержденный профсоюзами, и стали считать тарифы от меньшего его размера. Дело закончилось забастовкой печатников¹⁰⁷. Аналогично завершилась работа тарифной комиссии Бюро профсоюзов Оренбурга. Её предложения утвердил в качестве обязательных тарифов управляющий губернским отделом труда А. Гуревич. Но администрация казенных и владельцы частных предприятий про-

¹⁰³ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 134–135об.; Д. 173. Л. 69–69об.; [Шемелев В.И.] Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.). Новосибирск, 1928. С. 181.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 34

¹⁰⁵ См.: ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 54. Л. 3. Протоколы съезда профсоюзов Алтайской губернии 22–23 сентября 1918 г.

¹⁰⁶ Резниченко А.Н. Борьба большевиков против «демократической» контрреволюции в Сибири. Новосибирск, 1972. С. 111.

¹⁰⁷ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 106. Л. 5.

игнорировали это нововведение, дружно указав, что представитель Комуца вышел за пределы своей компетенции¹⁰⁸.

Не следует, однако, вслед за советскими историками изображать процесс выработки новых тарифов как сплошную череду конфликтов. Рабочее отделение Министерства труда с июля по декабрь 1918 г. было завалено запросами от казенных учреждений о том, каких ставок следует придерживаться при оплате работ вольнонаемных рабочих и служащих казенных предприятий и государственных учреждений. На несколько месяцев отделение превратилось во «всесибирский отдел кадров», увязнув в разъяснениях того, что не регламентировалось вовсе и должно было зависеть от инициативы местных властей и местных средних расценок на труд¹⁰⁹. В сентябре 1918 г. Министерство труда рекомендовало на частных предприятиях придерживаться тарифов, существовавших в Сибири до 15 мая 1918 г., проиндексировав их в связи с ростом цен на 25%¹¹⁰. На большинстве предприятий администрация и работники предпочитали следовать правительственным рекомендациям, не обостряя отношения друг с другом.

Почти повсеместный протест со стороны сибирских рабочих вызвал также переход к сдельной форме оплаты труда¹¹¹. Рабочие утверждали, что «она губельна для пролетариата по своим последствиям, создает в рядах рабочего класса нездоровую конкуренцию и разъединение»¹¹². На самом деле производительность труда почти на всех предприятиях за 1917 – первую половину 1918 г. катастрофически снизилась, а заработная плата возросла в несколько раз. По указаниям Министерства торговли и промышленности и Министерства труда все вводившиеся сдельные тарифы оплаты труда должны были составляться из того расчёта, чтобы при сохранении производительности труда на уровне 1916 г. рабочие получали бы такую же оплату, каким было их повремен-

---

¹⁰⁸ Рабочее утро (Оренбург). 1918. 17 июля, 3 сент., 24, 25 окт.; Рабочий день (Оренбург), 27 окт., 3 нояб.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 4–22, 24–70, 72–72, 79–133.

¹¹⁰ Там же. Л. 140.

¹¹¹ Уральский печатник (Екатеринбург). 1918. № 1. С. 6; ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

¹¹² Новый алтайский луч (Барнаул). 1918. 5 окт.

ное вознаграждение за труд летом–осенью 1918 г. В конфликтных случаях предполагалось решать вопрос в согласительных комиссиях с участием представителей от рабочих и администрации предприятий.

Естественно, что при упавшей в 1917 – начале 1918 г. производительности труда реальная зарплата многих рабочих снизилась. Тем не менее смена принципа оплаты труда была эффективным и, по-видимому, необходимым способом восстановления уровня производства, выравнивания макроэкономических параметров. Государственная власть не желала и не могла отказаться от этого шага. Справедливости ради нужно отметить, что нередко производительность держалась на низком уровне не по вине рабочих. Предприятия простаивали из-за отсутствия сырья. Сопротивление рабочих введению сдельной оплаты, требования утвердить в согласительных комиссиях ставки, которые бы не вели к уменьшению их доходов при снизившейся производительности, – все это приводило к многочисленным и затяжным конфликтам между рабочими и администрацией государственных и частных предприятий.

Отношение рабочих к сдельной форме оплаты труда на Урале отличалось от реакции сибирских пролетариев. Здесь позиция профсоюзов оказалась толерантнее. Условия перехода на сдельщину, выдвинутые Временным сибирским правительством и продублированные на Урале, их вполне устроили¹¹³. Несколько месяцев понадобилось на то, чтобы возобновить работу предприятий, остановленных в период вооруженной борьбы, разработать новые ставки. В итоге оплата труда на сдельных условиях стала производиться лишь осенью 1918 г.

Наряду с региональными отличиями в характере оплаты труда и реакции на ситуацию в этой сфере самих рабочих существенную роль играла отраслевая принадлежность. Наиболее конфликтная ситуация сложилась на транспортных предприятиях, что в силу стратегической важности данной отрасли требовало спешного решения. 23 июля 1918 г. Временное сибирское прави-

---

¹¹³ Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.) в документах и материалах с вводным очерком А. Танеева. Свердловск, 1929. С. 134.

тельство одобрило намерение Министерства путей сообщения о переводе мастеровых и рабочих отрасли на сдельную форму оплаты¹¹⁴. Циркуляр министерства от 26 июля 1918 г. предписывал на всех транспортных предприятиях разработать новые тарифы для перевода рабочих и служащих на сдельную, почасовую и повёрстную систему оплаты труда¹¹⁵. В циркуляре Министерства путей сообщения от 19 сентября 1918 г. формулировались основные принципы, которыми должны были руководствоваться управления железных дорог и водных путей сообщения при переводе рабочих на новую систему оплаты труда. Согласно им, 50% от существовавших летом 1918 г. ставок сохранялись в виде фиксированного оклада. Остальная часть заработной платы выплачивалась в зависимости от индивидуальной производительности. Для этого администрация должна была разработать шкалу тарифов оплаты из такого расчёта, чтобы при выполнении норм производительности труда 1916 г. зарплата рабочих и служащих оставалась на уровне лета 1918 г. Министерство сохранило также все существовавшие ранее надбавки на дороговизну¹¹⁶.

Но при расчёте новых ставок администрация не учитывала или сознательно игнорировала тот факт, что с 1916 по 1918 г. произошло значительное ухудшение материально-технического оснащения железных дорог (уменьшение вагонного парка, обеспечения топливом, отсутствие инструментов и оборудования). Следовательно, поднять производительность труда до уровня 1916 г. становилось невозможно в силу объективных причин¹¹⁷. Вот почему рассчитанные по новым, на первый взгляд, вполне справедливым принципам, сдельные ставки обычно вели к снижению заработков железнодорожников.

Вопрос этот все же не имел однозначного решения. Если в Красноярских железнодорожных мастерских в 1916 г. трудились 1556 рабочих и мастеровых, ремонтировавших по 9,7 паровоза ежемесячно, то в середине 1918 г. – 2722 рабочих и мастеровых, ремонтировавших лишь 2 паровоза. При этом средняя зарплата

---

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 65об.

¹¹⁵ Вестник Министерства путей сообщения (Омск). 1918. № 1–3. С. 5.

¹¹⁶ Там же. № 8–9. С. 31–34.

¹¹⁷ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 2. С. 9.

выросла в 3 раза¹¹⁸. Поэтому можно понять железнодорожную администрацию, стремившуюся избавиться от трудового балласта и приблизить производительность к уровню рентабельности. В 1919 г. 60% всех средств, вырученных железными дорогами, шло на зарплату рабочим и служащим¹¹⁹. Удовлетворение требований работников вынудило бы пустить на эти цели все доходы от эксплуатации железных дорог.

Вопрос об индексации ставок неоднократно поднимал на правительственных заседаниях Л.А. Устругов, но не находил поддержки у Совета министров, который долгое время предпочитал обходиться паллиативами. Например, 4 марта 1919 г. было принято решение о выделении 13,7 млн руб. безвозвратных ссуд продовольственным комитетам железнодорожных рабочих и служащих с разрешением Министерству продовольствия и снабжения выдавать продкомам мясо и хлеб¹²⁰. Лишь 11 марта 1919 г. Г.М. Степаненко удалось добиться существенного повышения оплаты труда транспортников. На них была распространена выдававшаяся всем государственным служащим прибавка на дороговизну в 35%. Она начислялась рабочим и мастеровым с 1 ноября 1918 г. и высчитывалась со всей суммы их сдельного или поденного заработка. Постановление не распространялось только на рабочих, нанятых по ценам вольного рынка¹²¹. 28 июля 1919 г. Совет министров по просьбе Л.А. Устругова ввел дополнительные пособия железнодорожным, почтово-телеграфным служащим, мастеровым и рабочим. На следующий день постановили выплачивать эти пособия и работникам ведомства внутренних водных путей¹²². Но это не могло оказать существенного вли-

---

¹¹⁸ Дмитриев Н.И., Дмитриева Т.В. Междусоюзный железнодорожный комитет и его роль в восстановлении Сибирской магистрали // Фундаментальные и прикладные исследования по транспорту. Вып. 24 (106). Страницы истории России. Екатеринбург, 2002. С. 145.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 3. Л. 104.

¹²⁰ Русская армия (Омск). 1919. 7 марта. В журнале заседания Совета министров указанная сумма не фигурирует (см.: ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 128–128об.).

¹²¹ ПВ. 1919. 17 июля; СУР РП. № 10. Ст. 155; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 159; Вестник Омской железной дороги (Омск). 1919. № 15–17. С. 160.

¹²² ПВ. 1919. 30 июля, 17 авг.

яния на их жизненный уровень. В апреле 1919 г. профсоюз Томской железной дороги довел до сведения министра путей сообщения, что в соответствии с прожиточным минимумом, выработанным Томской губернской инспекцией труда, месячного заработка хватает семейному рабочему на 8–20 дней¹²³.

Рабочие частных железных дорог, как и служащие, получали оплату по тарифам, близким к государственным, которые также индексировались. Разница заключалась в том, что обычно прибавки выплачивались с большим опозданием. Изменения в условиях и размерах оплаты труда не распространялись на частные железные дороги автоматически, и уходили месяцы на то, чтобы правительство стало рассчитывать дотации с учетом новых надбавок.

Есть примеры и более мягкого решения вопроса с денежными выплатами железнодорожникам. В районе действия Оренбургского комитета членов Учредительного собрания железнодорожники, сославшись на рост цен, предъявили требование о повышении зарплаты. Не имея инструкций из Самары или Уфы по этому поводу, А.И. Дутов заявил, что принимает временное решение под свою ответственность. Рабочие и служащие Ташкентской и Орской железных дорог стали получать оплату по более высоким ставкам, утвержденным Ташкентским советом, но были предупреждены, что если центральная власть не одобрит этот шаг, излишние выплаты придется удержать из последующих заработков¹²⁴. Чем решился данный вопрос, неизвестно, однако Оренбургским властям точно удалось избежать осенью 1918 г. участия местных рабочих в масштабной стачке железнодорожников, которая заблокировала магистраль от Челябинска до Владивостока. Другой пример оперативного решения возникавших проблем связан с введением в Перми единых для всей территории Российского правительства ставок, которые оказались ниже существовавших ранее. Тогда ввели надбавки, выравнивающие выплаты до уровня советских. Это было вызвано тем, что власти опасались оттока транспортников на

---

¹²³ ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 39. Л. 332–333.

¹²⁴ Оренбургский вестник Комуча. 1918. 13 окт.

советскую территорию как раз тогда, когда необходимо было производить масштабные ремонтные работы¹²⁵.

Взаимодействие властей, рабочих организаций и предпринимателей по вопросам оплаты труда нельзя сводить только к череде конфликтов. Были примеры достаточно организованного трехстороннего переговорного процесса: консолидированное выступление предпринимательских и рабочих организаций, конструктивное обсуждение и позитивный результат. Так, осенью 1918 г. комиссар труда Приуралья добился договоренности о новых ставках как на казенных, так и на частных предприятиях Челябинска и Троицка¹²⁶. Причём они вводились с 1 марта 1918 г., что предполагало доплату за три месяца¹²⁷. Активное посредничество комиссаров/инспекторов труда, включение конфликтовавших сторон в переговорный процесс существенно снижало накал страстей. Анализируя ход подобных переговоров, можно обнаружить закономерность – представители рабочих обычно выступали за выравнивание зарплат, за более мягкую их зависимость от интенсивности и квалификации труда, которая должна была достигаться за счет выравнивающих надбавок за дороговизну и т.д., тогда как предприниматели отстаивали сохранение дифференцированного подхода к оплате.

Летом–осенью 1918 г. рабочим небольших предприятий нередко удавалось через примирительные камеры и тарифные комиссии либо путем забастовок отстоять требования о повышении зарплаты. 26 июля 1919 г. Л.И. Шумиловский, не видя иных механизмов сдержать падение реальной зарплаты, в своём докладе на заседании Государственного экономического совещания предлагал местным представителям Министерства труда активнее организовывать согласовательные процедуры, чтобы заставить рабочих и предпринимателей придерживаться взаимно приемлемых условий труда и его оплаты¹²⁸.

---

¹²⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 41.

¹²⁶ Там же. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 147–147об.

¹²⁷ Сичинский Е.П. К истории Челябинского комитета народной власти // Оренбургскому краю 250 лет: Материалы юбилейн. науч. конф. Оренбург, 1994. С. 74.

¹²⁸ ПВ. 1919. № 177.

Предприниматели шли на уступки, и власти эту ситуацию воспринимали с удовлетворением¹²⁹. В дальнейшем в отношении крупных забастовок власти стремились придерживаться следующей тактики: в случае выставления политических и экономических требований прикладывалось максимум усилий для удовлетворения только экономической части. Тогда рабочим приходилось уступать, или власти получали все основания для проведения политических репрессий. Однако во всём идти на поводу у рабочих тоже не спешили. Достаточно легко удовлетворялись требования об индексации заработной платы в разумных пределах (были случаи её увеличения до 50%¹³⁰). Но администрация предприятий относилась отрицательно к требованиям предоставить рабочим частичный контроль над производством, к ослаблению трудовой дисциплины, восстановлению повременных расценок и твердых ставок. Власть и управленцы большинства предприятий были убеждены, что жесткий курс на материальное стимулирование приносит свои плоды, а все сбои есть результат враждебной пропаганды. Это было упрощением ситуации.

Железнодорожная администрация весной 1919 г. с удовлетворением отмечала, что введение сдельщины в ремонтных мастерских, несмотря на первоначальные протесты, благотворно повлияло на производительность и привело к существенному увеличению заработков отдельных, наиболее трудолюбивых рабочих. На первый взгляд, это не политическая бравада, – увеличение выпуска вагонов и паровозов из мастерских подтверждают эти сведения¹³¹. Но вместе с тем данные Красноярских железнодорожных мастерских свидетельствуют, что у 80% рабочих сдельные заработки составляли 76–82% от прежних повременных, и лишь у оставшейся части они выросли примерно на 30%¹³². В.И. Шемелев, опираясь на источники профсоюзного происхож-

---

¹²⁹ Профсоюзы Сибири в борьбе... С. 88; ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 105. Л. 4.

¹³⁰ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 168–172; История Дальневосточного пароходства. М., 1962. С. 60.

¹³¹ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 140. Л. 247–248; Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 2. Л. 119; Сибирская жизнь. 1919. 17 апр.

¹³² Воля Сибири (Красноярск). 1918. 19 окт.

дения¹³³, приводит убедительные доказательства необоснованности официальных данных о зарплате и производительности труда. Он показал, что зарплата железнодорожников сократилась, более того, выработанные осенью расценки не пересматривались несколько месяцев, что подорвало саму идею материального стимулирования производительности труда путем введения сдельной оплаты¹³⁴.

Были и обратные примеры, когда рабочие сознательно принимали ухудшение условий своего существования. Например, администрации Ижевского и Воткинского заводов выплачивали $\frac{2}{3}$ заработка, так что к концу восстания долг только ижевским рабочим составил около 8 млн руб.¹³⁵ Недовольство рабочих этим решением вполне очевидно, но никаких забастовок на заводах не происходило. Напротив, производительность труда на ряде производств в период антибольшевистского восстания резко увеличилась¹³⁶.

Следовательно, показатели производительности зависели не только от одних экономических, но и от политических обстоятельств. Отдельные группы рабочих могли, несмотря на тяжелейшие условия жизни, оставаться твердой опорой режиму. Это понимала и власть, стремившаяся материально поддерживать рабочий класс. Те же надбавки к заработной плате, что и для государственных чиновников, постепенно распространялись на рабочих как государственных, так и частных предприятий, существовавших на дотации казны. Железнодорожники получали даже премиальные за ударную работу во время эвакуации¹³⁷. Постепенно фиксированная часть оплаты увеличивалась. Зарплата со временем всё более приобретала очертания социального пайка и всё менее сохраняла производственно стимулирующие функции. 25 июля 1919 г. на рабочих и мастеровых казенных предприятий распространили правила о привлечении эвакуированных служа-

¹³³ Созвучный его рассуждениям документ см.: ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 39. Л. 332–336.

¹³⁴ Профсоюзы Сибири в борьбе... С. 193.

¹³⁵ Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 116.

¹³⁶ Гаевский Э.И. Воткинский завод в годы гражданской войны (1917–1922) // Белая гвардия. М., 2002. № 6. С. 27.

¹³⁷ ПВ. 1919. 17 окт.

щих к исполнению служебных обязанностей и о выдаче им вознаграждения¹³⁸. Теперь казна продолжала платить зарплату эвакуированным казенным рабочим наряду с чиновниками.

Эти тенденции не проявлялись на производствах, работавших на военные нужды на коммерческих условиях. Благодаря возможности периодически пересматривать контракты на поставки предприниматели старались регулярно индексировать оплату труда, включая это в рост себестоимости продукции. Поэтому на военно-промышленных предприятиях зарплата продолжала играть, прежде всего, функцию материального стимулирования.

3.4. Политэкономия обочин: маргинальные формы вознаграждения за труд

Выражение Т. Шанина, вынесенное в начало заголовка этого параграфа¹³⁹, как нельзя лучше подходит для характеристики того, о чем пойдет речь. За одним исключением: то, что с точки зрения нормальной экономической логики казалось маргинальным, в условиях Гражданской войны постепенно становилось доминирующей формой компенсации за труд.

Революционные события очень сильно пошатнули значение зарплаты как главного механизма привлечения и удержания работников. Поэтому попытки вновь наладить его либо опереться на иные способы материального стимулирования были чрезвычайно важны. В качестве альтернативы выступало натуральное снабжение. Так, Комуч и Временное областное правительство Урала исходили из необходимости преимущественно централизованного снабжения рабочих потребительскими товарами, но не имели возможности реализовать свои планы. Значительные усилия в этом направлении предпринимали Временное сибирское и Российское правительства.

---

¹³⁸ ПВ. 1919. 16 авг.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 113.

¹³⁹ Шанин Т. Эксплуатация экономики: политэкономия общественных обочин. Формы хозяйства вне систем // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999. С. 545–564.

Примечательно, что не только рядовые работники, традиционно в революционную эпоху выступавшие с патерналистских позиций, но и промышленники настаивали на обязанности государства обеспечить трудящихся предметами первой необходимости. Такие меры включала, например, записка кузнецких углепромышленников «О мерах к поднятию добычи угля в районе»¹⁴⁰. Уральские заводууправления отмечали невозможность сохранения производства без регулярного централизованного снабжения рабочих всеми основными продуктами питания и даже постановили передать снабжение заводов Бюро горнопромышленников, получающему предметы первой необходимости в государственных и частных учреждениях¹⁴¹. Впрочем, здесь нет ничего удивительного, ведь известно, что промышленники быстро эволюционировали к роли управляющих предприятиями, частными по форме, но огосударствленными по содержанию. Поэтому их склонность к социальному иждивенчеству была совершенно закономерна.

Необходимость более масштабно и централизованно заниматься натуральным снабжением казенных рабочих и государственных служащих Российское правительство обозначило практически сразу, но реальные шаги предпринимались с большим опозданием. Именно железнодорожниками был накоплен огромный опыт корпоративного снабжения, сохранять и использовать который неоднократно предлагало руководство Министерства путей сообщения. Долгое время этот вопрос пыталось решить только ведомство путей сообщения. Ещё в ноябре 1918 г. работала комиссия с широким представительством от ведомств и продовольственных организаций каждой железной дороги, в задачу которой входило улучшение продовольственного снабжения железнодорожников¹⁴². Но в целом очевидно недопонимание властями значения натурального снабжения отдельных групп рабочих и служащих в условиях дефицитной экономики. Посылы уральских заводчиков и углепромышленников, управляющих частных железных дорог о том, что снабжение работников их

¹⁴⁰ ГАОО. Ф. Р-1858. Оп. 1. Д. 3. Л. 460–462об.

¹⁴¹ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 2. Д. 3. Л. 176–184об.; Ф. Р-588. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

¹⁴² ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 81об.

предприятий должно быть делом государственным, если и принимались правительственными чиновниками позитивно, то не считались первоочередной задачей. Крупнейшие промышленные предприятия, в том числе и частные, включались в общегосударственные планы снабжения. Уполномоченные по продовольствию выделяли им ресурсы из государственных запасов. В условиях транспортного кризиса эффект от этих мер оставался невысоким. Реализовать поставку продовольствия из Сибири на уральские заводы практически не удалось. Зато на большинстве заводов часть зарплаты выдавали заводскими бонами, на которые в лавке было нечего купить, или продукцией предприятия, товаром крайне неликвидным¹⁴³. В самой Сибири подчас предлагали продукты питания или очень низкого качества, или по ценам, близким к рыночным. Тотальный дефицит не позволил также организовать снабжение горнозаводских рабочих спецодеждой.

Только 3 октября 1919 г. министр продовольствия и снабжения К.Н. Неклютин сделал доклад о мерах по налаживанию продовольственного снабжения служащих. По его замыслу эту задачу следовало решать на хозрасчётных (коммерческих) основаниях, производя оптовую закупку на складах продовольствия за счет средств снабжаемых¹⁴⁴. В дальнейшем этот опыт, сильно напоминавший советский, собирались расширять путем привлечения государственных средств. 2 декабря 1919 г. Совет министров отдал распоряжение главному начальнику Приамурского края генерал-лейтенанту С.Н. Розанову подготовить к открытию во всех крупных городах Дальнего Востока столовые и питательные пункты для государственных служащих¹⁴⁵. С переездом правительства в Иркутск Министерство труда получило 1 млн руб. в счет планировавшихся 4 млн руб. на организацию столовых и питательных пунктов, заготовку топлива для правительственных служащих в новой столице¹⁴⁶. 11 декабря 1919 г. министр труда запросил уже 9 млн руб., а получил 7 млн руб. на дальнейшее

---

¹⁴³ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 2. С. 9.

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 191.

¹⁴⁵ Там же. Л. 267.

¹⁴⁶ Там же. Л. 259–259об.

развитие столовых и закупку продовольствия для работников центральных государственных учреждений¹⁴⁷.

Конечно, для лидеров антибольшевистского движения натуральное снабжение оставалось вспомогательной частью стимулирования труда рабочих и служащих в антибольшевистском тылу. Но основной механизм – заработная плата – с каждым месяцем всё хуже выполнял свои функции. У рабочих имелся достаточно широкий спектр возможностей отреагировать на эту тревожную тенденцию. Забастовка среди них – только самая крайняя мера. Чаще рабочие просто покидали предприятия, работа на которых теряла смысл из-за низкой, буквально символической зарплаты. Оставшиеся вынуждены были искать побочные заработки. Многие совершенно бедствовали, не имея возможности купить себе одежду и еду. Особенно ухудшилось материальное положение рабочих во второй половине 1919 г., когда с наплывом беженцев цены в городах резко поднялись¹⁴⁸. Правда, беженцы приносили местному населению возможность дополнительных заработков, но ею могли воспользоваться далеко не все.

В создавшихся условиях перспективы выживания существенно зависели от мобильности. Естественно, что работники железных дорог оказывались наиболее успешными в поисках способов выживания в создавшихся условиях. Перед служащими железных дорог открывалось множество вариантов адаптации к трудностям. В конце 1918 – 1919 г. в железнодорожных кассах было практически невозможно купить билеты. Зато их можно было свободно приобрести с переплатой в 300–350% через носильщиков, буфетчиков, самих кассиров и различные железнодорожные службы, а через кондуктора – даже договориться о безбилетном проезде. За взятку можно было сесть раньше других в вагон, и чтобы придать ценность этой услуге, вокзальные служащие организовывали давку при посадке в поезда. Кладовщики, конторщики, приёмщики и прочие служащие, имевшие отношение к оформлению проездных документов на грузы, также за всё брали мзду. Грузчики и носильщики отказывались работать без дополнительной оплаты и

---

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 38. Л. 17; Д. 245. Л. 280.

¹⁴⁸ Русь (Омск). 1919. 27 авг.

зарабатывали в начале 1919 г. до 300 руб. в день. Сибирские газеты писали об этом многократно, постепенно формируя в общественном мнении стереотип железнодорожника-взяточника¹⁴⁹. «Двухсоттысячная рать железнодорожников Сибири – этот “авангард русской революции”, как стая дикой саранчи, будет пожирать “благодатные” плоды этой революции и станет прожорливым нахлебником народа...»¹⁵⁰. Сообщалось, что даже поезда Технического совета Междусоюзного комитета наполнены спекулятивными грузами, принадлежавшими поездной бригаде¹⁵¹. Делопроизводственная документация коммерческих и кооперативных организаций тоже дает обильную информацию о взяточничестве при провозе грузов по железной дороге¹⁵². Правительство реагировало на сигналы общественности, ужесточая правила перевозки товаров и контроль за их выполнением. Попытка усилить государственное регулирование оборачивалась усилением хаоса и анархии, вызывала обратный эффект снижения управляемости хозяйственной сферой. Население понимало, что правительственная регламентация железнодорожных перевозок стала питательной почвой для возникновения злоупотреблений, с которыми власти в свою очередь оказались бессильны бороться.

Разумеется, рабочие железнодорожных мастерских не имели возможности извлекать дополнительную материальную выгоду на своем рабочем месте. Поэтому их озлобленность и экстремизм в предъявлении экономических требований правительству вполне психологически объяснимы. Причём это хорошо понимала и железнодорожная администрация, постоянно пытавшаяся объяснить правительству необходимость существенного повышения оплаты труда железнодорожников¹⁵³.

В целом вопросы регулирования заработной платы на протяжении всего полуторалетного периода оставались наиболее кон-

---

¹⁴⁹ Свободный край (Иркутск). 1919. 8, 9, 11 февр., 19, 21, 25 марта; Освобождение России (Пермь). 1919. 29 марта; Мысль (Иркутск). 1919. 23 февр.; Томский кооператор (Томск). 1919. № 22 (7 июня). С. 5–9; и др.

¹⁵⁰ Свободный край. 1919. 9 февр.

¹⁵¹ Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 20 мая; Свободный край. 1919. 30 апреля.

¹⁵² ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 398. Л. 16–18.

¹⁵³ ЦХДНИОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 417. Л. 1.

фликтной частью трудовых отношений. Здравая идея о необходимости увязать оплату труда и прожиточный минимум, разделявшаяся как Министерством труда, так и профсоюзными организациями, выхолащивалась. Не дискутируя по поводу этого принципа, основные социально-политические группировки по-разному определяли само понятие прожиточного минимума. Можно несколькими способами исчислять потребительскую корзину, вести отсчет от цен рынка, кооперативов, муниципальных продовольственных лавок, через разные промежутки времени производить индексацию прожиточного минимума. Чиновники высказывались за необходимость урегулировать тарифный вопрос по пути упрощения – ввести единую шкалу тарифов, обязательную для всех работодателей, независимо от формы собственности. Причём в условиях инфляции был найден механизм – четкие единые основания тарификации, базировавшиеся на товарном эквиваленте. Его можно легко переводить в текущие цены, индексирова зарплату.

К процессу выработки шкалы зарплат подключились представители Министерства труда, фабричной инспекции, Министерства торговли и промышленности, Министерства финансов. Активное участие повсеместно приняли рабочие и профсоюзные организации, представители предпринимателей. Но к единству прийти не удавалось. 6 апреля 1919 г. совещание по вопросам согласования условий оплаты труда рабочим и служащим Пермского района, опираясь на выработанную Областным бюро профессиональных союзов потребительскую корзину для прожиточного минимума, определило его на семью из 2 человек в 398 руб. для Екатеринбурга, 252 руб. для Екатеринбургского уезда, а для Перми – 437 руб. Установленная шкала оплаты была утверждена 13 апреля Уральским промышленным комитетом¹⁵⁴. Но А.П. Танияев, который ввел в научный оборот эту информацию, опубликовал и другой прожиточный минимум, утвержденный на основании той же потребительской корзины Центральным областным бюро профсоюзов Урала на апрель 1919 г. Он составил 709 руб.

---

¹⁵⁴ Колчаковщина на Урале... С. 156–165; ГАСО. Ф. Р-1956. Оп. 1. Д. 20. Л. 159–160; 199–200.

на одного человека¹⁵⁵. О.Ю. Никонова сообщает ещё одну любопытную деталь. Областной профсоюзный центр подсчитал прожиточный минимум на рабочую семью. Он оказался 1,5 тыс. руб., но его не решились опубликовать, опасаясь обострения отношений с властями, и предоставили данные, рассчитанные на одинокого работника¹⁵⁶. На самом деле профсоюзные лидеры вели себя по-иезуитски. Поскромничав перед властями, они тут же сообщили уральским рабочим через прессу сведения о переговорах и положении цен. Трудно говорить, какие данные являлись истинными, поскольку один и тот же орган допускал политически мотивированную эквилибристику цифрами.

Уральский пример далеко не единственный. Если предприниматели обычно увязывали зарплату с рентабельностью производства и делали ставку на материальную заинтересованность, то организации рабочих определяли её по себестоимости жизни, причём часто не работника, а среднестатистической семьи. Они аргументировали свои требования, исходя не только из соображений социальной защищённости трудящихся, но и связи физиологических потребностей работающего организма с производительностью труда. Так поступали в переговорах с властями и предпринимателями профсоюзы не одного Екатеринбурга, но и Владивостока, и Иркутска¹⁵⁷. Посетив Омские железнодорожные мастерские, американский генерал А. Джек докладывал Техническому совету Междусоюзного комитета, что зарплата рабочих разной квалификации практически одинаковая и много ниже прожиточного минимума. 30% рабочих не работали по причине болезни, так как заработков не хватало для поддержания работоспособности организма. Рабочие были на грани забастовки, тогда как существенный рост зарплаты способен поднять производительность минимум на 30%¹⁵⁸.

Приводимые Я. Кальниным сведения из профсоюзных источников о сравнении заработков рабочих с прожиточным минимумом рисуют ужасающую картину. Мастерские и рабочие службы

---

¹⁵⁵ Колчаковщина на Урале... С. 166.

¹⁵⁶ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 169.

¹⁵⁷ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 8. С. 13; № 9. С. 16.

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 2. Л. 124–125.

пути получали в апреле 1919 г. в Боготоле 208–299 руб., в Новониколаевске – 364–482 руб., тогда как прожиточный минимум для семейного работника составлял соответственно 1778 и 1037 руб.¹⁵⁹ Однако официальный прожиточный минимум был значительно ниже. Газеты сообщали, что по данным, выработанным совместно инспекциями труда и Центральным бюро профсоюзов, в апреле 1919 г. для Новониколаевска он определялся в 363 руб.¹⁶⁰ Остаётся только выразить недоумение тем, как же определялись данные, использованные Я. Кальниным в своей статье. Другая приводимая им таблица свидетельствует, что заработки кемеровских горнорабочих с июля по декабрь 1918 г. снизились с 298 до 278 руб., а кольчугинских незначительно возросли – с 254 до 260 руб. При этом прожиточный минимум подскочил с 375 до 780 руб. Достоверность этих сведений может вызывать сомнения, если мы опять сравним их с официальными данными. Они свидетельствуют, что прожиточный минимум за 9 месяцев – с августа 1918 г. по апрель 1919 г. – вырос в Новониколаевске на 44%, а в Томске на 78%. При этом известно, что наиболее интенсивный рост приходился на март и апрель 1919 г.

Может и не стоило уделять этой проблеме столь пристальное внимание, если бы не два обстоятельства. Во-первых, резонанс, который получили в историографии приведенные Я. Кальниным данные, – до сих пор этот сюжет почти обязательно излагается «по Кальнину» не только отечественными, но и зарубежными исследователями¹⁶¹. Во-вторых, современники тех событий недаром бесконечно спорили и проводили разные цифры. Почти всякая попытка историков определить отношение зарплат трудящихся к прожиточному минимуму, оперируя статистикой тех лет, будет субъективна, как и сами эти сведения. Проблему может разрешить только грамотное статистико-экономическое исследование цен и зарплат, учитывающее особенности методик подсчета данных в разных источниках. Примеры успешного решения сходных научных проблем при помощи «квантитативных» иссле-

¹⁵⁹ Кальнин Я. Труд при белых // Сибирские огни. 1929. № 3. С. 137.

¹⁶⁰ Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 8 июня.

¹⁶¹ Smele J.D. Labour condition and the collapse of the Siberian Economy under Kolchak // Sbornik of the study Group on the Russian revolution. Vol. 13. 1987. P. 39.

дований имеются¹⁶², но они требуют кропотливого и длительного сбора фактического материала.

Однако основные тенденции в сфере интенсивности труда и его оплаты на востоке России вполне очевидны, и их следует оценить как нормальные и неизбежные с точки зрения экономической логики. Всеобщий производственный спад всегда сокращает спрос на рабочие руки. При этом на востоке России предложение оставалось чрезвычайно велико. Более того, оно постоянно держалось на высокой планке за счет беженцев, ликвидации ряда предприятий и других факторов. Вот причины естественного стремления рынка труда к относительному снижению расценок найма.

Впрочем, судить о доходах работавших по официальным заработкам нет оснований. Далекое не у всех они совпадали. Более того, нельзя не отметить методологическую слабость попыток исследователей определить реальный доход рабочих. Очевидно, что рынок труда на востоке России ещё в большей степени, чем в целом по стране, нес на себе отпечаток архаизации. Первым его проявлением было сохранение тесной связи индустриального и аграрного рынков труда. Наименее квалифицированные работники часть времени, обычно в страдную пору, были заняты в аграрном производстве, а остальное время обслуживали промышленные предприятия. Причём в годы войны их заработок в аграрном секторе стал значительно выше. Крестьяне, наоборот, имели сезонные заработки на заводах. Следует учитывать, что даже «настоящие» пролетарии (не сезонники) не просто сохраняли связь с деревней, но в городах имели огород, скот, покосы. Описи городского имущества Сибири прекрасно характеризуют большинство даже крупных городов как наполовину «агрогородов», пролетарские окраины которых были сельскими по образу жизни¹⁶³. Это обстоятельство свидетельствует о том, что, во-первых, заработок главы семейства не определял совокупный доход семьи. Кстати, ещё предстоит изучить, из чего он в реальности

---

¹⁶² Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е гг. М., 1989.

¹⁶³ Жиров А.А. Тара как город «сельского» типа // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2004. Ч. 1. С. 127–128.

складывался и как его трансформировали революция и Гражданская война. Очевидно лишь то, что по мере сокращения индустриальных заработков, доля иных доходов неизбежно должна была возрастать. Во-вторых, и сравнение с международным опытом в этом твердо убеждает, такая связь пролетариев с аграрным сектором сдерживает оплату труда от повышения до уровня прожиточного минимума. И чем теснее связь рабочих с сельским хозяйством, тем меньшей будет доля зарплаты в общем объеме доходов, необходимых для поддержания жизни¹⁶⁴. Следовательно, настойчивые требования профсоюзных организаций определять заработок рабочего исходя из прожиточного минимума для семьи из двух–трех человек есть результат социальной мимикрии. Статистика тех лет и вовсе не учитывала доходы рабочих от подсобного хозяйства.

Подсобным сельскохозяйственным производством источники семейного дохода, как правило, не ограничивались¹⁶⁵. Необходимо принимать во внимание выгоды от семейно-кустарного производства, изготовление предметов домашнего хозяйства не только для внутреннего потребления, но и на продажу. Важнейшим ресурсом коренных пролетариев стало жилье. В Сибири мещанское население традиционно получало существенную часть доходов от сдачи обширных жилых площадей уважаемым коммерсантам и чиновникам¹⁶⁶. Но в 1918–1919 гг. города были переполнены беженцами. Любое жилье стало цениться, в том числе и крохотные углы в избах пролетариев и полупролетариев. Одним из наиболее экзотических способов пополнения семейного бюджета рабочих было воровство материальных ценностей с предприятия. Судя по документам промышленных предприятий, это явление переживало своеобразный расцвет. Например, на Гурьевском заводе за ночь снимали всё ценное с вновь установленного оборудо-

---

¹⁶⁴ Карвил Э. Разделение труда: сегментарная география рынков труда и рабочего движения Америки в период индустриализации. 1730–1930 // *Конец рабочей истории?* М., 1996. С. 21–26.

¹⁶⁵ Их любопытный анализ см.: Линден М. ван дер. Соединяя историю домашнего хозяйства с рабочей историей // *Конец рабочей истории?* М., 1996. С. 251–252.

¹⁶⁶ Рабинович Г.Х. Городская недвижимость как сфера приложения капиталов буржуазии Сибири в конце XIX – начале XX вв. // *Из истории Сибири.* Вып. 3. Томск, 1971. С. 119.

дования. Жестокие порки рабочих не помогали¹⁶⁷. На Ленских приисках администрация неспроста настаивала на удержании с рабочих крупных залогов за выданный инвентарь. Видимо, он исчезал с молниеносной скоростью. Рабочих возмущало, что хозяева «дерут» за такое воровство втридорога, администрацию же беспокоила невозможность восполнить запасы инвентаря в условиях Гражданской войны¹⁶⁸. Примеры такого рода можно продолжать. Наблюдатели отмечали, что в золотопромышленности значительная часть золота не сдается, а сразу перепродается за наличные нелегальным скупщикам для переправки в Китай. Сокращением реальных размеров заработной платы объясняют современные исследователи и всплеск хищений и разложения трудовой дисциплины в советской России, где эти явления также приняли куда более массовый характер¹⁶⁹. И дело было не в криминализации пролетариев. Теряя месяц от месяца в реальной зарплате, рабочие считали морально оправданной такую материальную компенсацию за счет владельцев производства.

Экономический кризис трансформирует трудовую этику. Современными аналитиками замечено, что в любом обществе стихийно складываются представления об уровне «справедливой» заработной платы, которые и задают трудовое поведение работников¹⁷⁰. Падение рентабельности производства в годы революции привело к тому, что уровень реальной оплаты труда значительно снизился. Как правило, это влечет за собой два последствия. С одной стороны, работники стремятся снизить интенсивность трудовых усилий, чтобы компенсировать потерю своих доходов. С другой – они будут более активно искать способы вернуть себе утраченный доход за счет работодателя. В этом случае

---

¹⁶⁷ ГАКО. Ф. Д-13. Оп. 1. Д. 28. Л. 37.

¹⁶⁸ Ленские прииски: Сб. документов. М., 1937. С. 516.

¹⁶⁹ Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М., 2006. С. 24–25; Присяжный Н.С. Экономическая Чума: военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ. 1918–1921 гг.). Ростов-на-Дону, 1994. С. 167.

¹⁷⁰ Akelroff G., Yellen J. The Fair Wage-Effort Hypothesis and Unemployment // Quarterly Journal of Economics. 1990. Vol. 105. № 2. P. 256–268; Akelroff G. Gift Exchange and Efficiency Wages Theories For Views // American Economic Review. 1984. Vol. 74. № 2. P. 78–83; Радаев В.В. Экономическая социология. М., 2005. С. 286–292.

взрывоопасное расширение «теневых» практик будет играть компенсаторную роль и отчасти восстанавливать баланс доходов. Обе тенденции могут проявляться параллельно, а могут и носить альтернативный характер. Но так как условия труда у всех разные, то и эта выравнивающая доходы компенсация за счет «теневых» практик не может равномерно перераспределять доходы между наёмными работниками.

Коррупция и рост «неформальной» экономики являлись результатом, в том числе, и разбалансированности соотношения между «справедливой» и реальной оплатой труда. Несмотря на очень скромные зарплаты, наибольшие доходы среди рабочих, вероятнее всего, имели проводники и работники поездных бригад, рабочие вокзалов и станций. Поскольку их работа была связана с переездами, они не только брали безбилетных пассажиров за вознаграждение, но и набивали вагон до отказа товарами, которые везли для перепродажи. Если верить газетной информации, в июле 1919 г. багажный раздатчик Забайкальской железной дороги зарабатывал около 8 тыс. руб. в месяц, проводник – 20 тыс. руб. Проверка одного поезда в апреле 1919 г. позволила выявить контрабандных товаров (карты, сигареты, сахар) на полтора миллиона рублей¹⁷¹.

В условиях кризиса транспортной системы предприниматели стали широко использовать необычный вариант переправки коммерческих грузов – почтовыми посылками. В результате объём почтовых отправок вырос в несколько раз, парализовав работу почты. У почтовых отделений Дальнего Востока выстраивались многодневные очереди. Простой обыватель лишался возможности отправить посылку своим друзьям и родственникам. Очень скоро были созданы комиссионные конторы при почтах, представлявшие желающим возможность отправлять посылки вне очереди и в обход почтовых правил. Естественно, работать такие учреждения могли только путем систематического подкупа почтовых служащих. Распознав эту уловку, Российское правительство запретило приём частных почтовых посылок коммерче-

---

¹⁷¹ Дальний Восток (Владивосток). 1919. 16 мая; Сибирская жизнь. 1919. 27 июня, 4 июля.

ского характера. Тогда торговцы изменили тактику – начали отправлять посылки в адрес кооперативов, городских управ, военных частей, государственных предприятий и для этого обзавелись необходимыми удостоверениями уполномоченных Министерства продовольствия и снабжения¹⁷².

Безусловно, в самом выгодном положении оказались служащие государственной администрации. Распад государства в 1917 г. привел к автономизации его структур, производственной и управленческой системы. Процесс возрождения властной системы шел медленно, и дефицит управленческого единства компенсировался за счет коммерциализации административного ресурса. Ценность представляла не любая должность как таковая, а административное право на распоряжение потребительскими товарами и услугами. В частности, громадные доходы можно было извлекать из причастности к системе распределения товаров. Служащие аппарата министерств снабжения и продовольствия, военного, путей сообщения, быстро и эффективно создавая длинные цепочки нелегальных посредников от поставщика товаров до потребителя, перенаправляли в свою пользу ощутимый поток товарных и, в конечном итоге, денежных средств.

В обществе было широко известно, что неэффективность работы ведомства продовольствия и снабжения усугублялась процветавшим среди его чиновников взяточничеством и другими злоупотреблениями. В октябре 1918 г. к следствию привлекли тюменского уполномоченного по продовольствию М.Я. Остроухова, подозревавшегося в передаче казенных товаров спекулянтам¹⁷³. В декабре 1918 г. начали следствие против уполномоченного по снабжению Н.М. Велтищева, посланного осенью того же года в командировку в Тобольскую губернию. Как и М.Я. Остроухов, он подозревался в передаче казенных товаров спекулянтам и получении взяток¹⁷⁴. В январе 1919 г. прибывший с Урала Главный военно-полевой контролер армии сообщал о выявленных им многочисленных фактах злоупотреблений уполномочен-

---

¹⁷² Друг народа (Марининск). 1919. 25 апр.; Дальний Восток. 1919. 6 апр.; Сибирская жизнь. 1919. 4 апр.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 79. Л. 3.

¹⁷⁴ Там же. Л. 56–62.

ных Министерства продовольствия и снабжения¹⁷⁵. В марте 1919 г. были арестованы уполномоченный по продовольствию и снабжению Урала И.Р. Кричинский и некоторые его подчиненные, уличенные в приемке некачественных предметов интендантского довольствия¹⁷⁶. По сведениям Л.А. Кроля, они выдали на шитье шапок нитки из казенных запасов, вес которых превышал вес заказанных шапок. При этом И.Р. Кричинский сам состоял членом торгового дома, которому передавал столь «выгодные» заказы¹⁷⁷. Летом 1919 г. был привлечен к ответственности начальник троицкого мясозаготовительного пункта полковник Плышевский. Предназначенные на закупку холодильного оборудования казенные средства он израсходовал для приобретения на Дальнем Востоке дефицитных товаров, которые продал спекулянтам¹⁷⁸. Во время проведения в Омске в июле 1919 г. кампании по реквизиции белья злоупотребления происходили на каждом шагу. Итоги реквизиции позволяли рассчитывать на улучшение снабжения фронта. Было заготовлено около 20 тыс. комплектов рубах, шароваров, портянок и носков. Последующая ревизия выяснила, что дорогое шёлковое, тонкополотняное и вязаное бельё было заменено на дешёвое и старое лицами, причастными к организации реквизиции и хранению белья. На склад приняли белья меньше, чем получила реквизиционная комиссия. На складе учет тоже был организован из рук вон плохо. Бельё смешали с казенным и раздали по указаниям тылового коменданта обслуге военных учреждений, а частично продали за деньги, правда, весьма небольшие, штабным офицерам и военным чиновникам. Его получили писари, шофёры, курьеры. Малая часть заготовленного белья попала на фронт¹⁷⁹.

---

¹⁷⁵ Журавлев В.В. Проблемы колчаковского режима в зеркале государственного контроля: Доклад В.П. Годыцкого-Цвирко Совету министров // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2006. № 12. С. 227–228.

¹⁷⁶ Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 23 марта; Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 30 марта.

¹⁷⁷ Кроль Л.А. За три года. Воспоминания члена уральского правительства. Владивосток, 1922. С. 171.

¹⁷⁸ ПВ. 1919. 2 авг.

¹⁷⁹ Русь (Омск). 1919. 11 сент.

В марте 1919 г. сам глава ведомства снабжения Н.С. Зефиров омской газетой «Заря», а затем и прокуратурой был обвинен в получении взятки¹⁸⁰. Барон А.П. Будберг в своем дневнике писал об очевидности вины Н.С. Зефирова и о том, что власти оставили его деяния в полной безнаказанности¹⁸¹. Утверждения А.П. Будберга неоднократно повторялись в работах отечественных историков¹⁸². А вот Г.К. Гинс в своих воспоминаниях писал, что предъявленное Н.С. Зефирову судом голословное обвинение «в содействии обогащению частного лица» осталось ничем не подтвержденным¹⁸³.

В действительности после того, как в марте 1919 г. Министр продовольствия и снабжения подал в отставку, на него завели уголовное дело. Прокуратуре на помощь пришли Государственный контроль и контрразведка. О контрразведке в последние годы опубликовано много новых и интересных сведений¹⁸⁴, но никто из исследователей не обратил внимание на то, что она занималась ещё и расследованием экономических преступлений. Знакомство с «зефировским» делом показывает, что контрразведка к весне 1919 г. успела обзавестись, как минимум, несколькими агентами, следившими за коммерческой деятельностью крупных чиновников. В ходе расследования удалось собрать множество свидетельств не только служебных злоупотреблений, процветавших в зефировском ведомстве. Были выявлены факты растраты Н.С. Зефировым и его подчиненными огромных сумм на личные нужды, в то время как их зарплата была весьма скромна. Некоторые сотрудники Н.С. Зефирова открыто заявляли, что берут взят-

---

¹⁸⁰ Беляев А. Омский след слона // Иртыш. Омск, 1993. Вып. 2. С. 304–312; Заря (Омск). 1919. 6 апр.

¹⁸¹ Будберг А. Дневник // Архив русской революции. М., 1993. Т. 15. С. 256.

¹⁸² Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 31; Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983; и др.

¹⁸³ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. Ч. 2–3. С. 143.

¹⁸⁴ Греков Н.В. Контрразведка и органы государственной охраны белого движения в Сибири (1918–1919 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1997. № 5. С. 209–221; Он же. Разведывательная служба армии Колчака // История белой Сибири: Тез. третьей науч. конф. Кемерово, 1999. С. 39–43; Цветков В.Ж. Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917–1922 годах // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 121–136.

ки. Но происхождение этих денег выяснить оказалось невозможно¹⁸⁵. Хотя вина руководства министерства была очевидна, прямых доказательств взяточничества у правосудия не было. За недостатком улик Н.С. Зефиоров во время следствия не был даже арестован. Дело слушалось в Сенате трижды, но так и не было завершено по причине падения Российского правительства¹⁸⁶.

Административный торг не ограничивался аппаратом нескольких министерств. В него были вовлечены служащие кооперации, земских и городских органов самоуправления, общественных организаций¹⁸⁷. Но границу между коррупцией и использованием ресурсов во имя выживания провести невозможно. Ведь многие рабочие и служащие контролировали и регулировали товарные потоки, не получая зарплату по несколько месяцев. Неудивительно, что сколько бы припасов не заготавливал тыл, при существовавшей системе их распределения фронт оставался голодным и раздетым. Столь же неэффективно функционировала и система снабжения городского населения и работников отдельных предприятий. Находящиеся в нашем распоряжении источники не позволяют выяснить, понес ли наказание кто-нибудь из обвиненных в злоупотреблениях чиновников. Примеры можно продолжать, но полномасштабное обличение коррупции в годы Гражданской войны выходит за рамки настоящего исследования. Важно отметить, что ресурсы государства и общества переводились на обогащение отдельных категорий государственных служащих и рабочих через разнообразные «теневые» схемы. Этот фактор нельзя игнорировать при анализе тенденций, складывавшихся в сфере оплаты труда служащих и рабочих.

---

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 40. Л. 222, 222об., 230, 234, 238об.

¹⁸⁶ Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. С. 162.

¹⁸⁷ Рынков В.М. Роль органов местного самоуправления в снабжении населения Сибири продовольствием в годы гражданской войны // Проблемы местного управления Сибири XVII–XX вв.: Тез. регион. науч. конф. Новосибирск, 1996. С. 59–61; Он же. Военно-промышленные комитеты Сибири в годы гражданской войны // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2000. С. 289–298; Он же. На полпути к военному коммунизму // Кооперация Сибири: факторы и условия устойчивого развития. Новосибирск, 2003. Вып. 4. С. 108–110.

* * *

В условиях острого дефицита социализм невозможен и неизбежен одновременно. Этот парадокс читается в тексте исторической реальности революционной эпохи и может быть разрешен только с учетом амбивалентности общественного бытия.

Дефицит диктует уравнительность даже её противникам. Достаточно взглянуть на эволюцию схем оплаты труда в антибольшевистском лагере. Политические лидеры понимали, что уравнительность – враг производительности труда и искали пути гармонизации интересов восстановления производства и выживания социума. Поэтому над прогрессивной шкалой зарплат надстраивалась вереница надбавок, убивавшая на корню всякую попытку дифференцировать работников по качеству и количеству производимых ими благ. Обращает внимание тот факт, что в обществе явно доминировала уравнительная тенденция, ибо все импульсы, поступавшие государству от социума, подталкивали его к выравниванию доходов во имя выживания большинства. Диссонансом звучали только голоса предпринимателей. Они ставили превыше всего рентабельность производства, но слабо влияли на весь спектр общественного мнения и не могли определять политику государственной власти.

Служащие, наиболее профессионально подготовленная группа работников, продемонстрировали максимальную приверженность корпоративным ценностям и в основной массе сохранили свои рабочие места, несмотря на величайшие трудности. В то же время, они проявили невысокую трудовую мобильность. Аналогичная ситуация сложилась в отношении кадровых рабочих, целиком порвавших с деревней. Они столкнулись с проблемой выживания, порождавшей наибольшую социальную напряженность. Основная масса занятых в промышленном производстве и на транспорте работников (неквалифицированных) проявила куда более высокую социальную активность и мобильность, вернувшись к своим аграрным корням или изменив род занятий. Они легко и в массовом порядке покидали свои рабочие места.

Сами работники выступали за равные гарантии в социально-трудовых отношениях. Причём сохранялась закономерность, в

соответствии с которой служащие бюджетной сферы (интеллигенция) практически не лоббировали свои материальные интересы. Именно эта часть занятых в экономике и воспринималась как социальная опора власти, и высшие органы власти и управления не оставляли их материальные проблемы без внимания. Но они никогда не становились предметом первоочередного разрешения. Мэру удовлетворения материальных нужд служащих определяло само государство. Рабочие, как и в первые месяцы революции, вели себя более жестко, часто заставляя власти разного уровня считаться с собой. Поэтому нередко они задавали тон переговорному процессу, не соглашаясь признать сделанные правительством уступки достаточными.

Государство, преисполненное демократических идей, также стремилось установить относительное равенство социальных благ на рынке труда. Но в условиях дефицита ресурсов это не позволило обеспечить стабильное материальное положение основной массы занятых. И уже тем более это не позволяло сконцентрировать ресурсы для создания социально-бытового благополучия на стратегически важных направлениях экономики. В этом смысле принцип равных возможностей противоречил военно-мобилизационным задачам государства.

Чрезвычайное понижение уровня заработной платы до предела обострило стремление использовать производственные возможности в личных целях. Легальные, законно признанные структуры оказались насквозь пронизаны нелегальными отношениями. По терминологии современного исследователя Л.М. Трофимова, в процессе приватизации административных и трудовых статусов и возможностей государство превращается в «парагосударство»¹⁸⁸. У наёмного работника не было классического выбора во всем его многообразии, ибо большинство работодателей не могло даже приблизить его зарплату к себестоимости рабочих рук. Но оставался выбор иного рода: самокорректировка уровня зарплаты. Налицо теневой рынок оплаты труда. Это явление в корне отличалось от современного, когда с целью понижения издержек производства работодатель выплачивает часть зарплаты

---

¹⁸⁸ Трофимов Л.М. Институциональная коррупция. М., 2000. С. 160–167.

нелегально. В революционную эпоху действовали иные механизмы, когда работник, руководствуясь принципами моральной/этической экономики, восстанавливал социальную справедливость по отношению к себе, частным образом используя ресурсы работодателя. Это, конечно, не объясняет коррупцию, но выступает как одно из объективных условий её процветания.

Факты свидетельствуют, что нелегальный доход мог в десятки раз превышать уровень оплаты труда. Но это не дает основания экстраполировать единичные случаи на ситуацию в отрасли и давать какие-то общие оценки. Для данного исследования важно констатировать, что реальный доход рабочих и служащих едва ли удастся подсчитать, опираясь на сохранившиеся источники. Размер побочных доходов трудно даже предположить. Зато становится понятна любопытная закономерность, по-новому объясняющая и бытие рабочих той эпохи в целом, и логику их протестного движения в частности. Независимо от величины официального заработка социальная напряженность была сильнее там, где возможности рабочих для изыскания стороннего заработка ограничены. Порой протест против хозяев был вымещением на другом злобы против своих более удачливых соседей – пролетариев, «легко» кующих деньги.

Беда в том, что «теневые» формы саморегулирования как нелегальные не могут замкнуться в целый производственный цикл. Не рынок и не собственник оценивает размер «теневых» приработков рабочих и служащих, а они сами, чаще всего, оказавшись в положении монополиста каких-нибудь ресурсов. Выигрышем пользуются лишь те, кто обеспечивает факторы потребления, а не факторы производства, да и то в разной степени. В результате в каждом отдельном случае, восстанавливая социальную справедливость для некоторых групп работников, такое саморегулирование углубляет неравенство и социальную напряженность в масштабах всего социума.

ГЛАВА 4

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКРОТСТВА

4.1. Пенсии, пособия и пайки

Советские историки яростно критиковали контрреволюционные правительства за восстановление царского законодательства. О том, что это обозначало и возобновление дореволюционных пенсионных выплат и пособий, предпочитали умалчивать. Плохо или хорошо была устроена царская пенсионная система, в соответствующей литературе даже не обсуждалось. Её было просто не с чем сравнить. В первые месяцы после установления в столице советской власти данная социальная функция государства ещё продолжала функционировать по инерции. Но решения об индексации пенсий отдельным категориям рабочих без изменения условий отчисления пенсионных взносов оказались разорительны для пенсионного фонда. Вдобавок, нехватку средств пытались решить путем полного лишения пенсий высокооплачиваемых категорий пенсионеров¹. В результате выплаты социальных трансфертов большинству граждан прервались. А вот при «белых» они возобновились. Сразу следует оговорить два обстоятельства. Во-первых, серьёзную попытку реанимировать пенсионную систему предприняли только Временное сибирское и Российское правительства. Во-вторых, условия Гражданской войны и инфляционной экономики требовали адаптации пенсионной системы.

Уже 27 июля 1918 г. Временное сибирское правительство приняло решение о восстановлении пенсионных отчислений из зарплат служащих центральных правительственных учреждений. Причём они должны были взиматься со всей суммы выплат, а не только с оклада, что было оправдано, если учесть, что к тому

---

¹ Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 58, 62, 212, 242.

времени в некоторых учреждениях надбавки превышали сам оклад². 16 сентября 1918 г. Административный совет распространил эту норму на служащих губернских и уездных учреждений³. В феврале 1919 г. Департамент государственного казначейства в инструктивном порядке предписал своим подведомственным учреждениям удержать из зарплат служащих пенсионные отчисления за тот период советской власти и антибольшевистского переворота, когда они не производились⁴.

Принимались меры и для увеличения пенсионных выплат. 13 июля 1918 г. Временное сибирское правительство утвердило 100%-ное увеличение пенсий железнодорожникам как временную меру⁵. 30 октября 1918 г. Административный совет принял решение проиндексировать пенсии в виде надбавок к окладам от 40 до 200% (чем выше была базовая ставка, тем ниже надбавка). Отныне минимальная пенсия составляла не 100, а 300 руб. в год. Но при этом пенсионные выплаты оставались смехотворно низкими⁶. 31 июля 1919 г. был принят новый пенсионный закон, менявший уже сами базовые оклады пенсий. Минимальная пенсия увеличивалась на 900% и составила 900 руб. в год. Далее в убывающей прогрессии индексировались остальные пенсии. Оклад свыше 4000 руб. в год увеличивался всего на 50%⁷. Очевидно, прослеживается та же тенденция выравнивания денежных выплат, что и в отношении заработной платы.

Семьям пострадавших от военных действий в годы Русско-Японской и Первой мировой войн начислялись пенсии размером в 50 руб.⁸ 17 июня 1919 г. Совет министров утвердил «Временные правила о пенсиях лицам, пострадавшим в войне за освобождение России от советской власти, и их семьям». Согласно этому

² СВ. 1918. 17, 24 авг.; СУР ВСП. № 6. Ст. 53; ЗДБПС. Вып. 1. С. 129.

³ СВ. 1918. 2, 9 окт.; ЗДБПС. Вып. 2. С. 231.

⁴ ГАТО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 753. Л. 51–51об.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 48.

⁶ СВ. 4 нояб. Приложение № 2; СУР ВСП. № 21. Ст. 178; ЗДБПС. Вып. 2. С. 330–331; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 76.

⁷ ПВ. 1919. 6 сент.

⁸ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1919 – январь 1920 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 115.

документу предполагалась выплата от 20 до 100% оклада на последнем месте службы пострадавшего в зависимости от заболевания или увечья. Семьям, вдовам и сиротам выплачивалось от 40 до 100% оклада⁹.

Несколько лучше было поставлено дело с пособиями для семей военнослужащих. Формально пособия семьям призванных продолжали начисляться и во время революции, и после установления советской власти, и после её падения. Правда, эти начисления не всегда подкреплялись переводом кредитов и, следовательно, могли подолгу не выплачиваться. Проблема летом–осенью 1918 г. была ещё и в другом. Закон от 25 июня 1912 г. определил размер пособия в 6 руб. 50 коп. в месяц. При росте цен в 10 и более раз такие выплаты уже перестали выполнять свою социальную функцию, что становилось очевидно не только получателям пособий, но и местным попечительным органам¹⁰.

Необходимость повышения размера выплат семьям военнослужащих осознавалась и законодателями с первых дней их нахождения у власти. С.И. Константинов без ссылок на источник информации приводит сведения о том, что добровольцам, служившим в Народной армии Комуча, полагалось пособие на содержание семьи в 100 руб., а имевшим более 3 детей – в 150 руб.¹¹ Однако никаких сведений о выплате этих пособий ни в источниках, ни в историографии не приводится. Газеты же сообщают, что по указанию Комуча возобновилась выдача пособий семьям военнослужащих в прежнем размере на условиях закона 25 июля 1912 г. Только дело учета семей и выдачи денег передали из губернских присутствий городским и земским управам, у которых редко имелись средства для своевременных выплат¹².

Похожая ситуация сначала складывалась и в Сибири. Семьям военнослужащих выплачивалось два вида пособий – продоволь-

---

⁹ ПВ. 1919. 24 июля; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 158.

¹⁰ Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Тверь, 1999. С. 137–138.

¹¹ Константинов С.И. Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1998. С. 103.

¹² Народное дело (Оренбург). 1918. 16 июля, 2 авг.

ственное (в денежном эквиваленте) и денежное. В начале Первой мировой войны продовольственный паек составлял 12 руб. и был очень хорошим подспорьем для семей мобилизованных. В следующем году инфляция его обесценила, и даже индексация 1917 г. далеко не компенсировала рост цен¹³.

Выплата продовольственного пособия ни в поволжском, ни в сибирском законодательствах первоначально вообще не оговаривалась. Хотя главный начальник Западно-Сибирского военного округа уже 6 июня 1918 г. издал разъяснение о порядке выдачи продовольственных пайков добровольцам. Военные инструкции вообще отличались от гражданских. В более поздних, августовских, приказах по Западно-Сибирскому военному округу пояснялось, что паек выдается семьям офицеров, военных чиновников и рядовых строевых частей. Семьям служащих в нестроевых частях он не полагался¹⁴. Наконец осенью 1918 г. последовали дальнейшие объяснения, но уже Временного сибирского правительства. Своим постановлением от 1 октября 1918 г. оно восстановило выплату продовольственного пособия семьям призванных на военную службу. Правда, его выдача определялась государством не как обязательная компенсация семье за временную потерю рабочих рук, а как мера социального призрения. 17 октября 1918 г. Административный совет выделил отделу призрения Министерства внутренних дел 2 млн руб. для распределения между органами самоуправления на раздачу продовольственных пособий¹⁵. До революции продовольственное пособие начислялось независимо от материального состояния семьи. Положение о размере и порядке выдачи пособия от 24 октября 1918 г. устанавливало, что право на его получение имели только материально не обеспеченные и не способные прокормить себя семьи. Продовольственный паек, денежный эквивалент которого и составлял пособие, в из-

---

¹³ Горелов Ю.П. Сибиряки на защите отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. С. 253.

¹⁴ Приказы Сибирскому казачьему войску. Омск, 1918. (Омская областная научная библиотека им. А.С. Пушкина. Инв. № 355(57) П-758). № 330 от 14 авг.; Приказы по степному корпусу. Омск, 1918. (Там же). № 51 от 6 июля; № 79 от 26 июля; № 102 от 13 авг.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 67об.

менение закона 25 июня 1912 г. был определен в 1 пуд муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли, 2 ф. жиров, 20 ф. картофеля¹⁶. Материальное положение просителей определял специальный попечительский совет уездного и губернского уровня в составе государственных чиновников, муниципальных и общественных деятелей. Денежный размер пайка устанавливался губернским попечительским советом исходя из справочных цен и утверждался Министерством внутренних дел¹⁷. Важно, что был предусмотрен гибкий механизм индексации размера пособия. Постановление предполагало начисление пайковых с 1 октября 1918 г.

Порядок выплат семьям военнослужащих корректировался и в дальнейшем в зависимости от меняющихся условий Гражданской войны. В соответствии с постановлением Совета министров от 25 февраля 1919 г. о добровольцах их семьи должны были получать продовольственное пособие в обязательном порядке, независимо от материального положения¹⁸. 3 апреля 1919 г. Совет министров признал необходимым с 1 января 1919 г. прекратить выплату продовольственного пособия семьям призванных на службу до 1 января 1918 г. (т.е. в Первую мировую войну). Действительно, война завершилась, следовательно, платить было уже не за что. Более того, возникла угроза, что будут взяты на содержание семьи, члены которых после Первой мировой отправились служить в Красную армию. Поэтому только семьи военнослужащих, вернувшихся из плена, сохраняли право на получение пособия ещё в течение месяца со дня их возвращения домой¹⁹.

Семьи солдат, призванных на военную службу по последнему призыву, кроме продовольственного пайка имели право и на денежное пособие. По сведениям А.А. Мышанского, летом 1918 г. размер пайка составлял 23 руб.²⁰ Постановление уполномоченно-

¹⁶ Закон от 25 мая 1912 г. предусматривал выплату эквивалента стоимости 1 пуд. 28 ф. муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли, 1 ф. постного масла.

¹⁷ СВ. 1918. 4 нояб. Приложение; СУР ВСП. № 23. Ст. 206, 207; ЗДБПС. Вып. III. С. 392–395. См. также: Северосоюз (Тобольск). 1918. № 36–37. С. 14–154; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 70–70об.; Белое движение. Каталог коллекции листовок 1917–1920. СПб., 2000. С. 108.

¹⁸ ПВ. 1919. 9 марта; СУР РП. № 5. Ст. 57. П. 24.

¹⁹ СУР РП. № 13. Ст. 217.

²⁰ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления... С. 114.

го Временного сибирского правительства по Западной Сибири от 1 июня 1918 г. М.Я. Линдберга гласило, что семьям добровольцев рядового и офицерского состава должны выплачиваться пособия в 100 руб. Западно-Сибирский комиссариат постановлением от 14 июня 1918 г. подтверждал данный размер пособия и по отношению к офицерским семьям²¹. Аналогичная норма выплат воспроизводилась в указе Временного сибирского правительства от 31 июля 1918 г. о призыве в армию²². Но никаких средств на выплату пособий правительство долгое время не выделяло. 24 октября 1918 г. было законодательно утверждено пособие в размере 100 руб. в месяц на семью независимо от численности и состава, но только в случае, если попечительский совет признает её материально необеспеченной. Средства начислялись с момента зачисления призванного в армию²³. Критерии отнесения семейства к категории нуждающихся в государственном призрении были довольно четко определены в законодательстве. Интересно, что наряду с законными супругами призванных паёк на равных основаниях могли получать и гражданские жены²⁴.

Временное областное правительство Урала отказалось выплачивать эти пособия семьям призванных на Урале, сославшись на то, что мобилизацию проводило Временное сибирское правительство, следовательно, ему и нести все расходы на содержание армии, в том числе и социальные трансферты. Как видно из последующего делопроизводства, пайки на Урале осенью 1918 г. действительно выплачивались только в случае подкрепления этих выплат переводами из Сибири²⁵. Денежные средства для выплаты пособий солдатским семьям в размере 40 млн руб. Совет министров изыскал только 31 декабря 1918 г., постановив выдать со-

---

²¹ Западно-Сибирский комиссариат Временного сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): Сб. документов и материалов. Новосибирск, 2005. С. 60, 101.

²² СВ. 1918. 18 авг.; СУР ВСП. № 6. Ст. 49; ЗДБПС. Вып. I. С. 121.

²³ СВ. 1918. 4 нояб. Приложение № 2; СУР ВСП. № 23. Ст. 207; ЗДБПС. Вып. III. С. 395.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 40–40об.

²⁵ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 21. Л. 38об; Д. 68. Л. 110. Судя по тому, что Временное областное правительство Урала запрашивало из Сибири 1 млн руб., пайки на Урале должны были получить около 10 тыс. семей добровольцев и призванных.

ответствующий кредит Министерству внутренних дел²⁶. Семьям призванных в армию казаков пособия в 1918 г. не выплачивались. 13 февраля 1919 г. Совет министров постановил выделить 30 млн руб. на удовлетворение пайковым довольствием семей призванных казаков в Оренбургском казачьем войске²⁷, и лишь 5 мая по представлению Военного министра – ещё 60 млн руб. для семей казаков и неказачьего населения, проживающего на территориях казачьих войск (без указания конкретного войска)²⁸. Трудно сказать, в какие сроки эти деньги действительно были перечислены в Министерство внутренних дел и дошли до нуждающихся в государственной помощи семей. Имеются лишь частные сведения. Например, в Оренбургском казачьем войске из отпущенных средств только к июню 1919 г. получили половину и сразу же приступили к распределению пособий²⁹. Исходя из объёма выделенных средств, можно утверждать одно – пособие могли получить лишь несколько тысяч семей. Если учесть, что в армии в конце 1918 г. числилось 400 тыс. чел., из которых было 175 тыс. новобранцев, мобилизованных в августе–сентябре 1918 г.³⁰, эти данные свидетельствуют о том, что едва ли государство выплатило большую часть обещанных пособий.

Были и очевидные законодательные недоработки. В частности, постановление от 24 октября 1918 г. о призрении семей, призванных по мобилизации, предусматривало выдачу 100-рублевого пособия только семьям призывников 1898 и 1899 гг. рождения. В казачьи войска призывались и другие возраста, составлявшие подавляющее большинство военнослужащих. Но закон не предусматривал выделение для них пособия. В результате 17 июня 1919 г. 3-й Войсковой казачий круг Оренбургского казачьего войска принял собственное положение о призрении семей при-

---

²⁶ ПВ. 1919. 25 янв.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 47. Л. 98.

²⁷ ПВ. 1919. 28 февр.; СУР РП. № 7. Ст. 99.

²⁸ ПВ. 1919. 8 мая.

²⁹ Оренбургский казачий вестник (Троицк), 1919. 6 июня; Протоколы 3-го круга Оренбургского казачьего войска. Троицк, 1919. С. 391–392.

³⁰ Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917 – 1918 гг.: Дис. ... докт. ист. наук. Томск, 1996. С. 418.

званных. Оно предусматривало выделение пособий для семей всех призванных на территории войска казаков и солдат³¹.

Антибольшевистские органы власти уделяли внимание и другим категориям нуждавшихся в опеке, как правило, также в связи с завершившейся Первой мировой и продолжавшейся Гражданской войнами. 17 сентября 1918 г. Административный совет Временного сибирского правительства выделил первые 100 тыс. руб. на выплату казенных пенсий лицам, находившимся под покровительством бывшего Алексеевского комитета, и детям, чьи родители погибли или утратили трудоспособность в борьбе с большевиками³². Пенсия, которая выплачивалась с 1919 г. вдовам и сиротам погибших воинов, была значительно повышена. Сам размер пенсии увеличивался на 100%, а доплата на дороговизну выросла на 200%³³. Теперь размер пенсии связали с окладом погибшего бойца, следовательно, индексация воинских окладов автоматически приводила и к увеличению пенсионных выплат. 17 июня 1919 г. Совет министров утвердил правила о пенсиях лицам, пострадавшим в войне за освобождение России (от большевиков)³⁴. Увечные-пенсионеры казны вместо 8 руб. в месяц с весны 1919 г. стали получать 187 руб. Им также предоставлялось право лечиться за счет казны, а потерявшие трудоспособность могли проживать в доме призрения на государственном обеспечении³⁵. 11 августа 1919 г. последовало новое постановление Совета министров, увеличивающее денежные пособия семьям убитых в ходе военных действий против советской власти³⁶. 4 сентября 1919 г. было выделено 8 млн 600 тыс. (из 10 млн руб. запрошенных военным министерством) на выдачу пособий семьям эвакуированных военных и на расходы по их обустройству на новом месте³⁷. В неразберихе отступления армии и бегства населения Совет министров принял 2 октября 1919 г. Положение о порядке определе-

³¹ Протоколы 3-го круга... С. 474–480.

³² ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 21–21об.

³³ ПВ. 1919. 15 апр., 25 мая; СУР РП. № 6. Ст. 68.

³⁴ ПВ. 1919. 24 июля; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 158.

³⁵ ПВ. 1919. 1 июня.

³⁶ Там же. 25 сент.; Амурские областные ведомости (Благовещенск). 1919. 6 нояб.

³⁷ ПВ. 1919. 24 сент.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 85об.

ния права на пенсию родителям, вдовам и сиротам военнослужащих в случае утраты необходимых документов³⁸.

Бережное отношение к военнопленным и их семьям, сформировавшееся в России в годы Первой мировой войны, сохранилось в лагере «белых» и по отношению к военнослужащим, пленённым Красной армией. Они как социальная группа не подвергались осуждению, напротив, – всеобщей заботе и вниманию. 7 июля 1919 г. было принято решение о выдаче пособия офицерам, военным врачам, чиновникам и священникам, бежавшим из Советской России и поступившим на военную службу. Размер пособия установили значительный: от 1200 руб. обер-офицерам до 2000 генералам, а наличие семьи приводило к его полуторному увеличению³⁹. 29 августа 1919 г. Совет министров утвердил выделение 200 000 руб. аванса для выдачи пособий семьям плененных военнослужащих, выезжающих из столицы на восток в связи с разгрузкой Омска⁴⁰. 4 сентября 1919 г. эти пособия в размере 750 и 600 руб. соответственно распространили на унтер-офицеров и рядовых солдат⁴¹.

Принципиально важно проследить механизм воплощения мер по социальному признанию семей военнослужащих. Отдел признания Министерства внутренних дел детально прописал механизм выдачи пособий в инструкции от 27 ноября 1918 г. Претендовавшие на них семьи должны были подавать прошения с предоставлением полных сведений об имущественном положении. Разбором ходатайств занимались губернские/областные попечительские советы при соответствующем комиссаре/управляющем, уездные, городские и волостные – при земских управах. В советах заседали представители земств и благотворительных

---

³⁸ ПВ. 1919. 31 окт.

³⁹ Там же. 6 авг.; Единая Россия (Омск). 1919. № 2. С. 17; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 224об.–225. В.Д. Зимина утверждает, что это постановление было принято 1 июля 1919 г. (См.: Зимина В.Д. Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Волгоград, 1997. С. 442). См. также: Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 211.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 146.

⁴¹ Там же. Д. 99. Л. 85об.–86.

организаций, но преобладали чиновники (от Казенной палаты, государственного контроля, от комендантов или воинских начальников). В их задачу входило обследование материального положения семей призванных на военную службу, на основании которого выносили решение. Исполнительным органом совета являлся соответствующий отдел призрения⁴². Ведению попечительских советов не подлежали семьи добровольцев, на которых продовольственные пособия выписывали в обязательном порядке воинские начальники⁴³. Аналогичные советы занимались утверждением пособий и до революции. Несмотря на наличие довольно подробных инструкций о порядке выделения пособий, многое зависело от конкретных членов комиссий. Известно, что в одних административно-территориальных единицах пайки и пособия распределяли очень скупно, придирчиво оценивая материальное положение каждой семьи, в других их старались выдать почти всем семьям призванных, не утруждая себя тщательным обследованием. 4 марта 1919 г. отдел призрения Министерства внутренних дел Российского правительства отметил, что некоторые попечительские советы составляют миллионные сметы, показывая неправдоподобно завышенное количество материально не обеспеченных семей⁴⁴.

В нашем распоряжении имеется делопроизводство Акмолинского уездного и Кокчетавского городского попечительских советов. Первый к маю 1919 г. провел 46 заседаний, непрерывно, иногда по несколько раз проверяя присылаемые справки о материальном положении просителей. На каждом заседании рассматривали от одного до 40–50 прошений, 20–25% из них отправляли на дополнительное обследование. Из оставшихся около 60% удовлетворяли, остальные отклоняли⁴⁵. Кокчетавский совет образовался 27 ноября 1918 г. Из его документов можно сделать вывод, что деньги на оплату пособий поступали с опозданием в 5 месяцев. Размер продовольственного пособия составлял 33 руб. На город

---

⁴² ГАРФ. Ф. Р-198. Оп. 1. Д. 753. Л. 5об.

⁴³ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 122. Л. 27, 32.

⁴⁴ Там же. Л. 36–36об.

⁴⁵ ГАОО. Ф. Р-1617. Оп. 1. Д. 244. Л. 1–15. Данные приблизительные, точный подсчет автором не проводился.

Кокчетав приходилось к выдаче 120–130 полных 100-рублевых пособий и 20–25 половинных⁴⁶. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других регионах и не только из-за отсутствия средств, но и потому, что комиссии просто не справлялись с объёмом работы⁴⁷.

Из самого факта повсеместной деятельности попечительских советов не следует, что все пособия аккуратно и своевременно выдавались нуждающимся, хотя именно к такому выводу приходит А.А. Мышанский в своей диссертации⁴⁸. Как было указано выше, суммы из бюджета на эту статью выделялись с большим опозданием. Известны случаи, когда, не дождавшись средств от государства, местные власти объявляли благотворительный сбор денег на выдачу продовольственных пособий семьям призванных, как это сделал 6 июля 1919 г. Соликамский уездный попечительский совет⁴⁹. Есть свидетельства и противоположного характера. Так, начальник Тарского военного района сообщал, что «жены солдат во многих деревнях не получают пайков по причине растрат или невнимания к их нуждам со стороны управ. Их жалобы на недостачу или просто невыдачу пайков уничтожаются в управах же, а солдаткам сообщается следующее – правительство не даёт»⁵⁰. Зато имеются и примеры, когда муниципальные органы по собственной инициативе организовывали комиссии по выявлению лиц, пострадавших в борьбе с советской властью, обследованию их материального положения и оказанию финансовой помощи⁵¹. Не известно, из каких фондов, но Оренбургское городское попечительство ещё в июле 1918 г. объявило о возобновлении выдачи пособия солдатским семьям⁵². В отдельной Восточно-Сибирской армии, находившейся под командованием атамана Г.М. Семёнова, семьям убитых офицеров из интендант-

---

⁴⁶ ГАОО. Ф. Р-1617. Оп. 1. Д. 244. Л. 31, 57–59.

⁴⁷ Наш край (Хабаровск). 1919. 8 окт.

⁴⁸ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления... С. 115.

⁴⁹ Белое движение. С. 289.

⁵⁰ Никитин А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004. С. 172. Автор не датирует излагаемого им документа.

⁵¹ Якутский областной вестник (Якутск). 1918. 18, 24 сент.

⁵² Народное дело. 1918. 16 июля.

ских средств выплачивалось по 300 руб. ежемесячно⁵³. Сведения о реальном положении дел на местах разбросаны по разным архивам и частично утрачены. По отдельным свидетельствам сложно восстановить истинную картину, судить же по единичным данным нельзя, – слишком они отличаются друг от друга.

Российское правительство заботила и опасность получения социальных выплат нелояльными режиму гражданами. Попечительские советы должны были следить за тем, чтобы семьи военнослужащих, самовольно покинувших свои части или дезертировавших, лишались пособия. Командиры частей обязывались сообщать о случаях дезертирства по месту жительства беглеца⁵⁴.

Помимо прямых денежных выплат военное ведомство оказывало семьям офицеров содействие иного рода. Министерством было инициировано создание сети военно-экономических обществ для облегчения их положения. Общества доставляли дешевые товары для военнослужащих⁵⁵. Увеличивались места в кадетских корпусах и расширялись интернаты для устройства в них детей офицеров. Министерство старалось обеспечить преимущество вдовам, женам и дочерям военнослужащих и инвалидов при замещении вакантных вольнонаемных должностей. Дети пенсионеров казны, пострадавших в результате военных действий, могли обучаться в начальных и средних учебных заведениях за казенный счет⁵⁶.

Для раненых военнослужащих и ветеранов в Сибири спешно восстанавливалась сеть санаторно-курортных учреждений. В апреле 1919 г. провели кампанию по оповещению всех потенциально нуждавшихся в лечении «военно-увечных воинов», чтобы попечительские советы составили списки отправляемых летом 1919 г. на лечение за казенный счет⁵⁷.

Отступление Белой армии и массовое беженство внесли коррективы в порядок начисления пособий для семей военнослужа-

---

⁵³ Атаман Семёнов. Вопросы государственного строительства: Сб. документов и материалов. Чита, 2002. С. 23.

⁵⁴ Сибирский вестник (Томск). 1919. 15 авг.

⁵⁵ Единая Россия (Омск). 1919. № 2. С. 19–20; № 5. С. 16.

⁵⁶ ПВ. 1919. 27 июля.

⁵⁷ ЦХООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 122. Л. 48; Д. 123. Л. 50.

щих. Многие из них опасались оказаться в зоне противника и отправились на восток. С 26 сентября 1919 г. Министерство внутренних дел получило право взамен продовольственного и денежного пособий предоставлять бесплатно эвакуирующимся семьям военнослужащих помещение и продукты питания из ресурсов, отпущенных на обустройство беженцев⁵⁸. 3 октября 1919 г. решено было материально поддержать в условиях нарастающего дефицита продовольствия семьи военнослужащих, вольнонаёмных рабочих и служащих военного и морского ведомств Приамурского военного округа. Из продовольственных магазинов им начали выдавать по заготовительной стоимости продукты в размере солдатского пайка на каждого члена семьи⁵⁹. Эта поддержка государства оказалась куда существеннее, чем фиксированный денежный эквивалент стоимости установленного набора продуктов. В прифронтовой полосе, откуда, как правило, попечительские советы уже эвакуировались, а население, в том числе и получатели пайкового довольствия, ещё оставалось, разрешено было выдавать все пособия семьям военнослужащих через специальнополномоченных Министерства внутренних дел и уездные земские управы⁶⁰.

5 декабря 1919 г. Совет министров в очередной раз признал неудовлетворительным материальное положение борцов против советской власти и их семейств и наметил широко оповестить население о том, что правительство намеревается выработать меры по его кардинальному улучшению⁶¹. Очевидное военное поражение едва ли позволяло отнестись всерьёз к таким заявлениям. На этот раз, правда, время от декларирования намерения до его воплощения в нормативный акт оказалось очень небольшим. Уже 10 декабря Совет министров принял развернутое постановление, нацеленное на существенное улучшение с 1 декабря 1919 г. материального положения всех военнослужащих, в том числе и бывших, участвовавших в борьбе с большевиками. Оно предусматривало выплату $\frac{1}{4}$ от воинского оклада каждому нетрудоспособному члену семей

---

⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 187об.

⁵⁹ Там же. Д. 99. Л. 177об.

⁶⁰ ПВ. 1919. 14 окт.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 96. Л. 52–52об.

⁶¹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 243об.

офицеров, военных врачей и священников, а также добровольцев и мобилизованных солдат. Причём эти выплаты предполагалось производить сверх продовольственных пособий. Воинские пенсионные оклады увеличивались в три раза по сравнению с окладами, установленными 17 июня 1919 г. Следовательно, в декабре на них распространилось постановление от 28 октября 1919 г. о трехкратном увеличении окладов. Такой же индексации подверглись и единовременные пособия военнослужащим, пострадавшим в борьбе против советской власти, и членам их семейств⁶².

Решение, принятое в спешке, не было оформлено в виде отдельного законодательного акта. Российское правительство почти не контролировало в это время даже территорию Восточной Сибири, а в начале следующего месяца и вовсе было сметено с исторической сцены. Но некоторые меры социального призрения продолжали осуществляться по инерции, а местные органы власти оказывались способны реагировать на разумные директивы Российского правительства, изданные в последние дни его существования. На Дальнем Востоке в начале 1920 г. ввиду стремительной инфляции в городах было решено перейти от денежного к натуральному пособию семьям призванных на военную службу⁶³.

Сложности поддержки малоимущих в период Гражданской войны связаны прежде всего с инфляцией и дефицитом бюджета. Первая очень быстро сводила на нет надбавки и увеличения социальных выплат. Второй не позволял выделять достаточное количество средств на социальные нужды. Наконец, нестабильность политической власти вела к тому, что полагавшиеся по закону выплаты порой месяцами не производились или не доходили до адресата вообще, что резко снижало их социальную значимость. Справедливости ради следует отметить, что накладки пенсионной системы нельзя сводить только к недостаткам политического режима. В 1914 г. организация выплаты пайков солдатским семьям тоже растянулась на несколько месяцев, сопровождалась задержками, плохим учетом населения. Эти недоработки не были

---

⁶² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 253об.–255об.

⁶³ Амурские областные ведомости. 1920. 5 янв.

устранены и в дальнейшем⁶⁴. Временное сибирское и Российское правительства довольно быстро восстановили правовую базу, обеспечивавшую выплату пенсий и социальных пособий. Кроме того, власть попыталась приспособить её к условиям инфляционной экономики. Следующим шагом, который логично следовал из проводившегося курса, могла стать увязка индивидуальных социальных трансфертов с коэффициентом от прожиточного минимума, как это предлагалось летом 1919 г. Л.А. Уструговым по отношению к зарплатам. Очевидно также, что система социальных выплат была адаптирована и к идейно-политическим нуждам режима. Она поддерживала, прежде всего, тех, кто жертвовал своё здоровье и жизнь на борьбу с большевизмом или родственников таких людей. К ним приравнивались и ветераны Первой мировой войны, память о которой была свежа. Лишь во вторую очередь трансферты играли собственно социальную функцию, будучи направлены на инвалидов и неимущих. Хотя в условиях бюджетного дефицита и строжайшей экономии средств государство и не могло разрешить обострившиеся социальные противоречия, все же сохранение и функционирование системы социальных трансфертов существенно смягчало материальное положение значительного количества нуждавшихся в помощи.

4.2. Социальное страхование

Система социальной поддержки не сводилась только к государственным трансфертам. Существенный сегмент социальной сферы зависел от общественной финансовой самоорганизации, которая, правда, тоже нуждалась в государственном регулировании.

Социальное страхование трудящихся в конце XIX в. стало нормой западноевропейского трудового права. В России же лишь в 1903 г. (спустя 44 года с момента первой законодательной инициативы) был принят закон о страховых выплатах по увечьям, а в

---

⁶⁴ Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 140–141; Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. С. 169.

1912 г. – законы о страховании на случай болезни, от несчастных случаев и о создании страховых присутствий (больничных касс). Законы эти были крайне несовершенны, так как отразили борьбу предпринимателей против развития страхового дела в России и одновременно боязнь правительства, что страховое дело может стать каналом вредного политического влияния на рабочих. Дореволюционная практика показала, что предприниматели не были аккуратны в исполнении страхового законодательства. Важно отметить, что в России с 1912 г. закрепились коллективная частная ответственность предпринимателей за страхование рабочих и контроль государства (в лице непосредственно губернаторов) за страховыми учреждениями⁶⁵. Всего накануне революции в России участниками больничных касс были около 3,2 млн рабочих и служащих, или около 86% всех тех, кто по закону мог быть застрахован⁶⁶. Если после Февраля революционная власть оставила страховое дело в неизменном виде, то советское законодательство предусматривало буквально революционные по своему характеру изменения. Закон от 23 июля 1917 г. устанавливал функционирование страховых учреждений исключительно за счет нанимателей (взносы которых повышались с 5 до 10% от заработной платы работников), но лишал их возможности участвовать в работе касс. Естественно, что помимо социальной несправедливости таких норм, повышение социальных трансфертов в период критического спада производства изрядно усугубляло экономический кризис. Поэтому стремление пересмотреть законодательство в этой отрасли вполне понятно. Но вопрос имел не только экономическую плоскость, но и социальную. Борьба вокруг нового закона о больничных кассах стала ярким примером уязвимости позиции правительства в рабочем вопросе.

Наименьшее беспокойство ситуацией в страховом деле высказал Комуч. В Самаре больничная касса установила 8%-ные отчисления от предпринимателей, которые аккуратно проплачивали

---

⁶⁵ Куприянова Л.В. Рабочий вопрос в России во второй половине XIX – начале XX в. // История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1999. С. 397–422.

⁶⁶ Фалкова Ж.З. Страхование рабочих накануне и в годы первой мировой войны (до февраля 1917 г.) // Первая мировая война. М., 1968. С. 350–352.

взносы. Никаких новых нормативных актов по этому поводу Комуч не утверждал⁶⁷.

Уральское ведомство труда ещё в сентябре 1918 г. подготовило обширный законопроект о введении обязательного государственного страхования рабочих. Он не был даже обсужден советом Временного областного правительства Урала, очевидно, в связи с другими, более срочными делами⁶⁸. Проект предполагал создание единой государственной системы страховых учреждений. После ликвидации Временного областного правительства Урала П.В. Мурашев предлагал этот законопроект на рассмотрение Директории и Российскому правительству, но Министерство труда принципиально выступило против огосударствления страхового дела⁶⁹. Однако, едва ли справедливо утверждение мемуариста, что уральские наработки легли под сукно, ведь отдел социального страхования Министерства труда возглавил переехавший на работу в столицу Н.М. Обухов, автор этого проекта⁷⁰. Нужно отметить, что в самой идее государственного страхования не было ничего крамольного. В начале XX в. к такому варианту страховой системы склонялись многие предприниматели и чиновники, а закон 1903 г. предусматривал переход к этой системе через 20 лет⁷¹.

---

⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 172. Л. 36–40.

⁶⁸ Управляющий ведомством труда П.В. Мурашев в мемуарах, написанных в 1949 г., утверждал, что законопроект был вынесен на обсуждение, но после яростной критики отправлен на доработку. (См.: Мурашев П. Контрреволюция на Урале. 1918–1919 гг. // Уральский областник. Екатеринбург, 1994. № 4. С. 33). Но в журналах заседаний Временного областного правительства Урала следов этого обсуждения обнаружить не удалось.

⁶⁹ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика «демократической» контрреволюции и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996. С. 135–137.

⁷⁰ Уральские историки утверждают, что Н.М. Обухов 21 марта 1919 г. подал в отставку с поста Уральского областного инспектора труда, выразив несогласие с политикой министерства, после чего его следы теряются. (См.: Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 134; Якимов К.В. Страницы из жизни Н.М. Обухова, областного инспектора труда Урала при Всероссийском правительстве адмирала А.В. Колчака // Проблема человека в историческом процессе. Екатеринбург, 2000. С. 111). Но в сентябре 1919 г. он занимал должность управляющего отделом социального страхования Министерства труда (ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 100; Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 134.).

⁷¹ Куприянова Л.В. Рабочий вопрос в России... С. 404–405.

Сибирские власти летом 1918 г. обещали пересмотреть советский закон о больничных кассах, понизить предпринимательские взносы в больничные кассы до 6%. До утверждения нового закона постановление Западно-Сибирского комиссариата от 19 июня 1918 г. «О больничных кассах» оставляло в силе советские уставы этих организаций⁷².

Такая неопределенность порождала конфликты. Например, в Екатеринбурге летом 1918 г. продолжала действовать образованная в феврале этого года касса «Центропомощь». Но значительные средства, собранные из предпринимательских взносов при советской власти, были у неё конфискованы. Попытка судебных органов закрыть кассу, так как её деятельность выходила за рамки закона 25 июля 1917 г., вызвала вмешательство Временного областного правительства Урала, которое впоследствии согласилось ликвидировать кассу, несмотря на протесты собственного ведомства труда⁷³.

2 сентября 1918 г. на заседании Омского военно-промышленного комитета обсуждалась позиция промышленников по вопросу о больничных кассах. Комитет решил воздержаться от взносов «до тех пор, пока не будет законодательно установлен их разумный уровень»⁷⁴. Поскольку Омский военно-промышленный комитет в этот период негласно являлся центральным органом промышленников, его решения были восприняты предпринимателями Урала, Сибири и Дальнего Востока как руководство к действию. По всему востоку России уплата взносов в больничные кассы большинством работодателей была прекращена. Для этого были и юридические основания, причём запутывали ситуацию политические метаморфозы в «белом» лагере. Постановление Западно-Сибирского комиссариата от 19 июня продолжало действовать при Временном сибирском и даже Российском правительствах. Поэтому всякое уклонение от выплаты 10%-ных взносов в больничные кассы должно было считаться незаконным, но

---

⁷² СУР ЗСК. № 1. Ст. 13; ЗДБПС. Вып. I. С. 23.

⁷³ Подробное описание этого конфликта см.: Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 143–144.

⁷⁴ Промышленность Западной Сибири (Омск). 1918. № 6. С. 29.

только на территории Западной Сибири⁷⁵. За её пределами больничные кассы оказались в правовом вакууме, и все ждали нового нормативного акта. Это, естественно, привело к тому, что одни работодатели продолжали платить прежние взносы, другие самоchinно понизили выплаты, третьи (их было около половины) прекратили уплату вовсе. Управления касс, боясь банкротства, снимали с обслуживания рабочих предприятий-неплательщиков⁷⁶.

Правительство было озабочено возникшей ситуацией ещё и потому, что не считало целесообразным одностороннюю уплату в больничные кассы повышенных взносов за рабочих и служащих государственных учреждений и предприятий. Вопрос решено было урегулировать на междуведомственном совещании с участием представителей различных ведомств, городских и земских органов, биржевых обществ и военно-промышленных комитетов. Характерно, что представители рабочих на совещание не были приглашены⁷⁷. Очевидно, что само правительство поддерживало курс на снижение платежей в больничные кассы.

Вся эта правовая и политическая неразбериха не могла способствовать стабилизации положения страховых учреждений. Правда, вывод Сибирского съезда больничных касс «с участием представителей Комуча и Урала», прошедшего в Омске 4–9 октября 1918 г. и констатировавшего полную разруху социального страхования, был явно политически пристрастен⁷⁸. Чего стоят заявления представителя Томской больничной кассы Н.Я. Боренштейна о том, что рабочим следует развернуть борьбу не только с предпринимателями, но и с Министерством труда. Но когда он же зачитывал доклад о положении страхового дела в Томске, выяснилось, что касса работает в полном взаимодействии с губернским комиссаром труда, а крупные работодатели

---

⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 8–8об; Д. 173. Л. 15–15об.

⁷⁶ Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов. (1917–1919 гг.). Новосибирск, 1928. С. 86.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 101об.

⁷⁸ Там же. Оп. 1. Д. 172. Л. 27–58. Протоколы сибирского съезда больничных касс № 1–9; Первый съезд Сибирских больничных касс с представителями Урала и Комитета членов Учредительного собрания, состоявшийся 3–9 октября 1918 г. в Томске. Омск, 1918. С. 1–45.

аккуратно платят взносы⁷⁹. Вообще, доклады с мест о сносном положении касс в новых условиях контрастировали с непримиримыми выводами съезда. На местах бывали случаи шантажа, когда представители рабочих угрожали предпринимателям забастовкой при неисполнении норм советского страхового законодательства⁸⁰.

Некоторые больничные кассы не имели основания жаловаться на недостаток внимания со стороны властей. Акмолинский комиссар труда И.Г. Торговицкий сам рассылал требования сначала к работодателям о немедленной оплате взносов в больничную кассу за лето 1918 г. и, наконец, в октябре обратился в милицеские участки города с просьбой взыскать долги с 27 злостных неплательщиков⁸¹. Несмотря на то, что Омская больничная касса переживала не лучшие времена, доходы кассы на 10–25% превышали расходы, и к ноябрю в кассе скопился избыток денег в размере месячного бюджета⁸². При этом члены правления жаловались, что Министерство труда бросило их на произвол судьбы, а его местный представитель оказывает поправки предпринимателям, многие из которых просят отсрочку от уплаты, самовольно понижают размер взносов до 5 и даже 4%⁸³.

Выработанный Министерством труда в сентябре 1918 г. новый законопроект об уставе больничных касс предусматривал паритетное внесение взносов (по 5% от рабочих и предпринимателей), введение в состав правлений касс представителей от нанимателей (33% от общего количества членов правления, тогда как за рабочими оставалось 50%, остальные 17% – за представителями правительства). Проект был передан на обсуждение профсоюзным организациям. На этот раз его принятие задержалось из-за резкого неприятия законопроекта рабочими⁸⁴. Временное исполни-

⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 172. Л. 27об., 31об.–32.

⁸⁰ Установление советской власти в Кузбассе. 1917–1919: Сб. документов. Кемерово, 1957. С. 286.

⁸¹ ГАОО. Ф. Р-953. Оп. 1. Д. 1. Л. 54–61, 114–135.

⁸² Там же. Л. 212–222, 224–229.

⁸³ Там же. Л. 284. Отчет Омской общей больничной кассы на 1 ноября 1918 г.

⁸⁴ Реплика В.А. Кадейкина о том, что «На министерской кухне втайне от рабочих начали стряпать новый проект устава о больничных кассах» (Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968. С. 50) является типичным примером

тельное бюро Сибирских больничных касс по поручению Сибирского съезда больничных касс разработало свой вариант законопроекта, который фактически являлся возвращением к советским порядкам⁸⁵. Он полностью исключал всякое воздействие на работу больничных касс как предпринимателей, так и правительственных агентов. В течение ноября 1918 г. практически все больничные кассы и многие профсоюзы высказались в пользу этого проекта, признав неприемлемым вариант Министерства труда⁸⁶. Да и более ранние профсоюзные форумы, не сговариваясь, выдвигали правительству те же, навеянные трудовым законодательством 1917 г., требования⁸⁷.

Конфликтно развивались отношения и вокруг состава правлений больничных касс. Категорическое возражение рабочих и служащих против присутствия в них представителей правительства и частного бизнеса было неслучайным. За месяцы революции профсоюзные лидеры привыкли распоряжаться в них бесконтрольно. Жалуясь на действия больничных касс, представители администрации предприятий приводили примеры, когда правления касс оплачивали пособия за увечья рабочим, которые даже ни на один день не прекращали работать, что свидетельствовало о несерьезности травмы; часто отмечали, что труд докторов оценивался выше среднего, а количество больничных листов непропорционально росло. Именно расточительством предприниматели объясняли тот факт, что до революции больничным кассам хватало 4,5% отчислений, а теперь не хватает 10%⁸⁸. Конечно, эти аргументы были справедливыми лишь отчасти. Предприниматели не учли, что реальная зарплата с дореволюционного времени существенно снизилась. С одним можно согласиться: экономический кризис и резкое падение рентабельности – не самый лучший

подтасовки фактов. Архивные материалы, отражавшие обсуждение проекта в профсоюзных организациях, судя по листам использования, были хорошо знакомы данному исследователю.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 176. Л. 61–66.

⁸⁶ Там же. Л. 9, 72, 76, 90, 94, 101, 104–105, 115, 119.

⁸⁷ ГАНО. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 54. Л. 13; Д. 170. Л. 78; Черняк Э.И. Профессиональные объединения в Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1994. Ч. II. С. 269, 286.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 172. Л. 10; Д. 173. Л. 87.

момент для развития системы социального страхования. Ведь социальные трансферты в данном случае являлись скрытым налогом на предпринимательскую прибыль. В любом случае, основную часть издержек за социальное страхование несли работодатели, и они должны были обладать правом контроля за тем, как расходуются их средства. Всероссийский совет съездов промышленности и торговли в ноябре 1918 г., ссылаясь на многочисленные просьбы местных торгово-промышленных организаций, адресовал Министерству труда от имени всех предпринимательских организаций востока России предложение официально сократить взносы работодателей до 5%. Число представителей от страховых и работодателей Всероссийский совет требовал уравнивать, а представителей от Министерства труда уравновесить представителями от Министерства промышленности и торговли⁸⁹.

Министерство труда вынуждено было переделать законопроект. Совет министров утвердил его 29 ноября 1918 г.⁹⁰, но вернулся к нему позже и повторно рассмотрел доработанный вариант. По утвержденному 8 января 1919 г. постановлению «Об изменении правил обеспечения рабочих на случай болезни и об органах, ведающих страхованием рабочих», предпринимателей обязали выплачивать в больничные кассы 6% сверх суммы заработной платы. Рабочие должны были платить 1,5%⁹¹. Членство же в правлениях больничных касс оставили таким, как было прописано в законопроекте. На государственных предприятиях больничные кассы не организовывались. Высокооплачиваемые рабочие не подлежали страхованию. Наиболее важным достижением следует считать появление совета по делам страхования при Министерстве труда и областных (губернских) присутствий по страховым делам⁹². Влияние и авторитет государства в социальном страховании должен был возрасти. Но квалифицированные специалисты в министерстве были наперечет, политически нейтральных фигур, приемлемых на местах для предпринимателей и наемных работников, тоже набиралось немного. Заработал

---

⁸⁹ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 172. Л. 99, 140–141.

⁹⁰ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 23об.

⁹¹ ПВ. 1919, 19 февр. Приложение.

⁹² Законы о страховании рабочих. Омск, 1919.

центральный совет по делам страхования лишь летом 1919 г., а местные так и не были открыты.

Но правовая неразбериха, созданная калейдоскопом властей, бесследно не проходила. Как следовало поступить со взносами за период с июля по декабрь 1918 г.? Циркуляром от 31 декабря 1918 г. Министерство труда рекомендовало взыскать за этот период 6%, а в случае, если работодатели выплатили по более высоким нормам, разрешить зачесть эту переплату в счет взносов будущих месяцев⁹³. Это, во-первых, давало обратную силу принятому закону, во-вторых, действительно подрывало материальное положение некоторых касс. Показателен пример Омской больничной кассы. За 1918 г. она получила 504 тыс. руб. предпринимательских взносов и недополучила 657 476 руб. В 1919 г. касса должна была зачесть 201,6 тыс. руб. аккуратным плательщикам прошлого года, полагая, что большинство неаккуратных по-прежнему может воздержаться от внесения денег⁹⁴. «Из чего же будет складываться бюджет кассы в грядущем году?» – спрашивали представители кассы. Аналогичная ситуация в больничных кассах Томской губернии заставила даже Томский губернский комиссариат труда указать вышестоящему центральному органу на правовую безграмотность его распоряжений. Министерский циркуляр породил конфликты между кассами и предпринимателями, рассчитавшими во второй половине 1918 г. свои взносы по советским нормам. Работодатели требовали вернуть излишне выплаченные деньги, правления касс указывали, что циркуляр – не закон. Он носит рекомендательный характер, но выполнение этих рекомендаций может обанкротить кассу. Правления настаивали на сохранении уже внесенных денег. Однако тогда получался произвол, так как уплата одними предпринимателями 10%-ных взносов, другими 6%-ных признавалась законной и окончательной⁹⁵.

---

⁹³ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 173. Л. 23; Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 6 февр.; Сибирская жизнь (Томск). 1919. 5 февр.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 172. Л. 110–112. Подсчет наш, так как авторы источника исходили из 5%-ных взносов, запроектированных Министерством труда, но окончательно были утверждены 6%-ные взносы.

⁹⁵ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 32. Л. 153–156.

В начале 1919 г. Министерство труда потребовало от местных уполномоченных обеспечить пересмотр уставов больничных касс в соответствии с вновь принятым законом и пере выборы правлений⁹⁶. Многие больничные кассы признали закон в целом приемлемым и начали конструктивно работать в новых условиях. Конференция больничных касс Урала, прошедшая 16–17 февраля 1919 г., позитивно оценила принятый закон⁹⁷. Но все же недовольство рабочих было очень велико. Участники конференции рекомендовали увеличить взносы с предпринимателей до 8% и уменьшить взносы наемных работников до 2% (правда, закон гласил, что они составляют всего 1,5% от заработка), а также расширить круг страхуемых, сняв ограничения по заработной плате. Рабочие других промышленных центров продолжали настаивать на исключении из правлений больничных касс предпринимателей, освобождении застрахованных от взносов, введении страхования от безработицы за счет нанимателей⁹⁸. Иркутский профсоюзный журнал даже требовал возвращения к 10%-ной норме отчислений от предпринимателей, так как на стадии становления страхового дела издержки выше обычного⁹⁹.

Многие предпринимательские организации также негативно отнеслись к новым условиям деятельности страховых учреждений. Например, XI сессия Екатеринбургского совещания горнопромышленников Урала 22–25 марта 1919 г. ходатайствовала перед правительством о приостановке действия этого закона до внесения в него поправок. Они требовали снизить размер взносов до 3%. Передача дела оказания врачебной помощи от предприятий к больничным кассам, обязательная по действовавшему закону, с точки зрения промышленников могла быть признана целесообразной либо по добровольному соглашению нанимателя, ли-

⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 9, 14–17.

⁹⁷ Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 22 (9) февр.; Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 141.

⁹⁸ Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.) в документах и материалах с вводным очерком А. Таяева. Свердловск, 1929. С. 124; Иркутская летопись. 1661–1940. Иркутск, 2003. С. 375; Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 8. С. 20; № 13. С. 14; Новый алтайский луч (Барнаул). 1919. 7 марта; ГАНО. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 131. Л. 77.

⁹⁹ Сибирский рабочий. 1919. № 2. С. 12–13.

бо при неудовлетворительном ведении им страховых дел¹⁰⁰. Наконец, они требовали паритетного представительства рабочих и нанимателей в правлениях больничных касс¹⁰¹. Несколько ранее уральские промышленники отказались от участия в съезде больничных касс, заявив, «что не время лечить рабочих, когда больна промышленность»¹⁰².

Особенно негативно воспринимали принудительное взыскание страховых взносов за 1918 г., тем более, что были случаи, когда инспекторы Министерства труда взыскивали их в размере, превышающим 6%¹⁰³. Но были и обратные примеры. Тобольский губернский инспектор труда, получив информацию о вынесенном на обсуждение законопроекте, в начале ноября 1918 г. предписал к 16 декабря пересмотреть все уставы больничных касс губернии в соответствии с ещё не утвержденным проектом, грозя остальные считать утратившими силу. Временное исполнительное бюро Сибирского съезда больничных касс неоднократно выражало Министерству труда протест по поводу происшедшего в сфере социального страхования на востоке России, в том числе действиями представителей самого министерства¹⁰⁴. Следует отметить, что этот орган начинал деятельность как политически ангажированный. Но со временем его обращения стали более взвешенными, юридически грамотными и во многом перекликались с критичными оценками работы Министерства труда, даваемыми юрисконсультами управления делами Совета министров Российского правительства.

Недовольство подчас выплескивалось не против самого духа закона, а против юридических недоработок в его тексте и сумбурной практики применения. В литературе советского периода закрепилась негативная оценка данного закона. В.А. Кучеряев писал, что постановление «вырвало управление страховыми учреждениями из рук страхуемых» и выстроило трехэтажную

---

¹⁰⁰ Кстати, этот пункт перекликался с положением декрета Совета народных комиссаров от 14 (27) ноября 1917 г. (См.: Декреты советской власти. Т. 1. С. 85–86).

¹⁰¹ Колчаковщина на Урале... С. 73.

¹⁰² Сибирский рабочий. 1919. № 8. С. 20–21.

¹⁰³ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 139–140.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 172. Л. 158.

чиновниче-предпринимательскую бюрократическую пирамиду над больничными кассами. Новый закон гарантировал рабочим право пользования услугами кассы ещё месяц по истечении срока найма. Но красноярский историк преподнес эту норму очень оригинально – новый антирабочий закон уже через месяц лишал безработных прав на страховые пособия¹⁰⁵.

Наиболее взвешенным представляется мнение О.Ю. Никоновой, отметившей, что закон делал шаг на пути к централизации больничных касс, т.е. к созданию крупных и дееспособных медицинско-страховых учреждений¹⁰⁶. Эту аргументацию можно лишь усилить. В компенсацию за увеличение взносов владельцы крупных предприятий освобождались от обязанностей содержать на свой счет амбулатории и больницы при заводах и фабриках. Кроме того, закон ввел более широкое и справедливое представительство в правлениях касс¹⁰⁷. Следует подчеркнуть, что, встретив столь резкое противодействие своему проекту, Министерство труда не пошло на поводу ни у одной из сторон (советские историки однозначно утверждали, что у буржуазии), а отстояло позицию совершенно особого социального компромисса.

В то же время остался незамеченным историками ряд юридических недоработок, допущенных Российским правительством при введении закона. Из его текста следовало, что он предписывал создавать новые больничные кассы взамен старых, а не вносить изменения в уставы уже существовавших учреждений. Отсутствовал и механизм введения закона в действие¹⁰⁸. Закон исключал из числа страхуемых лиц, получавших зарплату, троекратно превышавшую заработок чернорабочего. Но в условиях полного хаоса в тарифной системе и ставках оплаты труда трудно

---

¹⁰⁵ Кучеряев В.А. Деятельность большевиков в профсоюзах Восточной Сибири в годы гражданской войны. 1918–1920 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1983. С. 129–130.

¹⁰⁶ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 140.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 38.

¹⁰⁸ Там же. Л. 33–34. Комментарии старшего юрисконсульта Управления делами Совета министров Российского правительства «О проекте циркуляра страхового отдела инспекторам труда о проведении в жизнь закона от 8 января 1919 о больничных кассах».

было выдержать закономерность. За пределы круга страхуемых выпадали отдельные высокооплачиваемые квалифицированные рабочие специальности, что противоречило духу закона, и Министерству труда приходилось на ходу инструкциями корректировать его буквы¹⁰⁹. Наконец, закон запутал вопрос о предприятиях, рабочие и служащие которых подлежали страхованию. Если постановление 1912 г. распространяло деятельность больничных касс только на фабрично-заводские, горные, горнозаводские, речные, трамвайные предприятия и железные дороги местного значения, то новый закон употреблял максимально широкую трактовку, охватывая «торговые и промышленные предприятия» вообще. В то же время ст. 259 закона гласила, что «его действию не подчиняются предприятия казенного управления и общественных железных дорог». Было непонятно, какие муниципальные и казенные предприятия обязаны страховать своих работников. Министр труда, выступая перед членами Государственного экономического совещания, заявил, что подготовил законопроект, разрешающий «факультативно» принимать на страхование рабочих и служащих земских и городских учреждений¹¹⁰. Но в Совет министров он так и не поступил. По этому поводу осенью 1919 г. пришлось даже созвать междуведомственное совещание. Оно пришло к выводу, что на административно-распорядительные учреждения распространяются действия устава о пенсиях и единовременных пособиях, а технически-исполнительные органы с вольнонаемным персоналом должны обеспечиваться по уставам о больничных кассах в соответствии с законом от 8 января 1919 г.¹¹¹

После упадка страхового дела во второй половине 1918 г. закон о больничных кассах способствовал некоторому подъему работы этих учреждений. Даже профсоюзная пресса отметила активную организационную роль инспекторов труда по строительству и централизации больничных касс (Курган, Семипалатинск). В других местах инициативу по объединению касс проявляли

---

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 65–65об.

¹¹⁰ ПВ. 1919. 18 июля.

¹¹¹ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 131–131об., 134, 136.

профсоюзы (Усолье-Сибирское)¹¹². На Урале с 3 декабря 1918 г. возобновила свою деятельность закрытая временным областным правительством Урала «Центропомощь». В марте 1919 г. заработал с трудом сформированный совет этой больничной кассы, который с апреля начал выдавать пособия по болезни. Кроме того, в Екатеринбурге функционировало Уральское окружное страховое товарищество, предоставлявшее пенсии по инвалидности. В одном только Екатеринбурге насчитывалось 15 тыс. членов больничной кассы¹¹³. Иркутская больничная касса после принятия нового закона наращивала свою работу, нанимала новых врачей и отмечала, что после временного забвения страхуемые стали относиться к кассе с уважением¹¹⁴. В Перми работа больничной кассы сразу осуществлялась по новому законодательству. Взяв со всех участников на реорганизацию разовый взнос в 2% от зарплаты, Пермская общая больничная касса решила до марта брать с нанимателей 3%, сохранив обязанность оказания натуральной медицинской помощи на предприятии, а с марта перейти на 6%-ные взносы, освободив от этой обязанности¹¹⁵. Всё это, конечно, не означало кардинального улучшения работы касс. Пресса приводит случаи уклонения предпринимателей от уплаты страховых взносов¹¹⁶.

Долгое время не удавалось создать Совет по делам страхования при Министерстве труда. Отсутствовало правильное, предписанное в законе представительство как от страхуемых, так и от нанимателей. Чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, Л.И. Шумиловский предложил Бюро съезда больничных касс Урала и Сибири взять на себя роль временного представителя страхуемых. В ближайшее время Бюро поручалось создать ещё один съезд больничных касс востока России для проведения выборов пред-

---

¹¹² Сибирский рабочий. 1919. № 9. С. 18–19; № 10. С. 21.

¹¹³ Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 29 марта; Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 145.

¹¹⁴ Сибирский рабочий. 1919. № 11. С. 13.

¹¹⁵ Освобождение России (Пермь). 1919. 20 марта.

¹¹⁶ Наше дело (Иркутск). 1919. 27 июня; Сибирский рабочий. 1919. № 12. С. 13; Сибирская жизнь. 1919. 5 июня.

ставителей в Совет по делам страхования¹¹⁷. Но съезд так и не состоялся. В августе 1919 г. Совет начал работу. К этому времени сформировались губернские и областные присутствия по делам страхования: Акмолинское, Алтайское, Томское, Енисейское и Забайкальское¹¹⁸.

Сопоставить результаты работы больничных касс до революции и после неё в советский и антибольшевистский периоды не представляется возможным, так как общая статистика опубликована только по Европейской России. Есть данные за 1915 г. по Самарской, Оренбургской и Пермской губерниям, в которых насчитывалось 25, 17 и 37 больничных касс, обслуживавших 11 900, 5830 и 15 345 тыс. членов соответственно. Но сведений за 1916–1919 гг. по ним нет¹¹⁹. Лишь пресса озвучила данные съезда больничных касс Урала о том, что на весь регион функционирует 6–7 больничных касс из 70, действовавших накануне падения советской власти¹²⁰.

В целом Временное сибирское и Российское правительства придерживались единого направления в выработке нового рабочего законодательства. Их попытка сохранить и развить систему социального обеспечения рабочих оказалась практически обречена на неудачу в силу её несвоевременности в условиях Гражданской войны, а также из-за непримиримой позиции предпринимателей и рабочих организаций. Государственная власть делала упор на реформирование рабочего законодательства с учетом передового опыта развитых стран. При этом, правда, новый порядок распространялся только на частные предприятия. Самый главный недостаток рабочей политики контрреволюции состоял в том, что она была направлена на решение проблем второго плана, в то время как первоочередные, связанные со своевременной оплатой труда и снабжением рабочих, никак не регулировались государством. В глазах предпринимателей действия Временного Сибир-

---

¹¹⁷ Сибирский рабочий. 1919. № 12. С. 13.

¹¹⁸ ПВ. 1919. 8 авг.

¹¹⁹ Гиндина Р., Энгель И. Социальное страхование // Наемный труд в России. М., 1927. Ч. 1. С. 131.

¹²⁰ Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 11 апр.; Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 145.

ского правительства и Российского правительства адмирала А.В. Колчака мало отличались от социалистической политики Временного правительства в 1917 г. Рабочие же видели громадный разрыв между советским и контрреволюционным рабочим законодательством. В итоге обе заинтересованные стороны остались недовольны государственной властью, и новые законы были бойкотированы с обеих сторон.

* * *

Социальные трансферты предназначены для страхования населения от рисков, связанных с потерей трудоспособности. В стабильной ситуации они формируются постепенно, по мере накопления излишков общественного продукта, причём преимущественно из взносов работников и работодателей. И только если потеря трудоспособности связана с жертвами служения обществу в целом (война, чрезвычайная ситуация), плательщиком социальных взносов от имени общества выступает государство.

Накопленные российским обществом в период экономического подъёма начала XX в. фонды страхования своих социальных рисков быстро исчерпали себя за годы Первой мировой войны, когда уровень благосостояния населения резко сократился. Следует учесть, что возрожденная на востоке России социальная система социальных трансфертов являлась далеко не классической. Её своеобразие состояло в перераспределении не относительных общественных излишков, а необходимых ресурсов от менее нуждавшихся к более нуждавшимся. В силу того, что большие массы народа опускались на дно имущественной пирамиды, государство везде, где это было возможно, использовало политико-идеологические критерии иерархизации своих социальных приоритетов, стараясь перераспределить помощь наиболее лояльной части общества, а в остальных случаях усилить административные и правовые механизмы государственного контроля в сфере социального обеспечения. Но кризис диктовал свои условия, и обстоятельства оказывались выше норм и намерений как политиков, так и участников социально-трудовых отношений. Поэтому

инфляция «пожирала» ставки социальных трансфертов быстрее, чем они индексировались, оплата пособий и пенсий государством, страховых взносов предпринимателями производились с многомесячными опозданиями. Система давала сбои, которые на самом деле сигнализировали о недопустимой перегруженности кризисной экономики социальными расходами.

Дальше можно наблюдать сплетение двух разнонаправленных общественных процессов. Социальные риски существенно возросли, количество людей, нуждавшихся в помощи, увеличилось, причём в значительной мере за счет результатов затяжных военных действий, эвакуаций и прочих событий, издержки по обеспечению жертв которых непереложимы на конкретных плательщиков. Общество, привыкшее в предыдущие годы к определенному и все возраставшему размеру страхования социальных рисков, и во время Гражданской войны оказалось настроено на прежний уровень обеспечения социальной безопасности. Но он требовался теперь для большего количества нуждающихся граждан. Инфляция и сокращение уровня производства, напротив, вели к тому, что даже прежний уровень отчислений сулил значительно меньшие социальные гарантии. В условиях острейшего дефицита ресурсов закономерным стало резкое обострение патерналистских настроений, стремлений переложить издержки по обслуживанию социальных трансфертов на государство или другую сторону трудовых отношений. Это завязывало социальный конфликт, предметом которого стали размеры социальных отчислений различных сторон социально-трудовых отношений, контроль за расходованием средств. Важно отметить, что страховые отчисления от заработков работников не сократились, но оказались направлены на новые, стоявшие вне государственного посредничества, формы страхования своих интересов, в том числе и путем политической борьбы.

Мысль о необходимости и неизбежности уменьшения расходов на социальные трансферты даже в условиях катастрофического сокращения национального продукта не встретила в общественном сознании должного понимания. Зато обнаружилась другая тенденция. Наиболее ценными оказались инвестиции в кратковременные схемы социального обеспечения. Независимо

от идеологических установок лидеров государства в чрезвычайной экономической ситуации резко усилилась роль внеденежных способов удержания квалифицированных работников – сегодня это принято называть «социальным пакетом». От того, насколько его удавалось сформировать и гарантировать работнику, зависело сохранение человеческого капитала. Внутри этого «социального пакета» резко возросла роль нетрадиционных благ. Если в довоенной России (как и в современном мире) вопрос стоял в первую очередь о пенсионном и медицинском обслуживании, то в экстремальной ситуации акцент сместился к снабжению жильем, одеждой и обувью, обеспечению продовольственным пайком. Власть и институты общественного контроля недостаточно четко отреагировали на это изменение, стремясь сохранить, приспособить к новым условиям и улучшить традиционные элементы системы социального обеспечения, прежде всего денежные. Более того, много внимания власть уделила вопросам подготовки системы социального страхования к послевоенному функционированию. Заботы о завтрашнем дне, о перспективе остались непонятны обществу, в котором социальные гарантии перестали работать уже сегодня.

ГЛАВА 5

ГОСУДАРСТВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ, РАБОЧИЕ: СОЦИАЛЬНАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ И ОПЫТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

5.1. Поиск организационных форм

Революция в России породила совершенно новую модель взаимодействия между работниками и работодателями, в которой первые стремились играть организующую роль, устанавливать правила взаимодействия. При советской власти трудовые отношения регулировались почти целиком органами рабочего контроля и фабрично-заводскими комитетами. Нельзя отрицать некоторого положительного потенциала деятельности этих органов. Правда, он преувеличивался советскими¹ и даже некоторыми современными исследователями². Но этот позитивный эффект поглощался главным противоречием – введением элементов артельного начала в управление чужим, а не своим капиталом.

Антибольшевистский переворот не изменил структуру органов рабочего контроля, доставшуюся новой власти в наследство от революции. Продолжали действовать фабрично-заводские, рудничные, дорожные комитеты, мощные профсоюзные организации, а в Поволжье – советы. В августе 1918 г. Самарский совет рабочих депутатов даже провёл перевыборы без участия большевиков³. Чтобы восстановить влияние государственной власти на

---

¹ История социалистической экономики СССР. М., 1976. Т. 1: Советская экономика в 1917–1920 гг. С. 111–121; Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1982. С. 49–63.

² Черняев В.Ю. Рабочий контроль и альтернативы его развития // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX в. СПб., 1994. С. 166–171; Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998.

³ Попов Ф.Г. За власть Советов. Куйбышев, 1959. С. 102–103.

трудовые отношения, необходимо было изъять предприятия из ведения органов рабочего контроля. С одной стороны, покушаться на prerogatives этих органов было небезопасно с политико-этической точки зрения – они олицетворяли собой революционные завоевания рабочего класса. С другой – становилась очевидна ненормальность практики функционирования органов рабочего контроля. Они далеко выходили за нормативные пределы, вмешивались в текущую работу всех производственных структур.

Антибольшевистские правительства по-разному решали эту проблему. Комуч приказом № 4 от 8 июля 1918 г. категорически воспретил предпринимателям и населению насильно смещать возникшие ранее органы для руководства предприятиями⁴. Лишь 5 августа 1918 г. Ведомство труда Комуча опубликовало циркуляр о сохранении фабрично-заводских комитетов (в газетах и отдельной листовкой). Смысл его состоял в том, чтобы вернуть деятельность этих органов в рамки закона Временного правительства от 23 апреля 1917 г., учредившего их в своё время⁵. В очередной раз стали видны недостатки этого поспешного закона. Прописанные в нем и воспроизведенные в циркуляре Комуча полномочия фабрично-заводских комитетов практически полностью дублировали задачи профсоюзных организаций: представительство рабочих перед администрацией предприятий и правительством, в том числе по вопросам заработной платы и внутреннего распорядка, осуществление культурно-просветительской деятельности и переговоры об освобождении от работ представителей рабочих организаций для участия в общественной жизни⁶.

Очевидно, что необходимо было либо законодательно развести функции профсоюзов и фабрично-заводских комитетов, либо ликвидировать эти организации. Боясь прослыть реакционным,

---

⁴ Приказы Комуча. Самара, 1918. С. 6.

⁵ Вестник Комуча (Самара). 1918. 11 авг.; Наш день (Самара). 1918. 11 авг.; ГАРФ. Ф. Р-4376. Оп. 1. Д. 3. Л. 6–6об.; Белое движение. Каталог коллекции листовок. СПб., 2000. С. 75; Лапандин В.А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1997. С. 155.

⁶ Вестник Временного правительства (Пг.). 1917. 25 апр. (9 мая); Собрание узаконенный Временного правительства. 1917. № 100. Ст. 551; Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1: 27 февраля – 1 мая 1917 г. Ст. 83.

Комуч не решился сделать ни того, ни другого и вскоре вынужден был пожинать плоды. Сохранившиеся фабрично-заводские комитеты по-прежнему пытались вмешиваться в процесс производства, что выразилось в попытках регулировать отпуск продукции с некоторых предприятий. 30 августа 1918 г. Ведомство труда огласило более жесткий по тону документ: «введенный комиссарской властью рабочий контроль полностью отменен»⁷. Анархо-синдикализму фабрично-заводских комитетов И.М. Майский, подписавший документ, противопоставил тезис о государственном регулировании производства.

Еще большее влияние имели организации рабочего контроля в Ижевско-Воткинском районе, где они даже приняли участие в формировании органов повстанческой власти. Нормативные документы, реорганизовавшие внутренний порядок управления Ижевским оружейным и сталелитейным заводом, содержали пункт о включении в администрацию завода и представителей от рабочих⁸. Члены совета и фабрично-заводского комитета скрепляли своей подписью решения местной власти в Сарапуле. Усиление влияния рабочих в органах управления закономерно. Их недовольство, зревшее с весны 1918 г., объяснялось в значительной мере отходом большевистского руководства от синдикалистских обещаний эпохи «красногвардейской атаки на капитал». По логике руководителей антибольшевистского движения в Прикамье, участие рабочих в управлении предприятиями не противоречило государственному контролю над производством. Правда, ряд решений ижевской заводской администрации сокращал компетенцию органов рабочего контроля до функций представительства интересов рабочих, в том числе и в органах хозяйственного управления, лишив их права прямого вмешательства в производство⁹.

Ещё одно место, где власти некоторое время проводили «пролетарскую» политику, был Челябинск. Действовавший там с

---

⁷ ГАРФ. Ф. Р-4376. Оп. 1. Д. 1. Л. 9; Белое движение... С. 75.

⁸ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917–1918 годы. М., 2004. С. 303.

⁹ Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 117.

июля до октября 1918 г. Комитет народной власти санкционировал большинство постановлений профсоюзов города, в том числе о контроле за приемом на работу и увольнением, решении производственных конфликтов, выработке норм труда и оплаты¹⁰.

Главное управление труда Временного областного правительства Урала циркулярами от 6 и 13 сентября 1918 г. подтвердило действие всех постановлений Временного правительства 1917 г., в том числе о рабочих комитетах и о рабочих и профессиональных организациях¹¹. Любопытно, что если уральские власти в целом ориентировались на сибирское законодательство¹², в значительной мере дублируя его, то возглавляемое П.В. Мурашевым Главное управление труда воспринимало в качестве образца работу поволжского Ведомства труда И.М. Майского и руководствовалось его указаниями. Оренбургский губернский комиссар труда А. Гуревич вел себя как пролетарский лидер, пытаясь реанимировать работу фабрично-заводских комитетов, а по отношению к профсоюзам выступал как руководящая инстанция¹³.

Западно-Сибирский комиссариат своим постановлением от 1 июня 1918 г. на целый месяц оставил предприятия в ведении органов рабочего самоуправления¹⁴. Член комиссариата и уполномоченный Временного сибирского правительства В.О. Сидоров разъяснил, что все органы рабочего контроля и его центральное учреждение – совет рабочего контроля – продолжают свою работу впредь до особого постановления¹⁵. По поводу позиции Западно-Сибирского комиссариата в рабочем вопросе в историо-

---

¹⁰ Сичинский Е.П. К истории Челябинского комитета народной власти // Оренбургскому краю 250 лет: Материалы юбилейн. науч. конф. Оренбург, 1994. С. 74.

¹¹ Циркуляры главноуправляющего труда № 1 и № 2 // СУР ВОПУ. № 1. ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 8. Л. 22, 24–24об., 26–29.

¹² В частности, отношение Главноуправляющего горных дел в Совет областного правительства Урала о мерах по нормализации производства от 10 сентября 1918 г. почти повторяет постановление Временного сибирского правительства от 31 июля 1918 г. (См.: Антибольшевистское правительство (из истории белого движения). Тверь, 1999. С. 102–103; СУР ВСП. Ст. 103).

¹³ Рабочее утро (Оренбург). 1918. 21 июля.

¹⁴ СПР ЗСК. 1918. № 1. Ст. 4.

¹⁵ Западно-Сибирский комиссариат Временного сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): Сб. документов и материалов. Новосибирск, 2005. С. 64.

графии существует две точки зрения. В советское время доминировал взгляд, что эсеровский комиссариат изначально расчищал путь для господства буржуазии, но делал это постепенно, чтобы не вызвать негативную реакцию широких слоев городского населения¹⁶. Ряд современных исследователей склоняется к мысли, что члены комиссариата были искренними приверженцами рабочего самоуправления и ограничения влияния предпринимателей на хозяйственную жизнь. Среди представителей сибирских эсеров они располагались на левом фланге¹⁷. Воспринимая угрозу справа как наиболее опасную для революции, они предпочитали сохранить сильные рабочие организации.

Чувствуя на первых порах слабость позиций свергнувшей большевиков государственной власти, профсоюзы и фабрично-заводские комитеты выступили с требованием возложить контроль над промышленным производством и частным предпринимательством на органы рабочего самоуправления¹⁸. Раздавались даже требования сделать профсоюзы органами, контролирующими государственную власть (Омская городская конференция профсоюзов 24–25 июня 1918 г.)¹⁹.

---

¹⁶ Шиканов Л.А. Некоторые вопросы историографии начального этапа гражданской войны в Сибири // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С. 82–83; Он же. О сущности так называемой «демократической» контрреволюции и её хронологических рамках // Из истории социальной и общественно-политической жизни Сибири. Томск, 1992. С. 46–50.

¹⁷ Журавлев В.В. Рождение Временного сибирского правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России. Новосибирск, 2002. С. 35–47; Шишкин В.И. К вопросу о роли Советов в судьбе переворота в Сибири (конец мая – июль 1918 г.) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Барнаул, 2005. С. 297–298.

¹⁸ Рабочее знамя (Томск). 1918. 28 июня; Голос народа (Томск). 1918. 5 июня. Алтайский луч (Барнаул). 1918. 28 июня; Черняк Э.И. Профессиональные объединения в Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1994. Часть II. С. 261; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций Томской губернии. Ч. 2. Томск, 1992. С. 241, 243, 261; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций Тобольской губернии. Томск, 1992. С. 195; Борьба за власть советов в Томской губернии (1917–1918). Томск, 1957. С. 319–320; Никитин А.Н. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991. С. 128.

¹⁹ Черняк Э.И. Профессиональные объединения в Сибири... С. 275; Профсоюзы

В рабочей среде на востоке России летом 1918 г. очень популярными оставались идеи анархо-синдикалистского характера, предусматривавшие сохранение всех механизмов одностороннего влияния рабочих на процесс производства, выработанных при советской власти. В Сибири обнаружился тот же мотив, что и в Поволжье, и в Прикамье – рабочие готовы были критиковать советскую власть за отход от синдикализма и сулили поддержку новоявленной розовой «демократической контрреволюции» за исправление недостатков своих предшественников. Самарский совет рабочих депутатов выпустил резолюцию, требовавшую восстановить контроль над производством со стороны рабочих коллективов²⁰. Во Владивостоке в августе 1918 г. профсоюз индустриальных рабочих активно протестовал против денационализации предприятий, проводимой областным земством. Он настаивал на возвращении их в распоряжение рабочих коллективов²¹.

В июле 1918 г. диалог рабочих с властью в Сибири оставался вполне предметным – члены Западно-Сибирского комиссариата использовали ту же риторику, вселяли в рабочих некоторые надежды. Пришедшие им на смену члены Временного сибирского правительства категорически отвергли такую тактику, как неуместный популизм. Во-первых, она противоречила принципу восстановления прав законных владельцев, во-вторых, по мнению правящих верхов, отнюдь не способствовала возобновлению нормальной работы предприятий.

В конце лета рабочие и власть стали разговаривать на разных политических языках. Природа этого явления отлично показана в резолюции Совета профсоюзов Красноярска от 1–2 августа 1918 г. Большинство участников совета отвергли примирительные камеры и комиссариаты труда. Они считали их институтами, созданными «богатеями», чтобы стоящие у них на службе юристы усыпляли бдительность неискушенных рабочих²². Правовая культура сибирских рабочих недалеко ушла от неграмотных и малограмотных крестьян, боявшихся обращаться в коронные су-

---

Сибири в борьбе за власть советов (1917–1919 гг.). Новосибирск, 1928. С. 68–70.

²⁰ Вестник Комуча. 1918. 1 сент.; Попов Ф.Г. За власть советов... С. 115.

²¹ Рабочий и крестьянин (Владивосток). 1918. 4 авг.

²² ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 105. Л. 2–4.

ды Российской империи, где чувствовали своё полное бессилие, попадая во власть грамотных людей и буквы закона²³.

Сибирские политики предприняли ряд довольно жестких мер. Западно-Сибирский комиссариат 28 июня 1918 г. одобрил постановление о порядке увольнения со службы в связи с ликвидацией советских учреждений и денационализацией предприятий²⁴. Временное сибирское правительство 10 июля 1918 г. утвердило инструкцию к этому постановлению, не опубликованную в собрании узаконений²⁵. Позже на основании этого постановления был составлен циркуляр (подписан П.В. Вологодским и Г.К. Гинсом), разъясняющий, что решение об увольнении принимает начальник предприятия или учреждения единолично. Причём увольнению подлежат «все активные сторонники большевизма, хотя бы они и не проявляли в настоящее время противозаконной деятельности»²⁶.

В то же время члены Западно-Сибирского комиссариата и Временного сибирского правительства хорошо понимали, что обострение отношений с рабочими может стать серьезной помехой для нормального функционирования промышленных предприятий. 6 июля 1918 г. правительство приняло постановление «О недопущении советских организаций»²⁷, установившее рамки деятельности профсоюзов. Они могли формироваться как по профессиональному, так и по территориальному признаку, обладали гражданскими правами юридических лиц, но их деятельность не должна была выходить за рамки уставов, в которые запрещалось включать задачи, связанные с политической борьбой. Постановление Временного сибирского правительства от 31 июля 1918 г. «О мерах восстановления нормального хода развития предприятий» и инструкция Министерства торговли и промышленности к его исполнению²⁸, распространенная в качестве цир-

²³ Тарановски Т. Судебная реформа и политическая культура царской России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 144.

²⁴ СУР ЗСК. № 2. Ст. 26; ЗДБПС. Вып. 1. С. 39–40; Западно-Сибирский комиссариат... С. 158–159.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 37–37об.

²⁶ ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 34. Л. 27.

²⁷ СУР ВСП. № 2. Ст. 12; СВ. 1918. 16 авг.; ЗДБПС. Вып. 1. С. 54–55.

²⁸ СУР ВСП. № 11. Ст. 103, 104; СВ. 1918. 6, 16 сент.; ЗДБПС. Вып. 2. С. 199–201.

куляра всем управляющим промышленных предприятий²⁹, подтвердили упразднение «всех рабочих органов, имеющих хозяйственный характер (фабрично-заводские, рудничные комитеты и др.)» (п. 2), введение единоличного управления производством, запрещение всякого вмешательства в него рабочих. Лица, виновные в насильственных действиях по отношению к администрации предприятий в период советской власти, подлежали увольнению. В то же время для значительного сокращения штатов требовалось согласие Министерства труда и Министерства торговли и промышленности, и за профсоюзами сохранялось право мотивированного протеста на такие действия администрации. Обращает на себя внимание ссылка в инструкции (п. 3) на постановление Временного правительства от 23 апреля 1917 г., явно противоречащее духу закона. Этот пункт разрешал действие не только профессиональных организаций, но и фабрично-заводских комитетов. В результате возникала правовая коллизия, так как пп. 2 и 3 входили в противоречие друг с другом. Положение усугублялось тем, что в руководящих документах Министерства труда содержались призывы к ликвидации органов рабочего контроля, даже если для этого потребуются государственные средства. Таковы отношение Л.И. Шумиловского Томскому губернскому комиссару труда от 2 августа 1918 г. и его же циркулярная записка губернским комиссарам труда от 29 августа 1918 г.³⁰

В целом постановление Временного сибирского правительства от 31 июля 1918 г. было направлено на повышение производительности труда и укрепление производственной дисциплины, давало рабочим некоторую гарантию от произвола руководства предприятий, но в то же время разрешало владельцам избавляться от наиболее экстремистски настроенных рабочих. Министерство труда активно содействовало воплощению в жизнь этого постановления, в частности, в отношении ликвидации органов рабочего контроля. В основном дело свелось к их добровольной самоликвидации либо безболезненному устранению новой администрацией. Но были случаи возникновения жесткого противостояния. Таковы, напри-

²⁹ Промышленность Западной Сибири (Омск). 1918. № 4–5. Вкладыш.

³⁰ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 8. Л. 1; Борьба за власть советов в Томской губернии... С. 340.

мер, меры Судженского районного комиссара Шульги по ликвидации рудничного комитета, закончившиеся забастовкой³¹. Но не стоит преувеличивать репрессивно-запретительные усилия сибирского Министерства труда. Даже в столице фабрично-заводские комитеты проводили легальные конференции 28–30 июня, 4, 20, 27 июля и 7 августа³². Известны отдельные успешные попытки рабочих воссоздать фабрично-заводские комитеты даже в декабре 1918 г. и весной 1919 г. (в Кургане³³). На Урале в начале 1919 г. действовали 4 фабрично-заводских комитета³⁴. В резолюциях профсоюзных форумов и в 1919 г. продолжало фигурировать требование рабочего контроля³⁵. Причём рабочие настаивали, что воссоздание фабрично-заводских комитетов допущено законодательством, и даже вынуждали Министерство труда подтверждать это перед местными властями³⁶. Скорейшее издание законопроектов, планируемых Министерством труда с июля 1918 г. (Положения о профессиональных союзах, об упразднении органов рабочего контроля, о заводских комитетах, о фабричной инспекции³⁷), помогло бы расставить все акценты во взаимоотношениях власти с рабочими организациями, но проекты застряли в министерских канцеляриях. Достаточно гибко подошли к решению вопроса на Урале. Там некоторые заводские администрации инициировали воссоздание цеховых комитетов, с которыми согласовывали кадровые пе-

---

³¹ Профсоюзы Сибири... С. 95–96; Установление советской власти в Кузбассе (1917–1919 гг.): Сб. документов. Кемерово, 1957. С. 272–280; Борьба за власть советов в Томской губернии... С. 340. Собственно, этот конфликт был продолжением длительной стачечной войны, которую почти непрерывно вели рабочие с апреля 1916 г. (См.: Дробченко В.А. Рабочее движение в Анжеро-Судженском районе в конце XIX в. – 1916 г. // Вестник филиала Кемеровского госуниверситета в г. Анжеро-Судженске. Томск, 2004. Вып. 3: Гуманитарные науки. С. 73–78).

³² Заря (Омск). 1918. 6, 23, 31 июля; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций Акмолинской губернии. Ч. 2. Томск, 1992. С. 254–255, 262, 284, 300–303.

³³ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 66, 99–101.

³⁴ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 2. С. 9.

³⁵ Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.) в документах и материалах с вводным очерком А. Таяева. Свердловск, 1929. С. 116.

³⁶ Профсоюзы Сибири... С. 169.

³⁷ «Реальная» политика Временного сибирского правительства / публ. С.В. Дрокова // Белая армия. Белое дело. 2002. № 10. С. 42.

ремещения. Им также позволялось следить за санитарно-гигиеническим состоянием цехов³⁸.

Несколько особняком стояла проблема восстановления трудовой дисциплины на транспорте. Западно-Сибирский комиссариат и Временное сибирское правительство с первых дней столкнулись с необходимостью вернуть управление транспортными предприятиями в ведение администрации. Циркуляр Министерства путей сообщения от 26 июня 1918 г. упразднял все коллективные учреждения и коллегии, действовавшие как органы управления транспортом, и вводил единоначалие³⁹. Распоряжение управляющего Министерством путей сообщения Г.М. Степаненко от 27 июня 1918 г. предписало «упразднить созданные советской властью излишние учреждения и сократить без нужды увеличенные штаты»⁴⁰. Распоряжением товарища управляющего Министерством путей сообщения Н.И. Ларионова от 16 июля 1918 г. в связи с ликвидацией советских организаций увольнению подлежали все члены бывших дорожных комитетов и районных советов дорог, «а также агенты дороги, состоявшие членами местных совдепов»⁴¹.

8 июля 1918 г. Временное сибирское правительство приняло обязательные постановления «по железным дорогам, казенным и частным, эксплуатируемым и строящимся» и «по водным путям сообщения»⁴². В соответствии с ними запрещалось без санкции военных властей и администрации транспортного предприятия проведение митингов и собраний, прекращение работы, вмешательство рабочих в управление. Нарушение постановления каралось трехмесячным тюремным заключением либо штрафом в размере до 3000 руб.

В рабочей политике Временного сибирского правительства прослеживается стремление к поиску разумного социального

---

³⁸ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика «демократической» контрреволюции и диктатуры Колчака на Урале (1918–1919 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1996. С. 191.

³⁹ Вестник Министерства путей сообщения (Омск). 1918. № 1–3. С. 4.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 39. Л. 183.

⁴² СУР ВСП. № 2. Ст. 18, 19; Вестник Министерства путей сообщения. 1918. № 1–3. С. 5.

компромисса. Летом 1918 г. концепция рабочей политики Министерства труда предусматривала три задачи: 1) ликвидацию рабочих органов управления производством и права рабочих организаций вмешиваться в вопросы производства. Соответствующие нормы предполагалось закрепить в законах об упразднении органов рабочего контроля, о заводских комитетах, о профсоюзах; 2) пересмотр законодательства о формах взаимодействия участников социально-трудовой сферы. Поправки должны были носить характер компромисса между интересами рабочих и предпринимателей (для этого предполагалось привлечь к законотворческому процессу рабочие и предпринимательские организации). В этом направлении министерство собиралось переработать законы о больничных кассах, примирительных камерах, третейских судах, фабричной инспекции; 3) создать адаптированную к современным экономическим условиям нормативную базу, регулиующую вопросы оплаты труда и режима рабочего времени. Для этого планировались законопроекты о 8-часовом рабочем дне, пересмотре ставок в соответствии с прожиточным минимумом, о порядке увольнения рабочих и служащих⁴³. Большинство проектов, задуманных в первые дни существования Министерства труда, так и не были внесены на обсуждение (часть, видимо, даже не была написана). Из перечисленных Л.И. Шумиловским 14 законопроектов только 3 дошли до стадии утверждения. Правила об увольнениях, подготовленные для Административного совета в октябре 1918 г., Совет министров Российского правительства принял только в мае 1919 г. А положение о профессиональных союзах, внесенное на обсуждение 1 октября 1918 г., было отправлено на переработку в межведомственную комиссию, откуда уже не вернулось⁴⁴.

Несмотря на кажущуюся конфронтационность отношений власти и пролетарских организаций, в рабочей политике Временное сибирское, а затем Российское правительства решили сделать ставку на профсоюзы, чтобы выбить основание из-под органов рабочего контроля. В тексте постановления от 6 июля 1918 г.

⁴³ «Реальная» политика Временного... С. 40–42; Жизнь Алтая (Барнаул). 11 июля.

⁴⁴ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 8. Л. 24; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 40об. Административный совет дал недельный срок на доработку положения.

«О недопущении советских организаций» профсоюзы признавались единственной организацией, представлявшей интересы рабочего класса. В соответствии с этим принципом более позднее законодательство предусматривало представительство профсоюзов в таких государственных структурах коллегиального характера, как комиссии по возвращению предприятий владельцам, по реквизиции грузов на железных дорогах, совещания при уполномоченных по продовольствию и снабжению и другие. Обычно численность представителей от профсоюзов, союзов предпринимателей, кооперации, органов общественного самоуправления совпадала. При подготовке законопроектов Министерство труда через комиссаров/инспекторов запрашивало первичные данные от профессиональных союзов⁴⁵.

В 1917 – начале 1918 г. многие профсоюзы внесли в свои уставные документы пункты, позволявшие им вмешиваться в производственный процесс, устанавливать расценки оплаты труда, участвовать в решении политических проблем, подчас за счет средств предприятия. В ряде профсоюзов членство являлось обязательным условием занятия своей профессией. Летом–осенью 1918 г. судебные органы начали перерегистрацию уставов профсоюзов. Если они не соответствовали действовавшему законодательству или выходили за рамки профессиональных интересов, то подлежали пересмотру и корректировке⁴⁶. В случае нежелания пересматривать устав профсоюзы закрывались административным судом⁴⁷. Большинство претензий судов были мелкими, легко исправимыми и позволяли вернуть деятельность профсоюзов в правовое поле, но воспринимались профсоюзными лидерами как формальные придирки и нападки на организации защиты интересов нанимаемых⁴⁸. Информация, что на Урале в мае 1919 г. суды проводили перерегистрацию по закону о профсоюзах 1912 г., по-

---

⁴⁵ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

⁴⁶ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 6. Л. 29; Д. 17. Л. 31–33.

⁴⁷ Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 3 июля.

⁴⁸ Кучеряев В.А. Деятельность большевиков в профсоюзах Восточной Сибири в годы гражданской войны. 1918–1920 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1983. С. 71; Профсоюзы Сибири... С. 96.

хожа на недоразумение⁴⁹. Сибирские суды руководствовались законом Временного правительства от 12 апреля 1917 г. о профсоюзах⁵⁰. Однако без перерегистрации профсоюзы лишались права собирать взносы, арендовать помещения⁵¹. Использованный властями метод, не выходя за пределы гражданского законодательства, позволял загнать профессиональные организации в рамки лояльности. Правда, больших успехов на этом поприще добиться не удалось. Большинство профсоюзных деятелей не намеревалось отступать от практики действовать независимо и бесконтрольно по отношению к власти. Разница правовой культуры юристов и профсоюзных лидеров была столь велика, что вместо формальной корректировки устава последние предпочитали отстаивать свою свободу от строгого следования букве закона.

Именно эти обстоятельства, а также ограничения на созыв профсоюзных собраний дали основание сначала большевистским политикам, а затем и ряду отечественных исследователей выдвинуть тезис о полном разгроме профсоюзов в Сибири в период контрреволюции⁵², повторяемый и в некоторых современных публикациях⁵³. Однако это совершенно не соответствует действительности. В частности, в Томской губернии в июле 1918 г. из 26 профсоюзов, подавших документы на регистрацию, 16 её прошли. С августа по декабрь 1918 г. заявление о регистрации подали 10 профессиональных союзов, из которых 5 было отклонено в связи с несоответствием их уставов постановлению от 6 июля 1918 г. о ликвидации советских организаций. В апреле 1919 г. ещё 5 заявлений было удовлетворено, 2 отклонено по той же причине и одно – из-за отсутствия в уставе указаний на поря-

---

⁴⁹ Колчаковщина на Урале... С. 106.

⁵⁰ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–52.

⁵¹ ГАНУ. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 65.

⁵² Молотов К. К истории РКП в Сибири. Август–декабрь 1918 года // Три года в борьбе за диктатуру пролетариата. Омск, 1920. С. 163; Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 118; Носач В.И. Профсоюзы советской России в годы гражданской войны (1918–1919). М., 1978. С. 123; и др.

⁵³ История профсоюзов России: этапы, события, люди. М., 1999. С. 110. В этой книге утверждается, что Временное сибирское правительство запретило деятельность профсоюзов. Подобных высказываний нет даже в наиболее ангажированных советских публикациях, на которые опирались авторы данных очерков.

док созыва собраний и срока полномочий правления. В мае Томский окружной суд также отклонил 7 из 11 заявлений. Причём только 2 – по политическим мотивам, а 5 – в связи с недоработками устава⁵⁴. В Барнауле в первом полугодии 1919 г. зарегистрировали 14 профсоюзов⁵⁵. По данным Министерства внутренних дел, в конце 1918 г. на Урале числилось 184 профессиональных союза⁵⁶. В Красноярске количество профсоюзов, объединённых в городской совет профессиональных союзов, сократилось с августа по декабрь 1918 г. с 31 до 24. В Иркутской губернии в октябре 1918 г., по сведениям В.А. Кучеряева, действовало 43 профессиональных союза, а в июле 1919 г. прошли регистрацию и продолжали работать более 30 из них⁵⁷. Подчас придирки судебных органов выглядели действительно мелочными⁵⁸. Но это не обозначало тотального запрета профсоюзов, которые обычно продолжали действовать, несмотря на отсутствие регистрации.

Советские историки обвиняли антибольшевистские власти в массовом закрытии профсоюзов. Например Г.С. Куцый писал, что во Владивостоке были закрыты все профсоюзы, кроме двух – служащих союза торгово-промышленных предприятий и земских служащих, находившихся под влиянием меньшевиков и эсеров и согласившихся сотрудничать с властями и регистрировать уставы⁵⁹. Столь решительные утверждения даже не подкрепляются источниками. Между тем дальневосточная пресса пестрила сообщениями о работе профсоюзов, в том числе и организации ими забастовок. Да и сам автор обильно её цитирует. Хороши же запрещённые профсоюзы! Окончательно запутав читателя, на других страницах своей книги Г.С. Куцый привел сведения о том, что сразу после свержения советской власти во Владивостоке проявили себя 36 профсоюзов, а официально закрыли в августе за причастность к забастовке на транспорте 8 профсоюзов⁶⁰. В сен-

⁵⁴ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–52.

⁵⁵ Профсоюзы Сибири... С. 170.

⁵⁶ Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 191.

⁵⁷ Кучеряев В.А. Деятельность большевиков в профсоюзах... С. 73, 134.

⁵⁸ ГАНУ. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 31–33.

⁵⁹ Куцый Г.С. Борьба рабочего класса Дальнего Востока против интервенции и внутренней контрреволюции. 1918–1920 гг. Владивосток, 1967. С. 63.

⁶⁰ Там же. С. 75, 83.

тябре 1918 г. Центральное бюро профсоюзов Владивостока насчитывало представителей 18 союзов⁶¹.

Ликвидация органов рабочего контроля и ограничение вмешательства профсоюзов в дела производства мотивировались стремлением правительства укрепить производственную дисциплину и контроль над политической ситуацией. Сколько бы советские и постсоветские историки ни писали о значительном демократическом потенциале, заложенном в этих институтах революционного творчества масс, мировая практика опровергает миф об их эффективности. Социальное взаимодействие на почве совместного управления производственным процессом со стороны работодателей и трудовых коллективов реализовалось только в форме коопартнершипа. Но и тот смог успешно проявить себя исключительно на стадии относительного экономического роста. В российских же органах рабочего контроля элемент социального партнерства напрочь отсутствовал.

Несмотря на явные гонения со стороны военных властей и судебных органов против многих активистов профсоюзного движения, опасных для государственности в условиях продолжавшейся Гражданской войны, профсоюзы и их объединения вели активную деятельность. Их работа освещена в сохранившейся документации, очень полно отражена в прессе. Совершенно безосновательно утверждение Е.Э. Казакова о том, что власти стремились ограничить профессиональную работу проведением спектаклей и сбором средств на благотворительные нужды⁶². Об этом никогда не шла речь. На материалах Восточной Сибири В.А. Кучеряев убедительно показал, что в антибольшевистский период наблюдался спад в работе профсоюзов по сравнению с 1917 – первой половиной 1918 г. Но никаких попыток ликвидировать эти органы им не отмечено⁶³. Более того, ряд крупных профсоюзных организаций находился в состоянии хотя и весьма жесткой, но кон-

---

⁶¹ Рабочий и крестьянин (Владивосток). 1918. 15 сент.

⁶² Казаков Е.Э. Из истории профсоюзного строительства Сибири до 1920 г. (1906–1919 гг.) // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX в. Новосибирск, 1994. С. 48.

⁶³ Кучеряев В.А. Деятельность большевиков в профсоюзах... С. 73–74.

структивной оппозиции к власти до весны 1919 г. Большинство же стало прикрытием нелегальной работы подпольщиков.

Многие профессиональные организации рабочих и служащих продолжали действовать, потеряв статус юридического лица. Историография, профсоюзные и советские источники отмечают случаи реквизиций помещений и имущества профсоюзов, арестов их руководителей, запреты собраний. Это связано с борьбой режима против политической оппозиции, но не с сознательной политической линией правительства на закрытие профсоюзов.

В Поволжье и на Урале центральные и местные органы труда активно взаимодействовали с профсоюзными и предпринимательскими организациями. Лишь в конце своей деятельности поволжское и уральское центральные ведомства стали подходить к мысли о целесообразности государственного посредничества в сфере социально-трудовых отношений. Временное сибирское правительство изначально сделало ставку на создание государственных структур регулирования трудовых отношений. Хотя четкая властная вертикаль в сфере трудового регулирования выстраивалась постепенно. Буквально в первые после переворота дни в Томске и Барнауле комиссары труда Б.П. Юхневич и В.И. Шемелев были выдвинуты местными профсоюзами и вскоре утверждены министерством. Профсоюзные и рабочие организации пытались навязать Министерству труда принцип формирования аппарата снизу, путем выборов и выдвижений или, как минимум, согласования назначаемой кандидатуры с местными лидерами рабочих⁶⁴. Этим объясняются протесты рабочих против назначения комиссарами труда М.М. Дорн-Михайленко в Ново-николаевске, Лычагина в Омске, И. Протасова в Красноярске⁶⁵. При этом Лычагина по требованию Омского совета профсоюзов заменили 11 сентября 1918 г. И.Г. Торговицким⁶⁶. В конце 1918 г. Министерству труда удалось создать повсеместно сеть губернских и отчасти уездных комиссариатов, переименованных в

---

⁶⁴ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 134. Л. 5; Д. 170. Л. 70–71; Новый алтайский луч (Баранул). 1918. 29 сент.; Сибирская жизнь (Томск). 1918. 31 июля; Черняк Э.И. Профессиональные объединения в Сибири... Ч. II. Томск, 1994. С. 316.

⁶⁵ Профсоюзы Сибири... С. 85.

⁶⁶ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

1919 г. в инспекции. Весной 1919 г. они действовали в 15 губерниях, в том числе имелись Пермская, Уральская, Приуральская, Амурская и Приморская инспекции. К губернским органам по значимости приравнивались Новониколаевская и Ленская инспекции труда⁶⁷.

Само допущение возможности нормальных отношений между рабочими и правительственными органами большинство советских историков считали эсеро-меньшевистской крамолой⁶⁸. Следует отметить, что почти все комиссары/инспекторы труда оказались лицами, близкими по своим политическим позициям к РСДРП. Они представляли собой самый левый фланг правительственной элиты. Хотя при колчаковском правительстве многие работники министерства подверглись репрессиям и даже расстрелам, ведомство продолжало оставаться под влиянием социал-демократов до падения Российского правительства и даже во времена Политцентра⁶⁹. Многим из представителей Министерства труда удалось наладить тесный контакт с местными профсоюзами. Они разделяли идею разрешения большинства трудовых конфликтов без забастовок, через трехсторонние переговоры между представителями рабочих и предпринимателей при посредничестве государства⁷⁰.

В то же время министр труда стремился привлечь рабочих к выработке нового трудового законодательства. 13 июля 1918 г. министерство разослало всем рабочим организациям циркулярный запрос о взглядах профсоюзов на свое будущее правовое по-

---

⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 171. Л. 36.

⁶⁸ Кадейкин В.А. Гражданская война в Сибири // Историография советской Сибири. Новосибирск, 1968. С. 70; Он же. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968. С. 16; Наумов В.П. Советская историческая литература о рабочем классе в годы гражданской войны // Из истории рабочего класса СССР. М., 1968. С. 134. См. также историографический обзор: Плотникова М.Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1919 – первая половина 1930-х годов). Томск, 1974. С. 174–178.

⁶⁹ Макаrchук С.В. Социал-демократы и рабочий вопрос при «белых» правительствах Сибири // История «белой» Сибири: Тез. второй науч. конф. Кемерово, 1997. С. 28–29.

⁷⁰ Рынков В.М. Деятельность министерства труда Временного Сибирского правительства летом–осенью 1918 г. // История белой Сибири: Тез. науч. конф. Кемерово, 1995. С. 68.

ложение, с учетом которых предстояло выработать новое трудовое законодательство.

Деятели рабочего и профсоюзного движения быстро осознали невозможность сохранения органов рабочего контроля в прежнем виде. Они выступили за расширение функций профсоюзов⁷¹. Таково, например, требование производить увольнения только с согласия профсоюзов, а прием на работу – только через биржи труда⁷². Фабрично-заводские комитеты не подчинялись постановлениям о денационализации предприятий и не соглашались передавать контроль и управление в руки администрации⁷³. Рабочие организации оказывали сопротивление передаче контроля над производством правительству и частным лицам в форме забастовок. Это становилось причиной частых трудовых конфликтов⁷⁴. Типичным был ответ Томского губернского совета профсоюзов на запрос Министерства труда о взглядах на будущую организацию профсоюзов. В нем говорилось о необходимости воссоздать рабочий контроль над производством, избирать комиссаров труда только через рабочие организации, передать в их исключительное ведение биржи труда и больничные кассы, сохранить за профсоюзами право проверять делопроизводственную документацию предприятий⁷⁵. В этом документе сквозит провокационно-конфронтационный настрой.

Исследователи справедливо отмечали, что летом–осенью 1918 г. нередко конфликты носили политический характер, или экономические требования дополнялись политическими, и рабочие настаивали на выполнении полного их объёма. Наиболее распространенными условиями являлись освобождение заключенных, восстановление деятельности советов и органов рабочего контроля, предоставление профсоюзам права контролировать власть. Власти, наоборот, обычно категорически отвергали поли-

---

⁷¹ Черняк Э.И. Профессиональные объединения в Сибири... С. 264–267, 282, 311, 316.

⁷² Жизнь Алтая (Барнаул). 1918. 11 июля; Черняк Э.И. Профессиональные объединения в Сибири... С. 316.

⁷³ Установление советской власти в Кузбассе... С. 275–276.

⁷⁴ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 24. Л. 13.

⁷⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1358. Л. 10.

тические требования, но предпочитали искать варианты компромиссов в остальных случаях. Следовательно, даже в условиях глубочайшего экономического кризиса, наиболее конфликтогенными оставались политические и идеологические вопросы. Однако подспудно в любом массовом конфликте присутствовала и экономическая составляющая. При падении уровня реального вознаграждения рабочие считали морально оправданным ослабление интенсивности труда. «Достижения революции» позволяли им закрепить более низкий уровень трудовой дисциплины и этим компенсировать материальные потери. Вот почему они так твердо готовы были их защищать.

Детально изучая рабочее движение на востоке России в 1918 г., советские исследователи основное внимание уделяли партийной борьбе на рабочих и профсоюзных форумах и политическим выступлениям профсоюзных лидеров. Об этом свидетельствуют историографические обзоры⁷⁶. Анализ современной литературы показывает, что ситуация осталась почти неизменной⁷⁷.

---

⁷⁶ См., например: Кладова Н.В. Новейшая советская историография рабочего класса Сибири периода гражданской войны и интервенции // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С. 86–88; Она же. Становление советской историографии профсоюзного движения в Сибири в годы гражданской войны // Вопросы историографии Сибири и Алтая. Барнаул, 1988. С. 121–131; Она же. Основные направления и итоги советской историографии рабочего класса Сибири периода гражданской войны // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического отечества: Тез. докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1990. С. 28–30; Она же. Сибирские рабочие в годы гражданской войны и иностранной интервенции. (Историография проблемы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991; Кузнецова О.В. Современная литература о профсоюзах Западной Сибири в период гражданской войны // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С. 88–90; Плотникова М.Е. Советская историография гражданской войны... С. 164–182.

⁷⁷ Никитин А.Н. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991. С. 51–62; Он же. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1994. С. 122–134; Семёнова Н.М. Сибирская периодическая печать о рабочем движении в период демократической контрреволюции // Некоторые вопросы истории. Томск, 1973. Вып. 2. С. 65–78; Она же. Периодическая печать Сибири как источник по истории профсоюзного движения в Томской губернии в период «демократической контрреволюции» // Некоторые вопросы истории. Томск, 1973. Вып. 2. С. 79–95;

Хотя Э.И. Черняк справедливо отметил при этом, что партийное влияние на рабочее движение в антибольшевистский период заметно упало по сравнению с 1917 – первой половиной 1918 г. Политические требования формулировались политизированной верхушкой рабочего движения, а главным побудительным мотивом широкого участия рядовых рабочих в протестном движении оставались экономические интересы. В 1919 г. явно политические требования стали редкостью.

Получалось, что историки настойчиво анализировали нисходящую линию развития рабочего движения, игнорируя доминировавшую и усиливавшуюся в тот момент прагматическую тенденцию в действиях рабочих. Хотя и этому нашли объяснение: у руля профсоюзов осенью 1918 г. оказались мелкобуржуазные лидеры, поставившие свои организации под полицейский надзор. Истинное рабочее движение олицетворяли не формальные лидеры, а ушедшие в подполье большевики. Такие утверждения шли от участников подполья, претендовавших на представительство всего рабочего класса. Мифология большевиков-современников определила и мифологию советских исследователей⁷⁸.

Большинство профсоюзов оказалось в положении непримиримой оппозиции. Меньшая часть, сохраняя оппозиционный настрой, согласилась на сотрудничество с Министерством труда в решении рабочего вопроса. Важно и то, что многие профсоюзные лидеры не поддерживали экстремизм рабочих. Новониколаевские профсоюзы в сентябре 1918 г. осудили забастовочное движение в городе, так как экономические требования бастовавших рабочих были рассмотрены в примирительной камере и удовлетворены⁷⁹. Перелом в позиции части профсоюзных лидеров произошел во многом благодаря активной деятельности местных комиссариатов труда в губернских и некоторых уездных центрах. И всё же наметилась тревожная тенденция. По мере того, как правительство

Черняк Э.И. Революция в Сибири. Томск, 2001. С. 139–148.

⁷⁸ Кадейкин В.А. Рост классового сознания сибирского пролетариата в период «демократической» контрреволюции (июнь–ноябрь 1918 г.) // Из истории рабочего класса Сибири. Кемерово, 1966. Вып 2. С. 28–59; Семёнова Н.М. Периодическая печать Сибири... С. 87.

⁷⁹ Новый алтайский луч. 1918. 6 сент.

привлекало к конструктивному диалогу некоторых профсоюзных лидеров, они теряли популярность в рабочей среде и, соответственно, влияние на неё, т.е. собственно те качества, ради которых власти был нужен этот диалог. Склонность части рабочих к экстремизму часто порождала функционирование двух представительных органов рабочих одновременно. В большинстве случаев это выразилось в создании стачечных комитетов, параллельных профсоюзным органам. Например, во Владивостокском порту наряду с союзом моряков действовал Центральный объединенный комитет рабочих и служащих Добровольного флота⁸⁰.

Власти поддерживали давнюю программную установку умеренных социалистов и либералов – создание примирительных камер с участием представителей от нанимателей и работников для разрешения трудовых конфликтов. Сеть таких учреждений действовала с 1917 г. Они должны были регулироваться законом Временного правительства от 5 августа 1917 г., но при советской власти далеко ушли за правовые рамки. После антибольшевистского переворота примирительные камеры воссоздали, попытались вернуть в правовое русло и даже расширить их число. Уральские примирительные камеры в первой половине 1918 г. рассмотрели около 100 трудовых конфликтов, а всего местные органы Министерства труда участвовали в урегулировании 486 трудовых конфликтов⁸¹. Но, вероятно, эти сведения очень не полны. Челябинская примирительная камера за 1918 г. на 69 заседаниях рассмотрела 355 трудовых конфликтов. Причём в пользу рабочих вынесла 247 постановлений, в пользу предпринимателей – 61, и 47 не получили разрешения⁸². Источник не отделяет решения советского и антибольшевистского периодов. В мелких городах, например, в Енисейске, примирительная камера, открытая 10 октября 1918 г. губернским комиссаром труда И. Протасовым, разбирала, судя по газетным отчетам, большую часть го-

---

⁸⁰ Бянкин В.П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860–1925 гг.). Владивосток, 1979. С. 164.

⁸¹ Дмитриев Н.И. Из истории министерства труда Российского правительства адмирала А.В. Колчака // История «белой» Сибири: Тез. третьей науч. конф. Кемерово, 1999. С. 110.

⁸² Русская армия (Омск). 1919. 1 июня.

родских трудовых конфликтов⁸³. По-видимому, количество примирительных камер и интенсивность их работы распределялись по территории очень неравномерно. Недаром примирительная камера Иркутска, города, в котором происходили сложнейшие и затяжные конфликты нанимателей и работников, зарегистрировала в январе 1919 г. только три обращения⁸⁴.

В советской историографии сложилось представление о том, что примирительные камеры – это механизм, с помощью которого буржуазия, опираясь на правительство, пыталась обуздать рабочее движение⁸⁵. Вопреки этому утверждению, на востоке России именно предприниматели чаще уклонялись от обращения в примирительные камеры⁸⁶. Кроме того, примечательно, что когда 2 августа 1918 г. Л.И. Шумиловский представил Совету министров Временного сибирского правительства проект временного положения о примирительных камерах, коллеги по правительству поручили управляющему Министерством труда отделить друг от друга вопросы о создании примирительных камер на государственных и частных предприятиях. В первую очередь, Л.И. Шумиловскому рекомендовали рассмотреть пути урегулирования отношений рабочих и частных предпринимателей как наиболее острые⁸⁷. Косвенно это свидетельствует о том, что правительство было готово совместно с представителями рабочих заставить частных работодателей идти на компромиссы со своими работниками. Но оно не желало связывать себя в отношениях с собственными рабочими и служащими. Организации, представлявшие нанимателей и наёмных работников, периодически высказывали своё мнение о необходимости более четкого закрепления правового статуса примирительных камер. При этом оба фланга оказались единодушны в том, что решения этих учреждений не должны являться обязательными ни для одной из сторон.

---

⁸³ Новый путь (Енисейск). 1918. 19 окт., 30 нояб.

⁸⁴ Сибирский рабочий. 1919. № 2. С. 14.

⁸⁵ Кирюшина В.И. Политика временного правительства по рабочему вопросу (март–октябрь 1917 года): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 16–17.

⁸⁶ Приморская жизнь (Владивосток). 1918. 23 нояб.; Рабочее утро. 1918. 15, 20 сент.; Русская армия (Омск). 1919. 1 июня.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 91–91об.

Профсоюзы настаивали на государственном финансировании работы примирительных камер⁸⁸.

Летом 1919 г. газеты сообщили детали проекта о примирительных камерах. Министерство труда собиралось сформировать сеть государственных камер при губернских, уездных и участковых инспекторах труда и под их председательством. Они должны были финансироваться из государственного бюджета, созываться на основе равного представительства сторон. Предполагался запрет на увольнение рабочих, участников камеры, без санкции её председателя. Разрешались и частные примирительные камеры – профсоюзные, муниципальные или созданные на предприятиях и в учреждениях. Они обязаны были регистрироваться у инспекторов труда⁸⁹.

В конце 1918 – 1919 г. комиссары/инспекторы труда стали отсылать информацию о трудовых конфликтах в министерство. Этот уникальный вид источников ещё ждет своего исследователя. Тем не менее даже из отдельных сводок можно сделать некоторые выводы. Правительственные органы активно регистрировали мельчайшие конфликты, хотя, вероятнее всего, значительная часть конфликтных ситуаций оставалась вне учета. Жизнь опровергала сложившиеся стереотипы. В большинство учтённых конфликтов были вовлечены государственные и общественные предприятия и учреждения, а не частные. Кооперативы и земства востока России оказались стойкими противниками повышения заработной платы рабочим своих предприятий. Частные наниматели, напротив, достаточно часто вынуждены были повышать расценки на труд, столкнувшись с забастовкой, что подтверждается и информацией, помещенной в периодической печати. Судя по всему, они проявляли упорство только в том случае, когда исполнение требований работников сулило неминуемое разорение. Крупные конфликты подчас удавалось предупредить путем создания тарифных комиссий на паритетных началах из рабочих и администрации предприятий при посредничестве Министерства труда⁹⁰.

---

⁸⁸ Колчаковщина на Урале... С. 127–128.

⁸⁹ Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 27 июля.

⁹⁰ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 105. Л. 5–6.

Интересна и статистика массовости трудовых конфликтов. Если верить статистической сводке данных, полученной из конфликтных бланков Томской губернской инспекцией труда за март 1919 г., в 90% из них участвовало 1–2 работника. Речь шла о неверном начислении пособий и зарплаты, спорных увольнении, заштатных или увольнительных вознаграждениях. Примерно $\frac{1}{6}$ из них разрешалась в примирительных камерах⁹¹. В сравнении с 1917 г. ситуация практически не изменилась⁹². Советская историография сосредоточила своё внимание на экстремальных формах трудовых конфликтов – стачках и забастовках. Их действительно было немало. Однако упомянутая статистика показывает очевидную вещь – подавляющая часть трудовых конфликтов носила обыденный и рутинный характер, была лишена всякого политического подтекста. Тем не менее государственные органы пытались воздействовать и на эту часть трудовых отношений, достигали некоторых скромных результатов, что нельзя не отметить. Отечественные исследователи предпочитали игнорировать это явление, ограничиваясь изучением крупных забастовок. Следует иметь в виду и другой важный исследовательский принцип предшественников, приведший к искажению реальной картины забастовочного движения в отечественной историографии советского периода. Несмотря на крайнюю политизацию рабочих, подавляющее большинство забастовок носило экономический характер, чего историки признавать не хотели. Н.М. Семёнова, например, утверждала, что периодическая печать всегда более подробно освещала экономические забастовки, а реальную политическую подоплеку трудовых конфликтов умалчивала⁹³. Это едва ли верно. Пресса была внимательна ко всяким трудовым конфликтам, и даже проправительственные издания достаточно детально информировали читателей о случаях выдвижения политических требований. Справедливее сделать противоположный

---

⁹¹ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 94.

⁹² Дробченко В.А., Бляхман Б.Я. Трудовое законодательство Временного правительства и его реализация в Сибири // Вестник филиала Кемеровского государственного университета в Анжеро-Судженске. Томск, 2004. Вып. 3: Гуманитарные науки. С. 94–95.

⁹³ Семёнова Н.М. Сибирская периодическая печать... С. 70.

вывод. Многим конфликтам экономического характера сначала мемуаристы 1920–1930-х гг., а потом исследователи искусственно придали политический характер. Советские историки считали информацию партийного происхождения достовернее оперативного делопроизводства и информационных материалов прессы. Это говорит о необходимости осторожного использования сведений советской историографии.

Чрезвычайно актуально было бы выявить интенсивность трудовых конфликтов антибольшевистского периода в сравнении с дореволюционным и революционным временем. Иначе, казалось бы, априори очевидное утверждение о забастовочном буме при «белых» остается голословным. К сожалению, сравнительный анализ динамики и специфики трудовых конфликтов дореволюционного, советского и антибольшевистского режимов едва ли возможно осуществить в силу совершенно разной методики подсчета параметров⁹⁴.

5.2. Регулирование рынка труда: требования рабочих и действия властей

Массовая демобилизация из армии, начало закрытия предприятий осенью 1917 г. усугубили ситуацию на рынке труда. В этой связи все общественные силы выступали за резкое ужесточение правил найма и увольнения работников. Установление советской власти внесло существенные коррективы в регулирование рынка рабочей силы, главным образом в смысле воплощения идей усиления контроля. Современная исследовательница Л.В. Борисова приходит к справедливому заключению, что рост безработицы в стране вызывался не только воздействием на экономику революционных событий и войны, но и непродуманностью, некомпетентностью решений советской власти. Об этом свидетельствует хотя бы то, что при острой безработице одновременно усилился и

---

⁹⁴ Например, в 1916 г. на территории России учтено 1286 забастовок, а в 1918 г. на советской территории только 36 (см.: Иозефович С. Конфликты в области труда // Наемный труд в России. М., 1927. Ч. 1. С. 152).

дефицит рабочих рук на действовавших предприятиях⁹⁵. Советский декрет от 24 декабря 1917 г. об обязательном страховании от безработицы за счет предпринимателей и Положение о биржах труда, установившее обязательный наем работников через биржу, не смогли переломить ситуацию в лучшую сторону⁹⁶. Хотя исследователи не обделяли вниманием положение рабочего класса и ввели в научный оборот ряд фактов, относящихся к интересующей нас сфере, экономические процессы на востоке России в период Гражданской войны с точки зрения регулирования рынка труда они никогда не рассматривали.

Ситуация в социально-трудовой сфере разных регионов, вышедших из под контроля советской власти на востоке России, была схожей. Но антибольшевистские правительства по-разному реагировали на стоявшие перед ними проблемы. Ведомство труда Комуча приказами № 88 и 89 от 7 июля 1918 г. запретило локауты и сохранило все советские правила найма и увольнения⁹⁷. В условиях спада промышленного производства это плохо согласовывалось с реальностью. Поэтому на Среднем Поволжье администрация предприятий руководствовалась дооктябрьским законодательством. Шло массовое закрытие нерентабельных предприятий, которое советские исследователи успешно выдавали за изощренные методы борьбы предпринимателей против рабочего движения⁹⁸.

В Сибири одним из жестких требований рабочих организаций, категорически не поддержанным государственной властью, стало право профсоюзов утверждать прием и увольнение рабочих⁹⁹. Со своей стороны представители торгово-промышленного класса настаивали на праве хозяев и администрации предприятий самостоятельно формировать трудовой коллектив. Попытка найти компромисс привела к расхождению нормативной базы и практи-

---

⁹⁵ Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.). М., 2006. С. 23–24.

⁹⁶ Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 200–205, 424–426.

⁹⁷ Приказы Комуча. Самара, 1918. № 88, 89.

⁹⁸ Кроль Р.И. Комуч и приход к власти Колчака: Дис. ... канд. ист. наук. Б.м., 1947. С. 71–73.

⁹⁹ Алтайский луч. 1918. 25 июля.

ки. Причём законодательство пришлось адаптировать к реальному положению, а не наоборот.

Если обычных увольняемых следовало предупредить за две недели, то для служащих учреждений, созданных специально в интересах советской власти, предупреждением по решению Западно-Сибирского комиссариата от 19 июня 1918 г. считался день антибольшевистского переворота¹⁰⁰. В принятом 28 июня постановлении уточнялось, что служащие таких учреждений вообще считаются распущенными со дня переворота. Никакие их денежные претензии удовлетворению не подлежали. Иначе Западно-Сибирский комиссариат отнесся к рабочим. Хозяевам денационализированных предприятий разрешили сокращать рабочих, только если их количество было неоправданно раздуто при советской власти. Однако увольнения по политическим мотивам были запрещены, а персональный состав увольняемых определялся заводским комитетом¹⁰¹. Но в действительности оказалось сложно провести границу между политическими мотивами и хозяйственной целесообразностью, в частности, интересами укрепления трудовой дисциплины. Тем более, что 10 июля 1918 г. Временное сибирское правительство разъяснило постановление комиссариата в том смысле, что администрация предприятий должна принять решение о восстановлении служащих, уволенных советской властью, и увольнении лиц, принятых на их места¹⁰².

«Правила о мерах к восстановлению нормального хода промышленных предприятий» от 31 июля 1918 г. предусматривали возможность мотивированного протеста против кадровых решений администрации со стороны профсоюзов. В случае значительного сокращения штатов промышленных предприятий решения администрации подлежали утверждению Министерством торговли и промышленности и Министерством труда. В то же время инструкция об исполнении этих правил, принятая Советом мини-

---

¹⁰⁰ Журналы заседаний Западно-Сибирского комиссариата Временного сибирского правительства (июнь 1918 г.) // Известия Омского историко-краеведческого музея. Омск, 2005. № 11. С. 295; Западно-Сибирский комиссариат... С. 122.

¹⁰¹ СПР ЗСК. 1918. № 2. Ст. 26; ЗДБПС. Вып. I. С. 39–40; Западно-Сибирский комиссариат... С. 159.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 43. Л. 37–37об.

стров Временного сибирского правительства 6 сентября 1918 г., уточняла, что все лица, виновные в насилии над администрацией, подлежали немедленному увольнению¹⁰³. Это задним числом вводило в норму уже свершившийся факт – серьезную кадровую чистку, произведенную в Сибири летом 1918 г.

Коль скоро вопрос о сокращениях был поставлен, он не мог решаться безболезненно – поле для сведения счетов было подготовлено и хорошо удобрено самими рабочими. Весной 1918 г. профсоюзные и фабрично-заводские органы, присвоив право определять кадровую политику, повсеместно проводили увольнение руководства предприятий, инженеров, техников. Некоторые служащие сами покидали предприятия, не видя дальнейшей перспективы нормально исполнять свои обязанности. Условия увольнения подчас были самыми бесчеловечными – без выходных пособий, без оплаты за отработанные дни. Тогда защитить их было некому. Эта ситуация нашла прекрасное отражение в источниках¹⁰⁴. В историографии советского периода она описана в апологетическом ключе. Только в некоторых современных публикациях дана иная оценка: социальные маргиналы, неспособные к созидательной работе, часто завоёвывали лидирующие позиции в новых структурах производственного управления и избавлялись от прежних менеджеров-профессионалов¹⁰⁵.

После антибольшевистского переворота сокращения производились достаточно массово, и хозяева или управляющие не могли оставаться беспристрастными в выборе кандидатур на увольнение. Существовал даже июльский проект постановления Временного сибирского правительства о порядке увольнений служащих, сотрудничавших с большевиками или проявлявших к ним лояль-

---

¹⁰³ СВ. 1918. 15 сент.; СУР ВСР. № 11. Ст. 103. П. 4, 5; Ст. 104. П. 4, 8; ЗДБПС. Вып. 2. С. 200–201.

¹⁰⁴ ГАКО. Ф. Д-20. Оп. 1. Д. 37. Л. 3–6; ГАИО. Ф. Р-2143. Оп. 1. Д. 4. Л. 46об.; ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 9. Л. 30; Сибирский горнорабочий (Томск). 1918. № 1. С. 14.

¹⁰⁵ Ковальчук М.А. Транспортники Дальнего Востока в 1917–1920 гг.: социально-психологические аспекты участия в революции и гражданской войне // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1999. С. 29; История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1: Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 199–200.

ное отношение. Он предусматривал создание в учреждениях и на предприятиях выборных комиссий для решения вопроса об увольнениях¹⁰⁶. В циркуляре Министерства внутренних дел от 13 августа 1918 г. предписывалось увольнять всех активных сторонников советской власти¹⁰⁷. Здесь явно звучали политические мотивы. Только сентябрьская инструкция Совета министров предлагала обосновывать подобные действия уголовным законодательством – почти всем этим активистам можно было инкриминировать насилие над бывшей администрацией предприятий.

Существовала ли возможность провести кадровые чистки безболезненно? Даже при максимальной деликатности со стороны администрации такой исход следует исключить – ведь речь шла об увольнении лидеров – группы, референтной для рабочих. Более того – мотив увольнения был на грани между обвинением в нарушении трудовой дисциплины и политическим обвинением. Это четко отследили рабочие. Поэтому подавляющую часть увольнений рабочие опротестовывали именно как политические преследования¹⁰⁸. Степень солидарности рабочих коллективов в данном случае не может не восхищать. Делопроизводство большинства крупных предприятий отражает следы подобных конфликтов. Ситуация складывалась безвыходная. Оставить на рабочем месте неугодных было опасно, но и при их увольнении производство опять начинало надолго лихорадить. Многочисленные случаи бескомпромиссных, чрезмерно жестких действий администрации лишь провоцировали рабочих и служащих на конфронтацию. Нередко администрация увольняла рабочих, не соблюдая норм трудового законодательства и действовавших коллективных договоров, например, без оплаты выходных пособий, или отказываясь мотивировать свои решения¹⁰⁹. Так, служащие Барнаульского казначейства подписали протест против увольнения ряда своих коллег, утверждая, что под видом борьбы со сторонниками большевиков управляющий казначейством Маршанг сводил лич-

---

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 2. Л. 182–182об.

¹⁰⁷ ГАКО. Ф. Д-13. Оп. 1. Д. 23. Л. 34.

¹⁰⁸ Там же. Л. 32; Ф. Д-20. Оп. 1. Д. 37. Л. 7–8.

¹⁰⁹ Профсоюзы Сибири... С. 94–95; ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 4.

ные счета¹¹⁰. Проверить справедливость этого и аналогичных обвинений сохранившаяся документация не позволяет.

На Урале падение советской власти тоже сопровождалось сокращениями на заводах и иных промышленных предприятиях. Осенью 1918 г. на горных заводах они регулировались Уральским промышленным комитетом, который следил за тем, чтобы увольнения были оправданы интересами производства и протекали в правовых рамках¹¹¹.

На железных дорогах сложилась наиболее сложная ситуация. Так, уже 6 июля 1918 г. совещание начальников служб и частей управления Алтайской железной дороги начало увольнять работников дороги, активно участвовавших в борьбе за советскую власть, «за деятельность, натравливающую младших агентов дороги на старших»¹¹². В июле администрация Алтайской железной дороги уволила рабочих, ушедших весной 1918 г. на семёновский фронт, и ещё нескольких рабочих, агитировавших против Временного сибирского правительства. В результате возник конфликт барнаульских железнодорожников и администрации дороги. Рабочие требовали вернуть всех уволенных, просили Министерство труда запретить дальнейшие увольнения без санкции профсоюзов¹¹³. Циркуляры Министерства путей сообщения от 26 и 27 июля 1918 г., повторявшие решения Западно-Сибирского комиссариата по кадровому вопросу, лишь отчасти узаконили уже проводившиеся явочным порядком постановления железнодорожной администрации об увольнениях¹¹⁴. На Уссурийской железной дороге комиссия инженера Железнякова рассмотрела дела на 656 чел., из которых 283 чел. уволила без права восстановления. На Забайкальской железной дороге 19 марта 1919 г. начальник дороги лишил работы 1379 человек по причине политической неблагонадежности. На Амурской железной дороге увольняли политически неблагонадежных и просто принятых в

---

¹¹⁰ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–3.

¹¹¹ Колчаковщина на Урале... С. 131, 133.

¹¹² ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 39. Л. 181.

¹¹³ Алтайский луч. 1918. 8, 16, 25 июля.

¹¹⁴ Вестник Министерства путей сообщения (Омск). 1918. № 1–3. С. 4.

период советской власти¹¹⁵. Подобные события произошли практически на всех железных дорогах, чем вызвали протесты железнодорожных рабочих, составлявших наиболее организованную и многочисленную часть пролетариата восточных регионов России¹¹⁶. Управляющий Министерством труда Л.И. Шумиловский уверил представителей от рабочих Омской железной дороги, что Временное сибирское правительство отвергает возможность увольнения по политическим мотивам, но в то же время заявил, что решение об обратном приеме уволенных работников всецело принадлежит начальникам дорог¹¹⁷. Потеря части лидеров сразу же накалила взаимоотношения рабочих коллективов транспортников с администрацией. Под увольнения попадали даже те, кто выступал против советской власти. Ещё на протяжении полугода многие железнодорожники получали при увольнении формулировку – «за большевизм», что позволяло администрации не выплачивать выходное пособие. Это наталкивало на мысль, что руководство железных дорог просто нашло способ сэкономить средства¹¹⁸.

Чистки продолжались и в дальнейшем. Предписания главного управления почт и телеграфа в декабре 1918 г. и в марте 1919 г. предусматривали создание в местных подразделениях ведомства комиссии по расследованию действий служащих при советской власти с целью последующего увольнения выявленных её сторонников¹¹⁹. Управляющий сучанскими копиями весной 1919 г. провел чистку предприятия от «вредного элемента», выслав 186 рабочих¹²⁰.

Увольнения часто сопровождалось арестами, что вызывало резкий протест со стороны рабочих. Они проявляли удивительную консолидацию и социальную солидарность. Возмущение

---

¹¹⁵ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 583. Л. 11–12; Приморская жизнь (Владивосток). 1918. 29 нояб.; Василевский В. Забайкальская белая государственность: Краткие исторические очерки. Чита, 2000. С. 41; Ковальчук М.А. Транспортники Дальнего Востока... С. 31–32.

¹¹⁶ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 12. Народное дело (Оренбург). 1918. 16 июля.

¹¹⁷ Алтайский луч. 1918. 6 авг.

¹¹⁸ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 4. С. 8.

¹¹⁹ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 7. Л. 53, 60.

¹²⁰ Сучанская долина в годы гражданской войны: документы // Красный архив. 1938. Т. 6 (91). С. 41.

всегда объяснялось необоснованностью арестов. Со скидкой на традицию сгущать краски всё же можно признать корректным утверждение ряда советских историков, что в целом деятельность большинства профсоюзов носила антиправительственный характер¹²¹. Собранные отечественной историографией многочисленные факты диверсий со стороны рабочих, сочувствовавших советской власти, хотя и следует воспринимать критически каждый в отдельности, в совокупности всё же убеждают в том, что репрессии не были беспричинными¹²². Это подтверждают и данные современных исследователей о деятельности Министерства внутренних дел и контрразведки по выявлению подпольных антиправительственных структур в рабочей среде¹²³. Другое дело, что борьба с террором путем адресных репрессий часто бьёт по невинным. Это логика Гражданской войны, она непоправима и независима от злой или доброй воли политиков.

Увольнения происходили и по политически нейтральной причине. Любые антикризисные меры требовали сокращения ряда убыточных производств, тогда как их поддержание на плаву порождало скрытую безработицу, дотируемую за счет предпринимателей и государства. Одной из причин разбалансированности экономики стала принятая в советское время практика одностороннего пересмотра коллективных договоров. В них рабочие устанавливали себе выгодные условия оплаты и найма, после че-

---

¹²¹ См., например: Гармиза В.В. Из истории борьбы рабочих Сибири против «демократической» контрреволюции // История СССР. 1975. № 4. С. 131; Кладова Н.В. Периодическая печать Алтая о рабочем движении в годы гражданской войны и интервенции // Алтай в прошлом и настоящем: 50-летие Алтайского края: Тез. докл. науч.-практ. конф. Барнаул, 1987. С. 107.

¹²² Абрамовский А.П., Мишин Н.Ф. Рабочий класс горнозаводской промышленности Урала в борьбе с контрреволюцией // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1971. С. 30; Кучеряев В.А. Деятельность большевиков в профсоюзах... С. 140–160; Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке. 1918–1920. Владивосток, 1972. Кн. 1: Вооруженная борьба рабочих и крестьян против объединенных сил интервентов и внутренней контрреволюции (апрель 1918 – март 1919 гг.). С. 144–175, 177–183; и др.

¹²³ Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 200–201; Мышанский А.А. Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Новосибирск, 2001. С. 124–125.

го предприниматели часто отказывались от оперативного управления нерентабельным предприятием. После антибольшевистского переворота звучали разумные требования хозяев пересмотреть договоры на взаимоприемлемых условиях. Нельзя сбрасывать со счетов и стремление переложить материальную ответственность за разруху на предприятиях на рабочих. Всё зависело от позиции, которую занимала новая власть.

Отношение к сокращению производства было разным. Комуч, например, полностью исключил возможность решения проблемы рентабельности за счет выбрасывания на улицы пролетариев. Ведомство труда Комуча отметило, что действовавшие к моменту антибольшевистского переворота коллективные договоры принимались в одностороннем порядке и не подтверждались нанимателями. Поэтому они подлежали пересмотру с участием общества фабрикантов и заводчиков. Вместе с тем, не имелась в виду немедленная отмена коллективных договоров¹²⁴. В Челябинске комиссар труда Приуралья С.С. Самодуров ввиду начавшихся массовых увольнений предоставил контроль за кадровыми перестановками фабрично-заводским комитетам и профсоюзам. Но с установлением юрисдикции Временного сибирского правительства Л.И. Шумиловский отменил это распоряжение¹²⁵. Правительства Урала и Сибири, напротив, заявили о возможности и даже желательности снижения уровня занятости в промышленности. Власти рассчитывали, что «очищение промышленности от трудового балласта» создаст условия для роста производительности.

Власти Урала попытались смягчить социальные последствия сокращения числа занятых. 10 сентября 1918 г. Временное областное правительство Урала приняло постановление о сроках предупреждения и размерах вознаграждения при увольнении рабочих и служащих. Если работник проработал на предприятии или в учреждении менее 6 месяцев, то об увольнении полагалось предупредить его за две недели, выплатив недельный заработок, если он работал более этого срока, – то за месяц с выплатой полуторамесячного жалования. В случае досрочного увольнения

---

¹²⁴ Вечерняя Заря (Самара). 1918. 19 июля; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Саратов, 1974. С. 116.

¹²⁵ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... 190.

работник получал дополнительно двухнедельное или месячное пособие¹²⁶.

9 мая 1919 г. аналогичную норму внесло в законодательство и Российское правительство¹²⁷. Основой нового российского закона стал Устав о промышленном труде 1913 г. Новшество состояло в обязанности нанимателя, если договор о найме прерывался по его инициативе, не только предупредить об этом заранее, но и предоставить за свой счет не менее 24 часов рабочего времени для поиска новой работы. Другая примечательная поправка: если рабочий не получил в срок зарплату, он имел право требовать расторжения договора о найме в судебном порядке. Причём наниматель в этом случае был обязан выплатить не только причитающуюся зарплату, но и штраф. Он составлял в зависимости от срока и условий службы сумму от двухнедельного до двухмесячного заработка. Максимальный штраф присуждался при службе год и более на одном предприятии. В составе заработка учитывался и денежный эквивалент всех видов натурального довольствия. Это существенно усиливало защищенность наёмного работника. Закон создавал условия, при которых предприниматель не стал бы увольнять рабочих без действительной надобности. Данные нормы не очень хорошо работали в обстановке чрезвычайщины. Хотя их наличие неизбежно подталкивало законопослушную часть нанимателей (а таких было большинство) выдерживать сроки предупреждения работников об увольнении. Подобный закон должен был дисциплинировать и рабочих. У них возникал стимул заключать договор о найме по всей форме, а не игнорировать интересы нанимателей, как это было в советское время и в первые месяцы после антибольшевистского переворота. Ведь в противном случае у уволенных не было шансов на признание законными их притязаний. Профсоюзы также, благодаря данному закону, должны были перенаправить значительную часть своих усилий по защите работников в правовое русло. Но всем этим позитивным начинаниям могла способствовать лишь стабилизация соци-

---

¹²⁶ СУР ВОПУ. № 3. Ст. 17; Антибольшевистское правительство... С. 116–118; ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 2. Л. 12–13.

¹²⁷ ПВ. 1919. 3 июня; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 40–40об. Постановление введено в действие с момента принятия.

ально-экономического положения, а в тылу антибольшевистских войск развивались противоположные процессы. Судить об итогах законодательной инициативы Министерства труда по одному лишь закону от 9 мая 1919 г. нельзя. Дело в том, что он рассматривался только как первый шаг в урегулировании отношений найма-увольнения, все механизмы которого должны были включиться позже, с принятием закона о «расчётных книжках», который в конце лета – начале осени 1919 г. лишь готовили к внесению в Совет министров¹²⁸. Только время для подобных законодательных инициатив оказалось не самое подходящее. Закон так и не был принят.

В законодательстве и проектах Министерства труда прослеживается тенденция усиления государственного вмешательства в порядок найма и увольнения, конечная цель которого – всеобщая регистрация движения на рынке. Это был вынужденный и продуманный этатизм. В условиях чрезвычайной напряженности отношений «труда и капитала» только рост роли государственного регулирования мог сгладить конфликтность во взаимодействии рабочих и предпринимателей. Но и эту тенденцию, кстати, имеющую лишь внешнее сходство с процессами в советской России, а на практике порожденную совершенно иной природой, нельзя оценивать в краткосрочном периоде. Результат мог быть виден лишь годы спустя, после закрепления в правоприменительной практике и рефлексии в правовом сознании. Все описанные меры нацеливались скорее на послевоенную перспективу, а не на решение текущих запросов.

Рынок труда с лета 1918 по конец 1919 г. переживал серьезные метаморфозы. С одной стороны, закрытие многих предприятий и сокращение производства на других вызывало понижение спроса на труд. С другой – постоянный наплыв беженцев и уволенных с местных предприятий создавали огромную прослойку безработных, предлагавших свой труд. Вместе с тем, открывались новые производства, и спрос на квалифицированный труд, как всегда, оставался высоким. Одной из актуальных проблем трудовых от-

---

¹²⁸ ЦХДНИОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 383. Л. 13.

ношений оставалось налаживание нормального механизма регулирования спроса и предложения.

Ещё до революции для этих целей создавались независимые биржи труда. В 1917 г. разрешили их открытие явочным порядком. Поэтому бирж труда возникло много. В некоторых городах их существовало несколько. При этом законодательство предусматривало обязательный наем работников через биржу, а советы бирж формировались местными профсоюзами. Это сильно тяготило работодателей – контролировавшиеся профессиональными организациями биржи предъявляли высокие требования. Известно, что после свержения советской власти биржи владели жалкое существование. Наниматели редко обращались к их помощи, не подавали сведения о вакансиях.

Безработица превратилась в острейшую социальную проблему задолго до падения советской власти, а вовсе не была порождена политикой «белых», как это, подчас, изображала советская историография. Весной 1918 г. в Уфе было зарегистрировано более 5 тыс. безработных. По сведениям И.В. Нарского, на Урале в целом накануне падения советской власти областная биржа труда зарегистрировала 25 тыс. безработных¹²⁹. Правда, следует осторожно относиться к этим данным. Пресса утверждала, что в регионе всего 24 тыс. работающих и 11 тыс. безработных¹³⁰. Во Владивостоке с августа по ноябрь 1918 г. Приморская областная биржа труда зарегистрировала повышение числа безработных с 10 937 до 21 306¹³¹. Общая тенденция к ухудшению положения очевидна.

Одним из эффективных способов смягчения безработицы являлись выплаты пособий. Популярно было создание специальных фондов страхования от безработицы за счет отчислений из заработков работающих. В 1917 – начале 1918 г. местные рабочие организации весьма часто принимали решения о взыскании с нанимателей отчислений в эти фонды. После свержения советской власти таких попыток не отмечено. Но инициативу рабочих страховать себя на собственные деньги власти обычно не пресе-

---

¹²⁹ Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 84.

¹³⁰ Сибирский рабочий. 1919. № 2. С. 9.

¹³¹ Куцый Г.С. Борьба рабочего класса... С. 66.

кали. Другое дело, что фонды могли функционировать только в локальном пространстве. Например, на уральских горных заводах они имелись в Тагильском и Златоустовском округах. В крупных уральских и сибирских городах они существовали в пределах больших и наиболее сплоченных профсоюзов¹³². Подчас фонды могли гарантировать безработным пособие, равное минимальной поденщине, и даже некоторые надбавки на иждивенцев-членов семьи. Естественно, нанимателям это очень не нравилось, так как существование подобных фондов поднимало расценки на труд.

Неудивительно, что уже летом 1918 г. сибирские законодатели стали готовить законопроект о биржах труда, который был принят только 14 ноября 1918 г. Директорией. Правительственная точка зрения оказалась в целом близка идеям предпринимателей. Вопросы о порядке найма и увольнения, о статусе бирж труда на стадии подготовки законопроекта обсуждались летом–осенью 1918 г. Сибирским торгово-промышленным съездом и I торгово-промышленным съездом Енисейской губернии, а 18–20 октября 1918 г. – I уральским торгово-промышленным съездом в Екатеринбурге¹³³. Предприниматели настаивали на полной свободе найма, полагая, что не должны ограничивать себя ни местом найма, ни очередностью записавшихся на биржу безработных, если они туда обратились. Учтя эти предложения, Министерство труда дополнило первоначальный проект таким образом, чтобы затруднить предпринимателям возможность злоупотреблений и сделать рынок труда прозрачным для всех участников и государства.

В соответствии с законом Временного всероссийского правительства от 14 ноября 1918 г. биржи труда передали в ведение Министерства труда, их финансирование оставалось государственным, а помещение, отопление и освещение обеспечивали органы местного самоуправления. В совете биржи труда предусматривалось паритетное участие представителей от предпринимателей и профсоюзов (по два), а также присутствие одного представителя от городских и земских управ и от Министерства

---

¹³² Уральский печатник (Екатеринбург). 1918. № 1. С. 10; Сибирский рабочий. 1919. № 2. С. 9; № 10. С. 17; № 11. С. 6; № 12. С. 9.

¹³³ Съезды, конференции... Акмолинской обл. Томск, 1991. Ч. II. С. 280; Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 4 сент.; Колчаковщина на Урале... С. 53.

труда. Обязательный наём рабочих через биржу, введенный советской властью, отменялся. Зато закон ввёл обязательную регистрацию всех случаев найма и увольнения, независимо от того, нанимал ли работодатель на бирже или помимо неё, шли ли уволенные на биржу или нет. В то же время наниматели, объявившие локаут, биржами не обслуживались, в чем проявилось намерение правительства бороться с локаутами. С обслуживания снимались также и предприятия, рабочие которых объявили забастовку¹³⁴. Таким образом, паритет интересов нанимателей и нанимаемых был в целом соблюден. Биржи становились органами учета движения на рынке труда. Состоявшийся в феврале 1919 г. съезд бирж труда выяснил, что в Сибири их действовало 23, на Урале – 7, но работали они крайне нестабильно из-за недостатка средств¹³⁵.

Закон встретил протест со стороны Исполнительного комитета профессиональных союзов Сибири. Центральный профсоюзный орган требовал обеспечить полное господство представителей рабочих в советах бирж труда и обязательный наем через биржу¹³⁶. Лишь в этом случае биржи труда смогли бы отказывать в обслуживании не только предпринимателям, объявившим локаут, но и тем нанимателям, которые устанавливали оплату ниже, чем предусмотрено коллективными договорами¹³⁷. Рабочие всерьёз задумывались над тем, что приостановить падение расценок на труд в условиях экономического спада им поможет только централизация и монополизация предложения труда самими нанимаемыми. В критике закона со стороны профсоюзных и рабочих лидеров присутствовала значительная доля классового эгоизма. Например, общепринятым пунктом стал упрек в том, что за буржуазией в новых биржах закрепили абсолютное большинство мест, ведь по рассуждениям «пролетарских идеологов», и государственные чиновники, и представители муниципальных органов тоже являлись выразителями буржуазных интересов. Они

---

¹³⁴ ПВ. 1918, 22 дек.; Сибирский рабочий. 1919. № 1. С. 12–13; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 114.

¹³⁵ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 149.

¹³⁶ Профсоюзы Сибири... С. 180.

¹³⁷ Сибирский рабочий. 1919. № 1. С. 5–6.

требовали уравнивать количество представителей от рабочих с одной стороны и государства, муниципалитетов и предпринимателей – с другой, что на практике дало бы рабочим не равенство, а подавляющее превосходство.

Скепсис профсоюзных лидеров относительно перспектив работы бирж по новому закону был в значительной мере оправдан. Действительно, открытие и работа этих учреждений затягивались по причинам второстепенного характера. Например, многие городские самоуправления просто не смогли предоставить помещения и всё необходимое для начала работы бирж, поскольку соответствующие расходы даже не были заложены в их бюджет¹³⁸. Предприниматели легко обходили законодательство, не регистрируя случаи найма и увольнений, так как закон даже не предусматривал никаких санкций за нарушение этого требования.

Ещё одним критиком закона о биржах труда стали земские и городские самоуправления Дальнего Востока. В противовес правительству они выдвинули концепцию муниципализации бирж. Полагая, что осуществление государством посредничества в вопросах найма и увольнения обречено на провал в силу неавторитетности его в рабочей среде, дальневосточные земцы самонадеянно требовали передать в их руки управление биржами. В основе этой критики лежал всё тот же сугубо классовый подход к решению проблемы и явное преувеличение собственных возможностей¹³⁹.

Позитивные стороны нового закона становятся очевидны, если отвлечься от сиюминутного и узкоклассового подхода. Революционное законодательство, введя полную свободу создания бирж и обязательность найма через них, привело к дезорганизации рынка труда, так как при катастрофически низкой рентабельности производства и избытке предложения рабочей силы неестественно, если нанимаемые начинают диктовать условия найма. Свободный торг и свободная конкурентная борьба за работников становятся тогда невозможны. Новый закон ослабил многие ограничения и делал учет государственным делом. На стадии подъема производства его потенциал мог бы проявиться более

¹³⁸ Сибирский рабочий. 1919. № 8. С. 20–21.

¹³⁹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 900. Л. 53–60.

полно. Пока же сама обстановка экономического спада не могла благоприятствовать учреждениям, регулирующим наем рабочей силы. Поэтому биржи труда при «белых» правительствах, как бы они ни насаждались государственной властью, функционировали плохо. Законодатели это учитывали и не ожидали быстрого эффекта. Кроме того, как уже отмечалось, регулирование трудовых отношений должно было охватить весь комплекс законов: от 9 мая 1918 г. об увольнении и не принятый закон об обязательных трудовых книжках¹⁴⁰. Первый из них предусматривал обязанность работодателя предоставлять предупрежденному о грядущем увольнении работнику один день в неделю для поиска новой работы, что могло бы оживить работу бирж, второй был призван довести регистрацию трудящихся до определенной степени регулярности.

Принятие законов не могло оздоровить ситуацию на рынке труда. Для повышения рентабельности производства требовался дешевый труд. Выходцы из Кореи и Китая, проникшие в предшествующие годы даже на Урал, составляли мощнейшую конкуренцию российским пролетариям востока России в 1918–1919 гг. После антибольшевистского переворота в ряде мест наблюдались активные попытки привлечь иностранных рабочих или военнопленных¹⁴¹. Местные власти, руководители предприятий и предприниматели предпочитали ввезти избыточное количество мигрантов из Китая, за счет чего сбить цены на рабочие руки. На место забастовавших российских рабочих наниматели старались принять китайцев, мотивируя это неуступчивостью российских пролетариев и их чрезмерными требованиями к работодателям¹⁴². Причём местные власти придерживались такого же мнения. Верховный уполномоченный на Дальнем Востоке в начале 1919 г. запросил у Совета министров разрешение нанимать иностранцев на предприятия края¹⁴³.

---

¹⁴⁰ ПВ. 1919. 6 июля.

¹⁴¹ Кальнин Я. Труд при «белых» // Сибирские огни (Новосибирск). 1929. № 3. С. 141–142.

¹⁴² Сучанская долина в годы гражданской войны... С. 36–37; Рабочий мир (Владивосток). 1919. 20 янв.; Приморский рабочий (Владивосток). № 1–2. С. 16–17.

¹⁴³ Дальний Восток (Владивосток). 1919. 20 марта.

Другой трудовой ресурс – военнопленные, которых насчитывалось в это время около 240 тыс. только в Сибири и на Дальнем Востоке¹⁴⁴. Их трудоиспользование широко развернулось на востоке России с 1915 г. Установление советской власти нарушило уже сложившуюся систему – военнопленные получили возможность наниматься на добровольной основе, и их работа стала оплачиваться по средним рыночным расценкам труда, что сделало её малопривлекательной для работодателей¹⁴⁵.

Желание навести решительный порядок в деле организации трудового использования военнопленных проявили власти Урала и Сибири. В июле 1918 г. специальная межведомственная комиссия разработала новые, достаточно строгие правила, регулировавшие труд военнопленных, которые 29 июня 1918 г. утвердило Временное сибирское правительство¹⁴⁶. Они были продублированы и детализированы местными начальниками сибирских и уральских гарнизонов¹⁴⁷. Новый нормативный акт предписывал особому межведомственному совещанию распределять военнопленных на работу. Им вновь воспретили свободное перемещение по стране, а на промышленные и сельскохозяйственные работы стали отпускать строго по заявкам нанимателей. На строительство концентрационных лагерей для военнопленных правительство выделило 400 тыс. руб.¹⁴⁸ На Урале к 10 октября 1918 г. объявили сбор всех военнопленных, распущенных советской властью по разным предприятиям и учреждениям. Приоритетное

---

¹⁴⁴ Вегман В. Военнопленные империалистической войны // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. Ст. 517.

¹⁴⁵ Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004. С. 51–60; Греков Н.В. Германские и австрийские пленные в Сибири. 1914–1917 гг. // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 154–180; Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 143–148; Талапин А.Н. К вопросу об использовании труда военнопленных в 1914–1917 гг. (по материалам омского военного округа) // Омские исторические чтения. Омск, 2003. С. 130–134; Schleicher J. Kriegsgefangene und Zivilinternierte des Ersten Weltkriegs in Russland: Gefangennahme, Transport und Lagerleben aus alltagsgeschichtlicher Sicht // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. 2000. № 10. S. 71–78, 95–104.

¹⁴⁶ СВ. 1918. 18 авг.; СУР ВСР. № 6. Ст. 63; ЗДБПС. Вып. 1. С. 138–143.

¹⁴⁷ Белое движение. С. 53; ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 78–78об.

право на использование их труда получили предприятия, работавшие на оборону¹⁴⁹.

Директория 20 октября 1918 г. по просьбе Верховного главнокомандующего морскими и сухопутными силами России генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева вернулась к обсуждению проблемы использования военнопленных¹⁵⁰. За основу принятого постановления был взят этнический признак. Военнопленным славянского и румынского происхождения разрешили записываться в национальные добровольческие отряды или формировать особые трудовые роты. Военнопленные немецкого, мадьярского и турецкого происхождения концентрировались в крупных лагерях и поступали для трудового использования в распоряжение военных властей или предприятий, работающих на оборону¹⁵¹.

Железные дороги и угольные копи Сибири запросили вернуть им дореволюционное количество военнопленных (например, Омская дорога – 4 тыс. чел.) на условиях оплаты труда, существовавших до февраля 1917 г., – $\frac{2}{3}$ от заработка российских рабочих¹⁵². 3 октября 1919 г. Совет министров поручил военному ведомству выделить для Кузнецких, Анжеро-Судженских и Черемховских копей 4 тыс. военнопленных. Одновременно предписывалось в очередной раз произвести правильный общий учет и организовать более рациональное использование трудового потенциала военнопленных¹⁵³. Тем не менее, располагая столь значительными трудовыми ресурсами, власти не смогли обеспечить достаточного количества рабочей силы даже для наиболее важных стратегических объектов сибирской экономики. Сказалось и тщательно раздувавшееся пропагандой подозрение военнопленных в связях с большевиками. Порой их предпочитали запереть в концентрационном лагере под охраной, потому что трудоиспользование предполагало мобильность и широкие контакты с населением. Хотя это не исключало случаев, когда сотни и тысячи военнопленных продолжали праздно шататься по городам без всякого уче-

¹⁴⁹ ГАСО. Ф. Р-1951. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 32. Л. 96.

¹⁵¹ Там же. Д. 20. Л. 46–47. Документ предоставлен В.И. Шишкиным.

¹⁵² Там же. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 2. Л. 132.

¹⁵³ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 177об.

та¹⁵⁴. Недаром в критический момент эвакуации белых по Транссибирской магистрали дефицит рабочей силы на Кузнецких, Черемховских и Забайкальских копиях, обеспечивавших железную дорогу углем, пришлось восполнять за счет чехословаков¹⁵⁵.

Власти обозначили ещё один ресурс мобилизации экономики, но тоже не смогли его использовать в достаточной мере. Не имея возможности платить своим служащим достойную зарплату, правительство, естественно, испытывало недостаток квалифицированных кадров. Тогда как служащих из низовых звеньев государственного и земско-городского аппарата массово призывали в армию, значительная часть образованных квалифицированных людей предпочитала устраиваться на службу в коммерческие предприятия и учреждения. В результате возник острейший дефицит работников в отраслях, связанных с социальной сферой. Например, в Ачинском уезде было мобилизовано в армию 7 из 8 врачей, в Мариинском уезде – 4 из 7. В то же время города были переполнены квалифицированными медицинскими работниками, предпочитавшими иметь хоть небольшую, но частную практику¹⁵⁶.

Ещё 2 сентября 1918 г. в Совете министров был впервые поднят вопрос о возможности принудительной мобилизации на гражданскую службу лиц с высшим образованием¹⁵⁷. А 6 мая 1919 г. им было принято постановление о трудовой повинности¹⁵⁸. Оно позволяло по мере необходимости призывать на гражданскую службу лиц «интеллигентских профессий» в возрасте от 21 до 55 лет. Закон предполагалось применять локально, призывая то медиков, то юристов, то ветеринаров. 8 июля 1919 г. Совет министров постановил произвести полный учет всех служащих, подлежащих призыву¹⁵⁹.

В правительстве имелись сторонники расширения этой меры. За её реализацию ещё весной 1919 г. активно ратовал управляю-

¹⁵⁴ ГАХК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 550. Л. 1; Бюллетень. Экстренный выпуск (Владивосток). 1919. 12 мая.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 244об.

¹⁵⁶ Там же. Оп. 3. Д. 25. Л. 342–342об.

¹⁵⁷ Там же. Оп. 5. Д. 43. Л. 169.

¹⁵⁸ ПВ. 1919. № 161; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 28–29об.; Д. 92. Л. 318–322об.

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 96–98об.

щий делами Верховного правителя Г.Г. Тельберг¹⁶⁰, а в августе 1919 г. помощник управляющего Министерства торговли и промышленности С.А. Введенский говорил о желательности полного учета и централизованного распределения в интересах государства прибывающих с востока трудовых ресурсов, имея в виду беженцев¹⁶¹. У этой меры нашлись и яростные противники как в Совете министров, например, управляющий Министерством труда Л.И. Шумиловский¹⁶², так и в обществе. Критики отмечали, что закон позволял призывать небольшое количество людей, но ради этого требовалось провести анкетирование и медицинское освидетельствование значительной массы служащих. Кроме того, они указывали на совершенную неэффективность принудительного интеллектуального труда и негативную реакцию обывателей на этот шаг, напоминаясь большевистские мобилизации интеллигенции.

Тем не менее закон вступил в силу, и власти провели учет, а во многих местах и медицинское освидетельствование служащих, осуществив их частичный призыв¹⁶³. Воспользовались принятым законом, однако, с большой осторожностью. 11 июля 1919 г. объявили призыв юристов¹⁶⁴. 11 августа 1919 г. Совет министров предоставил управляющему Министерством снабжения и продовольствия право привлекать на службу в свое ведомство сроком до полугода работников кооперативных и торгово-промышленных организаций, имеющих практический опыт хозяйственной деятельности и проживавших в Новониколаевске и городах западнее него¹⁶⁵. 15 августа 1919 г. правительство приняло решение в связи с сокращением работ в государственных учреждениях направлять служащих, в том числе и женщин, в распоряжение военного ведомства для исполнения работ на нужды армии¹⁶⁶. Много позже, 30 сентября 1919 г., Совет министров постановил

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 101. Л. 135–137.

¹⁶¹ ПВ. 1919. 28 авг.

¹⁶² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 101. Л. 132–135.

¹⁶³ ГАТО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 20. Л. 1–336.

¹⁶⁴ ПВ. 1919. 17 авг.; Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака... С. 85.

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 19об.–20об.

¹⁶⁶ ПВ. 1919. 2 сент.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 131–132об.

осуществить призыв медицинских работников для отбывания службы по ведомству Министерства внутренних дел¹⁶⁷.

Мобилизационные мероприятия коснулись только служащих. Рассуждая о путях преодоления острейшего дефицита рабочей силы на Кузнецких каменноугольных коях, члены Государственного экономического совещания 5 августа 1919 г. предлагали помимо доставки китайских рабочих и военнопленных предоставить бронь от мобилизаций угольщикам и вернуть из армии уже мобилизованных¹⁶⁸. О применении более жестких мер речь не заходила. Чрезмерная осторожность в вопросах использования отечественных рабочих не позволяла решать проблемы стратегических отраслей.

Мероприятия антибольшевистских правительств на востоке России по регулированию рынка труда не отличались эффективностью. Причину в значительной мере следует искать в объективных экономических тенденциях. Сокращение числа занятых и снижение уровня средней заработной платы – неизбежное следствие экономического спада и одновременно механизм самосохранения экономики. Слабое государство, а именно таким оно оказалось у противников советской власти, было не в силах переломить эти тенденции. Принятые антибольшевистскими правительствами меры нацеливались, прежде всего, на период послевоенной стабилизации и призваны были способствовать постепенному снижению накала социальной напряженности в будущем. Но стремление решать перспективные задачи не сопровождалось готовностью откликаться на требования момента.

Очевидно, что «белые» сильно проигрывали своему противнику в твердости и решительности проведения мобилизационных мероприятий. В целом Российское правительство не вышло за рамки использования трудовых ресурсов в России во время Первой мировой войны. Лидерам антибольшевистского движения не приходила в голову идея широкой трудовой мобилизации. Даже когда речь шла об очистке от снега железнодорожных путей в прифронтовой полосе и заготовке дров для движения паровозов,

---

¹⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 164об.–165об.

¹⁶⁸ ПВ. 1919. 29 окт.; ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 39. Л. 85.

жизненно необходимых для обеспечения военных действий, приходилось изыскивать средства для найма свободных работников и считаться с ценами на поденщину. В таких случаях вольнонаемные рабочие диктовали правительству выгодные для себя условия. Российское правительство решилось мобилизовать только тончайший слой конкретных специалистов. Парадокс – именно боязнь прослыть «буржуазной диктатурой» сдерживала политиков от решительных шагов. Какой контраст с теми, против кого вели войну «белые»! В.И. Ленин ещё в первые дни Февральской революции, ссылаясь, кстати, на опыт немцев и французов, предлагал ввести в России всеобщую трудовую повинность¹⁶⁹. Советская власть могла спокойно призвать к дисциплине и своих социальных союзников, и «попутчиков», и ещё решительнее тех, кого должна была опасаться. В революционном лагере с осени 1918 г. стали активно перебрасывать рабочую силу между предприятиями, концентрируя её на важнейших в военном отношении участках. Летом же 1919 г. большевики перевезли на восток России десятки тысяч людей для уборки урожая, обеспечения работы транспорта, восстановления уральских заводов¹⁷⁰. А в антибольшевистской Сибири запоздавшие мобилизационные мероприятия лета 1919 г. так и не получили тенденции к углублению и расширению, и это стало одной из причин слабости тыла «белых».

5.3. Интенсивность труда: взгляд «эксплуатируемых» и «эксплуататоров»

Устоявшееся в историографии мнение о том, что интенсивность труда, а следовательно, и эксплуатации в лагере контрреволюции резко повысилась, за редким исключением не находит подтверждения. В характерной манере советских историков утверждения об увеличении продолжительности рабочего дня и сокращении заработной платы мотивировались исключительно

---

¹⁶⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1981. Т. 31. С. 43–44.

¹⁷⁰ Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России... С. 55.

злой волей буржуазии, преподносившись как нечто настолько очевидное, и часто даже не подкреплялись ссылками на источники¹⁷¹.

На территории Поволжья вопрос о сохранении продолжительности рабочего дня сначала вообще не обсуждался. Только когда предприниматели заговорили о необходимости принятия мер по усилению производительности труда, в том числе и за счет этого ресурса, в августе 1918 г. появилось разъяснение, в соответствии с которым после денационализации предприятий распорядок работы на них предприниматели должны были вырабатывать обязательно по согласованию с рабочими¹⁷². 4 сентября 1918 г. был принят приказ № 273 о восьмичасовом рабочем дне¹⁷³. И.М. Майский описал трудности, связанные с прохождением этого закона. Инициативу его принятия он отнес к началу августа – времени своего вступления на должность управляющего Ведомством труда. Но против него выступили сначала представители Ведомства торговли и промышленности, потом управляющий Военным ведомством полковник Н.А. Галкин. Противников проекта поддерживали многие члены Комуча, отмечая, что в условиях необходимости подъёма народного хозяйства такие ограничения нестати. В результате появилась поправка (п. 18), позволяющая Военному ведомству и Ведомству труда по согласованию допускать отступление от закона для предприятий, работающих на оборону. Но каждый такой случай следовало утверждать в Комуче в месячный срок. Очевидно, что И.М. Майскому удалось провести закон, игнорировавший нужды армии и не позволявший военным гибко распоряжаться трудовыми ресурсами в интересах обеспечения своих оперативных действий. И.М. Майский сетовал, что прошедший утверждение с таким трудом закон практически ничего не дал рабочим. Ведь 8-часовой рабочий день и так действовал повсеместно и не нарушался нанимателями¹⁷⁴. Едва ли он прав

---

¹⁷¹ См., например: Куций Г.С. Борьба рабочего класса... С. 65; Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1982. С. 84; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье. С. 116.

¹⁷² Наш день (Самара). 1918. 9 авг.

¹⁷³ Вестник Комуча 1918. 7 сент.; Наша жизнь (Самара). 1918. 17 сент.; ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 158. Типограф. отиск.

¹⁷⁴ Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М., 1923. С. 94–96.

по существу. Столь четкая законодательная регламентация должна была связать законопослушных предпринимателей и военных по рукам и ногам либо толкнуть их на нарушение законодательства. Кстати, характерно признание меньшевистского лидера в том, что закон ему удалось провести под жестким давлением со стороны эсеровских активистов Комуча при сопротивлении практиков.

Временное областное правительство Урала подтвердило не только 8-часовой рабочий день для рабочих¹⁷⁵, но и 6–7-часовой для служащих. Действовало и правило о сокращении на два часа рабочего дня перед праздником. Причём не обеспечивавшие функционирование своих предприятий в полную силу промышленники не возражали против этого порядка¹⁷⁶.

В соответствии с положением Временного сибирского правительства «О мерах к восстановлению нормального хода работ промышленных предприятий» также сохранялся 8-часовой рабочий день¹⁷⁷. В большинстве советских исследований авторы не утруждали себя доказательством тезиса об отмене 8-часового рабочего дня сразу после свержения советской власти¹⁷⁸. В.А. Кадейкин, Я. Кальнин, В.А. Кучеряев, В.И. Шемелев отмечали, что Министерство промышленности и торговли уже в первые месяцы «повело поход» на 8-часовой рабочий день. В доказательство этого положения авторы приводили следующие примеры: на Черемховских копиях прибавлен один час рабочего времени, на Анжерских – 2 часа¹⁷⁹. Но историки обходят стороной тот факт, что раньше на этих предприятиях продолжительность рабочего дня составляла 7 и 6 часов, и даже вышестоящие советские хозяй-

---

¹⁷⁵ СУР ВОПУ. № 1. Ст. 1. П. 5; Антибольшевистское правительство... С. 77.

¹⁷⁶ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 152; Колчаковщина на Урале... С. 51.

¹⁷⁷ СВ. 1918. 15 сент.; СУР ВСП. № 11. Ст. 103. П. 3; ЗДБПС. Вып. 2. С. 200.

¹⁷⁸ Аминев З.А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966. С. 415; Журавлев М.Н. Рабочие Сибири в борьбе за власть советов. М., 1958. С. 23; Клеткин И. Борьба трудящихся Омска и области против интервентов и белогвардейцев. Омск, 1959. С. 9; и др. Нет смысла перечислять огромное количество публикаций, в которых воспроизводится этот миф.

¹⁷⁹ Профсоюзы Сибири... С. 88, 99. (В данном издании есть оговорка, что в целом 8-часовой рабочий день сохранился [с. 87]); Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная... С. 54; и др.

ственные и профсоюзные органы протестовали против одностороннего решения местных профсоюзов о таком режиме работы¹⁸⁰. Источники свидетельствуют о стремлении работодателей использовать мягкие варианты усиления эксплуатации. Например, увеличить на час субботний укороченный рабочий день, ввести полutorную оплату сверхурочных, вместо двойной (Нижне-Тагильский завод)¹⁸¹. Рабочий день служащих увеличивался до 7–8 часов (на 1–2 часа)¹⁸². Постановление Совета министров Временного сибирского правительства от 10 июля 1918 г., отменявшее сокращение рабочего дня почтово-телеграфных служащих Томского почтово-телеграфного округа, гарантировало им отныне восьмичасовой рабочий день¹⁸³.

Отдельные случаи введения рабочего дня длиннее 8 часов предпринимались без ведома правительства, которое относилось к таким фактам отрицательно. Распоряжениями же государственной власти позволялось удлинять рабочий день свыше 8 часов только за счет сверхурочных, что мотивировалось военным положением. Педантизм государственных органов был объясним – ведь приходилось бороться, например, с включением в рабочее время перерывов на обед и на чай¹⁸⁴. В целом практика наведения трудовой дисциплины в антибольшевистском лагере очень напоминает действия советских хозяйственных органов на протяжении 1918 г.

Единственный известный пример, когда инициатива исходила от местных властей, а центральные органы Временного сибирского правительства не отреагировали, это события на медном руднике «Улень» в Енисейской губернии. Там приказом от 20 июня 1918 г. правительственный комиссар по управлению рудниками К.И. Хруцкий официально ввел 10-часовой рабочий день, снизил расценки оплаты труда. Всем несогласным он пред-

---

¹⁸⁰ Дробченко В.А. Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 – май 1918). Томск, 2006. С. 105.

¹⁸¹ Колчаковщина на Урале... С. 146.

¹⁸² Там же. С. 147, 155.

¹⁸³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 43. Л. 37.

¹⁸⁴ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

ложил покинуть рудник, получив расчёт по последний день работы, то есть без выходного пособия¹⁸⁵.

Увеличение рабочего дня до 8 часов вызывало протесты рабочих и служащих. Они исходили из того, что это является способом усиления капиталистической эксплуатации и, следовательно, недопустимо. Например, на Судженских коях это стало причиной забастовки¹⁸⁶. Служащие профсоюза речников Томской губернии потребовали доплаты за 2 часа работы как за сверхурочные¹⁸⁷. Есть и множество других примеров конфронтации рабочих с властью и работодателями на почве увеличения продолжительности рабочего дня до 8 часов. Они тщательно подобраны советскими историками в исследованиях и документальных публикациях¹⁸⁸. Отметим, что историки обычно воздерживались от уточнения, что рабочий день увеличивался до восьми часов, а не более. Чаще всего такое умолчание являлось плодом политической конъюнктуры, хотя могло быть и невольным результатом классовых источниковедческих пристрастий. Профсоюзные источники подчас глухо сообщали об увеличении рабочего дня или введении 2-х сверхурочных часов, тогда как источники, исходящие от администрации предприятий и учреждений, – о восстановлении 8-часового режима работы. То же касается и проблемы оплаты сверхурочных, которую разные источники могут трактовать противоположным образом. Например, администрация Копикуза осенью 1918 г. отказывалась оплачивать полуторную плату за работу в праздничные дни на рабочих местах с непрерывным циклом работ, ссылаясь на дореволюционные нормы и заключенные с рабочими договоры. Профсоюз же указывал на нововведения рабочего контроля, требовал для этих рабочих полуторной оплаты как за сверхурочные, угрожая забастовкой¹⁸⁹.

В современной историографии появилось другое утверждение, что якобы 8-часовой рабочий день был в Сибири «закреплен» (по

---

¹⁸⁵ ГАКК. Ф. 1800. Оп. 2. Д. 93. Л. 122.

¹⁸⁶ Борьба за власть Советов в Томской губернии... С. 339–340.

¹⁸⁷ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 7; ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 34. Л. 23–23об.

¹⁸⁸ Колчаковщина на Урале... С. 148, 151–152, 154–155.

¹⁸⁹ ГАТО. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 22. Л. 60; Д. 24. Л. 12–12об.

контексту следует, что законодательно)¹⁹⁰. На самом деле нормативно это нигде не прописывалось, но сверхурочные часы высчитывались, исходя из 8-часовой нормы. Следует отметить, что для служащих правительственных учреждений был сохранен 6-часовой рабочий день, правда, оплата сверхурочных, широко практиковавшихся и в административных учреждениях, осуществлялась в одинарном размере, и только работа в праздники оценивалась в полуторном¹⁹¹. Закон о 8-часовом рабочем дне, видимо, по аналогии с комучевским, в августе 1918 г. планировался Министерством труда к внесению на обсуждение Совета министров¹⁹². Он так и не был подготовлен. 13 октября 1918 г. члены Директории призвали готовить не общий закон, а детальную регламентацию продолжительности рабочего дня на разных производствах¹⁹³. Летом 1919 г. Л.И. Шумиловский в очередной раз заявил, что разработка такого закона является одной из первоочередных задач его министерства¹⁹⁴. Он был актуален скорее не для нанимателей, а для рабочих. Например, кузбасские углепромышленники жаловались на массовое несоблюдение 8-часового рабочего дня. Ссылаясь на плохое снабжение и низкую оплату, работники самовольно снижали себе продолжительность работ¹⁹⁵.

Естественно, что состояние Гражданской войны вынудило власть в отдельных случаях отказываться от 8-часовой нормы. Это зависело не от степени её «реакционности». Так, на Ижевском заводе 14 августа 1918 г. организовали работу по воскресеньям и в праздники за полуторную оплату, с 1 сентября ввели сверхурочные без дополнительной оплаты, а с 18 октября – обязательные двухчасовые сверхурочные для мастерских, не выполнявших производственные задания¹⁹⁶. А между тем, общеизвестно, что Прикомуч стоял ближе других правительств к рабочим интересам.

---

¹⁹⁰ Макарчук С.В. К политической биографии Л.И. Шумиловского // История «белой» Сибири: Тез. науч. конф. Кемерово, 1995. С. 137.

¹⁹¹ СУР РП. № 1. Ст. 10.

¹⁹² «Реальная» политика Временного... 2002. № 10. С. 42.

¹⁹³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 111об.

¹⁹⁴ ПВ. 1919. № 183.

¹⁹⁵ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 3. Д. 21. Л. 45.

¹⁹⁶ Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе... С. 115.

Попытка реконструировать реальную картину трудовых взаимоотношений полна сложных источниковедческих проблем. Профсоюзные источники содержат крайне недостоверную информацию о ситуации, а именно они легли в основу советских исследований как якобы наиболее объективные. Перекрестный анализ источников позволяет дать многим конфликтам совершенно иную трактовку. Вот один из примеров. На лудильно-жестяном заводе Министерства продовольствия и снабжения ввели обязательные сверхурочные. По версии рабочих, администрация завода компенсировала таким образом убытки, возникшие из-за прибавок на дороговизну. По версии же руководства завода это было связано с исполнением срочного военного заказа¹⁹⁷. Отсутствие делопроизводственной документации не позволяет найти истину в данном случае. В целом же очевидно разное понимание рабочими и нанимателями чрезвычайных обстоятельств, позволявших устанавливать сверхурочные работы. Недаром уральские профсоюзы, например, требовали себе права санкционировать введение сверхурочных работ¹⁹⁸. Для них это был ещё и способ воздействия на рынок труда – профсоюзы не принимали сверхурочные и требовали найма дополнительной рабочей силы, указывая на безработицу среди лиц своей профессии¹⁹⁹. В конечном итоге здесь смыкались вопросы регулирования рынка труда, размеров его оплаты, рентабельности производства, скрещивались противоположные социально-классовые интересы участников трудовых отношений, отрефлексированные в источниках на уровне идеологической интерпретации событий. Они, кстати, оказывались подчас далеко не однозначными. Например, члены Директории на заседаниях 12 и 14 ноября 1918 г. критично оценивали работу Министерства труда, требуя полнее учитывать настроения рабочих, ограничить аппетиты промышленников, и приводили в пример работу комучевского Ведомства труда²⁰⁰. В то же время умеренные лидеры профсоюзов нередко квалифицировали забастовочную борьбу сибирских рабочих летом–осенью 1918 г. как

---

¹⁹⁷ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 99–101.

¹⁹⁸ Колчаковщина на Урале... С. 114–115, 125.

¹⁹⁹ Уральский печатник (Екатеринбург). 1918. № 1. С. 8–9.

²⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 100–113.

экономический саботаж, а в мерах противодействия забастовкам со стороны правительства они видели вынужденную реакцию на завышенные требования радикального крыла рабочего движения. Например, социал-демократическая газета «Новый алтайский луч» писала о забастовке, прошедшей в августе 1918 г. в Новониколаевске, как о «провокационной выходке»²⁰¹.

Промышленники в отличие от государственных органов охраны труда и вовсе настаивали на необходимости отказа от привилегий, завоеванных рабочими в годы революции. Основным аргумент состоял в том, что Россия продолжает находиться в состоянии войны, а выйдя из нее, столкнется с необходимостью конкурировать с иностранной промышленностью на собственных рынках сбыта. В Западной Европе в годы Первой мировой войны продолжительность рабочего дня была повсеместно увеличена, что позволило смягчить падение промышленного производства. Ссылаясь на эту практику, уральская и сибирская буржуазия потребовала от правительства учесть опыт Запада в своей политике и ограничить права рабочих в интересах выживания отечественного производства. А это означало, что хозяева предприятий предполагали экономить не только на заработной плате нанимаемых, но и на их снабжении, социальном обеспечении. Требования промышленников в октябре 1918 г. открыто прозвучали на съездах представителей торговли и промышленности Урала и Сибири²⁰². С точки зрения участников этих съездов, Временное сибирское правительство пошло на поводу у рабочих, так как признало большинство завоеваний, полученных ими в ходе Февральской революции, и не привело их в соответствие с современным кризисным состоянием индустрии.

Столь же разительно отличалась оценка двумя сторонами трудовых отношений коллективных договоров. Рабочие отмечали, что коллективные договоры заменяют конкуренцию между рабочими пролетарской солидарностью. Поэтому необходимо, чтобы

---

²⁰¹ Новый алтайский луч. 1918. 6 сент.; Воля Сибири (Красноярск). 1918. 8 сент.; Заря (Омск). 1918. 23 сент.

²⁰² Гражданская война на Южном Урале: Сб. документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 163; Профсоюзы Сибири... С. 178–179; Колчаковщина на Урале... С. 55.

профессиональные союзы в обязательном порядке заключали коллективные договоры с предпринимателем и являлись монополистами в предложении рабочей силы на рынке труда²⁰³. Эта разумная и грамотная линия могла иметь перспективы, но в других условиях, на стадии экономического подъёма, когда высокий спрос на рабочие руки позволял объединениям нанимаемых диктовать свои условия. Предприниматели, напротив, считали коллективные договоры вполне разумной мерой регулирования отношений с работниками, которая, однако, не могла быть признана обязательной в настоящее время. Главную причину они видели в недостаточной организованности представителей собственной социальной группы, что не позволяло им выступать от имени всего класса²⁰⁴.

Очевидно, что основной подоплекой конфликтов, оказывавшихся наиболее глубокими и затяжными, оставалась заработная плата, её объёмы и порядок начисления. Тон переговорного процесса обычно задавали рабочие, и он был, подчас, далек от конструктивного. Томские союзы металлистов, кожевников и мукомолов вскоре после падения советской власти потребовали признания предпринимателями ставок, разработанных тарифной комиссией в мае 1918 г. и утвержденных Советом профсоюзов. Предприниматели мотивировали свой отказ: ставки, по их мнению, были завышены, и на фоне июньского понижения рыночных цен требование оказалось несвоевременным. Но они готовы были к трехстороннему разрешению конфликта при активном участии городского отдела труда. Бастующие оценили резолюцию биржевиков (кстати, весьма корректную) как поход буржуазии против всего рабочего класса. «Конфликт должен быть разрешен самим рабочим классом без участия предпринимателей», – постановили в союзе металлистов 20 июня 1918 г., передавая разрешение конфликта заинтересованным профсоюзам и Совету рабочего контроля. Состоявшееся 23 июня заседание тарифной комиссии подтвердило советские тарифы для всех профессий и потребовало утверждения их губернским отделом труда как уже

---

²⁰³ Колчаковщина на Урале... С. 126.

²⁰⁴ Там же. С. 52.

одобренных Томским губернским советом профсоюзов. Рассмотрение в любых иных комиссиях считалось излишним. Попытка свести роль городского органа к простой регистрации профсоюзных решений, видимо, возмутила даже томский муниципалитет, изначально желавший помочь рабочим. Поэтому городской отдел труда ответил, что в связи с отказом от участия профсоюзов в согласительной комиссии, ставки профсоюзной тарифной комиссии не утверждаются и не обязательны для предпринимателей²⁰⁵. Агрессивным поведением томских профсоюзов можно объяснить нежелание кузбасских горнопромышленников даже согласовать расценки сдельной оплаты труда с губернским союзом горнозаводских рабочих²⁰⁶.

Позиция уральских профсоюзных лидеров существенно отличалась от сибирских. 16 октября 1918 г. товарищ главноуправляющего труда Н.М. Обухов обратился в Центральное областное бюро профессиональных союзов Урала с указанием, что бюро затягивает утверждение новых ставок, и это может вызвать конфликты. Руководители бюро ответили, что только при советской власти в его функции входило обязательное утверждение всех ставок и коллективных договоров. Сейчас же они считают это делом рабочих коллективов и их нанимателей²⁰⁷. Более того, уральские рабочие и их профсоюзные лидеры с пониманием отнеслись к введению сдельных работ. Рабочее протестное движение на Урале, интенсивное в последние месяцы советской власти, кардинально пошло на спад²⁰⁸.

Но разногласия обнаружились довольно быстро. Советские органы управления промышленностью, оставляя Урал, на многих предприятиях выплатили рабочим полуторамесячный оклад. Это, кстати, позволяло новым властям в случае, если они не считали целесообразным возобновлять работы, зачесть эти выплаты в ка-

²⁰⁵ Рабочее знамя (Томск). 1918. 28 июня.

²⁰⁶ ГАНУ. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

²⁰⁷ Колчаковщина на Урале... С. 101

²⁰⁸ Народное сопротивление коммунизму в России. Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 – январь 1919. Документы и материалы. Париж, 1982. С. 52; Гизатуллин Д. Характер и типология рабочих (повстанческих) выступлений на Урале (конец 1917 – осень 1918 г.) // Студент и научно-технический прогресс: Тез. науч. конф. Челябинск, 2001. С. 85.

честве увольнительного пособия. Но на большинстве предприятий работы продолжались. Естественно, что администрация объявила советские выплаты, осуществленные из касс предприятий, полуторамесячной зарплатой. Следовательно, оплата труда должна была возобновиться только в сентябре. Рабочие же настаивали на постепенном списании с них выданных советской властью денег. Временное областное правительство Урала в этом противостоянии встало на сторону рабочих, установив порядок, в соответствии с которым выданные рабочим и служащим вперед суммы должны будут погашаться равными частями для холостых не более $\frac{1}{3}$, а для семейных не более $\frac{1}{4}$ в месяц. Причём Главное управление труда представило действия предпринимателей и заводоуправлений, зачитывающих советский аванс в качестве летней заработной платы, как произвол буржуазии, хотя они были логичны и уместны в сложившихся условиях²⁰⁹.

В сентябре 1918 г. уральские предприниматели и управляющие предприятий попытались снизить советские расценки либо варьировать условия перевода рабочих на сдельщину так, чтобы общий уровень оплаты понизился. Подобные меры диктовались чувством самосохранения, а не наживы. Причина состояла в катастрофическом падении рентабельности производства. Как отмечает О.Ю. Никонова, реально процесс перевода рабочих на сдельщину растянулся на всю вторую половину 1918 г., так как многие заводы возобновили свою работу не в сентябре, а в ноябре–декабре. За основу пересчета зарплаты с повременной на сдельную взяли не действовавшие летом расценки на труд, а те, которые предусматривал тарифный договор Уральского областного совета профсоюзов от 3 февраля 1918 г. Но и они нередко значительно понижались, например, в Верхне-Сергинском и Атигском заводах – на 40%. Рабочие ответили забастовкой. Хотя, судя по откликам в прессе, понижение расценок не стало массовым явлением, и в целом предприниматели и заводоуправления придерживались принятых правил перевода на сдельный принцип оплаты. Рабочие, указав на рост цен уже с сентября 1918 г., выдвигали требование о повышении расценок на 20–25% или пред-

---

²⁰⁹ Антибольшевистское правительство... С. 15, 65–66.

лагали твердую надбавку на дороговизну, доводящую оплату труда до прожиточного минимума²¹⁰. После освобождения Перми был применен тот же алгоритм конвертации советской зарплаты в новые сдельные ставки, предусматривавший сохранение объемов выплат при высокой производительности, и возникли аналогичные проблемы, связанные с изменением уровня цен²¹¹.

Руководство получавшего большие и регулярные государственные субсидии Златоустовского округа имело ресурсы для более гибкого решения рабочего вопроса. Начальник округа Г.И. Бострем принял Временные основные положения о тарифных ставках, предусматривавшие пересчет зарплат при росте цен более чем на 20% и оплату $\frac{2}{3}$ заработка в случае простоя производства по вине заводоуправления. При переходе на сдельщину новые ставки рассчитали так, чтобы оплата труда выросла на 20–25%²¹².

Но удовлетворить в целом справедливые требования рабочих о прибавках могли далеко не все работодатели. У большинства уральских горных и горнозаводских предприятий ресурсов для этого не было. Ситуация замкнутого рабочего поселения сужала поле для манёвра и администрации, и трудящимся. В более конкурентной среде крупных городов активная и солидарная позиция рабочих и служащих часто приводила к успешному исходу борьбы. Томские официанты осенью 1918 г. не только добились повышения оплаты, но и решения примирительной камеры о выплате им половины зарплаты за время забастовки и аннулирование хозяевами всех увольнений бастующих²¹³. Подобных примеров можно привести много.

Особенно показательна ситуация в полиграфической промышленности. Печатники омских типографий отказались выходить на работу до тех пор, пока хозяева не пролонгировали срок коллек-

---

²¹⁰ Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 5 февр.; Колчаковщина на Урале... С. 133–141; Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 161–162; Она же. Челябинские каменноугольные копи в период гражданской войны (1918–1919 гг.) // Оренбургскому краю 250 лет. С. 77.

²¹¹ Освобождение России (Пермь). 1919. 13 февр.

²¹² Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 164.

²¹³ Семёнова Н.М. Сибирская периодическая печать... С. 72.

тивного договора, предусматривавшего повременную оплату труда²¹⁴. Комментируя ситуацию, Акмолинский комиссар труда И.Г. Торговицкий сообщал, что за отсутствием материалов работники типографий Омска почти сидят без работы. Их перевод на сдельщину позволял нанимателям фактически уволить лишних рабочих, не выплачивая им даже ликвидационных²¹⁵. Но затягивать конфликт не были заинтересованы государственные органы – бастовавшие типографии задерживали исполнение важных казенных заказов. Владельцам типографий пришлось пойти на уступки. Владивостокские печатники провели в августе 1918 г. общую забастовку, основным требованием которой стало сохранение коллективного договора, заключенного при советской власти. Однако его признали несправедливым все работодатели, в том числе и Приморское областное земство, орган, носивший репутацию оплота демократических идей в регионе. После прекращения работы появилось ещё одно требование – выплата зарплаты в половинном размере за дни простоя²¹⁶. Забастовка печатников Томска, настаивавших на возобновлении утвержденного при большевиках коллективного договора о повременной оплате их труда, продлилась три с половиной месяца, до начала 1919 г. Выстоять печатникам помогли средства от томских профсоюзов²¹⁷. Условия бастовавших включали также выплату за время забастовки. Хозяевам типографий пришлось удовлетворить почти все требования томских печатников²¹⁸. Столь же любопытен исход забастовки типографских рабочих Иркутска в декабре 1918 г. Упорство и солидарность рабочих заставили не только поднять ставки по их настоянию, но даже оплатить забастовочные дни²¹⁹. В декабре 1918 г. Енисейский губернский комиссар П.И. Троицкий вынужден был объявить забастовку печатников политиче-

²¹⁴ Сибирский печатник (Томск). 1918. № 1. С. 7; Профсоюзы Сибири... С. 90.

²¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 136. Л. 77.

²¹⁶ Рабочий и крестьянин (Владивосток). 1918. 18 авг.

²¹⁷ Профсоюзы Сибири... С. 90.

²¹⁸ Дмитриенко Н.М. Рабочее движение в Томске в годы революции и гражданской войны (март 1917 – декабрь 1919 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 254–259; Семёнова Н.М. Сибирская периодическая печать... С. 74.

²¹⁹ Профсоюзы Сибири... С. 186.

ской акцией с целью препятствия публикации правительственных сообщений и пригрозил применить против бастующих войска. Рабочие пошли на уступки, согласившись на повышение зарплаты на 40%, а не на 53%, как они требовали изначально²²⁰. Весной 1919 г. печатники Екатеринбургa добились 45%-ного повышения ставок²²¹. Кстати, подозрения, что печатники с помощью забастовок иногда пытались оказать давление на средства массовой информации, были не пустыми. За предшествовавшие полтора года в России сложилась богатая традиция «пролетарской цензуры», когда типографские рабочие с помощью забастовок определяли, каким газетам и журналам выходить на их предприятиях²²².

Были случаи менее удачных выступлений, но всегда они отличались упорством и сплоченностью. Владелец типографии в Иркутске Белоголовый отказался подписывать новый коллективный договор. После двухнедельной забастовки он заявил, что считает себя и рабочих свободными от трудовых обязательств по отношению к друг другу. Тогда печатники стали требовать от него выплаты двухнедельного выходного пособия²²³.

Реже аналогичную солидарность и активность проявляли работники других отраслей. В августе 1919 г. рабочие Сучана добились 50%-ного повышения оплаты труда. Но они тут же заявили о необходимости новых прибавок на 100 и даже 200% и дополнительно удаления войск с копей²²⁴. Другой дальневосточный пример: портные Владивостокского профсоюза «Игла» бастовали с 15 мая по 15 июня 1919 г. Они настаивали на повышении оплаты труда на 50% и подписании нового коллективного договора. Хозяева согласились увеличить зарплату, но категорически не стали принимать предлагаемый рабочими коллективный договор. В трёх

---

²²⁰ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 106. Л. 6–7; Профсоюзы Сибири... С. 186.

²²¹ Сибирский печатник (Томск). 1919. № 9. С. 12.

²²² Колоницкий Б.И. Советы и контроль над печатью (март–октябрь 1917 г.) // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX в. СПб., 1994. С. 153–154, 158.

²²³ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 2. С. 4–5.

²²⁴ Сучанская долина в годы гражданской войны... С. 37–40. Беда в том, что администрация тянула с выплатой жалования по два месяца, чтобы потом выдать весь долг одной купюрой в 500 руб.

мастерских, не договорившись со своими рабочими, хозяева приняли других. Поэтому союз считал забастовку проигранной²²⁵.

Примечательный пример – события августа 1918 г. в Новониколаевске. Рабочие большинства городских предприятий образовали стачком, требуя провести повышение зарплаты на 30% (по версии автора книги «Профсоюзы в Сибири...» – на 15–20%), утвержденное местным советом накануне чехословацкого мятежа, но нереализованное. Рабочие проявили завидную групповую солидарность. Забастовка носила не только классовый, но и антиправительственный и даже антипрофсоюзный характер. В требованиях пролетариев не увидели рационального зерна ни местный комиссар труда М.М. Дорн-Михайленко, ни лидеры профессиональных советов и социалистических партий²²⁶. Через неделю выступление закончилось практически безрезультатно – созданием согласительной комиссии по выработке новых ставок. Уволенные в эти дни рабочие просились обратно на работу с зарплатой по официально утвержденным ставкам, но не получили удовлетворения. Недовольный провокационным поведением лидеров бастующих, комиссар труда (социал-демократ) сам указал милиции зачинщиков для ареста²²⁷.

Стойкость рабочих объясняется их крепкой классовой солидарностью. Во многих городах действовали общегородские стачечные фонды, собирались отчисления от зарплаты всех членов профсоюзов города в пользу политического Красного Креста. Особенно благоприятная ситуация для этого сложилась в первые месяцы после свержения советской власти. В дальнейшем протестные акции рабочих все больше смыкались с антиколчаковским движением. В Сучане стачечный фонд пополняли местные партизаны²²⁸.

²²⁵ Приморский рабочий (Владивосток). 1919. № 1–2. С. 16–17.

²²⁶ Воля Сибири (Красноярск). 1918. 8 сент.

²²⁷ ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 172. Л. 16; Новый луч (Барнаул). 1918. 6 сент.; Профсоюзы Сибири... С. 90–93.

²²⁸ ГАПК. Ф. Р-1370. Оп. 3. Д. 79. Л. 26; Рабочий и крестьянин (Владивосток). 1918. 15 сент.; Заря (Томск). 1918. 7 окт.; Новый алтайский луч. 1918. 24 сент.; Горняки Сибири. Революция и гражданская война. Профсоюзное строительство. (1917–1927): Сборник статей и воспоминаний. Новосибирск, 1927. С. 115; Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье. С. 220.

Хотя деятели профсоюзного движения справедливо отмечали общий спад активности, плохую уплату взносов, профсоюзы все же сохранили крепкое ядро, позволявшее аккумулировать довольно солидные средства. Стачечные фонды создавались повсеместно. Кроме того, у рабочих всегда имелся ещё один специфический приём, действовавший достаточно эффективно в силу высокого уровня классовой солидарности, – призыв к бойкоту штрейкбрехеров и предприятий, хозяева которых отказывались принимать условия рабочих. Это удачно срабатывало на предприятиях бытового обслуживания: в парикмахерских, местах общественного питания, кинотеатрах и пр. В отношении производства шире был распространён бойкот на рынке труда – профсоюзы запрещали наниматься на места уволенных работников, – но он был менее эффективен.

Уникальная по своей информативности таблица, в которую В.А. Кучеряев собрал сведения о 43 забастовках, произошедших в Восточной Сибири во второй половине 1918 – 1919 г., казалось бы, свидетельствует о низкой результативности стачечной борьбы. Как следует из нее, лишь 15 из них закончились полным или частичным успехом рабочих, 14 – силовым подавлением или локаутом²²⁹. Но достоверными такие сведения признать нельзя в силу их неполноты (отсутствуют данные о крупных и очень известных конфликтах) и некорректной методики подбора информации. Журнал Иркутских профсоюзов сообщил о 7 забастовках только в декабре 1918 г. в одном губернском городе, а В.А. Кучеряев учел лишь 3 из них²³⁰. Кроме того, силовое, даже вооруженное вмешательство властей не исключает учета и частичного удовлетворения требований рабочих. Подчас это происходило не сразу, а через месяц-другой. Силовое вмешательство могло ограничиться изъятием и изоляцией нескольких зачинщиков, а могло закончиться массовым арестом или расстрелом. К тому же невозможно не учитывать характер требований рабочих, которые обычно определяли итог забастовки. Но даже выявленные советским исследователем сведения многое подтверждают. Почти все

---

²²⁹ Кучеряев В.А. Деятельность большевиков в профсоюзах... С. 248–251.

²³⁰ Сибирский рабочий (Иркутск). 1919. № 2. С. 8. На этот журнал В.А. Кучеряев тоже часто ссылается.

забастовки на частных предприятиях оказались успешными (сам автор не фиксировал форму собственности, но её легко проследить по данным таблицы). Силовое же вмешательство присутствовало исключительно на предприятиях, находившихся в государственном управлении.

Ситуация в значительной мере напоминала то, что происходило в 1917 г., когда предприниматели пытались некоторое время отстаивать свои интересы и условия рентабельного производства, но предпочитали отступить, не доводя противостояние до массового протеста. Рабочие же во второй половине 1918 – 1919 г. использовали методы экономической борьбы, успешно опробованные в первые революционные месяцы – прекращение забастовки только при уплате за забастовочные дни, всеобщее участие всех работающих в протестных акциях и жесткая борьба со штрейкбрехерами и прочие²³¹.

Менее однозначной оставалась ситуация на казенных и оставшихся в управлении казны предприятиях. В октябре 1918 г., с введением сдельной оплаты, стали готовить всеобщую стачку железнодорожники. Это совершенно особый сюжет в истории забастовочного движения. Желая заблаговременно предупредить её, накануне забастовки железнодорожная администрация известила стачечный комитет в Омске о намеченном пересмотре ставок в сторону повышения. Управляющий Министерством путей сообщения А.М. Ларионов распорядился согласовать вопрос о заработках с представителями железнодорожников. Причём предусматривалось сохранение фиксированных выплат «на дороговизну». Правительство надеялось удовлетворить экономическую часть требований железнодорожников и таким образом предотвратить остановку железнодорожного движения. Однако эта информация, переданная стачечному комитету, не была доведена до рабочих их лидерами. Стачком отказался обсуждать размер ставок с администрацией Омской железной дороги, возражая против самого принципа сдельной оплаты²³². Чтобы нивелировать положительный эффект от действий Временного сибирского

---

²³¹ Дробченко В.А. Профессиональное движение... С. 52–53.

²³² ГАРФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 32. Л. 13–13об.; ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 45–46.

правительства и Директории, руководители стачки спешно ужесточили свои требования. Они собирались заставить железнодорожную администрацию не только признать нормы оплаты, принятые московским учредительным железнодорожным съездом в сентябре 1917 г. и не введенные даже при советской власти, но и осуществить доплату по ним с сентября 1917 г. по сентябрь 1918 г.²³³ Поданные в Совет министров требования бастующих омских железнодорожников содержали пункт о доплате за дороговизну на 30% независимо от новых повышений окладов, разрабатываемых Временным сибирским правительством²³⁴. На КВЖД основной причиной забастовки стачком объявил отмену советского декрета о повышении заработной платы. Но когда управляющий дорогой приостановил отмену, стачком отказался прекратить забастовку²³⁵.

Лидеры железнодорожников в своих экономических требованиях явно провоцировали правительство на эскалацию конфликта. Наряду с экономическими, стачечные комитеты повсеместно выставляли такие политические требования, как освобождение заключенных, восстановление советов и рабочего контроля. Причём прекращение забастовки они связывали с выполнением всей суммы требований. Начатое омичами выступление быстро охватило Транссибирскую магистраль. Солидарность была проявлена от Челябинска до Харбина и Владивостока. Можно отметить рудименты общинного крестьянского сознания в психологии рабочих. Сам факт подачи ходатайства о повышении зарплаты от имени всего коллектива воспринимался железнодорожниками как легитимация. Поэтому право на получение оплаты по повышенным ставкам 1917 г. казалось им незыблемым, а отказ удовлетво-

---

²³³ Установление советской власти в Кузбассе... С. 288, 292; ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 47. Л. 7; ГАНО. Ф. Д-149. Оп. 1. Д. 17. Л. 55об. Хотя декрет ВЦИК и СНК от 24 декабря 1917 г. признал утверждённые этим съездом нормы оплаты труда железнодорожников (см: Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 205–210).

²³⁴ В борьбе с контрреволюцией: Сб. документов и материалов. Омск, 1959. С. 60–63; Заря (Омск). 1918. 18, 19 окт.; ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 47. Л. 7.

²³⁵ Илюшин В. Стачка на КВЖД в 1918 г. // История пролетариата в СССР. М., 1934. № 2. С. 179.

рить их требования, даже со стороны высшего органа власти, воспринимался как произвол.

Чтобы движение по железным дорогам не остановилось окончательно, властям пришлось применить насильственные действия²³⁶. Одновременно искали и пути смягчения ситуации. Циркуляр Министерства путей сообщения от 17 октября 1918 г. предусматривал на всех железных дорогах образование комиссий для определения ставок сдельной оплаты труда с участием рабочих и администрации. В то же время органы Министерства труда взяли на себя инициативу урегулирования конфликта в качестве третьей стороны. 19 октября 1918 г. при участии представителей министерства в Иркутске было созвано совещание по вопросу о волнениях среди железнодорожников²³⁷ и сформировано несколько комиссий для разработки новых ставок и распорядка рабочего дня на железнодорожных станциях. Комиссар труда Иркутской губернии С.М. Третьяк обещал рабочим не только поднять ставки, но и уплатить за дни забастовки.

Чиновники Министерства труда явно вторглись в компетенцию ведомства путей сообщения и превысили данные им полномочия по урегулированию трудовых споров. Это признал сам управляющий Министерством труда Л.И. Шумиловский²³⁸. Незамедлительно последовал протест дорожной администрации, объявившей все обещания комиссаров труда необязательными для исполнения²³⁹. Причём Министерство путей сообщения этим протестом не столько показывало нежелание урегулировать конфликт, сколько защищало свои ведомственные интересы от постороннего вмешательства. Ему пришлось временно отменить все уступки, обещанные комиссарами труда от имени правительства. Прекратившаяся было стачка приняла затяжной характер и за-

---

²³⁶ Заря (Омск). 1918. 18–19 окт.; В борьбе с контрреволюцией. С. 60–62; Установление советской власти в Кузбассе... С. 288–289; Ашкинадзе Д.И. Железнодорожники Ишима в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.). Тюмень, 1961. С. 68–69; Илюшин В. Стачка на КВЖД... С. 179–183; Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная... С. 213–239.

²³⁷ Железнодорожник (Томск). 1918. № 20. С. 4.

²³⁸ Козлова С.А. Труд и охрана труда при Колчаке // Из прошлого Сибири. Омск, 1927. С. 110.

²³⁹ Профсоюзы Сибири... С. 110; Козлова С.А. Труд и охрана труда... С. 84–85.

кончилась новым компромиссом, но уже с железнодорожной администрацией.

За исключением уплаты за дни забастовки, остальные экономические требования рабочих были в течение ноября–декабря 1918 г. рассмотрены комиссиями, созданными железнодорожной администрацией, и приняты в официальном порядке. Новые тарифы сдельной и поверстной оплаты вводились с 1 октября, а на КВЖД и Уссурийской железной дороге – с 1 декабря 1918 г. Твердые же оклады повысились с 1 июля 1918 г., а за прошедшие месяцы разница компенсировалась²⁴⁰.

Октябрьская стачка железнодорожников выявила неспособность аппарата Министерства труда влиять на разрешение серьезных трудовых конфликтов – все предложенные комиссарами труда меры носили незаконный характер, выходя за рамки их компетенции. Обнаружилось и неумение самого правительства оперативно реагировать на критические ситуации. Стачка практически на месяц остановила движение по Транссибирской магистрали. Временному сибирскому, а позже Российскому правительствам пришлось принять требования рабочих о повышении заработной платы.

Забастовка железнодорожников в октябре 1918 г. долго откликалась болезненным эхом. Военные и гражданские органы провели аресты лиц, причастных к организации этого явно провокационного мероприятия. Главный комитет профессиональных союзов Томской железной дороги в ультимативной форме отстаивал невиновность большинства арестованных, воспринимая действия властей как политический произвол²⁴¹. Забастовка со всей очевидностью показала, что от поведения железнодорожников целиком зависит жизнеобеспечение региона, и правительство должно было считаться с их интересами. Тем не менее власти не сделали ничего существенного для улучшения положения железнодорожников, кроме повышения ставок, эффект от которого инфляция перекрыла уже через три месяца. На Пермской железной дороге материальное положение железнодорожников ухудшилось

---

²⁴⁰ Вестник Министерства путей сообщения. 1918. № 10–20. С. 50, 52; Приморская жизнь (Владивосток). 1918. 22 нояб.

²⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 32об.; ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 94.

настолько, что генералу Р.Х. Гайде даже пришлось вводить для них бесплатные продовольственные пайки²⁴². Уровень оплаты железнодорожников повсеместно оставался на грани выживания. Инфляция оставляла им лишь выбор между забастовкой или уходом с работы.

Всё это порождало благоприятную почву для организации антиправительственных акций. Явно политический подтекст присутствовал во всеобщей забастовке во Владивостоке в марте–апреле 1919 г., когда 5 тыс. рабочих потребовали одновременно сократить рабочий день, увеличить зарплату и оплатить дни забастовки, добавив к этому отказ от выполнения военных заказов²⁴³. Аналогичные мотивы прослеживаются и в более поздней всеобщей забастовке в Приморье в мае–июне 1919 г. Организатором выступило Центральное бюро профсоюзов Владивостока. Там, где рабочие не были поддержаны профсоюзом, они создавали стачкомы из неформальных лидеров. По утверждениям советских историков, повышение зарплаты являлось поводом, позволявшим организовано начать забастовку работникам разных профессий. Хотя очевидно, что всё же доминировали экономические требования. Неделию спустя забастовку в порту прекратили, так как все требования морских команд были выполнены²⁴⁴. 2200 портовых грузчиков, будучи обеспечены работой на 30–50%, добились увеличения зарплаты без официального сокращения занятости. Правда, забастовка дала властям повод прибегнуть к политическим репрессивным мерам. В порту было уволено около 3 тыс. рабочих и служащих, которые преимущественно пополнили не армию безработных города, а партизанские отряды²⁴⁵.

Падение реальной заработной платы стало одной из основных причин возобновления массовых протестных выступлений железнодорожников. Летом 1919 г. забастовали рабочие Забайкальской, Уссурийской и Восточно-Китайской железных дорог. Отча-

---

²⁴² Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 30 марта.

²⁴³ Куцый Г.С. Всеобщая забастовка рабочих Приморья весной 1919 г. // Из истории рабочего класса и крестьянства Дальнего Востока. Владивосток, 1975. С. 17.

²⁴⁴ История Дальневосточного пароходства. Владивосток, 1962. С. 57–60.

²⁴⁵ Бянкин В.П. Русское торговое мореплавание на Дальнем Востоке (1860–1925 гг.). Владивосток, 1979. С. 167–168.

сти повторилась сибирская ситуация осени прошлого года. Железнодорожная администрация назначила 30%-ную прибавку на март и апрель, а на май и июнь она увеличилась до 100% к окладу. Но рабочие начали забастовку как раз накануне выплаты повышенного денежного содержания²⁴⁶. На этот раз они требовали двукратного увеличения ставок и доплат, а также ликвидации сверхурочных. Требования железнодорожников пришлось удовлетворить, поскольку длительный конфликт оборачивался полным прекращением железнодорожного сообщения Дальнего Востока с Сибирью. За этим последовали увольнения. На Уссурийской железной дороге они грозили всем, не вышедшим на работу после 8 июня. Уполномоченный Верховного правителя на Дальнем Востоке генерал Алексеев вмешался в конфликт и приказал немедленно принять на освободившиеся места новых людей. Это было малоперспективное решение, учитывая низкую зарплату железнодорожников и то, что стачком объявил все освободившиеся места под бойкотом. К августу там было уволено 957 рабочих и служащих²⁴⁷. Составленный управлением Забайкальской железной дороги список зачинщиков забастовки насчитывал ни много ни мало 1340 человек²⁴⁸.

Примечательно, что в это же время, почувствовав приближение Красной армии, уральские железнодорожники так безропотно и самоотверженно вырабатывали повышенные нормы в связи с эвакуацией уральских предприятий, что даже Совет министров выделил 1 млн руб. для награждения наиболее отличившихся из них²⁴⁹. Известно, что уральские пролетарии в полной мере вкусили все прелести советской власти летом 1918 г., тогда как их дальневосточные коллеги сохраняли о ней радужные представления. Следовательно, политический опыт мог существенно влиять на трудовое поведение.

У всеобщей забастовки железнодорожников Дальнего Востока лета 1919 г. есть «две истории». По информации активистов

---

²⁴⁶ Эхо (Владивосток). 1919. 8, 9 июля.

²⁴⁷ Куцкий Г.С. Борьба рабочего класса... С. 165.

²⁴⁸ Новости жизни (Харбин). 1919. 7, 15 июля.

²⁴⁹ ПВ. 1919. 17 авг.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 105; Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920: Сб. документов. М., 2003. С. 580.

большевистского подполья, воспроизведенной в историографии, это была политическая акция с целью прервать снабжение Белой армии²⁵⁰. Но у рабочих железнодорожной отрасли имелось немало собственно экономических причин, коренившихся прежде всего в сложном финансовом положении Дальнего Востока, невозможности администрации дорог обеспечивать минимальный уровень материального благосостояния своих работников. В газетных сообщениях и правительственной переписке прослеживаются сугубо экономические причины забастовки, для устранения которых у властей не было денег.

Нужно отметить, что дефицит денежных средств не позволял властям гибко регулировать социальные проблемы рабочих и служащих. Например, 28 июля 1919 г. Совет министров одобрил предложение министра путей сообщений Л.А. Устругова о выделении 20 млн руб. деньгами старых образцов и мелкого достоинства для работников КВЖД, так необходимых для снижения социальной напряженности на важнейшей магистрали. Но тут же было решено не распространять эту акцию на Уссурийскую железную дорогу, состоявшую в аренде у правления КВЖД, но находившуюся на российской территории и не игравшую такого важного транспортного значения²⁵¹.

Рабочий вопрос остро стоял и на предприятиях водного транспорта. Выполнение такой важной задачи, как подготовка речного флота к навигации 1919 г., сильно задерживалось в связи с обострением отношений рабочих и судовладельцев, установивших слишком низкую оплату за ремонт плавсредств. Весной 1919 г. рабочие судоремонтных предприятий Обь-Иртышского и Волжско-Камского бассейнов потребовали её повышения. В Тюмени, главном судоремонтном центре Обского бассейна, эти требования поддержал губернский комиссариат труда. Отказ судовладельцев их удовлетворить вызвал длительную забастовку. Рабочие бастовали почти весь март 1919 г., важнейший период подготовки к навигации. Остановка работ, а также увольнения, к ко-

---

²⁵⁰ Эту версию подробнее см.: Андреев Г.И. Революционное движение на КВЖД. Новосибирск, 1983. С. 82–85; Куцый Г.С. Борьба рабочего класса... С. 140–164.

²⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 117об.–118.

торым прибегли судовладельцы, отрицательно сказались на ходе ремонта судов и речных коммуникаций. По утверждениям советских историков, Российское правительство постановлением 4 марта 1919 г. приравнивало работников водного транспорта к военнообязанным, что позволило расценивать невыход на работу как военное преступление²⁵². Выявить в архивах такое постановление не удалось. Вмешательство генерала Р.Х. Гайды позволило временно возобновить работу. Он вернул уволенных и пригрозил расстрелять каждого десятого в случае возобновления забастовки. Но с отъездом генерала Р.Х. Гайды из Тюмени конфликт вернулся в прежнюю стадию. Только когда стало очевидным, что именно упорство судовладельцев станет причиной неготовности судов к навигации, требования рабочих частично удовлетворили. В конечном счете конфликт затянулся вследствие неспособности правительства заставить судовладельцев пойти на уступки, которые, в свою очередь, тоже зависели от правительственных кредитов водному транспорту.

Исследователь Гражданской войны в Зауралье П.И. Рошевский необоснованно приписывал авторство приказа, содержащего угрозу расстрела рабочих, Л.И. Шумиловскому. Остальные советские историки полагали, что инициатива объявить водников военнообязанными исходила от Р.Х. Гайды. В действительности это соответствовало законодательству и лишь детализировало его. Постановление Российского правительства от 11 (а не от 4) марта 1919 г. не могло являться реакцией на забастовки водников. На самом деле вопрос о мерах, детализировавших введение военного положения на железнодорожном и водном транспорте, был поднят Министерством путей сообщения 4 ноября 1918 г. Он обсуждался на трех межведомственных заседаниях 19, 22 и 27 декабря 1918 г. и был внесен в повестку работы Совета министров 10 января 1919 г. Следовательно, это никак не могло быть связано с забастовками речников Обь-Иртышского бассейна²⁵³. Правила о введении военного положения на железных дорогах

---

²⁵² ГАРФ. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 39, 388; Профсоюзы Сибири... С. 189–190; Рошевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 223–224; Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная... С. 249.

²⁵³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 32. Л. 58–63.

Совет министров принял 11 февраля 1919 г., а Положение о военно-судовой повинности, примененное в случае с забастовкой в Тюмени, действовало с 28 июня 1914 г., и Российское правительство лишь 11 марта 1919 г. ужесточило его нормы²⁵⁴.

Столь же затяжной конфликт разыгрался в Добровольческом флоте на Дальнем Востоке. Ситуация была тем более сложная, так как от бастовавших зависело снабжение Северо-Востока России. 15 июля 1919 г. Совет министров рекомендовал использовать все меры, чтобы уладить этот конфликт и только в крайнем случае распространить на членов судовых команд закон о военно-судовой повинности или заменить их служащими военно-морского ведомства²⁵⁵.

В горной и горнозаводской промышленности, сосредоточенной главным образом на Урале, в 1919 г. забастовки были более редкими и менее массовыми. Исследователи неправоммерно искали корень причин в низкой сознательности рабочего класса. Скорее напротив, правильнее говорить об элементах патриархальности, доверительности в отношениях рабочих и администрации, вытекавших из горноокружной системы управления²⁵⁶. Несмотря на катастрофически низкий уровень оплаты труда, в апреле–мае 1919 г. коллективы выдвинули умеренные требования о 20–50%-ном её повышении, которые администрация могла выполнить примерно в половинном размере. Но и резервов у промышленников и заводоуправлений не было – полуостановившиеся заводы производили продукцию в основном не на рынок, а для казны. Государство закупало товары по фиксированным низким ценам, не позволявшим наладить рентабельное производство. Заводы целиком зависели от государственных дотаций, которые не предусматривали увеличения зарплаты²⁵⁷. Не очень гибкий спрос на квалифицированный труд в регионе, состоящем из удаленных

---

²⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 83, 153–154об.; ПВ. 1919. 29 марта.

²⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 105об.

²⁵⁶ Сапоговская Л.В. Уральские горнозаводские округа в новейшей региональной историографии: аргументы в разворачивающейся дискуссии // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век. Екатеринбург, 2006. С. 139.

²⁵⁷ Наш Урал (Екатеринбург). 1919. 5, 7, 22 февр.; Колчаковщина на Урале... С. 146, 152–153.

друг от друга заводских поселков, не позволял рабочим диктовать условия. Основная масса просто попыталась устроиться в деревне. Именно поэтому уральские заводы отличались отсутствием солидарных забастовок. К ним прибегали отдельные заводы в крайних случаях. Уральский промышленный комитет только в марте 1919 г. на нескольких предприятиях поднял прошлогодние февральские тарифы на 25% (Лысьвенский округ, Чусовской, Нижне-Исетский и Билимбаевский заводы). В мае–июне тарифы были увеличены на большинстве остальных горнозаводских предприятиях на 25–50%. В этом определенную роль сыграла поездка Л.И. Шумиловского на уральские заводы, ускорившая решение данной проблемы²⁵⁸.

Ещё одним распространенным мотивом начала забастовок стала задержка заработной платы²⁵⁹, а также отказ в обеспечении рабочих жильем, продовольствием и одеждой. Подобные факты детально выявлены советской историографией и преподносятся как злостное нарушение прав рабочих со стороны предпринимателей и государства. Очевидно, что в большинстве случаев задержки в оплате труда происходили не по вине администрации предприятий, а в связи с общим экономическим кризисом, банкротством большинства производств, тотальным дефицитом и дефолтовым состоянием финансовой сферы. Рабочие же нередко проявляли нетерпимость по отношению к собственному руководству, обвиняя его в намеренном вредительстве и выставляя невыполнимые в этой ситуации требования соблюдения всех социальных гарантий, предусмотренных революционными завоеваниями. Распад денежной системы и бартеризация экономических отношений всё чаще делали предметом требований рабочих не размер денежных выплат, а иные материальные блага. Например, на Дальнем Востоке одним из распространенных условий бастовавших в 1919 г. была уплата им полноценными денежными знаками, а не бонами местного обращения²⁶⁰. Проявлением материальных претензий рабочих к администрации становились требования

---

²⁵⁸ Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика... С. 171–175.

²⁵⁹ Свободный край (Иркутск). 1918. 26 окт.

²⁶⁰ Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России. Новосибирск, 2006. С. 183.

о повышении или соблюдении установленных размеров продовольственных пайков, обеспечении жильём, топливом, одеждой. Эти ценности, ставшие частью вознаграждения за труд, оказывались гораздо стабильнее денег, курс которых непрерывно падал. Особенно это характерно для Урала.

Итак, вопрос о размерах и порядке начисления заработной платы, режиме труда на протяжении всего периода существования контрреволюционных правительств являлся одним из самых больных мест в социальной политике. Рабочие бастовали много, часто, массово и так, что временами полностью останавливали работу важнейших промышленных предприятий и транспортное сообщение. Они склонны были использовать наиболее радикальные, граничащие с экстремизмом (полная остановка работ), методы борьбы за экономические права и неохотно шли на переговоры с правительством и предпринимателями. Сказался и тот факт, что пробольшевицки настроенные лидеры очень часто составляли неформальную группу, противостоящую внутри профсоюзов формальным руководителям – «согласителям». Они провоцировали обострение трудовых конфликтов, успешно используя забастовочное движение на стратегических предприятиях (транспорт, топливная, полиграфическая промышленность) в политических целях. В то же время правящая власть тесно увязывала материальное положение рабочих с вопросом самоокупаемости производства, поэтому неохотно шла навстречу требованиям рабочих. Разным был сам подход к решению проблемы оплаты за труд. Рабочие считали стоимость своей жизни, администрация предприятий и правительство – стоимость производимых ими благ.

* * *

В советской историографии мнение о том, что именно антирабочая политика контрреволюционных правительств вызвала широкое стачечное движение, стало застывшей догмой. Её до сих пор всерьёз никто не попытался переосмыслить. Даже новейшие и наиболее глубокие работы западных историков целиком базируются на идиомах советской историографии, из которой черпа-

ют основной массив фактов²⁶¹. Такая причинно-следственная связь вызывает сомнение. Непредвзятый анализ источников свидетельствует о невысокой достоверности и чрезвычайной тенденциозности информации, представленной в отечественных исторических исследованиях. В действительности рабочие выставляли предпринимателям и государственной власти требования, выполнение которых в военных условиях оказалось неприемлемо. Подчас они игнорировали элементарные правила производственной дисциплины. Это обстоятельство, наряду с организацией прямого саботажа на многих промышленных предприятиях, толкало власти на введение законодательных ограничений политической деятельности рабочих и профсоюзных организаций, а нередко и на карательные меры. Радикализм и агрессивная оппозиционность рабочего движения являлись важными факторами, которые не только стимулировали эволюцию политического режима в сторону авторитаризма, но и углубляли деградацию народного хозяйства. С другой стороны, владельцы нерентабельного производства не могли предложить справедливую компенсацию за труд, поэтому рост активных и пассивных форм сопротивления представляется закономерным.

Одно обстоятельство придавало ситуации неклассический вид. В своем протесте рабочие руководствовались в большей степени ценностями моральной экономики, чем индустриальной трудовой этикой, которая у полупролетариев едва начинала формироваться. Но это не мешало им осознавать себя в марксистском смысле слова «классом для себя»: по степени внутригрупповой солидарности рабочие в «антибольшевистском сообществе» явно стояли на первом месте. Итак, очевидно, что классовый конфликт усугублялся также столкновением индустриальных и доиндустриальных ценностей. Это ещё в 1917 г. стало приводить к массе производственных противоречий, уже описанных в историогра-

---

²⁶¹ Smele J.D. *Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak 1918–1920*. Cambridge, 1996. P. 336–361. Даже в случае отсылки читателя к первоисточникам все интерпретации воспроизводят положения из работ В.А. Кадейкина, Я. Кальнина, С.А. Козловой, Н.М. Семёновой, А.П. Танеева, В.И. Шемелева.

фии²⁶². Сибирская периодика времен возникновения советской власти рисует аналогичную картину. На аксиологическом уровне ничего не изменилось и с приходом к власти «белых» режимов. Без этой ценностной «подкладки» вся трудовая конфликтология изучаемого социума останется непонятной.

Отличаясь друг от друга, иногда в существенных деталях, политика различных антибольшевистских правительств оказалась схожа в своём магистральном устремлении к институционализации трудовых конфликтов. Но избранная линия больше подходила для постреволюционного восходящего развития экономики. Более того, мировой опыт показал, что именно по этому пути эволюционировали взаимосвязи работников и работодателей в XX в. Важнейшим условием успешной эволюции является система корпоративизма, требующая значительной социальной согласованности участников трудовых отношений по базовым целям развития общества. Россия же в революционную эпоху представляла собой противоположный пример. Уровень солидарности потенциальных участников социально-трудового противостояния – наемных работников и предпринимателей – был минимален. Обе стороны бескомпромиссно требовали уступок. В значительной мере сказался негативный опыт предпринимательской мягкости и беззащитности в 1917 – первой половине 1918 г., когда в ходе создания органов рабочего контроля и «красногвардейской атаки на капитал» хозяйственная сфера была доведена до состояния хаоса. На этот раз промышленники были настроены решительнее. Поэтому и усилия правительственных органов по налаживанию переговорного процесса, посредничество в нем, приносили незначительные плоды. Сказалось и то, что сами органы власти не выработали четкую позицию по всем вопросам, связанным с урегулированием трудовых конфликтов. Одна часть аппарата была склонна к большему учету требований рабочих, социальная доминанта в этом случае очевидна. Другая часть политиков и управленцев исходила из приоритета интересов производства, которые в сложившихся условиях можно было отстаивать только через жесткий стиль управления, диктат государства в социаль-

---

²⁶² Чураков Д.О. Русская революция... С. 45, 52–53.

но-трудовой сфере и силовое разрешение возникавших конфликтов. Средняя линия вылилась в твердую защиту приоритетов государства, тогда как в отношениях частных нанимателей и рабочих политики предпочитали заниматься поиском компромиссов. В этом случае многое определял уровень внутриклассовой солидарности. Рабочие проявили способность к весьма сложным формам коллективного действия. В их резерве имелся широкий набор методов коллективного давления – от забастовок в масштабах целой отрасли до ристрикционализма – негласного ограничения объёмов производства при формальном соблюдении норм трудовой дисциплины. В столкновении «труда и капитала» на востоке России в годы Гражданской войны «капитал» оказался слабой и плохо защищенной стороной.

Важнейшим социальным ресурсом является уровень готовности к социальному партнерству и классовое самосознание. Российское общество, работодатели и наемные работники испытывали острый дефицит этих качеств. Поэтому все усилия государства по налаживанию диалога не дали практически никаких результатов. Низкий уровень социального партнерства восполнялся классовой солидарностью. Лишь у рабочих степень её развития была достаточно высока. Будучи по своему социальному происхождению в основной массе полупролетариями, тесно связанными с деревней, они тем не менее оказывали мощное давление на государство и работодателей, выиграв большинство трудовых конфликтов и заставив пойти на компромиссы. Напротив, предприниматели не обладали этим качеством и не смогли удержать свои позиции. Государство же, нацеленное на использование преимущественно экономических методов сохранения трудовых ресурсов, не проявило должной воли и прибегало к административным рычагам только в локальных масштабах. Нужно отметить, что относительный государственный либерализм всё же позволил трудоспособному населению использовать максимум разнообразных стратегий для борьбы за своё экономическое выживание.

ГЛАВА 6

ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА В ДЕЙСТВИИ

6.1. Государственное социальное призрение и общественная благотворительность

Термин «призрение» обозначает деятельность, связанную с социальной реабилитацией нуждающихся в защите, не способных содержать себя самостоятельно групп населения – детей, стариков и инвалидов. «Благотворительностью» принято называть усилия негосударственных структур, направленные на помощь нуждающимся. И то и другое выросло из «божьей милости», но в условиях модернизации укрепилось в качестве государственных функций и формы общественной солидарности¹.

Впервые в России правительственное призрение получило мощный импульс развития после Северной войны, когда Петром I было однозначно определено, что забота о военноувечных есть обязанность государства. После этого весь контингент бедных и нищих стал предметом заботы со стороны государства. Второй импульс был задан при Павле I после того, как царская фамилия начала публично подавать пример негосударственной благотворительности. Ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны стало с тех пор крупнейшим благотворительным фондом России. Следующий шаг в развитии связан с созданием системы земского и городского самоуправления в годы либеральных реформ, когда быстро увеличилась сеть местных органов социального призрения. Сплотившись, государственные, муниципальные и частные учреждения приходили на помощь нуж-

---

¹ Ульянова Н.Г. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М., 2005. С. 17.

давшимися в периоды обострения народных бедствий. Начал накапливаться опыт преодоления экстремальных ситуаций. Бывали случаи, когда общественность оказывалась много последовательнее государства в отстаивании интересов пострадавших от чрезвычайных ситуаций (голод 1891 г.). Российское общество Красного Креста превратилось в одну из крупнейших общественных организаций, эффективно действовавших во время войны на фронте и в тылу. В пользу этого учреждения в императорской России существовали небольшие сборы с выдаваемых паспортов и пассажиров железнодорожного транспорта.

Война всегда приводит к резкому увеличению количества лиц, не способных собственными силами справиться с обстоятельствами и нуждающихся в помощи извне. В этом случае возникает необходимость отобилизовать уже существующую систему специальных органов общественного призрения, или, по современной терминологии, социальной работы, либо срочно создавать новые структуры. Деятельность таких органов выходит на передний план, начинает определять характер и тяжесть социальных последствий войны. Российская система общественного призрения оказалась недостаточно готова к масштабной современной войне, какой стала Первая мировая. Выяснилось, что общественный потенциал использовался далеко не полностью. В то же время «избыток» негосударственной инициативы натолкнулся на недостаток средств. Затратив по своему почину значительные суммы на лечение раненых в первые месяцы войны, земства и города, аккумулировавшие общественную помощь больным и раненым, быстро ощутили острый финансовый дефицит. Развернуть работу в необходимом масштабе стало возможно только на средства казны². Общественность начала работать на казенные деньги, выполняя заказы правительства на медицинские услуги и осуществляя функции призрения. Субординация была следующей: земства и города выделяли средства по собственной инициативе, а казна компенсировала им расходы на медицинское обслуживание фронта.

---

² Кузьмин В.Ю. Власть, общество и земская медицина (1864–1917 гг.). Самара, 2003. С. 341.

Основные структуры, направленные на разрешение чрезвычайных социальных проблем России, были размещены ближе к фронту. Активное участие в этом земско-городском движении приняли муниципальные власти Поволжья³. Чем дальше на восток, тем меньше было госпиталей, медицинских и иных учреждений, специализировавшихся на обслуживании нужд фронта и гражданского населения, пострадавшего в ходе военных действий. Сибирские и дальневосточные городские и общественные благотворительные организации старались организовать сибирские госпитали в европейской части России⁴, что способствовало ослаблению медицинской инфраструктуры на востоке страны. С таким багажом вступили в революцию восточные регионы страны.

21 марта 1917 г. Временное правительство распорядилось передать «самостоятельные» благотворительные организации в подчинение соответствующих ведомств: военного, внутренних дел и народного просвещения и Всероссийскому обществу Красного Креста⁵. Приход к власти большевиков привел к параличу в работе органов призрения, из которого их попытались вывести лидеры антибольшевистской государственности. В политике разных правительств востока России необходимость смягчить социальные последствия Гражданской войны осознавалась в различной степени. Сказалось и разное понимание смысла социальной справедливости, и разное материальное обеспечение. В структуре Комуча и Временного областного правительства Урала эти задачи входили в компетенцию ведомства внутренних дел. Но внутри них не существовало специальных подразделений, курировавших социальную работу. В сибирском государственном аппарате имелся отдел (позже – департамент) призрения Министерства внутренних дел. В его компетенцию входили не только выдача пособий и пенсий инвалидам, семьям погибших военных и государственных служащих. Отдел принял на себя функции Алексе-

---

³ Земское самоуправление в России. 1864–1918. М., 2005. Кн. 2: 1905–1918. С. 238–249.

⁴ Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Барнаул, 2005. С. 167–175.

⁵ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1: 27 февр. – 5 мая 1917 г. С. 283–285.

евского комитета – попечение детских приютов и других благотворительных учреждений. Во главе отдела с 15 сентября 1918 г. стоял известный земский и городской деятель Оренбургской губернии, санитарный врач Алексей Андреевич Корчагин.

На местах государственным призрением занимались те же органы, через которые осуществлялась выдача пособий и денежных выплат: губернские (областные) отделы призрения. Основная тяжесть заботы о благотворительных учреждениях легла на восстановленные земские и городские органы самоуправления. В соответствии с инструкцией Министерства внутренних дел Российского правительства от 6 декабря 1918 г. городские, губернские и уездные земские управы должны были иметь в своей структуре отдел общественного призрения⁶. Негибкие финансовые права муниципальных органов и стремительная инфляция привели к резкому сокращению материальной базы земств и городов. Это поставило под угрозу выполнение ими традиционных социальных функций. Тогда возникла идея внесения целевых изменений в налоговое законодательство, которые позволяли бы формировать специальные государственные и муниципальные денежные фонды, расходуемые на нужды социального призрения. Министерство внутренних дел предлагало с этой целью ввести дополнительные налоги на проведение увеселительных и зрелищных мероприятий, на продажу игральных карт, направить на благотворительные цели налоги на бездетность и безбрачность⁷. Но в целом этой идее не суждено было сбыться. В конце августа 1919 г., когда приняли эти и ещё несколько так называемых «чрезвычайных налогов», они стали поступать в военный фонд⁸. Лишь введенный с 26 июня

---

⁶ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 46.

⁷ ПВ. 1919. 15 апр.

⁸ Там же. 17 авг., 25 сент.; А.Н. Никитин ошибочно утверждал, ссылаясь на тот же источник, что Отдел призрения собирался вводить дополнительные налоги, чтобы за их счет повышать пенсионные выплаты для семей военнослужащих и потерявших на войне родственников (см.: Никитин А.Н. Социально-экономическая политика колчаковщины в освещении антисоветской печати // Социальные и экономические проблемы Сибири переходного периода 1917–1937 гг. Омск, 1987. С. 27.).

1919 г. подешенный сбор отчислялся в пользу Российского общества Красного Креста⁹. Правда, как показала практика взимания таких сборов, они давали казне ничтожный доход. Поэтому, даже если бы все чрезвычайные налоги и сборы стали поступать в специальный фонд социального призрения, вряд ли это существенно изменило бы уровень его материального обеспечения.

Помимо финансовых, давали о себе знать и организационные проблемы. Первая мировая и Гражданская войны настолько повлияли на состояние благотворительных учреждений, что Департамент государственного и общественного призрения с трудом выяснял, какое количество благотворительных учреждений располагалось на подведомственной ему территории. Причём объявленные осенью 1919 г. результаты этой «рекогносцировки» – 8 инвалидных домов на 770 чел. – явно не соответствовали действительности¹⁰. Ситуация быстро менялась, и центральный орган не успевал отреагировать на эти перемены.

Ряд крупных общественных благотворительных организаций продолжал работу на востоке России. В диссертации С.С. Ипполитова поставлена цель изучить благотворительную деятельность в России в годы Гражданской войны. Автор реконструировал историю возрождения и деятельности Главного управления Российского общества Красного Креста. Но он обошел молчанием то обстоятельство, что на территории востока России произошло огосударствление этой структуры, и относить её к общественной благотворительности нельзя. Правильнее считать, что работавшие в учреждениях Красного Креста общественные деятели реально находились на службе у государства. Собственно предмет диссертации С.С. Ипполитова – общественная благотворительность – оказался изучен им только на материалах эмиграции. Применительно к антибольшевистскому движению проблема так и осталась вне поля зрения исследователя¹¹. Зато в силу указан-

---

⁹ ПВ. 1919. 26 июля.

¹⁰ Луков Е.В. Политика антибольшевистских правительств в области государственного призрения // Жизнь в истории. К 100-летию со дня рождения И.М. Разгона. Томск, 2006. С. 186.

¹¹ Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность на территории действий белых армий и в эмиграции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

ного недоразумения им детально исследовано одно из важных направлений государственной социальной политики – оказание медицинской помощи через организацию Красного Креста.

Напротив, повышенное внимание историки уделили работе действительно общественных благотворительных структур, но не отечественных, а иностранных. Их активная деятельность на востоке России изучалась советскими и российскими исследователями. Но общественный характер данных организаций обычно ставился под сомнение. Наоборот, подчеркивалось, что они являлись проводниками политики империалистических государств.

Исследование государственного социального призрения и общественной благотворительности затруднено также в результате сложности работы с источниками. Информация о своей деятельности, которую давали в прессе общественные организации и соответствующие государственные структуры, была очень противоречивой. Каждая из них старалась приписать именно себе заслугу в проведении той или иной акции. Познакомившись с отдельными документами, любой исследователь рискует приписать все лавры лишь одному из нескольких участников социальной работы, возможно, не самому главному. Из материалов, опубликованных в периодической печати, очень сложно установить степень участия государства и каждой из общественных организаций в различных акциях. Требуется обстоятельный анализ документации непосредственно самих организаций призрения, причём желательно сразу всех или хотя бы большинства.

Как уже упоминалось, заметную роль в проведении социальной политики правительства сыграли органы Красного Креста. Судьба этой организации полна неожиданных поворотов. Декретом СНК РСФСР от 4 января 1918 г. её органы были расформированы, а всё их имущество передано местным советам¹². После этого прошла серия арестов краснокрестных деятелей. Летом 1917 г. большевики создали комитет по реорганизации Российского общества Красного Креста (контролировавшийся ВЧК), но почти никто из его бывших работников не признал его¹³.

¹² Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 324–325.

¹³ Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность... С. 43.

С началом боевых действий против «красных» стало происходить стихийное воссоздание местных структур Красного Креста. Врачи и сестры милосердия, оказывая помощь больным и раненым, встретили поддержку у муниципальных и местных государственных органов.

Первая попытка воссоздать расформированные большевиками центральные учреждения Красного Креста была предпринята в Самаре летом 1918 г. Тогда по инициативе местных общественных деятелей было создано Временное организационно-исполнительное бюро. Ведомство внутренних дел Комуча признало его Временным главным управлением Российского общества Красного Креста и допустило к работе. В октябре 1918 г. эта общественная организация переехала в Омск. Её сотрудники совместно с сибирскими работниками выдвинули инициативу официального возрождения своей организации под эгидой Директории, а затем Российского правительства¹⁴. 6 декабря 1918 г. в составе Российского правительства было учреждено Временное главное управление Российского общества Красного Креста¹⁵, во главе которого встал самарский общественный деятель Александр Николаевич Шелашников. После его смерти в августе 1919 г. управление возглавил другой самарец Михаил Львович Киндяков. В данном случае мы видим редкий пример, когда общественные деятели проявили инициативу «снизу», смогли быстро и эффективно сорганизовать и централизовать свои усилия по оказанию помощи государству, были довольно скоро признаны правительством и переведены на положение официальной государственной структуры. После этого значительное количество санитарных и медицинских учреждений, принадлежавших ранее местным отделениям Красного Креста и другим общественным организациям, уже прекративших своё существование или стихийно возрожденных, было подчинено Временному главному управлению и поставлено на казенное обеспечение. При Временном главном управлении, в состав которого входили исполнительная комиссия, финансовый совет, появились управления трех районов –

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–9; Д. 15. Л. 1–2об.

¹⁵ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 35–38об.

Поволжского, уже покинутого Народной армией, внутреннего, фронтового и 7 отделов. Весной 1919 г. в структуре Российского Красного Креста действовало 17 местных отделений, 11 комитетов Красного Креста, 9 комитетов общин сестёр милосердия, 15 больниц и приёмных покоев¹⁶. Через управление распределялись государственные средства на санитарно-медицинское обслуживание фронта. Огромную помощь в работе оказало признание Временного главного управления со стороны международного Красного Креста и тесное сотрудничество с ним американской, британской и японской организаций Красного Креста, ввозивших на восток России медикаменты и теплую одежду. Иностранные миссии Красного Креста построили в России большое количество санитарных и медицинских учреждений, многие из которых были переданы российской организации.

Временное главное управление Российского общества Красного Креста пыталось продолжать работу в условиях стремительно-го, почти хаотического отступления Белой армии. Хотя в начале 1920 г. это было скорее уже не управление медицинскими учреждениями, а попытки сохранить остатки своего имущества от перехода в распоряжение советской власти. 31 января 1920 г. его передали Иркутскому государственному университету, а на следующий день Временное главное управление Российского общества Красного Креста самоликвидировалось¹⁷.

Важно проследить судьбу и других общественных попечительских организаций и их взаимоотношения с государством. 1 апреля 1919 г. при управлении делами Верховного правителя был учрежден Сибирский военно-благотворительный комитет. По замыслу его создателей, он должен был оказывать содействие А.В. Колчаку в деле обеспечения лиц, пострадавших в борьбе с советской властью. Комитет возглавил сам Верховный правитель, и в него входили министры военный, морской, внутренних дел, управляющий делами Совета министров, главноуполномоченный Временного главного управления Российского Красного Креста и лица по назначению Верховного правителя. Его члены безвоз-

---

¹⁶ Ипполитов С.С. Общественная благотворительность... С. 54.

¹⁷ Там же. С. 66–68.

мездно несли свои обязанности, которые состояли в приёме пожертвований и их оптимальном распределении¹⁸. Однако следов работы этого органа в прессе больше обнаружить не удалось, что позволяет предположить, что создание комитета было в большей степени пропагандистской акцией.

После прихода к власти большевиков прекратил деятельность Всероссийский союз земств и городов, активно работавший в годы Первой мировой войны. Его объединенные военно-медицинские учреждения остались без хозяина, хотя разные общественные силы претендовали на это наследие. 19 января 1919 г. приказом Верховного правителя эту организацию официально ликвидировали. Санитарное имущество союза (30 различных учреждений) передавалось Временному главному управлению Российского общества Красного Креста¹⁹.

Однако централизаторским устремлениям колчаковских министров не суждено было реализоваться в полной мере. В не менее значительном центре антибольшевистского движения – деникинском тылу – власти сделали ставку не на Красный Крест, а именно на земско-городскую организацию. Там она продолжала активно помогать снабжению и санитарному обеспечению фронта. С целью её воссоздания на востоке с юга России отправили делегацию известных общественных деятелей, в которую входили А.А. Червен-Водали, П.А. Бурышкин, позже попавшие в состав Российского правительства. Летом 1919 г. ими был образован Сибирский комитет Всероссийского земского союза. Рассчитывая на возобновление работы действовавших до революции структур союза, деникинские политики быстро создали разветвлённую управленческую структуру в составе исполнительного бюро и пяти отделов²⁰.

Одновременно координацию санитарно-эпидемической работы и осуществление ряда мероприятий по помощи беженцам взяли на себя Сибземгор и Союз городов, представлявший интересы Поволжского и Уральского регионов. Летом 1919 г. сформировались крупные общегосударственные организации, работа кото-

---

¹⁸ ПВ. 1919. 2 авг.; СУР РП. № 14. Ст. 223.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

²⁰ ПВ. 1919. 15, 17, 21 авг.

рых была нацелена главным образом на медицинское обслуживание нужд армии и тыла. Их деятельность часто пересекалась, дублировала друг друга. Они вели свою работу почти целиком на государственные средства. Перед эвакуацией Омска они провели серию совещаний по распределению функций. В результате была выработана схема, в соответствии с которой общественные организации осуществляли помощь раненым через Союз городов. Он же распределял средства между другими участниками медобслуживания. Стационарное лечение в тылу предполагалось сосредоточить под контролем Сибземгора, так как муниципальные медицинские учреждения подчинялись именно ему. Противоэпидемические мероприятия на путях сообщения явились предметом заботы Земского и Городского союзов, тогда как ответственность за размещение беженцев в Сибири и заботу о них брал на себя Сибземгор²¹. Такую попытку осуществить централизацию общественных усилий предприняли лишь под занавес «белого» движения, и она не могла оказаться удачной осенью 1919 г.

В деятельности крупных благотворительных учреждений общегосударственного масштаба проявились две общие закономерности. Во-первых, они начинали образовываться сверху, сначала возникали раздутые управленческие структуры, только потом выстраивались низовые уровни, скромный масштаб работы которых не соответствовал управленческим штатам. Во-вторых, все они были тесно связаны с правительством, работали в значительной степени на казенные деньги. Отделить общественную благотворительность от государственной социальной помощи в данном случае невозможно, можно лишь отметить, что это была в большей степени именно государственная социальная политика, чем общественная благотворительность.

Это не значит, что общественная благотворительная инициатива была слаба или подавлена. Ситуация, которую И.В. Нарский определил как «сумерки общественного призрения», он совершенно справедливо отнес именно к завершающему советскому периоду Гражданской войны, не показав, к сожалению,ложе-

---

²¹ Новое земское дело (Красноярск). 1919. № 26–27. С. 27–28.

ние этой сферы у предшественников советской власти²². Действительно, обычно благотворительность не требовала организационного оформления. Достаточно было в любом учреждении или на предприятии объявить целевой кружечный сбор денег или подарков, и люди откликались. Как и до революции, оставалась широко распространенной практика благотворительных концертов, спектаклей. Во многих городах действовали возникшие по инициативе местных общественных деятелей благотворительные комитеты, осуществлявшие сборы средств и помощь нуждавшимся. Трудно судить о том, насколько война и ухудшение материального положения повлияли на склонность людей жертвовать. Чтобы делать какие-нибудь выводы на этот счет, следует провести специальное исследование состояния общественной благотворительности в антибольшевистский период. Материалы для анализа этой проблемы имеются в изобилии. Но нужно представить объемы работы благотворительных организаций на фоне их деятельности в предшествующий период. Такой экскурс выходит за рамки задач настоящего исследования.

Более четко можно проследить деятельность иностранных благотворительных миссий. Серьезную помощь государству оказывал Американский Красный Крест, начавший свою деятельность в Сибири с сентября 1918 г. Из отечественных исследователей наиболее подробно, к сожалению, только на материалах российской периодической печати, осветил деятельность этой организации П.Л. Нестеренко²³. Летом 1918 г. правительству САСШ по дипломатическим каналам стали поступать сообщения о гуманитарных проблемах в Сибири. Война привела к скоплению обездоленных беженцев (крестьян, шахтеров, кочевников-бурятов) на железнодорожных станциях, которым грозил голод и зимовка под тентами²⁴. Во второй половине 1918 г. американцы

---

²² Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 153–155.

²³ Нестеренко П.Л. Сибирские газеты о деятельности американского Красного Креста в годы гражданской войны // Историческая наука на рубеже веков: Материалы всерос. науч. конф. Томск, 1999. Т. 2. С. 215–218.

²⁴ Foreign Relation of the United States (далее: FRUS). Washington, 1932. V. III. P. 128, 130.

постепенно наращивали свою гуманитарную деятельность в России от Владивостока в западном направлении. Начали они с осмотра мест заключения, приютов, больниц²⁵. 9 ноября 1918 г. Совет министров Директории постановил освободить от постоя войск здание Омского сельскохозяйственного института, чтобы предоставить это помещение госпиталю Американского Красного Креста²⁶. В 1919 г. персонал его сибирской миссии насчитывал 688 чел., из которых 278 американцев²⁷. За год на востоке России и в Японии американцами было открыто 14 больниц для русских и чехословаков. 7 из них располагались в Сибири. Причём в ведении американцев были, как правило, лучшие и самые большие госпитали в сибирских городах, и специализировались они на противотифозных мероприятиях и сложных хирургических операциях.

По официальной американской информации, все 30 тонн грузов Красного Креста, отправленные из Америки до ноября 1918 г., предназначались для помощи чехословакам²⁸. Но в действительности многое досталось россиянам. Медикаменты, одежда и обувь не только распределялись между лечебными учреждениями, но и раздавались нуждающимся лицам среди гражданского населения, что подтверждают не только отчеты самого Красного Креста, но и российские свидетельства²⁹. Из Владивостокского порта в Сибирь Американский Красный Крест ввез медикаментов и товаров на сумму \$8,1 млн. 200 американских врачей и медсестер работали на востоке России³⁰. Летом 1919 г. один американский поезд возил с фронта раненых солдат, а другой – беженцев³¹. Средства для благотворительной деятельности в России жертвовали граждане и организации САСШ, одной из богатейших к тому времени стран мира. Поэтому Американский Красный Крест являлся самой обеспеченной благотворительной организацией востока России.

²⁵ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 344.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 81.

²⁷ Лоусон Т. Хилл-мл. Американка в Сибири во время гражданской войны в России в 1918–1919 гг. М., 2004. С. 309.

²⁸ Буллард А. Деятельность Америки в Сибири // Дружеское слово (Владивосток). 1918. № 1. С. 6.

²⁹ Романов Н.С. Летопись города Иркутска... С. 347.

³⁰ ПВ. 1919. 7, 22 авг.

³¹ Там же. 30 авг.

Со стороны высших эшелонов российской власти такая работа приветствовалась. Благотворительные грузы впускались во Владивостокский порт и перевозились внутри страны по железным дорогам беспошлинно и по льготному тарифу³². Однако местные власти и железнодорожные чиновники нередко чинили препятствия деятельности американских благотворительных организаций, так как с них невозможно было получить мзду³³. Совету министров приходилось принимать специальные решения об освобождении от уплаты пошлины американских благотворительных грузов³⁴. Совершенно безосновательными являются следующие утверждения С.С. Ипполитова: «Сами американцы всячески подчеркивали бескорыстность своей помощи и независимость её от политики... Однако такая человеколюбивая политика имела мало реальных оснований... Анализ деятельности Американского Красного Креста на территории Сибири и Дальнего Востока даёт основание предполагать, что, помимо оказания медпомощи русскому населению, он преследовал и другие, далеко не благотворительные цели... Нельзя не увидеть, что любая помощь ей (России) будет являться прекрасной саморекламой организации, эту помощь осуществляющей. Поддержка России стала своего рода бизнесом, приносящим как политический, так и обычный капитал в денежном выражении»³⁵. Ничего не скажешь – убедительные аргументы. Благотворительность корыстна, так как она вольно или невольно является рекламой добродетели. Ни одного исторического факта, подтверждающего упреки в корыстолюбию, автор не представил. Просьба разрешить благотворительной организации беспошлинный провоз медикаментов представляется совершенно естественной. Упоминания современников о том, что члены американских санитарных поездов подчас приторговывали шоколадом³⁶, не могут всерьёз изменить общую оценку характера деятельности этой организации.

---

³² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 26; Ф. 197. Оп. 9. Д. 84. Л. 3.

³³ FRUS. 1918. V. III. P. 438.

³⁴ ПВ. 1919. 5 сент.; СУР РП. № 14. Ст. 233.

³⁵ Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность... С. 82–83.

³⁶ Заметки Кинэ Х. Сибирский тыл // Славянский мир. 1926. № 8 (цит. по машинописной копии: ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 365. Л. 7.).

С.С. Ипполитов не одинок в своих безосновательных подозрениях о корыстных намерениях американских медицинских служб. В этом он опирается на отечественную историографическую традицию. Так, предполагает связь Американского Красного Креста с коммерческими датскими и американскими фирмами Н.Г. Линчевская³⁷. При этом выявленный автором фактический материал, напротив, свидетельствует только о крупных расходах благотворительного характера. Для Е.А. Приваловой факт причастности американских монополий к финансированию деятельности Американского Красного Креста в Сибири превращает эту благотворительную организацию в выразителя «акул империализма»³⁸. Устойчивый миф о «нечистых» намерениях Американского Красного Креста в Сибири проистекает от глубокого непонимания внутренних идейных стимулов западной благотворительности.

Другой источник историографических заблуждений – устойчиво негативное отношение современников к деятельности западных миссий. Действительно, активная работа американских медиков во Владивостоке весной 1918 г. породила слухи о том, что американцы захватили российские госпитали, изгнали оттуда российских медиков и оказывали в них помощь исключительно чехам и американцам, лишив помощи россиян. Американскому бюро печати пришлось разяснять, что они взялись оборудовать заброшенный госпиталь на о. Русском, рассчитанный на 300 российских раненых, в том числе и на 80 страдальцев, размещенных ранее российскими медиками в необорудованном бараке³⁹. Примеры можно было бы продолжать.

В американской историографии, значительно более фундаментально исследовавшей работу своих общественных структур на объятых Гражданской войной российских территориях, указанная проблема вообще не обсуждается. Исследователи ставят другие

---

³⁷ Линчевская Н.Г. Американский «Красный Крест» в Западной Сибири (1919 г.) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Тез. докл. и сообщ. второй регион. науч.-метод. конф. Омск, 1995. С. 161.

³⁸ Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское Бюро печати в Советской России (1917–1920 гг.). М., 1990. С. 16.

³⁹ Приморская жизнь (Владивосток). 1918. 17 окт.

вопросы: удалось ли сохранить принцип невмешательства в ход политических и военных событий, оказать помощь в равной степени всем нуждавшимся в ней, независимо от того, на чьей стороне они выступили в Гражданской войне? В. Грэвс упрекал представителей Американского Красного Креста в том, что, встав на путь снабжения медикаментами колчаковской армии, они, по сути дела, нарушили принцип нейтральности, провозглашенный американской дипломатией в России, оказали поддержку одной из воюющих сторон⁴⁰.

Другая американская организация – Всемирный союз христианской молодежи (УМСА) – больше занималась религиозной пропагандой, распространением религиозной литературы. В отечественной историографии закрепились сугубо негативные оценки её деятельности⁴¹. На самом деле ничего «подрывного» союз не предпринимал, если не относить к такому роду деятельности пропаганду спорта, просветительские лекции, показ кинолент и организацию сети скаутских отрядов и клубов по интересам. Конечно, всё это органично включало в себя пропаганду «американского образа жизни». Нужно отметить, что Всемирный союз христианской молодежи сыграл заметную роль в общественном движении на востоке России. Им были организованы клубы, спортивные площадки, летние лагеря для подростков во Владивостоке, Харбине, Иркутске. Однако есть и свидетельства, причём не только американского происхождения, участия союза в благотворительной деятельности на территории Сибири. Например, в Ир-

---

⁴⁰ Greves W.S. *America's Siberian Adventures. 1918–1920.* N-Y., 1931. P. 205; Smith Ch. H. *What happened in Siberia // Asia.* 1922. V. XXII. P. 374–377; Fike C.E. *The Influence of Creel Committee and the American Red Cross on Russian-American Relation, 1917–1919 // The Journal of Modern History.* Vol. 31. № 2 (Jun. 1959). P. 107.

⁴¹ Евтушевский А.Г. «Христианский союз молодых людей» – орудие идеологической интервенции США на советском Дальнем Востоке // *Из истории рабочего класса и крестьянства Дальнего Востока.* Владивосток, 1975. С. 22–25; Он же. *Идеологическая интервенция США на советском Дальнем Востоке и борьба с ней (1917–1922 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук.* Томск, 1980. С. 12–14; Соскин В.Л. *Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны.* Новосибирск, 1965. С. 142–154; Смоляков А. *Под алым стягом революции. Комсомол Дальнего Востока в 1920–1922 гг.: Исторический очерк.* Хабаровск, 1978. С. 28.

кутске союз на свои средства содержал колонию для больных и увечных военнопленных на 800 человек. Американские христиане устраивали школы для детей беженцев, распространяли литературу о здоровом образе жизни, распределяли бесплатные продовольственные пайки среди беднейшего населения и солдат⁴².

Американская дипломатическая переписка содержит указания на трудности работы благотворительных организаций по обеспечению беженцев. Без содействия военной миссии по транспортировке товаров своевременно обеспечить миссии Красного Креста и YMCA всем необходимым было невозможно⁴³. В Омске вообще деятельность YMCA была запрещена контрразведкой, так как организацию считали рассадником еврейской пропаганды и обвиняли в сборе разведывательной информации⁴⁴. Многочисленные данные, свидетельствующие о недоверии российских чиновников и военных к контингенту американских служб в Сибири, привели в своей книге Д. Дэвис и Ю. Трани⁴⁵.

В меньшей степени проявил себя Японский Красный Крест, действия которого, не столь масштабные, не выходили за пределы Дальнего Востока⁴⁶. По данным дальневосточной прессы, японцы пожертвовали для российского населения медицинских препаратов на 100 тыс. йен, а всего на благотворительные цели в России – около 1 млн йен⁴⁷. Ими была открыта больница в Чите на 1200 мест, производилась раздача продовольствия железнодорожникам и беднейшему населению через посредничество православной церкви⁴⁸. Архивные источники также подтверждают доставку японским Красным Крестом медико-санитарных товаров в Омск и частные япон-

---

⁴² Романов Н.С. Летопись города Иркутска... С. 342; Вестник Христианского союза молодых людей (Владивосток). 1919. № 1. С. 8–9; № 2. С. 10–13, 16.

⁴³ FRUS. 1918. V. III. P. 143.

⁴⁴ Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск, 2005. С. 185.

⁴⁵ Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Вудро Вильсон и Россия. М., 2002. С. 381–382.

⁴⁶ ПВ. 1919. 14 окт.

⁴⁷ Дальний Восток (Владивосток). 1919. 13 нояб.

⁴⁸ Василевский В. Забайкальская белая государственность. Краткие исторические очерки. Чита, 2000. С. 77, 107–108; Кандидов Б.П. Японская интервенция в Сибири и церковь. М., 1932. С. 24.

ские пожертвования⁴⁹. Попытки австрийского и венгерского Красного Креста через посредничество американской краснокрестной организации оказать помощь своим соотечественникам-военнопленным даже в декабре 1919 г. натолкнулись на противодействие Российского правительства⁵⁰. Известно тем не менее, что американская миссия осуществляла помощь австрийским и немецким военнопленным вопреки позиции российской стороны. Именно в этом следует искать ключ к негативной оценке санитарных служб американцев в российских официальных документах.

6.2. Трагедия беженства

Любая война порождает исход населения с территории проживания. Люди спасаются от последствий боевых действий и политических преследований, вывозят имущество. В результате военных действий между «белыми» и «красными» тысячи мирных жителей превратились в беженцев, что породило новый виток социальных проблем.

С массовым беженством Россия столкнулась ещё в годы Первой мировой войны. Тогда же были разработаны правила эвакуации с территорий, которым угрожало занятие противником, порядок оказания материальной помощи эвакуированным и беженцам⁵¹. Социальную работу в этом направлении отличала множественность. Её начинали общественные благотворительные организации, действовавшие на частные пожертвования и субсидии от казны, затем подключились земские и городские управы, Красный Крест, наконец, государственные органы. На лето 1917 г. в стране насчитывалось, по одним данным, 6 млн беженцев, по другим – 3,8 млн⁵². А.Н. Курцев, изучавший вопрос на основе архивных источников, приводит и региональное распре-

---

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 4. Л. 28об.

⁵⁰ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 250об.

⁵¹ Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916.

⁵² Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 71; Курцев А.Н. Беженство // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 141.

деление беженцев на этот период. По его сведениям, в Азиатской России располагалось 114 637 чел., или 3% от всей численности беженцев. При этом больше всего их было в Акмолинской области (31 963 чел.) и в Томской губернии (30 005 чел.)⁵³. И.А. Еремин на основании местных архивных источников предлагает другие сведения: к 1 января 1916 г. за Урал последовало 166 222 беженца, 80% из которых осели в Западной Сибири⁵⁴. Итак, Сибирь столкнулась с беженством задолго до начала Гражданской войны.

На востоке России ещё до революции на работу с беженцами переориентировалось переселенческое управление Министерства земледелия и колонизации. Оно оказывало продовольственную и медицинскую помощь наряду с крестьянами-переселенцами беженцам, находившимся в пути к местам вселения. Отметим, что в этот период Министерство рассматривало помощь беженцам как одну из вспомогательных, но по сути чуждых ему функций. Обязанности по социальному призрению беженцев в царской России возлагались на Министерство внутренних дел, в структуре которого с сентября 1915 г. существовал отдел по устройству беженцев. Пособия и пайки государство выдавало через беженские общественные организации и редко делало это напрямую через свои учреждения. Эффективность мер социального призрения почти сводилась на нет инфляцией, так как установленные в 1915 г. размеры беженских пособий и пайков (в 15 коп. в день) до конца 1917 г. не индексировались. С конца 1916 г., желая сократить поток перемещающихся людей, государство резко снизило финансовую помощь беженским организациям⁵⁵. В первые месяцы советской власти был введен запрет на отправку беженцев в голодающие губернии. Весь миграционный поток устремился в производящие регионы, прежде всего на юг Сибири. 21 марта 1918 г. комиссар внутренних дел постановил вовсе прекратить выделение средств на беженские пособия⁵⁶.

---

⁵³ Курцев А.Н. Беженство. С. 141.

⁵⁴ Еремин И.А. Томская губерния как тыловой район... С. 225.

⁵⁵ Полуаршинов А.В. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 24.

⁵⁶ Щетинина А.С. Революционная ситуация 1917 г. и её влияние на вынужден-

После февральских и особенно октябрьских событий 1917 г. поток внутренних мигрантов возрос, изменился и характер миграции. В Сибирь направились тысячи жителей тыловых районов европейской части России, спасаясь от голода и от политического давления нового режима. Екатеринбургский регистрационный пункт с января по май 1918 г. зарегистрировал 52 622 переселенца, челябинский – около 150 тыс. Это была совершенно иная категория беженцев, чье бегство не было напрямую связано с военными действиями⁵⁷. Ни СНК РСФСР, ни возникшие на востоке страны летом 1918 г. правительства не воспринимали их как беженцев, достойных государственной помощи. Хотя при советской власти существовали намерения расширить переселенческую работу, создать условия для более массового переселения в восточные регионы страны. Центральные и местные советские органы справедливо отмечали, что в 1917–1918 гг. значительная часть людей, регистрировавших себя как переселенцев, в действительности являлась внутренними мигрантами, использовавшими переселенческие льготы для более комфортного движения на восток⁵⁸, а многие из них были самыми обыкновенными мешочниками. Идея отделить таких людей от переселенцев и лишить их государственной поддержки была признана здоровой и сибирскими властями. Поэтому распоряжением Министерства земледелия и колонизации в конце августа 1918 г. была приостановлена перевозка переселенцев и беженцев на восток, прекращена выдача им удостоверений на льготный проезд по железным дорогам⁵⁹.

Однако беженцы Первой мировой войны сохранили особый статус и после прихода к власти большевиков, и после их падения. Более того, служащие казенных учреждений, организованно эвакуированные в Сибирь, приписывались для продолжения ис-

---

ные миграции на Алтае // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX века: Материалы всерос. науч. конф. Томск, 2007. С. 160.

⁵⁷ Минаев В.В. Демографические факторы обострения экономического кризиса в годы гражданской войны (на примере Сибири и Дальнего Востока) // Гражданская война в России (1917–1922 гг.). М., 2002. С. 211.

⁵⁸ ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 28. Л. 7–8; Д. 34. Л. 7–8.

⁵⁹ Там же. Д. 36. Л. 7–8.

полнения своих обязанностей в одно из тыловых учреждений своего ведомства и сохраняли за собой право на получение должностных окладов по месту своей приписки независимо от смены режимов. Это был вопрос не столько бюрократический, сколько корпоративной солидарности. Перемена власти не сильно отразилась на государственных служащих, эвакуированных в Сибирь. Много таких «нахлебников» оказалось на сибирских и особенно на уральских железных дорогах. Для молодой и бедной сибирской государственности это стало непосильным бременем. Уже 2 июля 1918 г. по представлению Министерства путей сообщения Временное сибирское правительство постановило прекратить дальнейший прием эвакуированных железнодорожников на Омскую и Томскую железные дороги, освободить эвакуированных от дальнейшей службы, выплатив им единовременное пособие в размере двухмесячного оклада. Мотивы такого решения очень просты. Железные дороги не могли обеспечить эвакуированных железнодорожников работой, а их содержание ложилось тяжким финансовым грузом на бюджет министерства⁶⁰.

Отмена советских законов на территории Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока подразумевала восстановление всех дореволюционных норм социальной помощи беженцам Первой мировой войны. Весь вопрос упирался в изыскание средств. Ограничивая прием новых беженцев, заботу об уже прибывших в Сибирь Временное сибирское правительство считало своей обязанностью и кредитовало их содержание по мере возможности. 2 августа 1918 г. Совет министров по представлению Министерства финансов утвердил выделение аванса в 4 млн руб. на содержание беженцев в августе и сентябре текущего года⁶¹. 19 июля 1918 г. Административный совет выделил 30 тыс. руб. на нужды беженцев Акмолинской области⁶². Но это были узкоцелевые и крайне недостаточные средства для того, чтобы достойно поддерживать жизнь беженского сообщества.

Основную тяжесть работы с беженцами взяли на себя муниципальные органы. Сибирские власти честно признали, что госу-

---

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 13.

⁶¹ Там же. Л. 92об.

⁶² Там же. Л. 60об.–61.

дарство не в состоянии сейчас проявлять должную заботу об этой категории пострадавших от Первой мировой и Гражданской войн. Зато отдел призрения Министерства внутренних дел Временного сибирского правительства постарался унифицировать правила оказания помощи беженцам. Выдача пособий сиротам и многодетным семьям, предоставление медицинского обслуживания и дешевых помещений, обеспечение санитарно-гигиенических мероприятий ложились на городские и земские управы. Министерство внутренних дел с октября 1918 г. взялось компенсировать 1,5 руб. в месяц на одного призываемого⁶³.

Масштаб вынужденных миграций мирных жителей в период Гражданской войны ещё более возрос. Европейская часть России в представлении «белых» лидеров стала территорией, временно отданной противнику, и миграция с запада на восток вновь стала восприниматься как беженство или даже организованная эвакуация. Первая массовая волна беженцев направилась на восток России при отступлении осенью 1918 г. Народной армии Комуча из Поволжья. 13 сентября Совет управляющих ведомствами Комуча постановил выделить 500 тыс. руб. на нужды беженцев, 14 сентября – выдать месячный (семейным – полуторамесячный) оклад жалования государственным служащим, эвакуировавшимся из Казани и Симбирска, начать выдачу им постоянных пособий наравне с беженцами Первой мировой войны⁶⁴. Но ситуация в переполненных городах ухудшалась, и 24 сентября 1918 г. Совет управляющих ведомствами Комуча, наряду с выделением очередных 1,5 млн руб. на нужды беженцев, постановил начать размещение беженцев в сельской местности под страхом лишения пайков⁶⁵. Судя по всему, деньги выделялись по смете, составленной для обслуживания беженцев Первой мировой войны ещё до отступления Народной армии⁶⁶. Финансовые возможности Комуча быстро исчерпались – 17 октября Совет управляющих принял решение засчитывать эвакуированным служащим жалование за октябрь в качестве эвакуационного пособия, а сумма в 345 тыс.

---

⁶³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 851. Л. 2–3.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 1. Л. 50–50об., 61.

⁶⁵ Там же. Л. 76об.

⁶⁶ Там же. Д. 2. Л. 55, 72.

руб., отпущенная прифронтовому комитету по оказанию помощи беженцам, была очень мала⁶⁷.

Значительная часть эвакуирующихся из Поволжья направилась в Оренбургскую губернию, власти которой некоторое время воспринимали себя как часть территории Комуча. Поэтому Оренбургский комитет членов Учредительного собрания выплачивал эвакуационные пособия прибывающим с запада государственным служащим. Но в конце октября в самом Оренбурге стали готовиться к эвакуации и выдавать своим служащим эвакуационные пособия, правда, в сниженном размере (семейным – месячный оклад, несемейным – двухнедельный)⁶⁸. Ухудшение в конце 1918 г. обстановки на юго-западном фронте вряд ли позволяло содержать дальше эвакуированных служащих.

Официальные сухие строки документов не способны отразить масштаб социального бедствия. Военные часто боялись признать перед гражданским населением, что практически не способны сдерживать фронт. Поэтому жители многих крупных поволжских городов оказывались вынуждены спасаться, едва успев собрать чемоданы, в надежде, что эвакуация продлится неделю-другую. Другие не были столь наивны, но просто не имели средств для длительного путешествия. К тому же местные власти практически не готовили эвакуацию населения и гражданских объектов, чем и усугубили проблемы населения⁶⁹. Отметим, впрочем, что среди поволжских беженцев был велик процент представителей зажиточной части российского общества, которым хватило средств для путешествия до Владивостока и дальше в эмиграцию. Многие из них неплохо устроились и в Сибири. Поволжских беженцев, продвигавшихся на восток, приравнивали в статусе к беженцам с германского фронта Первой мировой войны, что давало им право на социальную помощь со стороны государства.

Ещё больше внимания уделили сибирские власти пострадавшим казакам Семиреченского казачьего войска. В результате во-

---

⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 1. Л. 98–98об.

⁶⁸ Оренбургский Вестник Комуча (Оренбург). 1918. 30, 31 окт.

⁶⁹ Еленевский А. Лето на Волге (1918 год) // 1918 год на востоке России. М., 2003. С. 171; Руднев С.П. При вечерних огнях: Воспоминания. Харбин, 1928. Т. 1. С. 248–249.

енных действий отряды атамана А.М. Ионова отошли в июне 1918 г. в китайскую провинцию Синьцзян. Сначала они обратились за «братской помощью» к сибирским казакам. Посланцы Семиреченского войскового атамана выступили на 4-м Войсковом круге Сибирского казачьего войска, обошли 81 сибирскую станицу и собрали 15 тыс. руб. пожертвований. Но в помощи нуждались не только военные, которые преимущественно и собрались в Китае. Поток беженцев из Семиречья в Сибирь хлынул ещё весной, при советской власти, и усилился в летние месяцы⁷⁰. Часть из них расселилась по казачьим станицам, но в целом судьба этих беженцев плохо прослеживается.

В начале сентября 1918 г. А.М. Ионов телеграфировал в Омск о необходимости срочной помощи казакам-беженцам Семиреченского казачьего войска. После рассмотрения вопроса в комиссии, образованной Административным советом специально для изучения этого дела, в помощь семиреченским казакам-беженцам выделили 500 тыс. руб. и 50 тыс. руб. правлению Семиреченского казачьего войска на организацию социальной поддержки населения⁷¹.

Нужно отметить, что тысячи из тех, кто осенью 1918 г. эвакуировался через фронт в Поволжье, на Урал и в Сибирь, находились на положении политических беженцев. На протяжении всего лета 1918 г., несмотря на ожесточенные бои между Красной и Народной армией, переход через фронт оставался совершенно свободным, и поволжские города были наводнены людьми, выехавшими из советской России⁷².

Помощь беженцам не стала тем вопросом, решение которого заставило бы Комуц и Временное сибирское правительство забыть о разногласиях. Министр земледелия и колонизации Временного сибирского правительства Н.И. Петров известил Самару о прекращении приема беженцев из Поволжья в Сибирь. Мотивировалось это решение отсутствием в сибирских городах жи-

---

⁷⁰ Ивлев М.Н. Антибольшевистское движение в Семиреченском казачьем войске // Белая гвардия. М., 2005. № 8. С. 226–237; Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М., 2004. Кн. 1. С. 180–181.

⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 8, 11об., 20об.

⁷² Записки белогвардейца // Архив русской революции. М., 1991. Т. X. С. 76, 80, 81, 87.

лишнего фонда, исчерпанностью свободных земель для колонизации. В связи с распоряжением прекратить прием в сибирском направлении новых беженцев и переселенцев, часть спасавшихся людей оказалась задержана на западных границах Сибири. Пресса сообщала о задержке более 40 тыс. чел.⁷³ 10 сентября 1918 г. Административный совет Временного сибирского правительства выделил им 150 тыс. руб. на питание. Представление по этому поводу, написанное ещё 9 августа, пролежало под сукном более месяца. Тогда же решили перечислить 75 тыс. сербским беженцам⁷⁴. 200 тыс. руб. Административный совет распорядился передать в помощь беженцам, эвакуировавшимся в Кульджу⁷⁵.

17 сентября 1918 г. Административный совет постановил отказать управляющему внутренних дел Комуча в помощи по размещению беженцев из Поволжья и лишь принять меры к устройству уже прибывших в Сибирь⁷⁶. И только Директория решила войти в тесные отношения с Комучем для совместного регулирования беженского потока. Её решением от 18 октября 1918 г. предписывалось организовать централизованное размещение временно эвакуированных в Челябинск служащих Комуча. Их планировали разместить в Кургане и Петропавловске, а часть оставить в Челябинске. Причём по размещении служащие должны были начать получать заштатное жалование⁷⁷.

12 сентября 1918 г. Директория, не имевшая собственного государственного аппарата, рассмотрела вопрос о необходимости регулировать беженский поток совместными усилиями Комуча и Временного сибирского правительства⁷⁸. Главноуполномоченный по делам беженцев А.И. Коробов принял решение послать особополномоченных квартирьеров по Транссибирской магистрали от Кургана до Омска для подготовки и размещения беженцев в Сибирь⁷⁹. Лишь после этого, 2 октября, Административный совет

---

⁷³ Луков Е.В. Политика антибольшевистских правительств... С. 188.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 10, 11.

⁷⁵ Там же. Л. 78.

⁷⁶ Там же. Л. 20об.

⁷⁷ Там же. Д. 32. Л. 91; ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 33, 62.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-180. Оп. 1 Д. 27. Л. 3об.

⁷⁹ Там же. Ф. Р-176. Оп. 14. Д. 313. Л. 94.

утвердил выдачу 1 млн руб. в помощь беженцам из Поволжья в Сибирь, разрешив реквизицию помещений для беженцев по пути их следования по железной дороге⁸⁰.

В Уфе по инициативе органов самоуправления и предпринимательских организаций был создан комитет помощи беженцам. Подчас инициатива случайного человека многое решала. Как описывает мемуарист, известный самарский земский деятель С.П. Руднев, он фактически сам организовал прием и питание беженцев в Уфе и добился у местного епископа и губернского комиссара обеспечения их минимальных нужд⁸¹. Поволжских жителей, искавших убежище от большевиков на Урале, решено было размещать в школьных зданиях и отапливаемых загородных дачах. По неофициальным данным, из одной только Казани к «белым» бежало 78 тыс. жителей⁸². Число беженцев из Прикамья определяется мемуаристами «на глазок» в 40–50 тыс.⁸³

В дальнейшем выделяемые сибирскими властями средства расходовались по согласованию с поволжскими и уральскими структурами, осуществлявшими вывоз и размещение беженцев и эвакуированных. Найденная в бюджете сумма оказалась каплей в море. Например, для одного Тобольского уезда, в котором планировали разместить 12 тыс. беженцев, выделили только 5 тыс. руб. В Уфе по инициативе органов самоуправления и предпринимательских организаций был создан комитет помощи беженцам. Содействие общественных организаций способствовало относительной нормализации жизни беглецов. Власти в основном обеспечивали немущим беженцам бесплатный проезд и питание в пути. Приоритет в размещении и снабжении имели дети, старики, больные⁸⁴. Нетрудоспособным и не находившимся на чьем-то иждивении беженцам выдавали пособие в размере от 15 до 45 руб. в месяц. На обучение детей беженцев государство выделяло 8 руб. в месяц.

---

⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 42.

⁸¹ Руднев С.П. При вечерних огнях... С. 248–249.

⁸² Записки белогвардейца... С. 87.

⁸³ Ефимов А. Ижевцы и воткинцы // 1918 год на востоке России. М., 2003. С. 370, 373.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 143. Л. 69; Д. 150. Л. 13; Ишимский край (Ишим). 1918. 22 окт.

Впервые с 1915 г. размер пайков был проиндексирован и увеличился в 2,5-7 раз. Государство же, как и раньше, взяло на себя призрение беспризорных беженцев, оплачивая их пребывание в приютах, а также обеспечение элементарных санитарных условий – содержание беженских общежитий, мытье в банях, стирку белья и прочее⁸⁵. Основную часть беженцев принимала Сибирь. К работе с ними были привлечены отдел призрения Министерства внутренних дел и Переселенческое управление Министерства земледелия и колонизации, земские и городские управы. Последние спешно изыскивали средства на прием беженцев, считая их займом государству. По линии железной дороги от Челябинска до Иркутска были созданы 15 питательных пунктов, а в Новониколаевске – центральное справочное бюро, где беженцев регистрировали и подыскивали им службу⁸⁶. Отчасти это делалось на средства городских и земских органов, принимавших беженцев.

Сам факт того, что содействием населению в процессе вынужденной миграции занималось, как и в предшествующие годы, Переселенческое управление, не должен смущать. Нет никаких оснований вслед за В.В. Минаевым смешивать переселенческую политику государства, ориентированную на хозяйственное освоение восточных территорий, с организацией помощи беженцам. Их приезд на восток воспринимался как вынужденный, временный, не преследовавший экономических целей, а сама помощь беженцам, оказываемая государством и общественными организациями, носила гуманитарный характер. Государственный аппарат совершенно ясно осознавал дифференциацию экономических и гуманитарных проблем.

По данным Министерства внутренних дел, вероятно, заниженным, поток беженцев из Поволжья осенью 1918 г. достигал 100 тыс. чел. Из распределительного пункта в Новониколаевске в соответствии с заранее намеченным планом беженцы расселялись по сельской местности в районах от Новониколаевска до Иркутска. Томское губернское земство должно было принять 20 тыс. беженцев, Алтайское – 40 тыс., Иркутское – 4 тыс., вся Сибирь –

---

⁸⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 34. Л. 329; ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 33.

⁸⁶ ПВ. 1919. 9 апр.

не более 60 тыс. Остальные 40 тыс. считались избыточными. Проблема в том, что принимающая сторона ориентировалась на размещение беженцев в сельской местности, чтобы предоставить им возможность заняться земледельческим трудом. Эта практика была отработана ещё в дореволюционный период, но не учитывала специфики беженства времен Гражданской войны: среди беженцев преобладала интеллигенция. Новониколаевское центральное справочное бюро успело осенью 1918 г. зарегистрировать только 25 тыс. беженцев, из которых трудоустроить смогли лишь 561 чел. Следовательно, эффективными меры по устройству беженцев и их адаптации в местах временного проживания назвать нельзя. Для этого требовались значительно большие вложения и административный аппарат. Общественная инициатива подчас облегчала ситуацию с кадрами беженских служб, но средства, аккумулируемые благотворительными организациями, оставались небольшим довеском даже к явно недостаточным суммам, выделяемым на эти цели государством. С конца 1918 г. в Сибири начали работу американские санитарные миссии. Они снабжали беженцев одеждой и едой, оказывали медицинскую помощь, производили дезинфекцию жилых помещений⁸⁷. В сибирской столице на попечении американцев оказалось 25 тыс. беженцев (четверть от общего числа находившихся в городе)⁸⁸. В тех условиях это была ощутимая помощь.

Как известно, работникам государственных учреждений и предприятий правительство пыталось обеспечить организованную эвакуацию, материальные издержки которой старалось компенсировать в виде эвакуационных пособий. Остальным беженцам государство гарантировало лишь небольшую материальную помощь по прибытию в Сибирь. Попав в Сибирь, многие беженцы вынуждены были проживать в вагонах, на вокзалах. Неожиданно свалившуюся на уральские и сибирские города массу беженцев местные власти оказались не в состоянии обеспечить жильем, одеждой, организовать приемлемые санитарные условия в местах пребывания. Так, например, в Новониколаевске только

---

⁸⁷ Приморская жизнь (Владивосток). 1918. 17 окт.

⁸⁸ Лоусон Т. Хилл-Мл. Американка в Сибири... С. 267–271.

5000 беженцев разместились в заранее подготовленных городской управой квартирах, остальные вынуждены были проживать в 32 эшелонах на линии железной дороги. Аналогичная ситуация была во всех сибирских городах. Правда, Переселенческое управление предоставляло медицинское обслуживание и пропитание, подыскивало работу. Но так было не везде. В Петропавловске помещения учреждений, призванных обслуживать беженцев, заняли для своих нужд чешские войска, на станции Маньчжурия – японские.

Нельзя говорить об абсолютном господстве патерналистских настроений в среде беженцев. Люди старались сами помочь друг другу. Во многих сибирских городах действовали землячества. Те, кто приехал в Сибирь раньше и успел устроиться, помогали адаптироваться вновь прибывающим. Земляческие организации оказывали и моральную помощь, организуя встречи со старыми знакомыми. В отдельных случаях землякам даже удавалось основывать успешные коммерческие предприятия, сколотить состояние. Однако большинство все же бедствовало и не могло получить серьезную поддержку ни от правительства, ни от общественных организаций. Врачи, артисты, учителя из беженцев переполнили рынок интеллектуальных услуг. Часть пыталась обосноваться на земле, главным образом, путем самовольных захватов, но встречала отпор правительства. Масса неработающих беженцев вынуждена была нищенствовать или добывать на пропитание противоправными действиями.

Именно по этой причине государственные органы спешили как можно скорее организовать реэвакуацию беженцев, тем более что наступление Белой армии на фронте в первые месяцы 1919 г. позволяло рассчитывать, что в ближайшем будущем жители Поволжья смогут вернуться домой. Железная дорога готова была выделить для этих целей по 10 вагонов в день, Переселенческое управление, российский и американский Красный Крест – предоставить продовольствие, медикаменты, пункты для социального обслуживания реэвакуантов. Поражения Белой армии помешали осуществлению этой акции, и количество мигрантов с запада продолжало расти.

После окончания Первой мировой войны в Сибирь начали прибывать бывшие российские военнопленные. Уже 10 декабря 1918 г. отдел призрения Министерства внутренних дел провел совещание с целью централизовать усилия по оказанию помощи бывшим военнопленным на пути домой⁸⁹. К апрелю 1919 г. официальные источники Российского правительства сообщали, что их уже прибыло 60 000, а до конца весны ожидалось ещё около 200 000⁹⁰. Эта категория вновь прибывающих в Сибирь заслуживала особой заботы и внимания, хотя материальные возможности для этого были невелики. 31 декабря 1918 г. Совет министров выделил 6,5 млн руб. на оказание помощи возвращавшимся из плена соотечественникам⁹¹. Ещё 3 млн 705 тыс. руб. изыскали 24 января 1919 г. для открытия трехмесячного обслуживания 10 приемных пунктов с дезинфекционной камерой, кухней, баней⁹². 16 июня Совет министров продлил финансирование приемных пунктов и иных служб по обслуживанию бывших военнопленных ещё на пять месяцев, до 1 сентября⁹³. Но этих средств было достаточно только для призрения бывших военнопленных на пути домой. Опираясь на опыт Первой мировой войны, власти обратились к волостным и сельским управам, сельским старостам с просьбой изыскать возможность для оказания помощи этой категории населения на общественных началах⁹⁴. Большую помощь в приеме военнопленных оказали земские и городские управы. А.А. Мышанский изображает ситуацию таким образом, как будто именно на плечи местных самоуправлений и легла вся тяжесть по обслуживанию возвращавшихся из немецкого, австрийского и турецкого плена, что совершенно неверно⁹⁵. В действительности эта работа осуществлялась совместно государственными (Министерством иностранных дел, Министерством внутренних дел, Переселенческим управлением) и муниципальными учреждениями,

---

⁸⁹ Луков Е.В. Политика антибольшевистских правительств... С. 192.

⁹⁰ ПВ. 1919. 15 апр.

⁹¹ Там же. 28 янв.; ЗДРП. Вып. 2. С. 85; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 47. Л. 98.

⁹² ПВ. 1919. 18 февр.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 38–38об.

⁹³ ПВ. 1919. 15, 26 июля.

⁹⁴ Белое движение: Каталог коллекции листовок. 1917–1920. СПб., 2000. С. 282.

⁹⁵ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления.... С. 116.

а города и земства участвовали в ней на условиях возмещения расходов со стороны казны. Другой вопрос, что подчас государство не могло своевременно компенсировать затраты. Полный объём стоимости работ по организации возвращения военнопленных неизвестен, и нельзя судить, во сколько он действительно обошелся органам самоуправления.

Определенную помощь оказывали американские благотворительные организации. Переговоры YMCA и Российского Красного Креста выявили недостаток ресурсов российских служб для обеспечения пленных. После этого американские христиане организовали несколько дамских комитетов помощи возвращающимся военнопленным, выделили из своих запасов чай, папиросы, галеты, получили в британском и чешском интендантствах одежду и обувь. Статистика Американского Красного Креста сообщала о 61 тыс. обслуженных пленных, вернувшихся из Германии на восток России⁹⁶.

Известно, что Российское правительство использовало возможности перечисления валютных средств в помощь российским военнопленным за границей. Даже покинув Омск 11 ноября 1919 г., Совет министров постановил выделить 5 тыс. ф. ст. на оказание через берлинскую миссию Российского Красного Креста помощи российским военнопленным, возвращавшимся из немецкого плена⁹⁷.

4 июля 1919 г. Российское правительство наконец приняло закон, предписавший обязательства государства в отношении беженского населения – Временное положение о призрении беженцев. В соответствии с ним на государственное попечение принимались все неимущие дети до 14 лет, нетрудоспособные по болезни и старости (мужчины с 55 и женщины с 50 лет). Призреваемым оказывалась помощь в объёме 45 руб. в месяц, плюс 10 руб. на квартиру. Пособие могло выдаваться как деньгами, так и натурой в виде питания, лечения, предоставления места для проживания. Дети беженцев обучались за счет Министерства народного просвещения. Передвижение, питание, лечение всех беженцев, а

---

⁹⁶ Вестник Христианского союза молодых людей (Владивосток). 1919. № 2. С. 12.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 236об.

не только признанных малоимущими, осуществлялось за счет казны⁹⁸.

Следующая, куда более мощная волна беженцев, захлестнула Сибирь летом–осенью 1919 г. Как и во время отступления из Поволжья осенью 1918 г., военные часто скрывали истинное положение на фронте, опасаясь паники, подчас вводили в заблуждение обывателей, уверяя, что уральским городам ничего не угрожает. Поэтому ни эвакуационные службы, ни само гражданское население не смогли тщательно подготовиться к эвакуации. Так, в спешке были покинуты Пермь, Екатеринбург. Стремительно отступавшие из Прикамья и Урала войска осложняли продвижение гражданского населения. Основной поток беженцев двигался по Транссибирской магистрали. Вновь острой проблемой стало оседание беженцев в городах и на станциях. Главным сборным пунктом стало предместье Омска – станция Куломзино, где скопилось к началу осени до 100 тыс. беженцев. Железная дорога не справлялась с наплывом спасавшихся от большевиков людей. Другим важным каналом перемещения беженцев стали реки. В июле–августе с Северного фронта по Тавде, Тоболу и Иртышу с Урала прибыло около 30 тыс. чел. Генерал В.А. Кислицин, проплывавший в это время из Ляпина в Тобольск, свидетельствовал, что многие уральские крестьяне бежали от «красных», вывозя на лодках все свое домашнее имущество и скот. Все думали, что отступление очень быстро сменится победоносным наступлением, и в ближайшее время все уральцы вернутся домой⁹⁹.

Необходимость учесть ошибки и заблаговременно подготовить эвакуацию столицы после оставления Урала становилась почти очевидной. Впервые об этом заговорил сам Верховный правитель ещё 14 июля 1919 г.¹⁰⁰ Но осуществить эту задумку не хватило политической воли. А.В. Колчак и его ближайшее окру-

⁹⁸ ПВ. 1919. 1 авг.; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 851. Л. 6–8.

⁹⁹ За Родину (Семипалатинск). 1919. 14 сент.; Сибирская жизнь (Томск). 1919. 26, 27 июля, 21 авг.; Кислицин В.А. Генерал. В огне гражданской войны. Харбин, 1936. С. 45–47.

¹⁰⁰ Будберг А. Дневник белогвардейца. М., 2001. С. 173–174; Зырянов П.Н. Омская эвакуация и конец белой власти в Сибири // Проблемы политической и экономической истории России. М., 1998. С. 121; Он же. Колчак. М., 2006. С. 511.

жение испугались негативных морально-психологических последствий заблаговременной и организованной сдачи столицы. Лишь 22 августа Совет министров принял постановление о вывозе из Омска ряда государственных учреждений, носившее половинчатый характер и вскоре отложенное в связи с началом контрастступления¹⁰¹.

Дефицит средств подталкивал Российское правительство к дополнительной поддержке конкретных категорий беженцев. Так, в начале сентября 1919 г. Совет министров выделил 24 млн руб. для помощи беженцам из области Оренбургского казачьего войска. Примерно в это же время Министерство внутренних дел перевело управляющему кокчетавским уездом 100 тыс. руб. на оказание помощи башкирским беженцам. Как свидетельствуют в своей записке на имя Верховного правителя лидеры проколчаковского крыла башкирского национального движения, это составляло всего полтора рубля в сутки на каждого башкира-беженца, да и те давали только при наличии эвакуационных карточек, которых у башкир, спешно оставлявших свои селения, обычно не было¹⁰². 28 октября 1919 г. Совет министров выделил 1 млн руб. Главному управлению вероисповеданий для оказания помощи беженцам духовного звания всех конфессий¹⁰³.

Беспорядочное бегство осенью 1919 г. соседствовало с централизованной эвакуацией. Многие учреждения и даже предприятия успевали собрать и упаковать имущество, личные вещи работников. Последние имели право брать с собой свои семьи. Специфика эвакуационных мероприятий Гражданской войны резко отличалась от опыта эвакуаций Первой мировой войны. В 1918–1919 гг. степень организованности оказывалась максимальной в начале эвакуации. Чем дальше в тыл продвигались люди и материальные ценности, тем менее управляемым становился этот процесс. Порой вывозимые в тыл государственные служащие и рабочие казенных предприятий, призреваемые и материально опекаемые со стороны

---

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 146.

¹⁰² Докладная записка башкирских политических деятелей верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку. Октябрь 1919 г. / Публ. и предисл. С.С. Балмасова // Белая гвардия. 2005. № 8. С. 224.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 216об.

государства на подготовительной стадии, по мере своего продвижения на восток превращались в обыкновенных беженцев, которым местные власти готовы были помочь не больше, чем остальному мигрирующему населению. Но всё же летом–осенью 1919 г. в общем потоке мигрантов количество лиц, получивших статус эвакуированных, было заметно больше, чем год назад.

Спрогнозировать динамику и масштабы беженства и эвакуации руководство не сумело. Тем важнее обратить внимание на самооценку чиновников, ответственных за помощь гражданам, прибывающим из прифронтовых местностей. В Министерстве внутренних дел, судя по отчетам, состояние дел представляли в радужном свете. 24 июля 1919 г. Управляющий министерством В.Н. Пепеляев выступил на заседании Государственного экономического совещания с докладом о помощи беженцам. Заседание было закрытым, содержание доклада и его обсуждение не подлежало публикации в прессе. Несмотря на это, В.Н. Пепеляев явно приукрашал информацию, сглаживал существующие проблемы, преувеличивал степень контроля государства над миграционными процессами. По его информации, все мигранты, независимо от того, двигались ли они по железным дорогам, водным путем или гужом, имели возможность получать пособия от казны. Вся помощь осуществлялась через департамент государственного призрения Министерства внутренних дел, а на местах – через уполномоченных министерства по делам беженцев. В.Н. Пепеляев определил количество беженцев, нуждающихся в материальной поддержке, в 50 тыс. человек. Именно на такое количество людей рассчитало свои мероприятия Министерство внутренних дел¹⁰⁴. Докладчик оговорился, что общее количество приближалось к 90 тыс., но по его оценкам лишь 50% из них нуждались в социальной помощи¹⁰⁵. По линии железных дорог Отделом призрения Министерства внутренних дел были созданы 14 питательных пунктов, на водных путях – 3. В.Н. Пепеляев уверил присутствовавших, что средств и организационных ресурсов для обеспечения беженцев вполне хватает.

---

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 87. Л. 77об.

¹⁰⁵ Там же. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 34. Л. 330.

Доклад вызвал критику со стороны членов совещания, сразу отметивших, что количество беженцев сильно занижено. В.Н. Пепеляев парировал тем, что это сведения регистрационного бюро без прибывших из Поволжского района. Даже если беженцев в действительности больше, раз они не обратились в бюро за помощью, следовательно, не нуждаются в ней, – полагал управляющий. Он продолжал настаивать, что и в жилищном вопросе не предвидится больших проблем, так как большинство спасавшихся от «красных» – люди интеллигентных профессий и предпочитают снимать частное жилье, нежели ютиться в казенных квартирах¹⁰⁶.

В действительности большинство предсказаний В.Н. Пепеляева оказалось несбыточным. В связи с эвакуацией и прибытием беженцев в городах по Транссибирской магистрали серьезно обострился жилищный вопрос. Специальные бараки для беженцев начали строить ещё до революции. Но зимой 1918–1919 гг. скученность в них была невероятная. Американская медсестра Ф. Хоффман сообщала родным, что в бараках 300 футов длиной и 80 шириной скапливалось около 300 человек. Топили огромными печами, у каждой семьи была маленькая печь для приготовления пищи. Помещения не проветривались, был затхлый воздух. Семьи жили в отсеках за занавесками, располагаясь в 2 яруса¹⁰⁷.

По сообщению Министерства путей сообщения, до эвакуации Урала в полосе отчуждения планировали построить бараки на 13 тыс. чел. После того, как Урал оказался в руках «красных», решили строить бараки на 20 тыс. чел. Но средства, запрашиваемые для этого в объеме 18 млн руб., своевременно не выделили. По данным Л.А. Устругова, однако, на строительство жилья для беженцев и санитарное обустройство линии железных дорог требовалось не менее 50 млн руб.¹⁰⁸ После выступления Л.А. Устругова на Государственном экономическом совещании по его представлению Совет министров выделил Министерству внутренних дел из военного фонда кредит в 15 млн руб. «на улучшение санитарной части и связанные с этим строительные работы... с предоставле-

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 87. Л. 79.

¹⁰⁷ Лоусон Т. Хилл-мл. Американка в Сибири... С. 268.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 87. Л. 79об.

нием права расходовать указанные средства через посредство других учреждений, ведомств и общественных организаций»¹⁰⁹.

Местные власти уже в августе 1919 г. забили настоящую тревогу по поводу перегрузки коммунального хозяйства и жилищного фонда, требуя государственной помощи и компенсации расходов, возложенных на их и без того пустые бюджеты. В городах по Транссибирской магистрали для размещения беженцев пришлось срочно реквизи́ровать школьные и другие общественные здания, гостиницы, рестораны, строить специальные бараки, проводить уплотнения в частных квартирах и на дачах горожан. Тесня городских обывателей, уплотняя многих из них в два–три раза, городские и военные власти расселяли беженцев, эвакуированных и солдат¹¹⁰. Особенно помогли здесь городские управы и общественные благотворительные организации, деятельность которых, кстати, даже не была упомянута В.Н. Пепеляевым в его докладе Государственному экономическому совещанию. Только Американский Красный Крест построил на востоке России, по его собственным данным, 250 бараков, а также селил беженцев в собственных госпиталях¹¹¹. По сообщению американских источников, общие затраты Американского Красного Креста в России в годы Гражданской войны составили \$23 млн¹¹². Затраты американцев в российской валюте пришлось возместить. 5 и 16 декабря 1919 г. Совет министров передал 10 млн руб. и 5 млн руб. на счет Американского Красного Креста¹¹³. 22 декабря на тех же основаниях было принято решение о выделении ещё 60 млн руб. Деньги должны были предоставляться постепенно, по мере надобности¹¹⁴.

С американской благотворительностью связана и другая история, начинавшаяся как часть сугубо внутренней общероссийской трагедии. В 1917 г. на Урал и в Сибирь было эвакуировано из

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 295об.

¹¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 111. Л. 7–8; Д. 119. Л. 231–232об., 419, 421; Свободный край (Иркутск). 1919. 10 авг.; Сибирская жизнь (Томск). 1919. 21 авг., 4 сент.; Романов Н.С. Летопись города Иркутска... С. 366.

¹¹¹ ПВ. 1919. 22 авг.

¹¹² Fike С.Е. The Influence of Creel Committee... P. 107.

¹¹³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 38. Л. 8, 26; Д. 245. Л. 275.

¹¹⁴ Там же. Д. 46. Л. 402; Д. 245. Л. 295. См. об этом также: Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920: Сб. документов. М., 2003. С. 230–231; 588–589.

Петрограда и Москвы множество детских колоний, приютов, оставшихся без средств. В основном это были дети беженцев, разлученные с родителями. Кроме того, летом 1918 г. группы детей выехали из столиц в детские лагеря на Урале. В связи с началом вооруженной борьбы они потеряли возможность вернуться домой. Временное областное правительство Урала хотя и выделило 12 сентября 1918 г. на содержание приютов 100 тыс. руб., но поставило вопрос о переводе их на баланс Временного сибирского правительства и, возможно, переезде их в Сибирь¹¹⁵. Осенью 1918 г. началась эвакуация детей с Урала дальше на восток. Директория изыскала 10 тыс. руб. на содержание приютов Союза городов, эвакуированных в Петропавловск и оставшихся без средств¹¹⁶. Большое количество учреждений для детей-сирот располагалось в Омске. Е.В. Луков несправедливо упрекает Российское правительство в том, что оно пожалело деньги на содержание детских приютов, но быстро изыскало средства на их эвакуацию из столицы¹¹⁷. На самом деле вывоз приютов из Омска был оправдан и с экономической, и с санитарной точек зрения. В конце 1918 г. из перегруженного и зараженного тифом Омска пришлось эвакуировать приюты в Томск и Енисейскую губернию. 290 тыс. руб. было выделено на их вывоз и содержание на ближайшие три месяца, 300 тыс. – на приобретение одежды и обуви. Но уже существовавшие приюты были переполнены, так как Гражданская война привела к обострению проблемы сиротства и детского бродяжничества. Министерство внутренних дел стремилось создавать детские учреждения такого рода не в крупных городах, а в сельской местности, превращая их в детские трудовые колонии¹¹⁸. Были и другие отпуски государственных денег на содержание общественных учреждений социального призрения и медицинских учреждений, обслуживавших неплатежеспособные слои населения¹¹⁹.

¹¹⁵ СУР ВОПУ. № 4. Ст. 19; ГАСО, Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 15. Л. 21об.; Д. 21. Л. 39–39об.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 32. Л. 11об.; ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 44.

¹¹⁷ Луков Е.В. Политика антибольшевистских правительств... С. 187–188.

¹¹⁸ ПВ. 1919. 19, 26 янв., 15 апр.; ЗДРП. Вып. 2. С. 9–10; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 64–65.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 46, 51об., 53; Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 128об.–129.

История детей, вывезенных летом 1918 г. из европейских губерний России на Урал и далее перемещенных в Сибирь, получила неожиданное продолжение. Когда у Министерства внутренних дел не оказалось средств для их сносного содержания, Американский Красный Крест взял на своё попечение часть детей, эвакуированных из Петрограда из-за угрозы немецкого наступления. Детей вывезли на о. Русский, где они прожили до 1920 г. По утверждениям американской стороны, условия содержания были несравнимо лучше, чем под российской опекой. Эвакуируясь, американцы забрали детей в Америку. А ведь это были не сироты. У большинства из них в европейской части страны остались родители. Лишь несколько лет спустя дети вернулись на родину. История получила огласку в советской и западной прессе, стала предметом научного изучения, художественного творчества и документальной кинематографистики¹²⁰. Правда, о других, более прозаических, но не менее трагичных историях детских колоний, приютов и инвалидов домов на востоке России в годы Гражданской войны почти ничего не написано.

Несмотря на такие болезненные ситуации, в целом работа правительства и общественных организаций по обеспечению беженцев в 1919 г. была более слаженной, чем в предыдущем году. Хотя не обошлось и без противостояния различных муниципальных и правительственных организаций, конкурировавших за кредиты и подозревавших друг друга в недобросовестном расходовании денег¹²¹. Правительственные кредиты распределялись через главноуполномоченного по делам оказания помощи беженцам при Министерстве внутренних дел. Кредитовались структуры самого министерства, Переселенческого управления и Российского общества Красного Креста. Эти три крупные организации благодаря государственным кредитам развернули масштабную деятель-

---

¹²⁰ Лоусон Т. Хилл-мл. Американка в Сибири... С. 311–313; Липовецкий В. Ковчег детей. М., 2005; Молкина О.И. Над нами Красный Крест. М., 2006; Лященко М. Из Питера в Питер. М., 1981; Miller F. The wild children of the Urals. N-Y., 1965; Swan J. The lost children: Russian odyssey. Carlisle Pennsylvania, 1989. Библиографию, статьи, документы, фотоархив об истории путешествия российской детской колонии в США и обратно см. на сайте: <http://home.colonia.spb.ru>.

¹²¹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 120. Л. 25–28, 37–38, 48–49.

ность по адаптации беженцев к сибирским условиям. 1 августа 1919 г. Совет министров Российского правительства принял временное положение о мерах помощи беженцам, выделил им 11 млн руб. на пособия, 5 млн руб. на эвакуацию и 3 млн руб. на медицинскую помощь. В августе 1919 г. Российский Красный Крест, финансируемый напрямую из военного фонда, организовал питание беженцев в столовых за половинную стоимость, а детям и неимущим – бесплатно. Еще раньше то же делали уполномоченные Министерства внутренних дел по делам призрения беженцев¹²². 21 августа 1919 г. Совет министров отпустил министерству из военного фонда кредит в 15 млн руб. на оказание помощи беженцам в пути следования¹²³. Продовольственная помощь была рассчитана на 100 тыс. беженцев¹²⁴. К работе с беженцами были привлечены муниципальные и общественные организации. Например, действовавшие при уполномоченных Министерства внутренних дел Бюро труда в Куломзино, Новониколаевске, Томске, Красноярске, Иркутске, Сретенске и Чите состояли из представителей земств, городов, кооперативов¹²⁵.

Железнодорожная администрация и беженские организации направляли мигрантов в наиболее обеспеченные продовольствием и жильем районы, не учитывая наличие свободных рабочих мест. Поэтому мало кто из беженцев смог найти работу, и содержание всех легло на плечи государства. 27 августа 1919 г. правительственное совещание по вопросу о расселении беженцев признало возможным оставлять в городах только беженцев – рабочих и служащих городских предприятий и учреждений или тех, чья профессия требует пребывания в городе. Остальных – регистрировать и селить в местностях, предписанных планом расселения. Немного выручало привлечение беженцев к уборке урожая в хозяйствах казаков, призванных на военную службу¹²⁶.

Наряду с Красным Крестом беженским делом занимались многие другие благотворительные организации и муниципальные

---

¹²² Русская речь (Новониколаевск). 1919. 29 июля.

¹²³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 49об.

¹²⁴ ПВ. 1919. 14 авг.

¹²⁵ Минаев В.В. Демографические факторы обострения... С. 218.

¹²⁶ Белое движение. С. 345.

органы. Деятельность большинства из них координировалась Российским Красным Крестом. Он аккумулировал серьезные средства, полученные в виде пожертвований от общественности. 15 октября 1919 г. Совет министров отпустил Министерству внутренних дел на приобретение теплой одежды для беженцев 10 млн руб. (вместо просимых 15 млн руб.)¹²⁷.

Очевидно, что государственные расходы на помощь беженцам в августе–октябре 1919 г. увеличились на порядок. Но и этого было недостаточно, особенно если учесть примерно десятикратную инфляцию за истекший год. Тогда станет понятно, что подобное увеличение в лучшем случае незначительно перекрывало прошлогодние расходы в их реальном выражении. Дефицит средств по-прежнему не позволял развернуть полноценную работу по реабилитации и адаптации основной массы беженского населения. Жители созданных на казенный счет беженских барачков, как показало обследование положения беженцев в Томске, жили в абсолютно пустых помещениях и спали вповалку на грязном полу¹²⁸. Во Владивостоке отведенные беженцам военные казармы оказались в таком ужасном состоянии, что насильно заселяемые туда беженцы разбегались по городу. Они прятались от санитарных служб, предоставлявших бесплатную баню, опасаясь, что после помывки их снова принудительно заселят в эти казармы¹²⁹.

Раньше общественная благотворительность выражалась, главным образом, в сборе пожертвований для армии и организации подарков для военнослужащих к рождеству или пасхе. Летом 1919 г. на фоне углубления бедственного положения населения и приближения фронта к Сибири поле деятельности благотворителей расширилось и стало более практичным.

Созданный летом 1919 г. Объединенный комитет общественных организаций помощи армии за две недели собрал 1,7 млн руб. пожертвований. Этот комитет оказывал содействие Красному Кресту: строил для него госпитали, оборудовал пункты питания для беженцев и солдат. Заготовка продовольствия тоже легла

---

¹²⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 208об.

¹²⁸ Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX в. Томск, 2000. С. 255.

¹²⁹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 889. Л. 10–11.

на его плечи, причём удалось решить вопрос даже о доставке 50 ведер молока для больных солдат и беженцев. Солдатам на пригородных к Омску станциях раздавали чай, мыло, табак и сахар. При управлении воинского начальника ст. Омск был создан специальный пункт для безвозмездного питания солдат, которые по формальным соображениям не могли быть официально зачислены на довольствие. Комитет осуществлял и такие работы, как подготовка бань для прибывавших в Омск солдат и беженцев, оборудование вагонов-бань для фронта¹³⁰.

Но кардинально повлиять на работу государственных и муниципальных служб общественность не могла. Нужно было дальнейшее расширение масштабов государственного вмешательства. Осенью 1919 г. железная дорога оказалась заблокирована сотнями поездов, использовавшихся как жильё для беженцев. Дальнейшая эвакуация затруднялась скоплением людей, уже прибывших в Сибирь ранее. Перенаселенные беженцами окраины сибирских городов стали очагами распространения эпидемии тифа и других заразных и инфекционных болезней. В условиях ужасающей скученности бороться с эпидемиями было невозможно. Главные очаги – госпитали, приюты, беженские бараки – необходимо было полностью переселять для дезинфекции. Но переселять было некуда. В Новониколаевске пришлось заселить беженцами даже противочумную дезинфекционную камеру¹³¹. Правительство с запозданием, но осознало проблему. 23 июня 1919 г. Совет министров выделил 2,3 млн руб. на борьбу с тифом на водных путях сообщения. 11 августа 1919 г. Совет министров постановил выделить ещё 85 млн руб. на дезинфекционные и санитарные работы, постройку жилых помещений для нужд армии и беженцев. Всего через несколько дней, 20 августа, последовало ещё одно, куда более радикальное решение. В структуре Министерства внутренних дел создавался Высший строительно-распорядительный комитет, призванный объединить усилия всех ведомств и организаций, занятых возведением санитарных и жилых помещений для армии и беженцев. Уже отпущенный министерству на

---

¹³⁰ ПВ. 1919. 15 авг.

¹³¹ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 111. Л. 7об.–8.

эти нужды кредит в 100 млн руб. расширяться до 400 млн руб.¹³² Смету вновь созданного комитета утвердили на заседании только 6 сентября 1919 г. Представители разных ведомств, исходя из масштабов беженства и вызванного им ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки, запрашивали увеличить смету до 600 млн руб. Просьба встретила резонное возражение – за отсутствием рабочей силы едва рассчитывали освоить даже те 400 млн руб., что уже были выделены¹³³. Очевидно, правительство осознавало свою неспособность в полном объёме решать стоявшие перед ним задачи по созданию сносных условий для приема беженцев. Через месяц, 6 октября, Совет министров, пойдя по более легкому пути решения проблемы, представил Высшему строительно-распорядительному комитету право отчуждать необходимые помещения «для оборудования санитарных мест и размещения беженцев»¹³⁴.

К сожалению, источники не позволяют дать точную демографическую картину вынужденной миграции в восточных регионах России в годы Гражданской войны. Публиковавшиеся данные в одних случаях сильно занижены, так как многие беженцы не регистрировались, перемещались без билетов. В других, наоборот, статистические данные о количестве беженцев завышались. Происходило это потому, что правительственные и общественные организации, осуществлявшие помощь беженцам, старались таким образом добиться увеличения государственных субсидий. Нельзя исключать и банальное расхищение средств, как предполагает В.В. Минаев, в отношении питательных пунктов¹³⁵.

Осенью 1919 г. только на Транссибирской магистрали находилось по приблизительным оценкам около 800 тыс. беженцев¹³⁶. Некоторые из них, за неимением жилья, продолжали располагаться под открытым небом. Неудивительно, что временная ста-

---

¹³² ПВ. 1919. 11 сент.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 46.

¹³³ ПВ. 1919. 24 сент.

¹³⁴ Там же. 6 нояб.

¹³⁵ Минаев В.В. Демографические факторы обострения... С. 218.

¹³⁶ Рынков В.М. Эвакуационные мероприятия антибольшевистских сил на востоке России // История Сибири, 1583–2006. Проблемы и перспективы: Сб. материалов науч. конф. Новосибирск, 2006. С. 186.

биллизация фронта в сентябре 1918 г. привела к скорейшей подготовке реэвакуации беженцев. Даже комиссию по эвакуации переименовали в совещание по деэвакуации и устройству служащих и правительственных учреждений. Но отступление Белой армии в октябре продолжилось, что не позволило осуществить эту идею. Случай частичной реэвакуации Тобольска в начале октября 1919 г. является исключением¹³⁷. Главное, что готовившаяся с августа эвакуация под влиянием событий на фронте практически прервалась на два месяца. Когда настала пора оставлять Омск, почти неподготовленное бегство населения этого громадного чиновничьего мегаполиса окончательно подорвало и без того еле дышавшую систему обеспечения беженцев, работу транспортных и санитарных служб. О роковом значении для «белого» движения оставления столицы уже писали¹³⁸. Можно добавить, что за этот просчет была заплачена громадная социальная цена. Вагоны с Российским правительством выехали из Омска 10 ноября, за 4 дня до прихода Красной армии. В дальнейшем власть практически потеряла контроль над перемещением беженцев, обрекая всех на самостоятельную борьбу за выживание. В ноябре 1919 г. к массе спасавшихся бегством людей присоединились многие горожане Западной Сибири. Количество беженцев в Иркутске оценивалось газетами в 50–100 тыс. чел., в Томске статистические обследования зафиксировали прирост населения за 1918–1919 гг. на 100 тыс. чел., причём беженский поток осени 1919 г. увеличил население города на 61 тыс. чел.¹³⁹ Омск перед эвакуацией насчитывал в 5 раз больше жителей, чем до начала Гражданской войны (500 тыс. жит.), Новониколаевск – в 2,5 (195 тыс. жит.), Петропавловск – в 3 (90 тыс. жит.) раза¹⁴⁰. Во Владивостоке в 1920 г. сосредоточилось около 1 млн чел., т.е. население города возросло приблизительно в 6–8 раз.

¹³⁷ Тобольский стрелок (Тобольск). 1919. 4 окт.; Сибирская жизнь (Томск). 1919. 24 окт.

¹³⁸ Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М., 2005. Ч. 3. Кн. 2. С. 345; Зырянов П.Н. Омская эвакуация... С. 119–139.

¹³⁹ Романов Н.С. Летопись города Иркутска... С. 368; Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск... С. 123, 255.

¹⁴⁰ Рипп Г.Х. Советская военная медицина во время гражданской войны и интервенции в Сибири (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1987. С. 14.

Транссибирская магистраль оказалась почти полностью остановлена. Хотя для её разгрузки правительство распорядилось запретить выезд беженцев из городов Западной Сибири на восток. Железная дорога должна была принимать пассажиров только по удостоверениям правительственных учреждений на право выезда или эвакуации¹⁴¹. Именно масштабная эвакуация правительственных учреждений создала окончательный затор на железнодорожных путях. При наличии денег многие старались купить лошадь, так как гужом можно было продвигаться на восток даже быстрее, чем поездом¹⁴². Тысячи подвод потянулись по проселочным дорогам на восток. Газеты даже сообщали, что впервые за долгие месяцы в сибирских городах пустовало множество квартир¹⁴³. Вряд ли удастся достоверно подсчитать, какое количество мигрантов из европейской части России осталось в Сибири, сколько вернулось домой, а сколько эмигрировало за рубеж, сколько сибиряков присоединилось к беженцам в конце 1919 г.

На исходе 1919 г. почти вся хозяйственная деятельность Российского правительства свелась к обеспечению эвакуации и мерам по призрению раненых военнослужащих. Мероприятия последних дней существования Российского правительства свидетельствуют о том, что государственные структуры были не в состоянии эффективно продолжать свою работу. В декабре 1919 г. роль высшего органа власти всё больше ограничивалась финансированием негосударственных организаций. Уже упоминалось, что в декабре 1919 г. Совет министров неоднократно ассигновал Американскому Красному Кресту крупные суммы на возмещение расходов по снабжению русской армии и населения. 23 декабря правительство утвердило выдачу 30 млн руб. технико-строительному отделу Сибземгора на постройку барачных корпусов для беженцев и военнослужащих¹⁴⁴. Это была последняя мера, принятая колчаковским режимом в социальной сфере.

---

¹⁴¹ Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 19 нояб.

¹⁴² Енборисов Г.В. От Урала до Харбина: памятка о пережитом. Шанхай, 1932. С. 80–81.

¹⁴³ Сибирская жизнь. 1919. 11 дек.

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 46. Л. 406.

6.3. Здравоохранение в тылу и на фронте

Данный сюжет, хотя и имеет чрезвычайное значение для периода Гражданской войны, долгое время почти оставался на периферии внимания исследователей. Советские историки медицины по определению должны были критиковать колчаковское здравоохранение и поэтому были далеки от стремления к взвешенному научному анализу его состояния. Существует две современные публикации Ю.П. Горелова, в которых рассмотрена организация госпиталей в Белой армии¹⁴⁵. В одной из них автор указал, что уже летом 1918 г. в Западно-Сибирском военном округе действовало 15 военно-лечебных учреждений, обслуживавших 250 офицеров и 4,5 тыс. солдат¹⁴⁶. Здесь очевидная ошибка. Данные, вероятно, относятся к лету 1919 г., как и все остальные сведения, приведенные в упомянутых тезисах. Недавняя монография этого автора не добавляет ничего нового к уже введенной им в научный оборот информации, так как, вопреки указанным в названии глав хронологическим рамкам (до 1918 г. включительно), описывает, главным образом, дореволюционный период¹⁴⁷. Появившиеся в последнее время исследования С.С. Ипполитова и А.А. Мышанского значительно более обстоятельны, но они страдают некритическим восприятием информации и позиций источников, воспроизводят ведомственный взгляд на проблему (в первом случае – документации Красного Креста, во втором – муниципальных органов здравоохранения)¹⁴⁸.

Медицинские учреждения и санитарные службы на востоке России находились в различном положении в зависимости от региона. В Поволжье и на Урале существовала давняя, уходящая многолетними корнями в прошлое, земская медицина. В годы

---

¹⁴⁵ Горелов Ю.П. К вопросу госпитального обслуживания армии Колчака // История «белой» Сибири: Сб. тезисов. Кемерово, 1995. С. 53–56; Он же. Из опыта госпитального дела белой армии Сибири // История «белой» Сибири: Тез. второй науч. конф. Кемерово, 1997. С. 70–73.

¹⁴⁶ Он же. Из опыта госпитального дела... С. 71.

¹⁴⁷ Он же. Сибиряки на защите отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003.

¹⁴⁸ Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность... С. 54–115; Мышанский А.А. Органы местного самоуправления... С. 102–119.

Первой мировой войны Земско-городской союз организовал около 4 тыс. госпиталей. Некоторая их часть оказалась позже на антибольшевистской территории. Они почти не работали летом 1918 г., но оставался медицинский персонал и организационный опыт работников органов местного самоуправления. Воссоздание лазаретов на Урале взял на себя Екатеринбургский комитет Всероссийского союза земств и городов. Запросив у Временного областного правительства Урала 1 млн 300 тыс. руб., он недостаточно обосновал свои сметные предположения и сумел получить 4 октября 1918 г. от уральской власти санкцию на расходование только 500 тыс. руб.¹⁴⁹ Опираясь на уже существовавшие муниципальные медицинские службы, ни Комуч, ни Временное областное правительство Урала не предполагали разворачивать специальные государственные структуры. Такая модель могла продолжать работать только при наличии достаточных государственных субсидий, которые едва ли были по силам поволжским и уральским властям.

Сложнее выглядела ситуация в Сибири и на Дальнем Востоке. С созданием земств осенью 1917 г. врачебные отделения губернских, областных и уездных управлений подверглись расформированию, а всю их материальную базу передали врачебно-санитарным отделам губернских и уездных земств и городских управ. Ликвидация органов местного самоуправления советской властью происходила в период становления этих отделов. Когда после антибольшевистского переворота работа земских и городских учреждений была восстановлена, они, как и год назад, продолжали находиться в стадии формирования. Угроза эпидемии осенью 1918 г. стала для земской и городской медицины серьезным испытанием. Был налажен гигиенический и санитарно-эпидемиологический контроль, предпринимались усилия по противоэпидемиологической пропаганде. На вакцинацию населения органами самоуправления Сибири из государственного бюджета выделили более 10 млн руб. По мнению А.А. Мышанского, всё это к октябрю 1918 г. позволило нормализовать санитарно-эпидемиологическую ситуацию в регионе¹⁵⁰.

¹⁴⁹ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 41. Л. 9–9об.

¹⁵⁰ Воля Сибири (Красноярск). 1918. 2 авг.; Белое движение. С. 55; Мышанский А.А. Органы местного самоуправления... С. 104–105.

Помощь муниципалитетам входила в задачу отдела народного здоровья Министерство внутренних дел. Это ведомство изначально признало, что муниципальные органы имеют богатый опыт в сфере здравоохранения, и лучший вид помощи со стороны государства – деньгами. В сентябре 1918 г. из казны было отпущено 2 млн руб.¹⁵¹

Хотя Административный совет Временного сибирского правительства ещё осенью 1918 г. выделил небольшие средства на борьбу с эпидемическими и заразными болезнями¹⁵², принятых мер было явно недостаточно. В конце 1918 г. в городах Сибири снова возникла опасная эпидемиологическая ситуация. Очагами распространения тифа стали тюрьмы и места компактного проживания беженцев – вокзалы, станции, загородные дачи и пригороды. 3 декабря Совет министров Российской правительства отпустил Министерству юстиции на борьбу с тифом в местах заключения 250 тыс. руб. (вместо просимых 1 млн), а 4 февраля 1919 г. выделил ещё 500 тыс. руб. для этих же целей¹⁵³. 6 декабря 1918 г. городам Западной Сибири на антитифозные мероприятия перечислили 5 млн руб., которые 8 января 1919 г. распределили между получателями на основании предложений Министерства внутренних дел¹⁵⁴. Пособия выдавались в размере от 50 до 100% от предполагаемых расходов, т.е. государство иногда брало целиком на себя расходы по борьбе с эпидемиями. А.А. Мышанский, опиравшийся на земские источники, уверяет, что органам самоуправления, благодаря своевременно выделенным средствам и слаженным действиям врачебного персонала, удалось подавить очаги эпидемии в Сибири на рубеже 1918–1919 гг.¹⁵⁵

В действительности отчеты явно приукрашали реальную картину. Эпидемия шла с запада и распространялась от фронта в тыл. В связи с этим наблюдалась большая административная активность, нацеленная на решение вопросов санитарно-эпидемиологического характера. Но администрирование без фи-

---

¹⁵¹ ПВ. 1919. 9 апр.

¹⁵² ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 33–33об., 44–44об.

¹⁵³ Там же. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 53. Л. 74.

¹⁵⁴ Там же. Л. 6об.

¹⁵⁵ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления... С. 104–105.

нансовой поддержки дает очень скромный эффект. Городские управы проявили готовность всерьёз заняться улучшением санитарного положения городов, но делать это они собирались на средства казны. Своих денежных ресурсов у них не было. С осени 1918 г. земский и городской отделы Министерства внутренних дел, Особое совещание по финансированию предприятий общегосударственного значения оказались завалены просьбами городов о субсидиях на очистку улиц, строительство или ремонт канализационных или водопроводных сооружений, модернизацию ассенизационных служб. Обосновать необходимость такого рода работ с точки зрения интересов коммунального хозяйства было несложно. В городах страны в последние годы обнаружилась заметная деградация. В период революционного бурления страны скопление нечистот приобрело катастрофический характер. Сразу оговоримся – это было ещё не грязное антисанитарное дно революции, а только начало сползания к нему¹⁵⁶.

Государственные инвестиции в городское хозяйство могли бы если не спасти ситуацию, то, по крайней мере, отдалить наступление катастрофы и смягчить остроту вопроса. Но, как известно, данная проблема была не единственной, и правительству приходилось затыкать множество других дыр, помимо этой. Скромные средства, отпускаемые государством на удовлетворение санитарно-гигиенических нужд городов и земств, распределялись не очень эффективно. Примечателен и сам принцип их выделения. Правительство явно не понимало или не желало учитывать чрезвычайность ситуации, обуславливая субсидирование муниципалитетов нормами дореволюционного права (законы от 15 мая 1911 г. и 26 июня 1914 г.). Совет министров предпочитал добавлять деньги к средствам, уже изысканным городом. Чтобы получить субсидии правительства, следовало доказать, что сам город готов вкладывать деньги в санитарно-гигиенические мероприятия. Отсутствие средств у города могло стать причиной для отказа ему в помощи. Следовательно, деньги выделялись городам с наименее дефицитным бюджетом, а не самым пострадавшим от

---

¹⁵⁶ Нарский И.В. Канализация хаоса и хаос канализации: санитарно-гигиеническое состояние уральских городов в 1917–1922 гг. // Человек и война. Война как явление культуры. М., 2001. С. 238–262; Он же. Жизнь в катастрофе. С. 130–131.

антисанитарии и эпидемий¹⁵⁷. Кроме того, необходимы были гарантии оплаты выделяемого кредита. Наконец, требовалась четкая смета на весь срок работ, по которой правительство соглашалось выделить средства, и доказательства того, что на отпущенные деньги предполагаемые работы будут действительно проведены. В условиях галопирующей инфляции просчитывать смету на многие месяцы вперед было сложно. Имелись, правда, и новации. Так, за счет казны разрешался наем дополнительного медицинского персонала и закупка лекарств, санитарное оборудование пристаней, что до революции законом не предусматривалось¹⁵⁸.

Учитывая, что из 10 млн руб., затраченных органами местного самоуправления на борьбу с эпидемиями, 5 млн им компенсировало правительство, можно сделать вывод, что до начала 1919 г. санитарно-эпидемиологические мероприятия легли приблизительно поровну на государственный и муниципальные бюджеты. Определить роль общественной благотворительности очень сложно – источники не отражают статистику денежных поступлений в виде пожертвований. Но косвенно можно судить по самому факту активной деятельности местных организаций, специально занятых сбором средств на борьбу с эпидемическими болезнями¹⁵⁹. Полученная от казны на борьбу с эпидемиями сумма была крайне мала. Недаром отдел народного здоровья запросил у Российского правительства ещё 10 млн руб. сразу после распределения первой суммы¹⁶⁰.

Логично, что в условиях дефицита средств широко использовались информационно-пропагандистские методы и меры административного воздействия. Земские и городские учреждения и даже военные власти занялись информированием населения о санитарной обстановке и мерах профилактики эпидемических и заразных болезней. От имени не только городских и земских управ, но и начальников милиции, начальников гарнизонов, уполномоченных по охране государственного порядка и обще-

---

¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 7об.–8.

¹⁵⁸ Там же. Д. 91. Л. 180.

¹⁵⁹ Кустанайский листок (Кустанай). 1919. 5 июня; Белое движение. С. 329.

¹⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 9об.

ственного спокойствия вводились серьёзные санкции за нарушение санитарного режима¹⁶¹.

Пресса тревожилась, что городское население выросло в полтора–два раза, а количество больничных мест осталось прежним. Конечно, это было неверно. Под больницы срочно переоборудовались многие учебные помещения, здания, ранее занятые под увеселительные мероприятия. В начале 1919 г. в 4 уездных больницах Томской губернии появились инфекционные отделения, было создано три временных отряда по борьбе с тифом. В Иркутской губернии открылось 8 барачков для тифозных больных¹⁶². В одном Тарском уезде Тобольской губернии отремонтировано 4 лечебницы и тоже действовало три эпидемиологических отряда¹⁶³. Именно в годы Гражданской войны в земской сети медицинских учреждений зародились новые, более совершенные формы обслуживания населения: посылка медицинских отрядов в отдаленные части губерний и обслуживание больных в медицинских учреждениях соседних областей и губерний в случае отсутствия собственных узких специалистов. Однако не хватало ни помещений, ни медикаментов, ни персонала.

В качестве примера можно привести ситуацию в Енисейской губернии. Ачинские уездное земство и городская управа не смогли противостоять эпидемии. Борьба с ней легла на плечи переселенческого медпункта, кредитуемого из казны местной санитарно-исполнительной комиссией. В Красноярске под тифозный барак пришлось занять глазное отделение городской больницы. Исходя из антисанитарного состояния города и особенно вокзала, медики прогнозировали усиление эпидемии в ближайшее время¹⁶⁴. А.А. Мышанский, говоря об успехах земской и городской медицины, приводит множество примеров, когда из-за отсутствия

---

¹⁶¹ Воля Сибири (Красноярск). 1918. 12 окт., 24 нояб.; Сибирское медицинское обозрение (Красноярск). 1919. № 1/2. С. 56; Белое движение. С. 169, 213, 274, 283, 290, 292, 295, 296; Мышанский А.А. Органы местного самоуправления... С. 106–107.

¹⁶² Мышанский А.А. Органы местного самоуправления... С. 107.

¹⁶³ Угрюмова М.В. Земская медицина и земская школа в Тобольской губернии в годы Гражданской войны // Сибирский исторический журнал. Тобольск, 2004. № 1. С. 95–96.

¹⁶⁴ Сибирское медицинское обозрение. 1919. № 1/2. С. 52–53.

средств муниципальные органы вынуждены были закрывать свои медицинские учреждения или их отдельные службы¹⁶⁵. Трудно понять, из чего складывается убежденность этого автора об улучшении качества работы земско-городской медицины, если она подкрепляется главным образом свидетельствами о катастрофической нехватке персонала в муниципальных больницах и амбулаториях, об отсутствии элементарных лекарств и препаратов. Противоречие фактов выводам налицо. Об этом же свидетельствуют и документы, но не отчетного характера, а материалы текущего делопроизводства. Новые методы работы с больными указывают не на улучшение работы, а на определенную живучесть и умение смягчить процесс падения медицины в глубокую яму неуправляемого кризиса. Обуздание тифозной стихии, о котором писал А.А. Мышанский, санитарным работникам и не мерещилось.

Более стройную централизованную систему борьбы с эпидемиологической чрезвычайщиной восток России получил благодаря санитарно-исполнительным комиссиям. Впервые вопрос обсуждался Российским правительством 6 декабря 1918 г., а 31 января 1919 г. Совет министров распорядился создать их на местах для организации противоэпидемических мероприятий¹⁶⁶. Они носили характер надведомственных чрезвычайных органов. Председатели губернских комиссий, как правило, наиболее авторитетные врачи губернии или уезда, отправляли сметы расходов непосредственно на утверждение министра внутренних дел. Весной 1919 г. комиссии заработали и, объединив усилия военных и гражданских властей, выполняли свои функции значительно эффективнее муниципальных органов. Ведь они директивным образом объединяли усилия земских и городских, военных и государственных гражданских медицинских служб, включали руководителей местной администрации, командующих гарнизонами.

Но межведомственные трения сохранялись и в 1919 г. Помимо отдела народного здоровья Министерства внутренних дел центральными учреждениями, осуществлявшими организацию и координацию медицинского обслуживания, были Временное глав-

---

¹⁶⁵ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления... С. 109–113.

¹⁶⁶ ПВ. 1919. 21 февр.; СУР РП. № 1. Ст. 9; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 92. Л. 55–55об.; Д. 48. Л. 36–37; Сибирское медицинское обозрение. 1919. № 1/2. С. 57.

ное управление Российского общества Красного Креста и Главное военно-санитарное управление Военного министерства. Они почти полностью дублировали функции друг друга. Не приходится удивляться их конфликтным отношениям между собой. По утверждению С.С. Ипполитова, основным инициатором конфликтов было военное ведомство, у которого дела шли гораздо хуже, чем у Временного главного управления. Но следует осторожно относиться к таким выводам – автор изучал проблему только по документам общества Красного Креста и знаком с ней односторонне¹⁶⁷.

Тем не менее борьба с эпидемией была хоть и главной, но не единственной проблемой, беспокоившей гражданскую медицину и создававшей поводы для сотрудничества государственных органов, военных структур, муниципалитетов и общественности. Правительство заботило состояние и других отраслей здравоохранения. Например, из просимых министром внутренних дел 500 тыс. руб. на содержание Томской окружной лечебницы для душевнобольных Административный совет выделил 238 тыс. руб. – тоже немалую сумму¹⁶⁸. Последнее, впрочем, не удивительно, учитывая уникальный характер и масштабы этого учреждения: до революции около $\frac{1}{10}$ всех больничных коек сибирских лечебных учреждений сосредоточивались в этой больнице¹⁶⁹.

Сводные данные о расходах Министерства снабжения и продовольствия на закупку медикаментов рисуют следующую картину: 4 ноября 1918 г. было отпущено на эти средства 3 млн руб., 25 февраля 1919 г. – 12 млн руб. и ещё 12 млн руб. на санитарное снаряжение, 25 октября – 4945 тыс. руб.¹⁷⁰ Появление время от времени денежных средств ставило на первый план вопросы обеспечения медицинских учреждений медико-санитарными принадлежностями. Чтобы исправить плачевное положение в этой сфере, сибирские земства создали центральные аптечные склады и организовали экспедицию в Харбин и Владивосток, а в марте 1919 г.

---

¹⁶⁷ Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность... С. 70.

¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 49.

¹⁶⁹ Федотов Н.П., Мендрин Г.И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 125, 131.

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 41. Л. 259–260.

Временное главное управление Российского общества Красного Креста снарядило закупочную экспедицию во Владивосток и Японию. Но необходимые товары продавались только за валюту. Члены экспедиции выдали задатки, но вскоре поняли, что внутренний рынок не способен принять товары по столь высоким ценам. Задатки были потеряны, экспедиция вернулась ни с чем¹⁷¹.

Медицинские службы востока России пытались уделять внимание восстановлению санаторно-курортных учреждений. Но выяснилось, что одним выделением средств обойтись невозможно. Лесные массивы, отведенные в распоряжение курортов и санаториев, подверглись беспощадной вырубке, крестьяне заселяли территории, отведенные для отдыха пациентов, ценные минеральные источники использовались для хозяйственных нужд и водопоя животных. Томские врачи ещё осенью 1918 г. отметили, что рассчитывать на восстановление всей сети курортов и их развитие в ближайшие годы не приходится. Был смысл наметить и восстановить хотя бы несколько наиболее ценных и перспективных для использования лечебных учреждений реабилитационного характера¹⁷².

И всё же самым главным вопросом, беспокоившим власть, являлась забота о раненых и покалеченных в боях. Этот вопрос заставлял забывать политические обиды и идеологические разногласия. 17 сентября 1918 г. Административный совет Временного сибирского правительства безоговорочно выделил средства на размещение больных и раненых военнослужащих Народной армии в сибирских и уральских госпиталях. Хотя именно в этот день сибирская власть отказала Комучу в приеме гражданских беженцев¹⁷³.

Решающую роль в этой работе государство отводило Красному Кресту. Статус Временного главного управления Российского общества Красного Креста определить очень сложно. С одной стороны, оно формально оставалось общественной организацией, с другой – входило в структуру правительства на правах главного

---

¹⁷¹ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 4. Л. 5об.; Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность... С. 51–52.

¹⁷² Сибирское медицинское обозрение. 1919. № 1/2. С. 23.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 20об.

управления и, что особенно существенно, получало бюджетные деньги; сметные ассигнования подлежали утверждению органами Государственного контроля и отчёту по всем правилам, принятым в бюджетной организации. С декабря 1918 г. по 1 мая 1919 г. Временное главное управление Российского общества Красного Креста израсходовало 20 445 034 руб., из которых частные пожертвования составляли 48 028 руб., правительственные ассигнования – 19 596 639 руб.¹⁷⁴ Цифры неумолимо свидетельствуют, что на помощь раненым государство готово было затрачивать значительно большие средства, чем на борьбу за здоровье гражданского населения.

Одно из объяснений, для чего Российскому правительству нужно было сохранить за Российским обществом Красного Креста статус общественной организации, следует искать в международном аспекте. Важная сторона деятельности Временного главного управления этой организации состояла в получении международного признания. Это позволяло рассчитывать, во-первых, на помощь международных благотворительных организаций, во-вторых, претендовать на собственность общества за границей, оставшуюся с дореволюционных времен и «замороженную» после ликвидации Главного управления Красного Креста большевиками. Непризнанному правительству получить содействие было вероятнее по линии международных благотворительных организаций, чем на государственном уровне. В марте 1919 г. Временное главное управление начало бороться за признание со стороны Постоянного бюро международного Красного Креста в Женеве и 16 августа получило его. Это оказалось очень кстати. Временное главное управление Российского общества Красного Креста координировало деятельность 8 зарубежных представительств. На эту работу пришлось сделать акцент осенью 1919 г., когда Временное главное управление Российского общества Красного Креста было вынуждено быстро сворачивать свою деятельность на востоке России¹⁷⁵.

---

¹⁷⁴ Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность... С. 58.

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 11; Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность... С. 73.

Можно лишь выразить несогласие с С.С. Ипполитовым, который полагает, что значение внутрироссийских и зарубежных организаций Российского общества Красного Креста измеряется в денежном эквиваленте (56% денег ушло за рубеж, 44% израсходовано внутри страны). С.С. Ипполитов приводит сведения за весь 1919 г. Временное главное управление израсходовало внутри страны 28 млн руб., тогда как на зарубежные представительства только с 1 сентября 1919 г. по 1 января 1920 г. было отпущено 37 млн руб. На основании этого он делает вывод о приоритетности финансирования заграничных медицинских служб России. Но следует помнить, что по приводимым им же самим данным, с декабря 1918 по апрель 1919 г. Временное главное управление израсходовало 20 млн руб., следовательно, на оставшиеся 8 месяцев приходится всего 8 млн руб.¹⁷⁶, что свидетельствует, на наш взгляд, не столько о свертывании деятельности Российского общества Красного Креста на востоке России (напротив, известно, что осенью 1919 г. она достигла максимума), сколько о том, что ассигнования стали идти по другим каналам. К тому же существует смета Временного главного управления российского общества Красного Креста на вторую половину 1919 г., предусматривавшая расход 198 377 244 руб.¹⁷⁷ Уважаемый автор забывает также об инфляции. 37 млн руб., истраченные в конце 1919 г. за рубежом, в реальном выражении стоили намного меньше, чем 20 млн руб., отпущенные в начале этого года на внутренние нужды. Судя по контексту событий, накануне своего краха Российское правительство предусмотрительно санкционировало перевод активов за рубеж, в том числе и по линии Российского общества Красного Креста.

Не сопоставим с деятельностью гражданских медицинских служб, государственных и муниципальных, масштаб медицинской работы на фронте и на нужды фронта. Работа на этом направлении была более скоординирована и финансово обеспечена. К марту 1919 г. на фронте действовало 43 медицинских учреждения Российского общества Красного Креста на 2730 коек.

¹⁷⁶ Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность... С. 74–75.

¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 42. Этот документ должен быть известен и С.С. Ипполитову, многократно ссылавшемуся в своей диссертации на это дело.

Отступление армии заставило передислоцировать многие из них. Несмотря на неудачную эвакуацию Перми, больные и раненые были в основном вывезены, медики работали на пределе возможностей. Из Уфы, Златоуста и Челябинска удалось эвакуировать всю материальную часть Красного Креста, кроме деревянных кроватей. Летом 1919 г. развернули госпитали в Куломзино и Омске, приспособив под них любые подходящие помещения, даже мельницы. Появилось 4,5 тыс. новых коек. В июле 1919 г. особоуполномоченный Российского общества Красного Креста при Южной армии А.А. Булыгин организовал санитарный отряд из 12 транспортно-перевязочных обозов (400 повозок), 12 врачей, 161 сестры милосердия и 470 рабочих и санитаров (другие архивные данные говорят о 350 чел. всего медперсонала). 12 сентября отряд выступил из Омска и прошел с Южной армией до Китая¹⁷⁸.

В августе–сентябре 1919 г. в связи с отступлением за Урал пришлось спешно разворачивать сеть санитарно-медицинских учреждений в Прииртышье. Госпитали расположились на вокзалах, в вагонах, обывательских квартирах. Больных и раненых с трудом успевали вывозить в тыл, используя товарные вагоны, почти без сопровождения медперсонала. Военно-медицинские службы столкнулись с острейшим недостатком передвижных госпиталей и летучих санитарных отрядов. Для раненых и больных не было белья, медикаментов¹⁷⁹.

К сожалению, источники гораздо больше сообщают о проектах Российского общества Красного Креста по созданию медицинских учреждений для фронта и тыла, чем о проделанной работе. С.С. Ипполитов, вслед за источниками, увлекается перечислением планов, оставляя в стороне вопрос о том, какая часть из них реализована¹⁸⁰. Исследование Г.Х. Риппа больше нацелено на воспроизведение реальной картины, правда, концентрируется на том, что не

---

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 24, 35, 37–38; Д. 54. Л. 19–19об.; ГАОО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 1. Л. 16; Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность... С. 94–95.

¹⁷⁹ ГАОО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 1. Л. 22; Д. 2. Л. 18, 51, 67; Д. 3. Л. 4, 21, 24; Д. 4. Л. 5, 15, 24.

¹⁸⁰ См., например: Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность... С. 89–90.

смогли сделать колчаковские медицинские службы. Автор дает сведения о развитии эпидемии на востоке России. Динамика заболеваний тифом всех видов по восьми губерниям Сибири выглядела следующим образом: в ноябре 1918 г. – 2,5 тыс., в декабре – 10 тыс., в январе 1919 г. – 11,9 тыс., в феврале – 9,7 тыс., а всего за июль 1918 – февраль 1919 г. – 34 773 случая заболевания. За год же с июля 1918 г. по июль 1919 г. было учтено 131 866 случаев. Но настоящая эпидемия разыгралась осенью 1919 г. За один сентябрь зарегистрировали 20 тыс. заболевших¹⁸¹. На Урале наблюдалась та же ужасающая картина. В Уфимской губернии было 69 520 заболевших тифом (показатель в 15 раз выше дореволюционного). С весны 1919 г. волна эпидемии захлестнула прифронтовую Пермскую губернию¹⁸². На Урале города переходили от «красных» к «белым» по несколько раз. Сложность военно-политической обстановки не позволяет разделить долю «ответственности» за эпидемии советской и колчаковской медицины. Хотя едва ли в этом вопросе вообще применим обвинительный тон.

Именно армия стала главным источником заразных болезней. Рассчитанная на помощь раненым, военная медицина не справлялась с эпидемическими напастями. Медики не имели возможности отделить больных солдат от здоровых, зараженные гарнизоны от гражданского населения. Невозможно было без медикаментов лечить голодных, раздетых людей¹⁸³.

Несмотря на присутствие элементов героизма в действиях отдельных работников медучреждений, в целом возникали сложности с привлечением людей к столь опасной работе. Российское правительство предприняло ряд шагов к стимуляции труда такого рода. 19 декабря 1918 г. Совет министров утвердил предложение Министерства внутренних дел о переименовании городских врачей в уездных. Сельские участковые, объездные врачи, фельдшеры и повивальные бабки сокращались везде, где возникли земские учреждения. Это позволило существенно поднять уровень оплаты медицинскому персоналу – уездным врачам до 600 руб.,

---

¹⁸¹ Рипп Г.Х. Советская военная медицина... С. 13.

¹⁸² Нарский И. Жизнь в катастрофе. С. 137.

¹⁸³ Детальное описание масштабов трагедии см.: Рипп Г.Х. Советская военная медицина... С. 13–19.

фельдшерам до 500 руб. в месяц¹⁸⁴. С 1 апреля 1919 г. в сторону резкого повышения были пересмотрены пенсии и пособия семьям медицинских работников, умершим от заразно-эпидемических болезней при исполнении служебных обязанностей. Расширился круг получателей таких пенсий (за счет муниципальных служащих и персонала больничных касс). Пенсия предусматривалась в 2000 руб. в год врачам, 400–800 руб. – медперсоналу, а также единовременное пособие семье умершего в размере его годового содержания¹⁸⁵. Велики ли были такие денежные стимулы? Судить об этом позволяет самооценка медиками своего материального положения. Уже в январе 1919 г., т.е. в первый месяц действия повышенных окладов, профессиональная медицинская пресса сообщала, что рост зарплаты на 25% был совершенно не ощутим, так как вознаграждение за труд оставалось нищенским. Гражданские медики выживали, работая на износ в двух–трех местах, выискивая малейшую возможность заработать на частной практике. Это не могло позитивно влиять на качество медицинского обслуживания. Мобилизованным врачам, обязанным за ту же оплату отбывать на службе целый день, приходилось намного сложнее¹⁸⁶.

В деятельности российских медицинских служб сказывалось не только низкое материальное обеспечение, но и цивилизационные особенности. В России всегда относились к человеческой жизни гораздо менее бережно, чем в европейской социокультурной традиции. В эпоху социальных катаклизмов эта тенденция только усиливалась¹⁸⁷. По отзывам американского медицинского персонала, российские медики были нечистоплотны, не выдерживали правил стерилизации и вообще достаточно небрежно относились к тяжелораненым. Служащих американских госпиталей, снабженных противомоскитными сетками, особенно удивляло нежелание россиян позаботиться о минимальном комфорте своих пациентов – тяжелобольных в теплое время года буквально до полусмерти закусывали кровососущие насекомые. Существовал даже негласный запрет брать на работу российский персонал, хо-

¹⁸⁴ ПВ. 1919. 23 янв.; ЗДРП. Вып. 2. С. 32–35.

¹⁸⁵ ПВ. 1919. 3 сент.; СУР РП. № 14. Ст. 224.

¹⁸⁶ Сибирское медицинское обозрение. 1919. № 1–2. С. 50.

¹⁸⁷ Зима Н.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945. М., 2000. С. 60–78.

тя и в американских госпиталях отмечалась острая нехватка работников¹⁸⁸. Со стороны российских медицинских служб тоже наблюдалось пренебрежение к американским коллегам за лучшую обеспеченность, за боязнь грязной работы и даже за незнание русского языка, подчас не позволявшее американцам эффективно выполнять свои обязанности¹⁸⁹. Было и подозрение в симпатиях к «красным». Конечно, предположение Н.Г. Линчевской, что американских медиков не любили за то, что они не участвовали в боях, как англичане или японцы, не более, чем недоразумение¹⁹⁰. Всем было хорошо известно, что служащие миссий Красного Креста никогда не участвовали в боевых действиях.

В условиях крупномасштабной войны и эпидемии только государство могло осуществлять работу по обеспечению медицинского обслуживания армии. Но эта часть правительственной деятельности оставалась открыта и для сотрудничества с общественными благотворительными организациями. Давний опыт российской благотворительности здесь не пропал даром. В общественном сознании очень четко фиксируется всплеск озабоченности состоянием военной медицины и готовность помогать как материально, так и через организационное участие. Этот всплеск, наблюдаемый в 1919 г., сопоставим с усилением общественного участия в медицинском обслуживании нужд фронта в 1915–1916 гг. и, напротив, контрастирует с забвением санитарно-медицинских проблем в 1917 – первой половине 1918 г. Практически в каждом уездном городе существовала организация для сбора средств и оказания помощи раненым воинам. В губернских центрах таких организаций могло насчитываться несколько. Как правило, они поддерживали конкретные местные лечебные учреждения, и сводных данных о результатах их деятельности не существует. Всё же финансовая роль такой благотворительности была более чем скромна в сравнении с десятками миллионов рублей, требовавшихся на обслуживание медицинских учреждений в масштабах государства.

Исследователь С.С. Ипполитов приходит к выводам, которые мы приведем целиком: «Организации российской благотвори-

---

¹⁸⁸ Лоусон Т. Хилл-мл. Американка в Сибири... С. 241, 278.

¹⁸⁹ ГАОО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

¹⁹⁰ Линчевская Н.Г. Американский «Красный Крест»... С. 161–162.

тельности явились неотъемлемой частью антибольшевистских правительств, дублируя или полностью замещая деятельность некоторых “государственных” органов. Вместе с тем, приходится признать, что этот процесс постепенно превратился в попытки подчинить всю деятельность благотворительных организаций “правительственным” задачам. Возникающее здесь противоречие с определением понятия “благотворительность” не носит в данном случае принципиальный характер. Оказание медицинской и санитарной помощи в условиях военного времени не могло осуществляться на “добровольных” и “независимых” началах, однако сама природа российских благотворительных организаций от этого вынужденного подчинения не изменилась¹⁹¹. Признавая тщательность проделанной исследователем работы по выявлению ключевых фактов, можно в корне не согласиться с приведенным выводом, который, видимо, призван подогнать выявленный материал под общую концепцию диссертации. Очевидно, что Временное главное управление Российского общества Красного Креста быстро превратилось в государственную структуру. Не общественная благотворительная организация выполняла функции государственных органов, а государство использовало общественную инициативу, что позволяло гибче справляться со своими задачами. Вывод о сохранении в неизменном виде природы благотворительных организаций полностью опровергается даже тем материалом, который приводит сам С.С. Ипполитов. Она под влиянием войны совершенно трансформировалась, так как не только Российское общество Красного Креста, но и другие крупные организации могли функционировать только встраиваясь в государственный аппарат и переходя на государственное финансирование. Само применение термина «благотворительность» в данном случае допустимо с большой натяжкой.

С.С. Ипполитов цитирует письмо М.Л. Киндякова В.Н. Пепеляеву, в котором тот отмечает, что Временное главное управление Российского общества Красного Креста не является самостоятельной организацией. По его мнению, это лишь подсобная часть Военно-санитарного управления, при этом оно само по

---

¹⁹¹ Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность... С. 107.

инициативе правительства вбирает в себя более мелкие благотворительные организации¹⁹². Все же очевидно, что частная благотворительность серьезно подпитывала усилия государства по медико-санитарному обслуживанию армии и гражданского населения средствами и, в большей степени, людьми. В Омске один из крупных госпиталей с июня 1918 до апреля 1919 г. содержался на частные пожертвования, в июле Дамский комитет сформировал добровольческий отряд в 600 чел., предложивший Российскому обществу Красного Креста бесплатно обслуживать его медицинские учреждения¹⁹³. Публичный сбор пожертвований общественными благотворительными организациями на борьбу с эпидемиями имел место в Ачинске, Кустанае, Омске, на помощь увечным и раненым воинам – практически во всех городах востока России, более или менее длительное время остававшихся под властью «белых»¹⁹⁴. Причём общественное движение в помощь государству не ослабевало по мере усиления военных неудач Белой армии. Г.К. Гинс отмечал, что накануне эвакуации Омска в октябре 1919 г. наблюдалась особенно оживленная работа Всероссийского союза земств и городов по созданию санитарных отрядов, открытию лазаретов, сбору пожертвований¹⁹⁵.

Всё это наталкивает на мысль, что и отрицать роль общественной благотворительности никак нельзя. Хотя именно так делает, например, Ю.П. Горелов. Он однозначно поставил в один ряд местных медицинских органов государства полевые санитарные управления, учреждения Красного Креста, земские, городские, религиозные и общественные организации¹⁹⁶. Здесь правильнее говорить об очень тонком симбиозе, возникшем стихийно и, вероятно, без тщательно продуманной политики. Сказалось то, что большинство крупных чиновников правительственного аппарата, отвечавших за социальное призрение, работу с бежен-

¹⁹² Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность... С. 70.

¹⁹³ ГАРФ. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 19об.; Ипполитов С.С. Российская благотворительная деятельность... С. 70.

¹⁹⁴ Вестник Тобольской губернии (Тобольск). 1919. 7 янв.; Белое движение. С. 237, 270, 304, 325, 327, 329.

¹⁹⁵ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 2. Ч. 3. С. 380.

¹⁹⁶ Горелов Ю.П. К вопросу госпитального обслуживания... С. 53–56; Он же. Из опыта госпитального дела... С. 70–73.

цами, медицинское обслуживание, в недавнем прошлом сами были не государственными служащими, а общественными деятелями. Они использовали свой опыт, опирались на привычные им силы, но оказались в совершенно новой ситуации. Общественные организации были не в состоянии аккумулировать средства, достаточные для самостоятельной работы. Поэтому в финансовом отношении общественная работа стала частью государственного бюджета. Закономерен и финансовый контроль за их деятельностью со стороны государства. При этом слияние государства и общественных благотворительных организаций принимало разные очертания. Местные общества сохраняли свой общественный характер в полной мере. Российское общество Красного Креста превратилось в государственное учреждение, выросло в него из частной инициативы. Крупные организации общероссийского и губернского уровня имели, как правило, два источника финансирования – частные пожертвования и государственные субсидии. Следовательно, они носили переходный характер.

Ближе к финалу белого движения можно встретить и другие сценарии, лишь подтверждающие общий вывод. Активизировавшие свою работу в конце 1919 г., благотворительные учреждения Забайкалья не могли покрыть свои потребности с помощью добровольных взносов. Тогда в сентябре 1919 г. Читинская торгово-промышленная палата разверстала между коммерсантами в форме самообложения сумму в 4,6 млн руб., предупредив, что неплату будут рассматривать как уклонение от государственных повинностей. Штаб Приамурского военного округа поддержал это начинание и создал Бюро помощи больным и раненым, которое сочетало сбор добровольных пожертвований с принудительной заготовкой продовольствия и предметов первой необходимости¹⁹⁷. Такая принудительная благотворительность под присмотром солдатских штыков чем-то напоминала известные культсборы и прочие виды самообложения, широко применявшиеся советской властью в деревне 1920–1930-х гг.

---

¹⁹⁷ Василевский В. Забайкальская белая государственность: Краткие очерки истории. Чита, 2000. С. 35.

* * *

Среди множества антибольшевистских государственных образований, возникших на востоке России в годы Гражданской войны, лишь три крупнейших оказались вовлечены в сферу государственного призрения. Все они достаточно четко отделяли задачи социальной работы от остальных социально-экономических проблем, решением которых традиционно занимается государство. Сибирский государственный аппарат проявил наибольшую готовность бороться с социальными последствиями форс-мажорных обстоятельств. Именно в его недрах (сначала Временного сибирского, потом Российского правительств) достаточно быстро появились специализированные управленческие структуры.

При этом ключевые управленческие позиции в области социальной работы заняли не сибиряки, а выходцы из европейской части России и особенно из Поволжья. Многие из них начинали сотрудничать с Комучем, но по-настоящему нашли себя в Сибири. Это свидетельствует о том, что в Сибири, лишенной опыта земской работы и удаленной от фронтов Первой мировой войны, не сформировался соответствующий кадровый потенциал и дух служения обществу.

В антибольшевистский период на востоке России сохранился симбиоз государства и общества в борьбе с чрезвычайными социально-демографическими проблемами. Общественные структуры, окрепшие за годы Первой мировой войны, продолжали прежнюю деятельность. Вместе с тем, наблюдалось ярко выраженное стремление подчинить общественные усилия государственной воле, включить их в единый аппарат социальной работы. Здесь не происходило кардинального слома предшествующей практики, напротив, дореволюционные тенденции нашли своё логическое завершение. Общественная инициатива в период социальных катастроф нуждается в государственной поддержке, а неповоротливость государственного аппарата сглаживается за счет гибкости и инициативности общественных деятелей. Симбиоз этих сил был необходим, хотя в реальности он был далеко не всегда безоблачным.

Наибольшей бедой явилось запаздывание в реагировании государства на социально-демографические вызовы времени. В силу

приоритетности военно-политической борьбы государство выделяло средства и прилагало административные усилия только тогда, когда та или иная проблема приобретала характер катастрофы. Как это ни парадоксально, социальные расходы при этом резко возрастали, а требуемый эффект всё равно не достигался.

Причины такого положения носят объективный характер. В начале XX в. российская государственность ещё не приобрела необходимого опыта социальной работы. Ещё не сформировались навыки прогнозирования гуманитарных катастроф. Естественно, не отработанными оказались и технологии борьбы с ними. Да и мировой опыт в этой сфере только нарабатывался. Россия, едва справлявшаяся в мирное время с повседневными нуждами здравоохранения и общественного призрения, не могла обеспечить необходимый уровень материального и кадрового обслуживания собственных гуманитарных нужд, многократно выросших в годы Гражданской войны.

Здесь впечатляет опыт победителей. С одной стороны, ими был создан механизм эффективной мобилизации громадных ресурсов и всего кадрового потенциала в руках государства, позволявший в целом решать аналогичные задачи с большой отдачей. С другой стороны, придя на Урал и в Сибирь, «красные» на протяжении целого года уделяли социально-демографическим проблемам значительно меньше внимания. В советском лагере социальная работа не отвлекала от решения основных задач – удержания власти.

ГЛАВА 7

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА НА ФОНЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО КРИЗИСА

7.1. Государственные и общественные приоритеты в сфере образования

Культуру можно изучать в двух ракурсах: предметом исследования выступает либо собственно культурная жизнь (литературная, художественная, музыкальная и так далее), либо взаимосвязь культуры и политики. Оба эти подхода получили широкое распространение в отечественной историографии советского периода. Но применительно ко времени Гражданской войны опасно было даже предполагать наличие какой-то осознанной культурной политики в лагере контрреволюции. Можно было изучать только идеологическую работу «врага» и методы противодействия ей большевистских подпольщиков. Все это следовало показывать на фоне деградации материально-технической базы культурной жизни. В последнее десятилетие сформировалось направление в историографии, которое изучает социокультурные процессы в первые десятилетия XX в., в том числе и в антибольшевистский период. Правда, сама культурная политика антибольшевистских правительств так и не стала в последние годы предметом специального исследования. И всё же накоплен достаточный объём информации, позволяющий определить основные социальные приоритеты культурной политики в лагере контрреволюции и параметры взаимодействия государства и общества в процессе их формирования.

Революционный романтизм времен Гражданской войны породил множество проектов преобразования российской культуры, утопических и вполне реалистичных. Но страна оставалась малограмотной, и наиболее значимой проблемой стало создание усло-

вий для доступа широких масс к самому элементарному школьному образованию.

За Уралом перед революцией обеспеченность учебными заведениями оставалась значительно ниже, чем в целом по стране. Это объяснялось как переселенческими мероприятиями, ростом населения за счет миграций, так и общей отсталостью региона. Государство осознавало проблему и уделяло восточным регионам повышенное внимание. Поэтому начальная школа там развивалась опережающими темпами по сравнению с европейской частью страны, где школьное дело находилось в ведении земств. На территории Западной Сибири в 1916 г. действовали 4643 начальные школы, 53 повышенных начальных училища и 57 средних школ. На Дальнем Востоке к 1914 г. функционировали 1708 начальных школ¹.

До революции начальная школа в административном отношении оставалась разорвана между государством, земскими и городскими учреждениями. Постановлением от 20 июня 1917 г. вся школьная сеть передавалась в ведение Министерства народного просвещения, а управление школами переходило к земским и городским учреждениям. Муниципальные органы не были готовы в короткие сроки принять столь обширную сеть. Например, в Оренбургской губернии земства готовились обслуживать к началу учебного года 135 школ, а получили в свое ведение около 400². Для Сибири и Дальнего Востока учреждение земств в 1917 г. совпало со школьной реформой, что усугубило организационную сумятицу³. Перевод средств на обеспечение школ постоянно запаздывал и нередко осуществлялся частично, что ставило земские и городские отделы народного образования в безвыходное положение.

---

¹ Шамахов Ф.Ф. Динамика развития общеобразовательной школы Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск, 1955. Т. XIII. С. 510; История Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1991. Т. 2: История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февраль 1917 г.). С. 398.

² Губскова Г.Г. Власти и образование на Южном Урале накануне, в период революции 1917 г. и гражданской войны: Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2003. С. 72.

³ Чеховских К.А. Народное образование на Алтае осенью 1917 – весной 1921 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1997. С. 24–25.

ние. Довершалась печальная картина кадровыми перестановками. Повсеместное упразднение городских и уездных училищных советов, отстранение от руководства школами опытных инспекторов и их замена представителями «прогрессивной общественности» вели к череде местных реформ, таких как отмена экзаменов, замена учебных программ без соответствующей подготовки кадров.

Советский вариант школьной политики в целом не противоречил концепции Временного правительства, просто на местах школьное дело передавалось советам. На практике обозначились две модели развития. В одних случаях земские отделы народного образования почти без потрясений переходили в подчинение советам и продолжали свою деятельность, в других – советские отделы народного образования создавались параллельно аналогичным земским и городским структурам, и между ними началась борьба.

Антибольшевистские правительства на востоке России попытались вернуться к дооктябрьскому варианту, но только в разной форме. Комуч приказами № 180 от 6 августа и № 218 от 10 августа 1918 г. подтвердил передачу заведования школьным и внешкольным образованием земствам. На губернские земства возлагались функции учебных округов и обязанность распределять государственные ассигнования на образовательную и просветительскую деятельность, осуществлять контроль за ходом работы в этой области⁴. Правда, в дальнейшем никаких ассигнований не последовало. Приказ остался декларацией о намерениях.

Сибирское Министерство народного просвещения отстояло иной вариант взаимоотношений с земствами. 30 июля 1918 г. были утверждены «Временные правила об управлении учебными заведениями Министерства народного образования...»⁵. В соответствии с ними руководство высшими начальными училищами, гимназиями и прогимназиями, реальными, ремесленными училищами, учительскими семинариями и институтами оставалось в ведении министерства. Сибирские управленцы оказались более осторожными. Они говорили о необходимости подготовить сред-

---

⁴ Вестник Комуча (Самара). 1918. 6, 11 авг.

⁵ СВ. 1918. 23 авг.; СУР ВСП. № 5. Ст. 45; ЗДБПС. Вып. 1. С. 107–115.

нее образовательное звено к передаче в ведение земств. Лишь к концу лета 1919 г. Министерство народного просвещения разослало губернским и областным земствам и казачьим войсковым управам инструкцию о порядке передачи высших начальных училищ органам местного самоуправления. Министерство оставляло за собой право надзора за правильностью расходования государственных средств и ведения учебного процесса⁶. Но весной 1919 г. сибирская пресса писала, что школьная реформа ещё только готовится, а высшие начальные училища фактически уже повсеместно находились в ведении земств⁷.

Деятельность центрального органа управления образованием в Сибири изучалась в советское время В.Л. Соскиным. «Набитое до отказа старыми чиновниками, благонамеренность которых в глазах колчаковского режима была несомненна, Министерство народного просвещения было типично казенным, бюрократическим учреждением. Фактическое назначение его состояло не в содействии прогрессу, а в контроле за мыслями... и в постоянном торможении попыток к каким-либо улучшениям и нововведениям в области науки и образования...»⁸. И далее, характеризуя результаты работы министерства в интересующей нас области, исследователь писал, что оно «...не сделало ничего реального, чтобы спасти школу от разрушения. Число школ постоянно уменьшалось. Оставшиеся подчас владели жалкое существование»⁹. Монография В.Л. Соскина содержала наиболее аргументированные и взвешенные для своего времени оценки. Некоторые исследователи ограничивали свой анализ образовательной политики утверждениями, что в ответ на просьбы крестьян открыть в деревне школу власти посылали карательные отряды, разорявшие селения¹⁰. Другие советские издания также представляли период контрреволюции как самое мрачное время в истории науки и об-

---

⁶ ПВ. 1919. 22 авг.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 354. Л. 125.

⁸ Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965. С. 110.

⁹ Там же. С. 113.

¹⁰ Кузнецова Г.И. Из истории Советской школы в Сибири (1917–1920 гг.) // Школа и педагогическая мысль Сибири. Новосибирск, 1969. С. 39.

разования. Для пушей убедительности их авторы приписывали советской власти основание учебных заведений, открытых при антибольшевистских правительствах и закрытых в 1920 г. при возвращении большевиков, и делали вид, что некоторых сфер образовательной системы (профессионального образования) и процессов (начало внедрения принципов единой школы) при «белых» просто не существовало¹¹.

В действительности необходимо четко отделить друг от друга наследие, полученное антибольшевистскими режимами в середине 1918 г., цели, которые ставила перед собой государственная власть, и достигнутые ею результаты. После ликвидации советских органов контроль за школьным делом на востоке России вновь стал распределяться между Министерством народного просвещения и городскими и земскими управами. В ведении земств находились начальные школы, высшие начальные училища, профессиональные училища. Сферой ответственности городских управ являлось попечение о реальных училищах и гимназиях, учительских семинариях.

По сведениям А.А. Мышанского, муниципальные органы тратили на образование от $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{3}$ своего бюджета¹². Дальневосточные земства рисуют и другие примеры. Смета Хабаровского уездного земства предусматривала отнесение 62% расходов на народное образование, причем половину из них сразу планировалось покрыть за счет ссуды от казны¹³.

Государству приходилось широко субсидировать земские и городские органы самоуправления, что сильно раздувало общую смету Министерства народного просвещения. Во второй половине 1918 г. оно являлось третьим по объёму расходов из обыкновенного бюджета после Министерства путей сообщения и Министерства внутренних дел. Около 10% от всей суммы обыкно-

---

¹¹ Очерки истории высшего и среднего специального образования в Сибири (1917–1980). Новосибирск, 1986. С. 20–21; Очерки истории профессионально-технического образования в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 29; Школа Сибири за 60 лет Советской власти. Барнаул, 1982. С. 12.

¹² Мышанский А.А. Органы местного самоуправления Сибири в период гражданской войны (июнь 1919 – январь 1920 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 120.

¹³ Земская жизнь Приморья (Владивосток). 1919. № 7. С. 27–28.

венных расходов, или $\frac{1}{20}$ совокупных расходов государства, затрачивалось Министерством народного просвещения¹⁴. Основная часть этих средств шла на содержание школ. В 1919 г. расходы на образование, просвещение и науку предполагались в 675 млн руб., и это была четвертая по объёму расходов строка среди гражданских ведомств после Министерства путей сообщения, Министерства внутренних дел и Министерства финансов¹⁵. Правда, жизнь опровергла все сметные предположения правительства, кстати существенно превысив их¹⁶. Но сам по себе факт ярко свидетельствует об иерархии финансовых приоритетов Временного сибирского и Российского правительств.

Знаменем времени стали планы значительного расширения сети начальных школ, укрепления их материальной базы. Даже в Поволжье и на Урале, где школьным делом давно и относительно успешно занимались земские органы, сеть школьных и внешкольных образовательных учреждений за конец 1917 – первую половину 1918 г. выросла примерно на треть¹⁷ и не имела тенденции к сокращению после падения советской власти. Случаи, когда земские органы проявляли умеренность в своих планах школьного строительства, редки. Например, проходившее 3–5 июля 1918 г. Омское уездное земское собрание к имевшимся в уезде 55 комплектам начальных школ и 311 комплектам начальных училищ планировало добавить всего 6 новых комплектов. За отсутствием средств управе пришлось отклонить 36 ходатайств об открытии новых школ. Но предлагалось отстроить 20 новых школьных зда-

---

¹⁴ Военные расходы шли по чрезвычайному бюджету и занимали примерно половину всех расходованных государством средств (см.: Проект государственной росписи доходов и расходов на вторую половину 1918 года с объяснительной запиской Министерства финансов. Омск, 1919. С. 23.).

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 2. Д. 43. Л. 32.

¹⁶ Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 49–54.

¹⁷ Семенченко И.В. Роль земской интеллигенции в развитии народного образования на Урале // Интеллигенция России XX века: неоконченные споры. Екатеринбург, 1998. С. 242; Моргунова Е.И. Земская интеллигенция в Самарской губернии в 1918 году // Краеведческие записки. Самара, 1995. Вып. VII. С. 126–127.

ний¹⁸. Чаще было наоборот: начавшаяся Гражданская война не подтолкнула земцев к корректировке своих планов. Так, уже в следующем году в Акмолинской области отмечалось активнейшее земское школьное строительство. Если в 1918 г. имелось 32 высших начальных училища, то в 1919 г. дополнительно открыли ещё 40¹⁹. Причем укомплектовать их учительскими кадрами так и не смогли – даже немногочисленные лица, имевшие достаточный образовательный ценз, отказывались работать в деревне за низкую зарплату. Планы большинства муниципальных школьных отделов выглядели ещё более грандиозными, чем у акмолинских земцев. Даже малая часть, которую удалось реализовать, указывает на значительные усилия и затраты. В Минусинском уезде осенью 1918 г. открылось 27 новых школ; в Иркутской губернии – 10 высших начальных училищ и в 1919 г. – ещё 22. В Тобольской губернии отремонтировали 362 школьных здания. В Новониколаевском уезде Томской губернии во второй половине 1918 г. открылось 9 высших начальных училищ и 46 начальных школ, в 1919 собирались основать 10 начальных училищ и 100 начальных школ. В Томском уезде в 1918–1919 гг. открыли не менее 35 новых начальных училищ. А всего в Томской губернии в 1918–1919 гг. начали работу 157 новых школ. Это перекрыло 15-летние усилия царской власти – до революции в губернии создавалось в среднем по 10 новых школ ежегодно²⁰.

Но в целом к встречающимся в документах и прессе сведениям о количестве работавших и вновь открытых начальных и

---

¹⁸ Омское уездное земское собрание. Чрезвычайная сессия. 3–5 июля 1918 года. Омск, 1918. С. 43–45.

¹⁹ ПВ. 1919. 17 окт. В литературе встречаются и другие сведения об открытии в 1919 г. 30 новых высших начальных училищ. – См.: Кочурина С.А. Учительские институты Западной Сибири и их роль в подготовке педагогических кадров (1902–1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. С. 21.

²⁰ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления... С. 121–122; Угрюмова М.В. Земская медицина и земская школа в Тобольской губернии в годы Гражданской войны // Сибирский исторический журнал. Тюмень, 2004. № 1. С. 93; Сечейко О.Ю. Земство в Восточной Сибири (1917–1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. С. 19; Она же. Деятельность земства Иркутской губернии в области народного образования // Труды Братского государственного технического университета. Братск, 2000. С. 27–28; Михеенков Е.Г. Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция Томска в годы революции и Гражданской войны. Томск, 2002. С. 204.

средних учебных заведений следует относиться осторожно. Многие новые школы оставались не учтенными, с другой стороны, часть учебных заведений переставала функционировать, но они подолгу отмечались в сводках как действующие. В 1918–1919 гг. статус учебных заведений стремительно менялся, и статистика не успевала отражать эти перемены. Мест в школах катастрофически не хватало, и они не знали отбоя от желающих учиться. В то же время классы могли быть неполны, посещаемость учебных заведений оставалась низкой и особенно резко упала в 1919 г. Подчас министерские чиновники, проверяя земские отчеты через несколько месяцев после их составления, обнаруживали совершенно другой расклад действующих учебных заведений²¹. По официальным данным, Министерство народного просвещения числило к лету 1919 г. 16 796 начальных училищ с 28 252 комплектами, в том числе в Сибири 11 883 начальных училищ с 17 923 комплектами, в Приуральском крае 4 913 с 10 329 комплектами. С 1 июля 1919 г. предполагалось открыть в Сибири 1000 училищ с 1500 комплектами, в Приуралье – 1102 училища с 3227 комплектами²².

Сеть школьных заведений на востоке страны действительно была значительно реже, чем в европейской части. Её насыщение до удовлетворительного уровня требовало больших усилий. Одно из объяснений в том, что территории восточнее Урала до 1917 г. оставались неземскими регионами и сильно проигрывали земским губерниям, где несколько десятилетий органы местного самоуправления заботились об уплотнении школ в сельской местности. Появившиеся земства спешили наверстать упущенное, и именно с лета 1918 г. стали ускоренно расширять количество начальных учебных заведений²³. Не доверяя правительству, земцы требовали полный контроль над школьным делом, хотя средствами для реализации своих замыслов они не располагали и намеревались получить их от правительства.

Это недоверие в значительной степени было напрасным. Министерство народного просвещения достаточно внимательно от-

---

²¹ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 3. Д. 551. Л. 42–49.

²² ПВ. 1919. 3 июля.

²³ Циркульников А. Из тайных архивов русской школы. М., 1992. С. 90.

носились к общественным инициативам и мнению известных деятелей культуры и образования. Ещё в период подготовки к возобновлению работы Сибирской областной думы Частным совещанием её членов была создана комиссия по народному образованию, которая провела с конца июня до начала августа 1918 г. 9 заседаний. Известны сложные отношения Временного сибирского правительства и Сибирской областной думы. Но, как отметил К.А. Чеховских, между этой думской комиссией и руководством Министерства народного просвещения, базировавшимся в то время в Томске, царил атмосфера взаимопонимания и сотрудничества²⁴. После роспуска Сибирской областной думы работа комиссии продолжилась, и многие её предложения легли в основу законопроектов министерства. В частности, по рекомендации думцев к 1919 г. выстроилась структура Министерства народного просвещения в соответствии со структурой учебных заведений. Томичи предлагали также передать начальное образование целиком в ведение земств, как это сделали в Поволжье. Главный идеолог комиссии, профессор Томского университета С.И. Гессен, ратовал за то, что школьные реформы должны исходить снизу²⁵. Но министерство не решилось ретранслировать это предложение на заседаниях Российского правительства.

Напротив, оно нацеливало Российское правительство на вынужденное расширение сферы финансовой опеки государства, так как многие общественные, муниципальные и частные учебные заведения попали в затруднительное положение. 16 декабря 1918 г. Совет министров утвердил пособия на содержание ряда учебных учреждений: профессиональной женской школы, Королевского ремесленного училища, Томских классов рисования и живописи, торговой школы, выделив для этого пособия в 40 тыс. руб. Речь шла о покрытии дефицита расходов этих заведений во втором по-

---

²⁴ Чеховских К.А. Сибирская областная дума и народное образование: второй этап в развитии образования в Сибири (июнь–ноябрь 1918 г.) // История белой Сибири: Тез. третьей науч. конф. Кемерово, 1999. С. 129–132.

²⁵ Михсенков Е.Г. Участие вузовской интеллигенции г. Томска в работе комиссий частного совещания и секций Сибирской областной думы (лето–осень 1918 г.) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. Т. 12. С. 116–118; Он же. Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция... С. 191.

лугодии завершающегося года. В тот же день Совет министров выдал Министерству народного просвещения 600 тыс. руб. на погашение во втором полугодии расходов по внешкольному образованию. Министерство использовало эти деньги, распределив между земствами кредиты на покрытие уже осуществленных расходов²⁶. 4 сентября 1919 г. Совет министров подтвердил право Министерства народного просвещения финансировать частные учебные заведения в пределах расходов на заработную плату. Следует учесть, что в большинстве школ и училищ расходная часть бюджета этим и ограничивалась. Получалось, что многие частные учреждения перешли фактически на казенное финансирование²⁷.

Министерство стремилось укрепить положение гимназий, расширяя количество параллельных классов. Решить этот вопрос можно было путем их перевода из разряда земских и городских в правительственные, так как только для них выделялись средства на содержание²⁸. Хотя жестких закономерностей здесь не было. Во второй половине 1918 – 1919 г. некоторые гимназии образовывались из земских школ и функционировали полностью или частично на земские средства. На конец лета 1919 г. в Министерство народного просвещения поступило 9 ходатайств от земств об открытии гимназий, для которых муниципальными органами были уже найдены помещения и доленое финансирование, хотя большинство из них со временем переводились на государственный бюджет²⁹. 11 июля 1918 г. Совет министров принял решение о выделении 200 тыс. руб. на ремонт школьных помещений (Министерство народного просвещения запрашивало 1 млн руб. на ремонт начальных школ и 500 тыс. руб. на ремонт высших начальных училищ)³⁰. Но это могли быть разовые ассигнования, достаточные только для школ одной губернии.

14 апреля 1919 г. Совет министров выделил Войсковому правительству Оренбургского казачьего войска 4 195 378 руб. В основном они предназначались на содержание учителей начальных

---

²⁶ ПВ. 1919. 12 янв.; ЗДРП. Вып. 1. С. 113; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 56.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 35. Л. 14; Д. 99. Л. 86–86об.

²⁸ СУР РП. № 13. Ст. 204.

²⁹ ПВ. 1919. 15 авг.; Чеховских К.А. Народное образование на Алтае... С. 118–122.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 54об.

училищ (979 старых комплектов и 326 новых, утвержденных с 1 января 1919 г.). Кроме того, финансировалось содержание 12 уже действовавших высших начальных училищ и 20 новых, 8 существующих и 7 вновь создаваемых гимназий и ремесленных училищ, курсы для учителей начальных училищ. Предполагалось открыть учительский институт и учительскую семинарию³¹. Причем в случае, если инициативу по финансированию брало на себя земство, государство готово было покрывать $\frac{2}{3}$ расходов. Помощь региону намечалась весьма масштабная, и реализация намеченных планов могла стать крупным шагом по развитию начального образования в Оренбуржье. Но ход военных действий не способствовал даже началу воплощения этого замысла.

Правительство поддерживало и финансово обеспечивало многие начинания земцев и работников городских отделов образования по расширению школьной сети, но далеко не все. Большинство проектов совершенно не соответствовало реальным возможностям органов самоуправления. Первая мировая война уже привела к сокращению расходов на школьное образование. Революционная эпоха обесценила сметные расходы государства и земств на школы и загнала их в нищету. Чего стоили инициативы по открытию новых школ, если не было никакой возможности нормально обеспечить существовавшие? В декабре 1919 г. в Петропавловске-Камчатском состоялось земское совещание по школьному делу. В традициях эпохи оно приняло грандиозный план на следующий год, который заключался в открытии 25–39 новых школ-интернатов с 4 учителями и 2 воспитателями в каждом. Содержание помещений предполагалось возложить на местное население, а остальные расходы отнести за счет государства. Эти планы земцев прокомментировал скептик из местных общественных деятелей, нарисовавший мрачное современное положение и безрадостную перспективу: обнищавшее население отказывалось содержать школы, государственное жалование поступало очень нерегулярно; учебников не было; в морозное время (на Камчатке это почти весь учебный год) чернила в неотопливаемых школьных зданиях замерзали, и никто не мог учиться; брошенные на

---

³¹ СУР РП. № 14. Ст. 230.

произвол судьбы учителя спивались от безделья и выживали только благодаря спекуляции. И такие школы местные работники земства собрались расплодить в огромном количестве³². Зачем расширять образовательную сферу, когда в эпоху кризиса она совершенно не востребована обществом? Не лучше ли пережить лихую годину и дожидаться, когда стремление народа к знаниям будет материально обеспечено? – как бы подспудно спрашивал критичный автор.

Конечно, не везде положение школьного дела было настолько неудовлетворительным, как на Камчатке. Но некоторые проблемы, мешавшие нормальному ведению учебного процесса, оказались всеобщими и объективными. Например, учебники не переиздавались, и к концу 1918 г. их просто не было. Аналогичная ситуация сложилась с канцелярскими принадлежностями³³. Как учить детей, как открывать новые школы, если невозможно дать буквари, бумагу, карандаши? В школах на класс в 30 человек в лучшем случае приходилось 5–6 книг. Типографские центры и предприятия по производству канцелярии остались в европейской части России. Школьники писали в старых тетрадях и на полях газет, но этого резерва хватало ненадолго³⁴. К осени 1918 г. сибирские земства передали большой заказ на допечатку учебников типографиям Уфы, которые были отпечатаны и достались большевикам после ухода из этого города «белых»³⁵. Перепечатка учебников в Сибири оказалась затруднена – на рынке не было подходящей бумаги³⁶. Постановление Российского правительства от 6 декабря 1918 г. разрешило перепечатку учебников без согласия авторов, что облегчило издательскую работу муниципальных органов. 18 августа 1919 г. Совет министров вновь вернулся к этому вопросу, установив для таких случаев четкие размеры воз-

³² Камчатский вестник (Петропавловск-Камчатский). 1919. 4 дек.

³³ Заря трудовой школы (Омск). 1919. № 2. С. 38; № 3. С. 34; Сибирский рассвет (Барнаул). 1919. № 3–4. С. 191–121.

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 354; Л. 60–62об., 66; 128, 135; Оп. 3. Д. 551. Л. 6, 55об., 63; Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 9 мая; ПВ. 1919. 21 марта; Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 28 марта – 1 апр.; Приамурье (Хабаровск). 1919. 10 мая.

³⁵ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления... С. 126.

³⁶ ПВ. 1919. 21 марта.

награждения авторов (наследников, издателей) учебной литературы в зависимости от тиража³⁷. В 1918/19 учебном году муниципальным службам приходилось либо изготавливать небольшие партии учебников и канцелярии кустарным способом в местных типографиях, либо закупать эти предметы на Дальнем Востоке. Весной 1919 г. массовый выпуск учебной литературы организовала типография Томского губернского земства. Но регулярного снабжения не получалось, так как масштабные земские заказы очень часто не обеспечивались финансово, и из-за неплатежей отрасль оставалась убыточной. К августу 1919 г. Министерство народного просвещения выделило на приобретение учебников 7 млн 980 тыс. руб., хотя само так и не присоединилось к издательским программам земских органов. Проследить, как расходовались эти средства, не представляется возможным. Сами земские структуры (Сибземгор и Далькрайземгор) наладили свои школьные издательские программы только к концу 1919 г., печатая учебники для российских школ в типографиях Китая и Японии³⁸. И только в школах самой полосы отчуждения КВЖД дефицит канцелярии и учебников ощущался не так остро³⁹.

Львиная доля усилий по материальному обеспечению школ оставалась тщетной, потому что в 1919 г. земства и города оказались в ситуации самого настоящего банкротства. Многие из них вынуждены были прекращать работу с населением, и в первую очередь школы подвергались сокращению. Селения, не выплачивавшие земские налоги, снимались с земского обслуживания, а школы там закрывались⁴⁰. Учителя с тревогой смотрели в будущее. Перспектива передачи всего школьного дела в ведение обнищавших органов местного самоуправления их не радовала⁴¹. Руководство Министерства народного просвещения, хотя и выступало за расширение взаимодействия с общественностью, оста-

---

³⁷ ПВ. 1918. 28 дек.; 1919. 7 окт.; ЗДРП. Вып. 1. С. 72–73; Народные думы (Бийск). 1919. № 7. С. 82; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 39–40об.

³⁸ Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2002. Т. 3: 1917–1930. С. 132, 160.

³⁹ Вестник Маньчжурии (Харбин). 1919. 7 мая.

⁴⁰ Земская жизнь Приморья. 1919. № 2. С. 25.

⁴¹ Заря трудовой школы. 1919. № 2. С. 39.

валось противником резких структурных перемен. Государство имело небольшой диапазон для маневра. Для спасения школьного дела нужно было покрывать целиком издержки земского образования, а в казне на это средства не закладывались.

Основные усилия министерство сосредоточило на подготовке перехода к новой системе начального образования. Преобразования сводились к формированию единой сети школьных учреждений и более четкому разграничению финансовых, организаторских и надзорных функций между земствами и Министерством народного просвещения⁴². В январе–феврале 1919 г. при Министерстве народного просвещения была создана комиссия, работавшая над проектом реформы средней школы. Она обсуждала, главным образом, вопросы учебно-методического характера. Но задуманные мероприятия предполагали увеличение штатов средней школы и изменение самой структуры школьных учебных заведений. Всё многообразие школьных учебных заведений собирались преобразовать в единую сеть, включающую три типа учебных заведений: одноклассные трехлетние городские и земские школы, четырехлетние высшие начальные училища и четырехлетние гимназии, работающие по общему учебному плану. Лишь первая ступень оставалась бесплатной⁴³. Реформа должна была растянуться на 1920–1921 гг.

Летом 1919 г. министерство распространило инструкцию о передаче высших начальных училищ в ведение земств. Они по-прежнему оставались на государственном кредитовании, и министерские инспекторы должны были контролировать выполнение минимума обязательной школьной программы, соблюдение санитарно-гигиенических норм и правильность расходования кредитов⁴⁴. Предполагалось, что земства уже осенью 1919 г. начнут подготовку учреждений первой ступени к реформе, формируя новые штаты и выравнивая программы по единому стандарту. Эти мероприятия являлись началом реализации задуманного про-

---

⁴² Найбороденко Л.М. Профессор С.И. Гессен и томское учительство (1917–1921 гг.) // Историко-культурное развитие Западной Сибири в XVII–XX вв. Томск, 2002. С. 107–110.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 116. Л. 3–139.

⁴⁴ ПВ. 1919. 22 авг.

екта⁴⁵. Но конкретных распоряжений о передаче земствам школ средней ступени из министерства так и не поступило.

В условиях кризиса заинтересованная часть общества стремилась самоорганизоваться для решения проблем начального образования. На микроуровне этому способствовали попечительские советы. Образованные при школах ещё в начале XX в., они расширили свои функции после революции и продолжали действовать при антибольшевистских правительствах. Часть материальных забот о школе новая власть включила в государственные расходы, например, финансирование преподавания закона божьего (в первой половине 1918 г. родителям приходилось оплачивать его за свой счет, включая в школьную программу факультативно). Но были вопросы, в которых государство не могло помочь. Например, обеспечение школьников горячим питанием, другие проблемы санитарного, хозяйственного и воспитательного характера. В некоторых крупных городах, как в Тюмени, сложились сильные общегородские попечительские советы, организовавшие пошив военнопленными детской обуви, а также огороды, на которых дети выращивали для себя овощи⁴⁶.

Общественная самоорганизация особенно проявлялась в работе национальных школ. Ренессанс национальных и национально-культурных организаций, который страна пережила в 1917 г., не прерывался и при антибольшевистских правительствах. Продолжали действовать недавно открытые и создавались новые общественные объединения⁴⁷. Все они предусматривали национальное самоуправление в школьном деле. Особенно настаивали на этом этносы, выдвигавшие претензии на автономный статус. Но реальные достижения в школьном деле продемонстрировали уральские и сибирские татары, не имевшие собственного автономного образования. В частности, в Тобольской губернии действовало

---

⁴⁵ Чеховских К.А. Народное образование на Алтае осенью 1917 – весной 1921 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1997. С. 18.

⁴⁶ Сулимов В.С. Активизация деятельности попечительских советов и родительских комитетов школ Тюмени в годы первой мировой и гражданской войн // Сборник научных трудов Сургутского государственного университета. Сургут, 2000. Вып. 6. Ч. 2: Гуманитарные науки. С. 147–153.

⁴⁷ Культурно-национальная автономия в истории России: Документальная антология. Томск, 1998. Т. 1: Сибирь. 1917–1919. С. 117–282.

130 макбете и медресе. Обучение в них велось по особой программе, поэтому, хотя татарское население и платило исправно земские налоги, национальные учебные заведения не получали средств ни от земств, ни от казны. В Оренбургской губернии перед революцией из почти 350 татарских школ 70% не имели разрешения на ведение образовательной деятельности⁴⁸.

Практически каждая организованная национальная группа стремилась закрепить право на свою самоидентификацию через создание национальных школ. Ни земства, ни правительства этому не препятствовали. Сведений об их закрытии по политическим мотивам в источниках не встречалось. В крупных городах таких школ имелось, как правило, несколько. Например, в Новониколаевске мусульманская, латышская, литовская, эстонская и еврейская национальные школы охватывали в общей сложности 5 тыс. учащихся. В Томске – мусульманско-татарская, еврейская и польская гимназии⁴⁹. В сельской местности завидную активность проявляли переселенцы из Прибалтики. На юге Западной Сибири в большом количестве открывались киргизские школы. Такая лояльность к культурно-автономистским идеям позволяла правительству переложить часть расходов на образование на заинтересованных представителей национальных меньшинств. Широко использовалась и промежуточная модель, когда национальная школа принималась на государственный счет, обеспечивалась предметами школьного обихода, учебниками и учителями наряду с остальными школами. Хозяйственные же расходы брали на себя национальные организации.

Важно, что этот процесс руководители образовательного ведомства не собирались пускать на самотек, несмотря на упреки в казенщине и боязни общественной инициативы. Это позволило совместно контролировать и дозировать социализацию детей в национальном и общероссийском русле. Так, в Министерстве народного просвещения разработали специальные программы

---

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 3. Д. 555. Л. 64; Губскова Г.Г. Власти и образование на Южном Урале... С. 25.

⁴⁹ Мышанский А.А. Органы местного самоуправления... С. 121; Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX в. Томск, 2000. С. 223.

для национальных школ и готовили учителей для них. Преподавание русского языка являлось в них обязательным. Совместное финансирование часто вело к конфликтам вокруг проблемы преподавания тех или иных предметов на родном или общегосударственном языке⁵⁰. Большинство национальных школ содержались на деньги общественных организаций, и перевод их на государственное обеспечение на равных условиях с земскими и государственными учебными заведениями стал одним из требований национальных организаций Урала, Сибири и Дальнего Востока⁵¹. Лидеры национальных движений настаивали, что государство должно принять на себя материальное обеспечение национальных школ, но исключали вмешательство в организацию самого процесса преподавания.

Не забывало правительство и о политико-пропагандистских задачах. 9 апреля 1919 г. Совет министров поручил Министерству народного просвещения организовать для славянских воинских частей (чехов, словаков, поляков, карпатороссов) в Омске и Томске краткосрочные курсы по русскому языку, истории, географии, литературе⁵². Власть демонстрировала готовность вкладывать деньги в культурную ассимиляцию дружественных этносов.

Шла Гражданская война, и школа, хотя и была одним из государственных приоритетов, не могла стоять выше потребностей армии. Гармонию между интересами военных и образовательной среды подчас бывало сложно найти. 19 сентября 1918 г. Административному совету пришлось выразить тревогу по поводу того, что военные занимают здания учебных заведений. Абстрактное распоряжение «принять меры к недопущению реквизиций зданий частных учебных заведений»⁵³ не могло принести ощутимых результатов. Положение государственных образовательных учре-

---

⁵⁰ Наумова Н.И. Национальные школы Сибири в условиях диктатуры Колчака 1918–1920 гг. // Проблемы истории и исторического познания. Томск, 2001. С. 191–193.

⁵¹ Она же. Национальная политика колчаковщины: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991. С. 175–177; Она же. Язык и школа в национальной политике Колчака и Деникина // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 199–201.

⁵² СУР РП. № 14. Ст. 229.

⁵³ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 22.

ждений, которых было большинство, никак не оговаривалось. А они нуждались в защите не меньше частных. 10 октября 1918 г. Административный совет предложил учебным заведениям проводить занятия в реквизированных школьных зданиях вечером после работы правительственных и военных учреждений⁵⁴. Хотя и существовала установка занимать учебные здания в последнюю очередь, отдавая приоритет использованию помещений увеселительных и торговых заведений, но она редко выполнялась. Случаи, когда дети в школах были вынуждены заниматься в 3–4 смены, посещать школу через день, нельзя относить к намеренной политике Российского правительства. В 1919 г. в большинстве городов все сколько-нибудь просторные помещения оказались заняты военными, и учебные здания не могли быть исключением – они порой оказывались самыми удобными.

Совет министров поручил министру народного просвещения выработать и принять меры по прекращению к 1 марта занятий в тех средних и высших учебных заведениях, помещения которых необходимы для размещения военных. Попытки организовать вечерние занятия старшекласников в прежних зданиях, отведенных под государственные и военные учреждения, не всегда удавались из-за отсутствия освещения⁵⁵. 13 февраля 1919 г. Министерство народного просвещения разослало циркулярное распоряжение, предписавшее в случае реквизиции учебных помещений считать учебный год завершенным и всем выпускникам выдать аттестаты и дипломы без экзаменов, на основании текущих оценок. Предлагалось установить связь с учащимися на каникулах, устраивать внешкольные занятия и занятия на дому⁵⁶. Одно из важнейших условий нормального учебного процесса – наличие школьных зданий – оказалось несовместимо с Гражданской войной.

Не менее острой проблемой стало сохранение кадрового потенциала школы. В связи с низкой зарплатой многие квалифицированные педагоги ушли из школы. Существовало огромное количество вакансий, а значительная часть работавших в школах преподавателей не имела специального образования. Если до

---

⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 2. Л. 256.

⁵⁵ ПВ. 1918. 26 дек.; ГАОО. Ф. Р-2069. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 99. Л. 56–56об.

марта 1919 г. на школьных учителей распространялась бронь от призыва на военную службу, то позже в связи с подготовкой масштабного наступления на фронте военное руководство уже не могло больше отказываться от мобилизации этой достаточно многочисленной группы интеллигенции. У войны своя логика, её оперативная составляющая не может быть сориентирована на эту сторону мирной жизни. Острая нехватка рядового и офицерского состава не давала передышки до окончания учебного года. Дальше мобилизации последовали одна за другой. По этой причине в одном только Змеиногорском уезде земства вынуждены были закрыть 43 школы и 51 оставить работать с неполным комплектом учителей⁵⁷. Призывали даже учащихся педагогических учебных заведений и курсов. В новом учебном году большинство школ просто не открылись – некому было учить детей⁵⁸.

Учительство, однако, в очень малой степени прониклось необходимостью жертвовать во имя борьбы с большевиками. Оппозиционные настроения в его среде были очень велики. Учителя принимали участие в подполье и партизанском движении⁵⁹. Некоторые педагоги использовали учительскую кафедру для политической пропаганды против режима, а это лишний раз подтверждало, что подозрительность военных властей к революционно настроенным учителям часто оказывалась не беспочвенной⁶⁰. Осенью 1919 г. многие школы, в том числе и сельские, были заняты под постройкой войск. В районах партизанского движения работа школ прекращалась. Учителя попадали под особое подозрение и у повстанцев, и у карательных отрядов⁶¹.

---

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 354. Л. 134; Чеховских К.А. Народное образование на Алтае... : Дис. ... канд. ист. наук. С. 127.

⁵⁸ Шамахов Ф.Ф. Из истории сибирской школы (1917–1931). Новосибирск, 1976. С. 41; Кочурина С.А. Учительские институты Западной Сибири... : Дис. ... канд. ист. наук. С. 211.

⁵⁹ Годы огневые. Барнаул, 1959. С. 47; За власть советов. Воспоминания участников партизанского движения в тылу Колчака: Документы. Новосибирск, 1947. С. 158–160; Соскин В.Л. Очерки истории культуры... С. 163–180.

⁶⁰ Борьба за власть советов в Томской губернии: Сб. документов. Томск, 1957. С. 429; Соскин В.Л. Очерки истории культуры... С. 175.

⁶¹ Чеховских К.А. Народное образование на Алтае... : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 18.

Стремясь восполнить дефицит учителей, антибольшевистские правительства направили значительные усилия на решение кадровых проблем школы, и в этом они несколько не отличались от своих предшественников. Особенно пристальное внимание уделялось подготовке педагогических кадров. В этом случае лидеры антибольшевистского движения в полной мере учитывали скачкообразный рост сети начальных учебных заведений, и до революции катастрофически плохо обеспеченных квалифицированными специалистами⁶². На территории антибольшевистского востока функционировало 9 средних педагогических учебных заведений – учительских институтов: Екатеринбургский, Оренбургский, Уфимский, Тобольский, Томский, Новониколаевский, Красноярский, Иркутский и Хабаровский. Ни один из них не закрылся до самой эвакуации Белой армии. Напротив, власти изыскивали средства для существенного повышения окладов преподавателям и стипендий студентам⁶³. Когда возник вопрос о закрытии Новониколаевского учительского института в связи с недостатком преподавателей, Совет министров категорически воздержался от перевода учащихся в Томский учительский институт, что было дешевле и предполагалось изначально. Высший орган сибирской власти постановил, что закрытие учебного заведения недопустимо, особенно педагогического. 10 августа 1918 г. Министерству народного просвещения и Новониколаевской городской управе поручили принять меры к обеспечению института помещением, кадрами и созданию условий для функционирования⁶⁴.

Широко обсуждался вопрос о преобразовании педагогических институтов в высшие учебные заведения. Но исход Гражданской войны на востоке России не позволил реализовать эти планы. Когда в Томск пришли большевики, они устроили в начале 1920 г. досрочный выпуск из учительского института и закрыли его. То же произошло и с институтами в Тобольске и Красноярске, успевшими сделать только один–два выпуска. Распоряжением

---

⁶² Шамахов Ф.Ф. Учительские институты дореволюционной Западной Сибири // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск, 1952. Т. 9. С. 3–63.

⁶³ Кочурина С.А. Учительские институты Западной Сибири... : Автореф. ... дис. канд. ист. наук. С. 20.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 118об.

советского правительства все учительские и педагогические институты, семинарии и курсы преобразовывались в институты народного образования – средние учебные заведения⁶⁵.

Существовавшие в 1918–1919 гг. учительские институты не покрывали дефицита школьных педагогов. Земства востока России инициировали открытие многочисленных краткосрочных курсов подготовки учителей начальных училищ, учительских институтов и семинарий. Трудно поверить, но даже в начале 1919 г. Сибземгор финансировал организацию зарубежных стажировок студентов учительских институтов⁶⁶. Министерство народного просвещения поддерживало эти начинания, выделяя значительные средства на работу действовавших учительских институтов⁶⁷.

Работники национальных школ тоже проявляли заботу о подготовке для себя педагогических кадров, но уже не могли рассчитывать на государственную поддержку. В июле 1919 г. в Томске центральное бюро еврейского культурно-просветительского общества «Торбут» открыло педагогические курсы для подготовки учителей национальных еврейских школ⁶⁸. 21 августа 1919 г. Совет министров утвердил постановления о создании татарской учительской семинарии в Томске и корейской в Никольске-Уссурийском⁶⁹.

Хотя большая часть ходатайств земств и национальных организаций о помощи в подготовке учителей не имела должного финансового и организационного подкрепления и осталась без удовлетворения, проекты муниципальных органов, поддержанные государством, оказались довольно обширны. Министерство

---

⁶⁵ Войтеховская М.П., Кочурина С.А. Томский учительский институт: возвращенная история. 1902–1920. Томск, 2002. С. 122–123, 127; Тобольский учительский институт // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень, 2004. Т. II. С. 224; Прибыльский Ю.П. Тобольский учительский институт (1916–1919 гг.) // Трудовое воспитание, обучение и профессиональная ориентация учащейся молодежи в условиях Крайнего Севера. Тобольск, 1989. С. 18–20.

⁶⁶ Яблоков Ю.Н., Кузнецова О.А. Основание и деятельность Красноярского учительского института (1916–1920 гг.) // Народное образование в Красноярском крае: Материалы III краевед. чтений. Красноярск, 2001. С. 117.

⁶⁷ СУР РП. № 14. Ст. 230.

⁶⁸ Нам И.В., Наумова Н.И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). Красноярск, 2003. С. 197.

⁶⁹ ПВ. 1919. 2 окт.

народного просвещения планировало совместно с земствами с осени 1919 г. открыть 12 новых учительских курсов, организовать 14 новых учительских семинарий и Томский педагогический институт. В перспективе на базе учительских курсов и двухклассных церковных школ предполагали создать ещё 9 учительских семинарий⁷⁰. Стремительное отступление Белой армии не позволило реализовать большую часть этих проектов. В условиях Гражданской войны значительная часть вложений пропадала даром. Из поступивших на педагогические курсы (которые обычно позволяли получать стипендию и место в общежитии) заканчивали их $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{6}$ часть студентов.

Несколько хуже финансировалось профессиональное образование в других отраслях, хотя в связи с дальнейшим развитием концепции трудовой школы государственные органы чрезвычайно внимательно относились к среднему профессиональному образованию. Так, Комуч за недолгий период своей деятельности успел распорядиться об открытии курсов по медицинским предметам при союзе лекарических помощников, профессиональную школу – при эвакуированном в Самару петроградском патронном заводе⁷¹. В структуре Временного сибирского и Российского правительств средние профессиональные учебные заведения подчинялись разным ведомствам. Министерство торговли и промышленности управляло коммерческими училищами и торговыми школами, Министерство земледелия – сельскохозяйственными школами и землемерными училищами, Военное министерство – обширной сетью военно-учебных заведений. Министерство народного просвещения ведало не только педагогическими учебными заведениями, но и техническими и ремесленными школами. В этих условиях оказалось невозможно выработать единые принципы управления, развития и финансирования профессиональной школы. Каждое ведомство должно было само заботиться о своих профессиональных учебных заведениях. Совет министров редко рассматривал вопросы профессиональной школы и, как правило, выносил решения частного характера. Например, 20 марта 1919 г.

---

⁷⁰ ПВ. 1919. 3, 12 июля.

⁷¹ Иванов Е.Е., Кудинов М.А. «Третий путь» в гражданской войне (опыт деятельности Самарского Комуча). Самара, 1995. С. 47.

коммерческим училищам Министерства торговли и промышленности было выделено пособие за второе полугодие 1918 г. в размере 126 тыс. руб., которое, по-видимому, компенсировало уже давно произведенные расходы⁷².

На особом положении на востоке России находилось военное образование. Это не удивительно для общества и государства, оказавшихся в состоянии Гражданской войны. Руководство этой частью профессионального образования осуществляло Управление военно-учебных заведений Военного министерства. Военное командование стремилось увеличить приём в уже действующие военно-учебные заведения и расширить их сеть за счет открытия новых. Продолжали подготовку военных кадров все пять существовавших до революции на востоке России кадетских корпусов: Оренбургский Неплюевский и Второй Оренбургский, Омский имени Императора Александра I, Иркутский и Хабаровский имени графа Н.Н. Муравьёва-Амурского. Омское казачье училище в два раза расширило набор курсантов, стало обучать их по сокращенной программе, позволившей осуществить выпуск в сентябре 1919 г. В Томске в апреле 1919 г. организовали пехотное училище с трехмесячным курсом обучения, куда принимали после 4-го и 6-го классов. Они успели выпустить один набор прапорщиков. Второй набор пришлось эвакуировать, не доучив. В Омске летом 1919 г. удалось открыть артиллерийское училище, которое осенью эвакуировалось во Владивосток. Сначала его планировали сделать двухлетним, но потом сократили срок обучения до восьми месяцев. В Иркутске в ходе эвакуации училища власти даже попытались произвести дополнительный набор. На базе школы переподготовки офицеров, доставшейся сибирякам от Народной армии Комуча, в Омске в декабре 1918 г. открылась военно-инженерная школа. Во Владивостоке в конце 1918 г. начало свой набор военно-морское училище. Школы прапорщиков функционировали в Екатеринбурге, Иркутске, Перми и Уральске. Сформированная в ноябре 1918 г. военная школа имени атамана Г.М. Семёнова первоначально планировалась для выпуска прапорщиков. 17 апреля 1919 г. её переименовали в «Читинское ата-

---

⁷² СУР РП. № 9. Ст. 141.

мана Семенова военное училище». Первый выпуск пришелся уже на 20 февраля 1920 г. Самой крупной являлась учебно-инструкторская школа, созданная с помощью британских военных специалистов на о. Русском близ Владивостока.

О повышении квалификации военных и подготовке офицеров заботилось и командование отдельных армий. Буквально на ходу пришлось создавать ряд военно-технических учебных заведений среднего звена: связистов в Оренбурге, курсы пулеметчиков в Троицке, авиационную школу в Кургане, курсы военных шоферов в Петропавловске. В Хабаровске по инициативе атамана П.В. Калмыкова в октябре 1918 г. открылось кавалерийское училище и артиллерийские курсы, только в августе 1919 г. получившие официальное признание властей⁷³.

Характерными чертами военного образования и переподготовки стали ускоренность и сокращённость большинства программ, сильное преобладание практических занятий над теоретической подготовкой. По справедливому замечанию А. Еленевского, военное образование на востоке России отличалось бессистемностью, непродуманностью, случайностью подбора обучаемых, отсутствием понимания целей и задач обучения. В результате выпускники производились в то время, когда армия переставала нуждаться в офицерах, и выпускники становились рядовыми бойцами⁷⁴. Понятно, что военные ставили свои интересы выше нужд развития культуры и образования тыла. Поэтому они при необходимости занимали помещения гражданских учебных

---

⁷³ Басаев В.Р. Омский кадетский корпус: история и современность. Омск, 2003. С. 60–61; Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Пивовар Е.И. Военно-учебные заведения зарубежной России. 1920–1930-е годы. Нальчик, 1999. С. 55; Василевский В. Забайкальская белая государственность: Краткие исторические очерки. Чита, 2000. С. 29; Волков Е.В. Юнкера Оренбурга в годы гражданской войны // Интеллигенция России в истории XX века: неоконченные споры. Екатеринбург, 1998. С. 167–170; Он же. Военно-учебные заведения на Южном Урале в период революционной смуты (1917–1919 гг.) // Оренбургское казачье войско: религиозно-нравственная культура. Челябинск, 1999. С. 92–101; Волков С.В. Трагедия русского офицерства: офицерский корпус России в революции, гражданской войне и на чужбине. М., 2002. С. 61–75; Еленевский А. Военные училища в Сибири (1918–1922 гг.) // Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине. М., 2003. С. 411–430, 438–442, 445–453, 456–479, 462–463.

⁷⁴ Еленевский А. Военные училища в Сибири... С. 468.

заведений, прекращали в них учебные занятия. По мнению военных, целесообразно было по возможности перепрофилировать занятия в учебных заведениях на военный лад.

Правительство не занималось вопросами военного образования, целиком передав их военному ведомству. Больше всего его интересовало положение высшей школы. На территории востока России до 1917 г. находилось немного вузов: Томский университет, Томский политехнический институт, Екатеринбургский горный институт и Восточный институт во Владивостоке. Задолго до революции провинциальная интеллигенция активно выступала за расширение сети высших учебных заведений в России, царская же бюрократия осторожничала. В последние годы царского режима было принято решение об увеличении количества вузов на востоке страны, но оно осталось неосуществленным. История создания новых высших учебных заведений показывает, что многие просветительские начинания оказались одинаково близки и российской интеллигенции, и государственной власти независимо от того, о каком политическом режиме революционного периода идет речь. Общая парадигма была присуща любой власти в революционную эпоху. Но так получилось, что именно антибольшевистские правительства оказались причастны к основанию ряда высших учебных заведений. Они смогли за полтора года завершить начинания своих предшественников и выдвинуть много новых инициатив. Успевали предусмотреть даже мелочи. В трудный для российского образования период Временное сибирское правительство проявило трогательную заботу о тех, кто стремился к знаниям. По просьбе управляющего Министерством народного просвещения Совет министров 7 августа 1918 г. распространил на вольнослушателей высших и средних учебных заведений 50%-ную льготу на проезд по железным дорогам, которой ранее пользовались только студенты университетов⁷⁵.

Достаточно показательная ситуация наблюдалась в столице поволжского Комуча. В 1917 г. самарская общественность затретила массу усилий – от ходатайств до сбора средств – для открытия нескольких вузов: университета, ветеринарного, политехни-

---

⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 109–109об.

ческого и педагогического институтов⁷⁶. Успехом завершилась лишь попытка основания педагогического института. Из Петрограда в Самару прибыла группа профессоров для его организации. Они же составили костяк будущей профессуры. Уже в первый учебный год, с марта 1918 г., преподавательский коллектив вновь основанного вуза, опираясь на поддержку местных земцев, решил добиваться получения университетского статуса. Но настоящую поддержку они нашли после падения советской власти. 27 июля 1918 г. объединенное заседание Самарской губернской земской управы и совета профессоров Самарского педагогического института под председательством управляющего Ведомством народного просвещения Е.Е. Лазарева решило преобразовать земский пединститут в государственный университет⁷⁷. 10 августа 1918 г. Совет управляющих ведомствами Комуча подписал приказ № 216 о создании Самарского университета⁷⁸. Развитие вуза задумывалось масштабно в соответствии с духом времени: на юридическом факультете планировали создать отдел по вопросам кооперации, а отделение искусств в составе историко-филологического факультета должно было объединить консерваторию и академию художеств. Кроме того, на факультете намеревались открыть также восточное отделение, обслуживающее культурные нужды мусульманского населения Самарского края⁷⁹. Амбициозный проект требовал больших вложений. Но финансовый вопрос решили оставить на потом. Пока же университет собирались обслуживать за счет средств города, которых едва хватало на поддержание функционирования существующего педагогического института.

Споры о том, кому принадлежит первенство в открытии Самарского университета – советской власти или её противникам – едва ли состоятельны. Главную роль сыграла местная интеллигенция, представители которой стучались в двери правительственных кабинетов при любых режимах. Городская общественность нашла полное понимание у эсеров Комуча. Но как только

---

⁷⁶ Моргунова Е.И. Земская интеллигенция в Самарской губернии... С. 129.

⁷⁷ Иванов Е.Е., Кудинов М.А. Третий путь в революции... С. 47.

⁷⁸ Вестник Комуча (Самара). 1918. 11 авг.

⁷⁹ Там же.

антибольшевистское правительство эвакуировалось на восток, делегация от молодого университета во главе с утвержденным Комучем ректором А.П. Нечаевым отправилась в Москву просить о поддержке нового учебного заведения. Причем на этот раз ходатайство интеллигенции перед центральными властями всецело поддержали самарские большевики⁸⁰. Если и была пропасть, разделявшая большевиков и эсеров, то не в вопросах вузовского строительства.

Заметным событием в культурной жизни стало открытие Иркутского университета. В истории его основания также перекликаются усилия Временного правительства, советской власти и контрреволюции. Хотя иркутский опыт рисует несколько иной, нежели у Комуча, подход Временного сибирского правительства к решению такой масштабной проблемы. Идея открытия в Сибири второго университета витала в воздухе уже давно, и главным инициатором этой акции также выступила местная интеллигенция. Вопрос был решен ещё Временным правительством, но начало работы вуза перенесли на год из-за недостатка кадров для столь серьёзного мероприятия. Дело двинулось дальше уже благодаря советской власти – было получено 3 млн руб., что превышало местные пожертвования на основание университета⁸¹. Но выделенная советской властью сумма оказалась в 10 раз меньше, чем ассигнования Временного правительства⁸². Таким образом, к лету 1918 г. налицо был крупный задел в организации нового учебного заведения. Однако это не дает основания принижать роль Временного сибирского правительства, не торопившегося с открытием вуза лишь в силу основательности своей позиции в этом вопросе. Многие технические детали, связанные с организа-

---

⁸⁰ Самарский государственный университет. 1969–1999. Самара, 1999. С. 10–11.

⁸¹ Соскин В.Л. Сибирь, революция, наука. Новосибирск, 1989. С. 47–49. Здесь автор пишет о том, что общественность Иркутска собрала для основания университета 550 тыс. руб. В опубликованной в том же году статье В.Л. Соскин указывает уже иную сумму – 1 млн 350 тыс. руб. (см.: Соскин В.Л. Высшая школа Сибири в годы революции и гражданской войны (История организации Иркутского университета) // Иркутский государственный университет: Хроника событий. Иркутск, 1989. С. 12); Нестерович А.А. Иркутский государственный университет – перенец вузовской науки Восточной Сибири. 1918–1998. Иркутск, 1998. С. 18.

⁸² Нестерович А.А. Иркутский государственный университет... С. 18.

цией учебного процесса, решались на самом высоком уровне. 2 августа 1918 г. Временное сибирское правительство отправило управляющего Министерством народного просвещения В.В. Сапожникова в Иркутск для организации там университета. Новому учебному заведению выделили кредит в 200 тыс. руб., а Иркутскую городскую управу обязали перечислить университету ещё 500 тыс. руб. в первый год работы. После утверждения сметы университет переводился на нормальные бюджетные условия финансирования⁸³. 26 сентября 1918 г. Административный совет передал в распоряжение Иркутского университета дом бывшего генерал-губернатора («Белый дом») – самое подходящее для этих целей здание в городе⁸⁴. На открытие вуза 20 октября 1918 г. в Иркутск вновь прибыл В.В. Сапожников⁸⁵.

В дальнейшем сменявшие друг друга правительства продолжали держать дела вуза под своим контролем. Даже вопрос о закупке книг для формирования библиотеки Иркутского университета также решался на заседании Директории. Не менее заботило правительство и судьба эвакуированного профессорско-преподавательского состава Казанского университета, распределенного на работу в Томск и Иркутск⁸⁶. Книги для Иркутского университета приобретались за наличный расчёт из собраний в Уфе и Казани⁸⁷. При этом в составе университета было всего 2 факультета, 9 кафедр, обучалось 611 студентов – в 8 раз меньше, чем в Томском университете⁸⁸. Совет министров утвердил постановление об открытии университета в Иркутске только 26 апреля 1919 г. Но произошло это не потому, что законодатели стремились «насолить» университету, унижить его руководителей и преподавателей, как полагал В.Л. Соскин⁸⁹. Напротив, университет должен был получить статус государственного сразу после представления прави-

⁸³ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 80, 91об.–92об., 170об.–171.

⁸⁴ Там же. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 32.

⁸⁵ Соскин В.Л. Высшая школа Сибири... С. 11.

⁸⁶ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 11, 25–26, 28, 30–31, 63; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 9об.; Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 27. Л. 5об.; Д. 32. Л. 91–91об.

⁸⁷ Иркутский государственный университет: Хроника событий. Иркутск, 1998. С. 12.

⁸⁸ Там же. С. 13–14.

⁸⁹ Соскин В.Л. Сибирь, революция, наука... С. 65.

тельству сметы своих расходов. Причину задержек следует искать как раз в нерасторопности университетского руководства. Никакого игнорирования нужд вуза со стороны властей не было. В следующем учебном году открылся третий факультет – физико-математический. Самое удивительное, что университет имел возможность даже проводить полевые исследования летом 1919 г. – этнографические, археологические. В первый же учебный год удалось выпустить серию учебников⁹⁰. Перебои в учебном процессе возникли только в конце 1919 г., когда в связи с эвакуацией Российского правительства в Иркутск пришлось прибегнуть к реквизиции части университетских помещений.

Правительство проявляло такую же заботу и о других высших учебных заведениях. Многие члены Временного сибирского и Российского правительств, бывшие в прошлом или даже оставшиеся работниками высшей школы, понимали и близко принимали её проблемы. Получил поддержку Омский сельскохозяйственный институт, полгода существовавший на средства кооперативов и Омского уездного земства. 10 августа 1918 г. Временное сибирское правительство признало его государственным учреждением, выделив вузу кредит в размере 150 тыс. руб. Нужно отметить, что министр земледелия и колонизации Н.И. Петров, сам доцент этого института, добился, чтобы его министерство могло передавать институту свои учреждения⁹¹. 4 октября 1918 г. Административный совет изыскал 220 850 руб. на содержание второго столичного вуза – Омского политехнического института⁹². Пристальное внимание профессоров и доцентов, получивших министерские портфели, положительно сказалось на формировании молодой высшей школы Омска, численно увеличившейся как за счет беженцев – профессоров из европейской части страны, так и за счет правительственных чиновников, охотно совмещавших свою работу с преподаванием. Два столичных вуза в мае–июле 1919 г. решено было объединить, что вы-

---

⁹⁰ Иркутский государственный университет... С. 15.

⁹¹ СУР ВСП. № 11. Ст. 107; ЗДБПС. Вып. 2. С. 104–105; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 116об.

⁹² СВ. 1918. 4 нояб. Приложение № 5; СУР ВСП. № 22. Ст. 191; ЗДБПС. Вып. 3. Ст. 357–369; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 45.

звало сопротивление профессорско-преподавательского состава. Определенную роль сыграл здесь конфликт в правительственной верхушке, некоторые представители которой патронировали разные омские вузы, а также подозрения в нелояльности части омской профессуры по отношению к режиму. 25 июля 1919 г. было принято решение о создании единого Сибирского института сельского хозяйства и промышленности. Начало его работы с нового учебного года оказалось осложнено мобилизацией, отъездом части профессоров и преподавателей в Восточную Сибирь⁹³.

Продолжал работать открытый в 1917 г. Уральский горный институт. Правда, строившееся с 1915 г. огромное здание в годы Гражданской войны ему так и не досталось. В недостроенном помещении расположились военные⁹⁴. В других местах сильное общественное движение также подталкивало правительство к рассмотрению вопросов о создании новых вузов. В Томске, Иркутске, Челябинске и других городах функционировали народные университеты. Большинство из них возникли в последние год-полтора и не могли рассчитывать на преобразование в постоянное государственное учебное заведение.

Как показывает детальное изучение внутривузовской жизни, она оставалась очень богатой и насыщенной, а кадровый состав сибирских вузов пополнялся профессорами из Казани, Перми. Читались открытые лекции, велись факультативные курсы, отправлялись экспедиции. В вузовских аудиториях вольнослушатели и просто интересующиеся преобладали, порой, над собственно студенческой аудиторией, которая тоже сильно увеличилась по

---

⁹³ Букин А.Ф. Омский коммерческий (политехнический) институт (1917–1919 гг.) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории: Материалы V науч.-метод. конф. Омск, 2004. С. 241–243; Посадсков А.Л. Высшее образование в «белой» столице: из истории вузов г. Омска в годы гражданской войны (1918–1919) // История науки и образования в Сибири: Сб. материалов Всерос. науч. конф. Красноярск, 2006. С. 290–296; Норенко С.Н. Создание и деятельность кооперативного отделения Омского сельскохозяйственного института (1918–1919 гг.) // Кооперация в Сибири в XX в.: опыт, уроки, перспективы. Новосибирск, 1994. С. 88–96.

⁹⁴ Филатов В.В. «Отечества пользы для...» (75 лет Уральскому горному институту. 1917–1992). Екатеринбург, 1992. С. 46, 69–70.

сравнению с дореволюционным временем⁹⁵. Особой заботой пользовались профессора – беженцы из европейской части страны. Директория неоднократно рассматривала этот вопрос. В распоряжение ректора Томского университета был выделен специальный кредит более чем в 50 тыс. руб. на содержание эвакуированных профессоров Казанского университета⁹⁶.

Власть нередко хорошо чувствовала общественные настроения и старалась быть в их фарватере. 7 августа 1918 г. Совет министров поручил В.В. Сапожникову созвать музыкальных деятелей Сибири и обсудить с ними вопрос о месте, времени и условиях открытия Сибирской консерватории⁹⁷. Но во время Гражданской войны реализовать давнюю мечту сибиряков так и не удалось.

Зато некоторые другие проекты общественности оказались ближе к воплощению. Во Владивостоке, куда в 1918 г. эвакуировались некоторые специалисты, возникла инициативная группа по перемещению в Приморье Рижского политехнического института, находившегося временно в Москве. Осенью 1918 г. общественные деятели собрались открыть во Владивостоке свой политехнический институт. Новация заключалась в том, что предпо-

---

⁹⁵ Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Образование и культура в Томске в годы революции и гражданской войны // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2005. С. 356–357; Иркутский государственный университет. 27.X.1918 – 27.X.1921. Сборник к дню трехлетия существования университета. Иркутск, 1921. С. 25, 27; Михеенков Е.Г. Преподавательская деятельность вузовской интеллигенции на историко-филологическом факультете Томского университета в годы революции и гражданской войны // Историко-культурное развитие Западной Сибири в XVII–XX вв: Материалы науч. конф. Томск, 2002. С. 100.; Он же. Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция... С. 67, 70, 77–79, 81–82; Луков Е.В., Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Хмельницкий В.С., Шевелев Д.Н. Профессора Томского университета в годы гражданской войны // Из истории революций в России (первая треть XX в.): Материалы всерос. симпозиума, посв. памяти проф. И.М. Разгона. Томск, 1996. Вып. 2, С. 47–55; Посадсков А.Л. Высшее образование...; Профессора Томского университета. Биографический словарь. Томск, 1998. Т. 1. С. 90; Т. 2. С. 5–6, 53, 62, 65, 91, 101, 119, 129, 205, 231, 334, 352, 462; Соскин В.Л. Ученые Сибири в годы революции и гражданской войны // Кадры советской Сибири: проблемы истории. Новосибирск, 1991. С. 53–60; Томский политехнический университет. 1896–1996. Исторический очерк. Томск, 1996. С. 123–126.

⁹⁶ ГАНУ. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 39. Л. 11, 25, 28, 30, 63.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 43. Л. 110–110об.

лагалось создать вуз по типу американского колледжа, в котором по мере необходимости можно было бы открыть любое число факультетов (то есть по сути, университет)⁹⁸. Не рассчитывая на государственную поддержку, в 1918 г. общественность сделала ставку на самофинансирование вуза за счет платы за обучение и пожертвований. Дальневосточному обществу содействия высшему образованию удалось собрать 400 тыс. руб. 1 ноября 1918 г. в новом Политехническом институте начались занятия для 200 студентов. Официально он был утвержден в статусе политехникума. Эвакуация во Владивосток Уральского горного института осенью 1919 г. позволила открыть на базе слияния эвакуированного вуза и политехникума настоящий политехнический институт, в 1920 г. получивший статус государственного вуза.

Идея открыть университет в Приморье возникла до революции дважды – в 1910 г. и 1916 г. Дальнейшая судьба высшей школы в регионе в значительной мере зависела от политических событий. Массовое бегство вузовской интеллигенции на Дальний Восток в связи с отступлением Белой армии привело к приезду в Приморье профессоров Петербургского, Казанского и, наконец, Иркутского университетов. Это позволило на общественные пожертвования учредить два новых самостоятельных учебных заведения – факультеты историко-филологический в 1918 г. и юридический в 1919 г. Обсуждение вопроса о преобразовании Восточного института в университет началось по инициативе Министерства народного просвещения, направившего во Владивосток 6 июня 1919 г. соответствующее предложение. Ходатайство обществу о слиянии двух факультетов с Восточным институтом для преобразования их в университет Российское правительство оставило без ответа. Вероятно, это связано с недостатком финансовых и организационных ресурсов в период отступления Белой армии. Инициатива харбинцев по созданию высшего учебного заведения зрела с 1917 г., но так и не получила воплощения до 1922 г. – ранее для этого не находилось ни средств, ни условий. На помощь государства харбинцы практически не рассчиты-

---

⁹⁸ Троицкая Н.А. К истории Дальневосточного общества содействия высшему образованию (1918 г.) // Высшее образование на Дальнем Востоке: история, современность, будущее: Материалы науч. конф. Владивосток, 1999. С. 6–7.

вали⁹⁹. В других случаях правительство оказывало поддержку даже частным высшим учебным заведениям. Так, по представлению министра народного просвещения В.В. Сапожникова от 30 августа 1918 г. Административный совет Временного сибирского правительства выделил 10 сентября 1918 г. Сибирским высшим женским курсам пособие в 35 тыс. руб.¹⁰⁰

В апреле 1919 г. при Министерстве народного просвещения была создана специальная комиссия по рассмотрению вопроса о создании педагогического института как автономного подразделения внутри Томского университета. В состав комиссии вошла профессура университета: ректор, профессор А.П. Поспелов, профессора П.П. Авроров, С.П. Никонов, П.Н. Лашенков, С.И. Гессен, В.А. Рязановский, С.М. Курбатов и др. Инициатор обсуждения профессор Томского университета С.И. Гессен предложил открыть внутри историко-филологического и физико-математического факультетов педагогические отделения. Студенты, имеющие склонность к педагогике, должны были учиться 5 лет, изучая параллельно профессиональные и педагогические дисциплины. Кроме того, проект С.И. Гессена включал подготовку в стенах университета школьных врачей и преподавателей технических предметов, открытие при университете образцовой школы с полным циклом среднего образования (три ступени). 22 апреля 1919 г. комиссия обсудила проект, но признала его реализацию нецелесообразной. Создать самостоятельный педагогический институт казалось более верным. Решить вопрос о сроках его открытия комиссия не успела. В новом учебном году законодатели уже не вернулись к этому вопросу – осенью 1919 г. стало не до расширения сети педагогических заведений. Судя по воспомина-

---

⁹⁹ Балковая В.Г. Восточный институт в общественно-политической жизни Приморья в годы революции // Высшее образование на Дальнем Востоке... С. 8–10; Малявина Л.С. Особенности начального этапа развития высшей школы на российском Дальнем Востоке (1899–1923 гг.) // Там же. С. 11–12; Павловская М.А. Из истории юридического факультета в г. Харбине // Там же. С. 15; Сонин В.В. Становление юридического образования на Дальнем Востоке (конец XIX в. – 1923 г.) // Там же. С. 12–13; История Дальневосточного университета в документах и материалах. 1899–1938. Владивосток, 2004. С. 252–284; Филатов В.В. «Отечества пользы для...» С. 70–73.

¹⁰⁰ СВ. 1918. 6 сент.; ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 103. Л. 9об.

ниям С.И. Гессена, при университете всё же функционировал педагогический институт на общественных началах¹⁰¹.

На особом положении находился оказавшийся в силу обстоятельств в Сибири военный вуз – Академия генерального штаба. Эвакуированная в Екатеринбург, летом 1918 г. академия оказалась на территории, подконтрольной «белым». Её передислоцировали сначала в Омск, затем в Томск, где с января по май 1919 г. прошли по ускоренной программе курсы 152 офицера российской армии. В октябре академию вновь пришлось эвакуировать, на этот раз во Владивосток, куда она прибыла только в апреле 1920 г.¹⁰² Положение академии, в отличие от проблем других вузов востока России, не обсуждалось на высоком правительственном уровне. Современники вообще отмечают, что сибирские военные холодно приняли лучший военный вуз страны, готовивший штабистов, опасаясь, что выходцы из академии составят конкуренцию офицерам и генералам сибирских штабов, чьё чинопроизводство нередко бывало скоротечным¹⁰³.

Нельзя объяснять причину открытия новых учебных заведений на востоке России в период Гражданской войны исключительно давлением общественности на власть, как это делал В.Л. Соскин. Руководители Министерства народного просвещения сами были подвержены образовательному грюндерству. Среди остальных членов правительства многие тоже разделяли отношение к образовательным проблемам как к первоочередным. Причину следует искать в том, что сами они были выходцами из вузовской среды, плоть от плоти того общественного движения, участники которого на протяжении последних лет «бомбардировали» царское и Временное правительства требованиями об от-

---

¹⁰¹ Гессен С.И. Моё жизнеописание // Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995. С. 432. Е.Г. Михеенков со ссылкой на архивные источники пишет о сентябрьском 1919 г. аналогичном проекте С.И. Гессена. Трудно понять, тот же это проект или новый (см.: Михеенков Е.Г. Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция... С. 70).

¹⁰² Войнов В.М. Николаевская академия генерального штаба в Екатеринбурге // Уральская старина. Екатеринбург, 1994. Вып. 1. С. 9–17; Еленевский А. Военные училища в Сибири... С. 462–463.

¹⁰³ См., например: Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 345, 351–352.

крытии в Сибири вузов и иных учебных заведений. И вот, наконец, они сами встали у власти и смогли использовать государственные ресурсы для воплощения своих давних замыслов.

Дальнейшая история вузовского строительства заставляет задуматься о многом. За годы Гражданской войны «красными» и «белыми» было открыто изрядное число высших учебных заведений. Например, в Поволжье в 1918 г. открылось 5 новых университетов – один при «белых» и 4 при «красных». Но даже в период стабилизации 1920-х гг. такое количество вузов оказалось не востребовано ни экономикой, ни культурной средой. К началу 1930-х гг. сохранилось только 2 из них¹⁰⁴. С завершением Гражданской войны государство и общество пересмотрели отношение к сфере образования.

Оценку образовательной политике антибольшевистского периода следует давать в контексте процессов, протекавших в этой сфере в целом в годы революции. Убежденность, что несмотря ни на какие хозяйственные проблемы и военные задачи революция должна была быстро принести ощутимые улучшения в области развития образования, роднила земских и правительственных работников образовательной сферы. Более того, она вообще характерна для представителей революционной эпохи. Ситуация по обе стороны фронта напоминала строительство платоновского «Котлована». Закономерно, что рост сети школьных учреждений сопровождался сокращением числа работавших школ, а истощение их материальной базы поставило многие из них почти на грань прекращения учебного процесса. Но реализованный на востоке России вариант образовательной политики оказался более умеренным и осторожным, чем советский. Он отличался повышенным вниманием к элитным учебным заведениям, которые мягче переживали кризисные явления.

---

¹⁰⁴ Храмков Л.В. Самарский государственный университет и развитие краеведческих исследований (1918–1927 гг.) // Самарский земский сборник. Самара, 1996. Вып. 3. С. 84.

7.2. Просвещение и наука: во имя победы или вопреки?

Помимо деятельности в образовательной сфере антибольшевистские органы власти пытались решать широкий диапазон проблем, связанных с развитием науки, просвещения и пропагандой знаний, тесно взаимодействуя с интеллигентским сообществом. Определение приоритетных направлений такой работы являлось вопросом политическим, ведь именно здесь происходила социализация не только молодежи, но и всего населения. От того, какие цели закладывались в рамках этой социализации, зависел и вектор идейной и идеологической мобилизации. В последние годы исследователями уделено много внимания анализу деятельности агитационных и пропагандистских структур Временного сибирского и Российского правительств, прежде всего, военных¹⁰⁵.

---

¹⁰⁵ Авдеев В.В. Печатное слово на военных фронтах белой Сибири // Сборник научных трудов Новосибирского высшего общевойскового командного училища. Новосибирск, 1998. № 6. С. 57–64; Он же. Издательская практика военного дела белой Сибири // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность: Материалы всерос. науч.-метод. конф. Омск, 1998. С. 107–109; Он же. Военная книга «белой» Сибири: Автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001; Он же. Военные издания «белой» Сибири // Страницы истории книжной культуры. Новосибирск, 1999. С. 105–106; Он же. Из практики распространения литературы Новониколаевским отделением Русского общества печатного дела // Пятые Макушинские чтения: Тез. докл. науч. конф. Новосибирск, 2000. С. 157–159; Он же. Книгораспространение в боевых условиях на территории «белой» Сибири // Книжный мир сегодня и завтра: Тез. докл. десятой междунар. науч. конф. по проблемам книговедения. М., 2002. С. 109–110; Он же. Издательская деятельность осведомительных органов в армиях А.В. Колчака // Шестые Макушинские чтения: Тез. докл. науч. конф. Новосибирск, 2003. С. 179–181; Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2008. С. 30–31, 68–80; Молчанов Л.А. Из истории газетной прессы России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1997; Он же. «Русское бюро печатного дела»: проблемы организации и деятельности // История «белой» Сибири: Тез. второй науч. конф. Кемерово, 1997. С. 137–139; Он же. Агитационно-информационные учреждения «белой» Сибири (1918–1920 гг.) // Белая гвардия. 1998. № 2. С. 17–23; Он же. Деятельность информационных учреждений «белой» России в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Государственный аппарат России в годы революции и гражданской войны. Материалы всерос. конф. М., 1998. С. 150–164; Он же. Отдел пропаганды особого совещания: организация и деятельность (1918–1920) // Белая гвар-

Между тем, конфликт ценностей, назревавший в российском обществе в революционный период, становится более очевидным, если мы будем рассматривать более широкий контекст пропагандистско-просветительской деятельности разных общественно-политических сил в антибольшевистском лагере.

20 июня 1918 г. в структуре Западно-Сибирского комиссариата был сформирован информационный отдел, через месяц ставший информационно-агитационным отделом Министерства внутренних дел Временного сибирского правительства. В его штате имелось более 200 пропагандистов, выполнявших одновременно функции информирования деревни о текущей политике

дия. 1999/2000. № 3. С. 10–14; Он же. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917 – 1920 г.). М., 2001; Он же. Опыт пропаганды и идеологии Белого движения: успехи и просчеты (1918–1920 гг.) // Белая Россия: опыт исторической ретроспекции: Материалы междунар. науч. конф. М., 2002. С. 44–51; Он же. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны. М., 2002. С. 92–94; Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2002. Т. 3: 1917–1930. С. 94–104; Пайчадзе С.А., Лютов С.Н., Савенко Е.Н. Военная книга в Сибири и на Дальнем Востоке: история издания и социальные функции (1917–1941 гг.). Новосибирск, 1995. С. 20–25; Посадсков А.Л. Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Клио. 1997. № 2. С. 131–133; Он же. Отдел печати Всероссийского правительства в Омске: информационно-пропагандистская, издательская и библиографическая деятельность (1918–1919 гг.) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.): Материалы третьей всерос. науч. конф. Омск, 1998. Т. 1: Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVII–XX вв.). С. 73–76; Он же. Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 196–198; Он же. К истории эвакуации Русского общества печатного дела (октябрь 1919 – январь 1920 гг.) // История белой Сибири: Тез. 3-й науч. конф. Кемерово, 1999. С. 135–139; Он же. К истории создания русского общества печатного дела в Омске (1919 г.) // Пятые Макушинские чтения. С. 140–143; Он же. Особый отдел Российского правительства: из истории пропагандистских спецслужб Белой Сибири // История белой Сибири: Тез. 4-й науч. конф. Кемерово, 2001. С. 162–167. Он же. Последний рубеж Омведфронта: попытка организации «идейного» отпора большевизму в Ново-Николаевске (осень 1919) // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2002. № 2 (8). С. 90–94; Он же. Б.А. Деминов – создатель и руководитель Особого отдела Российского правительства А.В. Колчака // Клио. 2002. № 4. С. 175–178.

и целях правительства и агитации потенциальных волонтеров в армию. Отдел должен был ежемесячно получать на агитационные цели по 30 тыс. руб., но к 7 октября 1918 г. ему из казны было переведено 551 884 руб. – значительные по тем временам деньги¹⁰⁶. После перехода в августе 1918 г. на призывной принцип комплектования армии необходимость такого подразделения стала для Временного сибирского правительства сомнительной. Но руководитель отдела А.Г. Козлов связал его работу с подготовкой перевыборов земских органов и организацией волостных земств – тоже, как будто, государственной задачей – и развернул масштабную агитационную деятельность в земско-эсеровском ключе¹⁰⁷. Ликвидация отдела затянулась до конца ноября 1918 г. Как справедливо отмечено исследователями, пропагандистская работа государства в Сибири приостановилась на стадии развертывания. Она была значительно сильнее в политическом эпицентре сибирской контрреволюции – Томской губернии и Акмолинской области – и слабее на окраинах. Но вся пропагандистско-агитационная деятельность отдавала земско-эсеровским «духом», что и заставило государственную власть позаботиться о её прекращении¹⁰⁸. Правительственное просветительство несло сугубо политико-мобилизационный характер, и когда стало выходить за эти рамки, оказалось свёрнуто.

Очень похожий агитационно-культурно-просветительский отдел был создан в структуре Ведомства внутренних дел Комуча 24 августа 1918 г. При организации ему сразу решили отпустить 500 тыс. руб. на агитацию в пользу правительства. Правда, поволжские политики провалили финансовую сторону дела. До октября 1918 г. они перечисляли отделу только мелкие суммы в счет общего аванса, не позволявшие развернуть масштабную ра-

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-1561. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

¹⁰⁷ Там же. Л. 34–39, 42, 48.

¹⁰⁸ Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири... С. 24–30, 84–86; Молчанов Л.А. Агитационно-информационные учреждения... С. 17–23; Он же. Деятельность информационных учреждений... С. 150–164; Мышанский А.А. Деятельность информационно-агитационного отдела Министерства внутренних дел Временного сибирского правительства (июнь–ноябрь 1918 г.) // Материалы XXXVIII междунар. науч. студен. конф. История. Новосибирск, 1999. С. 47–50; Очерки истории книжной культуры... С. 88–92.

боту. 1 ноября уже в Уфе Совет управляющих ведомствами Комуча выделил отделу целых 4 млн руб. Очевидно, что о полноценной агитационной работе среди населения речи уже не шло, и деньги оказались потрачены на партийно-пропагандистскую работу эсеровской партии¹⁰⁹. Недаром это стало предметом разбирательства Российского правительства и являлось подтверждением того, что эсеры использовали государственный аппарат Комуча в партийных целях¹¹⁰.

Даже Временное областное правительство Урала приняло 2 октября 1918 г. решение выделять 10 тыс. руб. ежемесячно на содержание «необходимого кадра разъездных инструкторов-осведомителей»¹¹¹. Вероятно, задумывалось создание агитационно-информационного учреждения по сибирскому примеру, не реализованное лишь по причинам скорой ликвидации самого Временного областного правительства Урала.

Три очень сходные попытки организовать гражданскую пропагандистскую работу оказались быстро свернуты. Лишь в армии существовали военно-пропагандистские структуры. С 30 июля 1918 г. при штабе Сибирской армии функционировало информационное отделение Военно-исторического отдела, но его работа была слабо организована и мало известна в армии и в обществе.

Воюющая государственная машина долго без идеологической работы функционировать не могла. Вскоре Российское правительство вернулось к проблемам идейной мобилизации. Беспартийная политическая доминанта заставила искать весьма извилистые пути проведения этой работы. С 20 января 1919 г. при Штабе Верховного главнокомандующего появилась Особая канцелярия (Осканверх), руководившая Особыми канцеляриями армий. 9 июня 1919 г. возникла новая структура – Осведомительный отдел при Штабе Верховного главнокомандующего во главе с полковником Генерального штаба Г.И. Клерже, объединивший в себе функции бывшего Осведомительного отдела и отдела печати.

---

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. Р-667. Оп. 1. Д. 23. Л. 287; Ф. Р-670. Оп. 1. Д. 1. Л. 81, 85, 95, 98.

¹¹⁰ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2007. С. 262–264.

¹¹¹ ГАСО. Ф. Р-569. Оп. 3. Д. 40. Л. 41.

Постепенно и на местах при штабах разных уровней сформировались особые канцелярии, а позже осведомительные отделы. Они выполняли двоякую функцию – сбор разведывательной информации и пропагандистскую работу, прежде всего, через распространение печатной продукции. Кроме того, в структуре военного управления появились армейские отделы внешкольного образования, занятые организацией солдатского и офицерского досуга. Существовали и другие пропагандистские органы на востоке России, такие как Особый отдел Управления делами Верховного правителя и Совета министров, возглавленный Б.А. Деминовым.

Российское правительство стыдливо опасалось создавать государственные органы для идеологической работы с населением. Учрежденное им 8 марта 1919 г. совещание по делам печати выдвинуло идею организации частного издательства для политической агитации. В результате 25 апреля 1919 г. возникло АО «Русское общество печатного дела», большую часть акций которого оплатило правительство. Оно же частично компенсировало покупку акций частным акционерам – известным общественным деятелям, готовым поддержать пропагандистскую работу правительства. В дальнейшем государство финансировало и всю издательскую деятельность. Особую активность развило «Русское бюро печати», действовавшее в рамках «Русского общества печатного дела». Общество имело отделения в 18 городах Урала, Сибири и Дальнего Востока и выпустило 32 брошюры, листовки и плакаты общим тиражом 19 млн 35 тыс. экз. Для этого приходилось принимать подчас беспрецедентные меры, например, объявлять «Неделю печати», когда столичные типографии должны были печатать только агитационную литературу по заказам правительства и «Русского общества печатного дела». Летом 1919 г. в штате общества числилось более 600 чел. Естественно, содержание такой огромной машины требовало значительных средств.

Выявленные отечественными историками материалы позволили А.Л. Посадкову сделать весьма обоснованное сравнение «Русского бюро печати» с большевистским Госиздатом¹¹². Поняв всю значимость политической агитации, правительство пыталось

---

¹¹² Очерки истории книжной культуры... С. 95.

жестко регулировать ситуацию на остродефицитном рынке полиграфического сырья, распределяя львиную долю бумаги и типографских материалов на издание агитационных листовок и брошюр. Это вызывало вполне понятное недовольство типографий и издательств, вынужденных печатать газеты и журналы на цветной или папиросной бумаге, сокращать объёмы изданий, а то и вовсе отказываться от них. Порой выпуск массы низкосортной агитационной литературы на книжный рынок воспринимался как попытка устранить идеологическую конкуренцию со стороны серьезных и оппозиционных средств массовой информации, а политика правительства в области печати напоминала борьбу со свободой слова не только через цензуру, но и при помощи экономического давления.

XX век стал веком тотальных войн, который требовал тотальной мобилизации сознания¹¹³. Это подспудно осознавали российские радикалы по обе стороны фронта. Большевики в самые сложные для политического режима периоды готовы были нести огромные затраты на идеологическо-пропагандистскую работу. Они быстрее её наладили и сформировали куда более развитую сеть воздействия на массовое сознание. Эту задачу столь же отчетливо осознавали и их эсеровские противники, готовые к созданию единых государственно-партийных идейно-пропагандистских органов. Иную модель идейной мобилизации рисует сибирский вариант, распространенный вскоре на все восточные регионы страны. Но там качество работы военно-пропагандистских органов оставалось довольно низким.

Антибольшевистские политики очень сильно, примерно на год, отстали от большевиков в развертывании своего агитационно-пропагандистского аппарата, не смогли организовать его с должной эффективностью. К политико-идеологической работе подключилось Главное управление по делам вероисповеданий, преподаватели вузов и прочие деятели культуры. Но немногие литераторы и артисты проявили готовность сотрудничать с военно-пропагандистскими органами. Суммы, отпущенные на агита-

---

¹¹³ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. colloквиума. СПб., 1999. С. 83–102.

ционно-пропагандистскую работу, хотя и выражались в шестизначных цифрах, но в сопоставимых ценах оказывались невелики. Лишь в конце лета – осенью 1919 г. стала выходить массовым потоком агитационная литература, в армии проводились лекции, давались спектакли и концерты. На полную мощность эта машина заработала только в период отступления Белой армии за Урал, но и тогда продолжала страдать от дефицита «культурных» кадров. Сеть школ информаторов и агитаторов должна была дать первый выпуск только к декабрю 1919 г.¹¹⁴

Естественно, Временное сибирское и Российское правительства стремились сконцентрировать основную массу материальных и кадровых ресурсов для идеологической работы в армии и в тылу. Это направление политики властей в основном не встретило понимания в обществе. Значительная часть интеллигенции, проживавшей на востоке страны или прибывшей сюда из большевистской России, совершенно иначе представляла себе задачи государства в области просвещения. В рамках этой идейной парадигмы постреволюционное общество должно было мобилизовать средства и усилия, в том числе и государственные, на расширение образовательной и просветительской деятельности. На это нацеливалась работа существовавших на востоке России муниципальных и общественных культурно-просветительских организаций.

В земских и городских управах функционировали внешкольные отделы просвещения. Каждый крупный кооперативный союз имел в своей структуре неторговый отдел, который по сути дела занимался просветительской деятельностью¹¹⁵. И хотя все кооперативные союзы исправно вносили благотворительные взносы на снабжение армии, заботу о больных и раненых воинах, объём средств, затраченных на просветительскую деятельность, был несопоставимо больше. До революции в крупных городах азиат-

---

¹¹⁴ Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири... С. 122–144; Михеенков Е.Г. Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция... С. 215–217.

¹¹⁵ Сибирский рассвет (Барнаул). 1919. № 3–4. С. 124–126; Аксарин В.В. Культурно-просветительская деятельность Обь-Иртышского союза кооперативов // Диалог культур и цивилизаций: Тез. V всерос. конф. Тобольск, 2004. С. 79–80.

ской России активно действовали общества попечения о народном образовании, имелись библиотеки, организовывались лекции. Сформировавшиеся на востоке России в 1917–1918 гг. земства направляли значительные усилия на внешкольные формы образовательной деятельности. Становление их просветительских учреждений как раз приходилось на период Гражданской войны со всей вытекающей отсюда необходимостью повышенных расходов на организационные нужды. Смета Барнаульской городской управы предполагала затрату 70 тыс. руб. на содержание городской публичной библиотеки. Из этой суммы 20 тыс. относилось за счет ссуды от правительства¹¹⁶. Златоустовское земство изыскало на просвещение 484,5 тыс. руб., организовало сеть из 52 библиотек. При некоторых из них работали курсы, народные чтения. В Оренбургской губернии содержание 55 библиотек на 2/3 оплачивалось казной, остальное – земствами¹¹⁷. Примером организованной просветительской работы могли служить многие земские и городские органы востока России¹¹⁸.

Революция увеличила потребность в чтении. Выросли и сеть библиотек, и количество читателей. Этот процесс стал набирать силу с февраля 1917 г. и требовал усиленного финансирования. Причем на востоке России формировалось объединение общественных и муниципальных организаций, направленных на расширение просветительской деятельности. Почти все отделы внешкольного образования при земских и городских управах сотрудничали с обществами содействия народному образованию. Кооперативы и земства нередко предпринимали совместные инициативы в области внешкольного образования и просвещения. На Алтае, например, на их средства работал культурно-просветительский союз. Существовала сеть книжных складов и книготорговых организаций, которая относительно успешно функциони-

¹¹⁶ Кривоносов Я.Е. Местное самоуправление и библиотечное строительство: опыт алтайского земства в документах ЦХАФАК // Библиотека и краеведение: современные тенденции: Материалы науч.-практ. конф. Барнаул, 2001. С. 12–15.

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 2. Д. 113. Л. 32об.

¹¹⁸ Молчанов Л.А. Земские библиотеки за Уралом в годы гражданской войны // Библиотека. 2001. № 8. С. 75; Он же. Библиотеки белого востока России (1918–1919 гг.) // История белой Сибири: Материалы VI междунар. науч. конф. Кемерово, 2005. С. 178.

ровала, хотя и переживала не лучшие времена. Власть настораживало, что вся эта работа протекала, главным образом, в русле социалистической агитации. Местная администрация и военные пытались даже конфисковать книжную продукцию. На многие земские и кооперативные просветительские издания обрушивались цензурные гонения. Причиной репрессий могли стать не только откровенная критика действий властей, но и агитация в пацифистском духе, пассажи против военной диктатуры. Советской историографией выявлены многочисленные факты, когда культурно-просветительские учреждения земств и кооперации использовались сторонниками советской власти как арена для откровенной антиправительственной пропаганды¹¹⁹.

Министерство народного просвещения, не вдаваясь в политическую окраску просветительской работы, хотя и не могло выделять значительные средства для удовлетворения культуртрегерских запросов, но поддерживало большинство инициатив общественности. 24 июня 1919 г. Совет министров утвердил положение о совещании по объединению культурно-просветительной работы правительственных и общественных организаций. Несмотря на очевидную несвоевременность дорогостоящих акций в связи с трудностями на фронте, Российское правительство согласилось на созыв масштабного форума. 150 человек должны были на государственные деньги провести две недели в заседаниях и выработать мероприятия по развитию просвещения на востоке России. Подготовка совещания возлагалась на представительную комиссию из нескольких министров¹²⁰. Такие культурные начинания плохо увязывались с катастрофическим материальным положением отступавшей армии.

Вопрос о сохранении культурного наследия был близок лидерам российской контрреволюции, многие из которых сами являлись воплощением интеллигентского просветительского подвижничества. Недаром при поддержке сначала Комуча, потом Российского правительства удалось спешно организовать Самарскую и Омскую книжные палаты, их региональные отделения во Владивостоке, Томске, Иркутске. В Томске своеобразным центром

---

¹¹⁹ Соскин В.Л. Очерки истории культуры... С. 175–183.

¹²⁰ ПВ. 1919. 2 авг.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 187–187об.

собрания книг являлась сначала Сибирская областная дума, потом Институт исследования Сибири¹²¹. 15 мая 1919 г. Российское правительство официально учредило Временное бюро Российской книжной палаты и её местные отделения¹²².

Параллельно прилагались усилия по сохранению архивного наследия. Созданной в июле 1918 г. историко-археологической комиссии разрешили собирать и хранить документы и памятники культуры. Большую работу по сбору материалов о современных событиях провела комиссия «Архив войны», действовавшая при Западно-Сибирском отделе Русского географического общества¹²³.

Поддержание музейного, библиотечного и архивного фондов требовало значительных средств. Но спонсировать эти учреждения государство почти не имело возможности. В 1918 г. Российское правительство выделило на поддержание массовых библиотек 130 тыс. руб., в 1919 г. – 675 тыс. руб. Государственное финансирование просветительской деятельности было сопоставимо с расходами в этой сфере губернского земства или крупного союза кооперации. Острейший бюджетный дефицит заставил отказаться от финансирования государством должностей школьных

---

¹²¹ Михеева Г.В. История русской библиографии 1917–1921 гг. СПб., 1992. С. 111–113, 119–120, 325–326, 340–341, 363–364; Молчанов Л.А. Деятельность Омской и Самарской книжных палат (1918–1919 гг.) // Библиотека в контексте истории: Тез. докл. и сообщ. второй науч. конф. М., 1997. С. 126–129; Он же. Книжная палата белой Сибири // История белой Сибири: Тез. 4-й науч. конф. Кемерово, 2001. С. 173–175; Он же. Книжные палаты «белой» России // Библиотека. 1997. № 10. С. 42–43; Он же. Книжные палаты «белой» России // Новая деловая книга. 1998. № 6. С. 29–30; Очерки истории книжной культуры... С. 170–175.

¹²² ПВ. 1919. 5 июня.

¹²³ Безродный К.Э. Омские архивы в годы гражданской войны // Архивный вестник. Омск, 1994. № 5. С. 11–18; Боброва В.С. Управление архивным делом Сибири в 1920–1930-е годы. Новосибирск, 2006. С. 16–22; «Принять решительные меры к охране архивов»: документы Омского правительства. 1918–1919 гг. /публ. Л.А. Молчанова // Исторический архив. № 3. С. 157–173; Он же. Организация архивного дела на Белом Востоке России (1918–1919 гг.) // Архивный фонд РФ: феномен, мифы и реальность: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. М., 2001. С. 85–87; Скалабан И.А. О некоторых аспектах деятельности Западно-Сибирского отдела Русского географического общества в период революции и гражданской войны // Роль Сибири в истории России. Новосибирск, 1993. С. 77–84.

библиотекарей. Общественность пыталась противостоять этому решению, видя в нем проявление упадка культуры. На востоке страны действовали отделения русского библиотечного общества, Сибирское библиотечное общество, самостоятельные организации в крупных городах, объединявшие работников просвещения. В Уфе даже состоялся выпуск библиотечных курсов. Земской, кооперативной и учительской интеллигенцией политика правительства в сфере просвещения воспринималась как непростительное игнорирование нужд простых граждан, потянувшихся к знаниям. В их среде, напротив, наблюдалась готовность заниматься просвещением народа, несмотря ни на какие военные обстоятельства. Даже в конце 1919 г. широко организовывались народные чтения, проводились лекции, выделялись средства для содержания сельских и городских библиотек¹²⁴.

В сфере просвещения между обществом и правительством, между разными группировками внутри правительства накапливались противоречия. Их суть лежала в противостоянии разных типов просветительской работы. Первый можно назвать мобилизационным. Его смысл состоял в концентрации всех усилий просветительской машины на формировании мобилизационного мышления, направленного на достижение военной победы над противником. Второй тип, напротив, игнорировал обстоятельства Гражданской войны и ориентировался на послевоенные задачи мирного развития страны, исключая перерыв в их решении под влиянием военных обстоятельств. Сторонникам первого типа деятельность работников культуры из среды кооператоров и земцев и участие в ней правительства казалась «пиром во время чумы».

Менее явными оказались противоречия между властью и научным сообществом. Присутствие в составе правительства ученых, известных исследователей азиатской России предопределило внимание власти к сохранению и приумножению научно-

---

¹²⁴ Молчанов Л.А. Проблемы сохранения памятников культуры в годы гражданской войны в России (1918–1920) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщ. конф. М., 1998. С. 166–167; Он же. Земские библиотеки за Уралом... С. 75–77; Он же. Библиотеки белого востока России... С. 177–180; Очерки истории книжной культуры... С. 164–170.

го потенциала. В Сибири продолжали функционировать Общество сибирских инженеров, губернские общества врачей и другие. В октябре 1918 г. под патронажем правительства возник Сибирский геологический комитет¹²⁵. Хотя бюджеты вузов сильно сократились, они продолжали находить средства на экспедиции и исследования. Правительство периодически рассматривало вопрос о финансировании тех или иных исследований или изысканий и выделяло для этого специальные средства. Например, нашлись деньги на завершение проектов строительства новых железных дорог, само сооружение которых явно должно было начаться уже после войны, на анализ сельскохозяйственной переписи 1917 г. по губерниям Сибири, на разработку Урало-Кузнецкого проекта и многое другое¹²⁶. Это были инвестиции, хотя и небольшие, в долгосрочное стратегическое развитие востока России. Но они не отвечали задачам текущей мобилизации на борьбу с военным противником. Более того, они не являлись и вложениями в сохранение науки, её выживание. С точки зрения логики Гражданской войны, едва ли можно считать такой подход к науке оправданным.

Безусловно, поддерживались и проекты, которые должны были принести непосредственную практическую пользу уже в ближайшее время. К таковым можно отнести исследования Северного морского пути. Средства, выделенные на эти цели, сулили результат уже в навигацию 1919 г. Имелись большие основания ожидать, что даже в случае быстрой победы над большевиками железнодорожное сообщение с Европой не откроется ещё и в следующем году. Возможно, в определенной степени такое внимание к полярным морским исследованиям явилось результатом интереса к ним Верховного правителя. Комитет Северного морского пути задумывался как орган, аналогичный Комитету Сибирской железной дороги. Он был призван быстро и эффективно обеспечивать всё необходимое для работ, в том числе и исследо-

---

¹²⁵ Усов М.А. История учреждения Сибгеокома // Известия Сибирского геологического комитета. Томск, 1920. Т. 1. Вып. 1. С. 2–38.

¹²⁶ ПВ. 1919. 12 авг., 25 окт. Приложение.

вательских¹²⁷. Столь же прагматичным представлялось исследование Монголии, цель которого – изучить экономический потенциал этой страны и обеспечить максимально выгодные схемы закупки сельскохозяйственного сырья. Так, с экспедициями в Монголию уехали бывший управляющий ведомством труда Комуча И.М. Майский, бывший товарищ министра снабжения Временного сибирского и Российского правительств И.И. Молодых¹²⁸. Если правительство готово было финансировать географические и краеведческие исследования, то сибирская «демократическая» интеллигенция оказалась не чужда стремлению переждать политически опасный период вдали от больших городов, занимаясь научной деятельностью. Только воспользовались результатами проведенных изысканий уже большевики.

Исследователь О.Н. Свиридовская отмечала, что даже накануне оставления «белыми» войсками Омска научная интеллигенция твердо верила в возможность и необходимость продолжения своей деятельности¹²⁹. Подтверждением может служить расширение числа научных мероприятий Русского географического общества под влиянием наплыва в Сибирь его членов из европейской части России среди прочих беженцев. В обществе читались доклады и даже проводились экспедиции¹³⁰. Продолжалась работа и других

---

¹²⁷ Шольц Ф.А. Северный морской путь и его значение во внешнем товарообмене Сибири. Омск, 1921.

¹²⁸ Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921; Верещагин В.И. Поездка в южный и юго-западный Алтай летом 1919 года (от Барнаула до Холзуна): воспоминания // Тр. Южно-сибирского ботанического сада. Барнаул, 2000. Т. 1. Вып. 1: Флора и растительность Алтая. С. 92–99.

¹²⁹ Свиридовская О.Н. Изучение ЗСОРГО (Западно-Сибирским отделом русского географического общества) тенденций изменения жизни сибирского общества под влиянием военно-революционных событий // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 258.

¹³⁰ Семёнов В.Ф. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела Государственного географического общества (1877–1927 гг.). Омск, 1927. С. 34–35, 90; Жук С.В. Западно-Сибирский отдел Русского географического общества // Археология Сибири: историография и источники. Омск, 1996. С. 76; Свиридовская О.Н. Изучение ЗСОРГО... С. 256–258.

общественно-научных организаций¹³¹. Особенно активным был Сибирский геологический комитет. Советский автор В.В. Завалишин написал о том, что «ученые не пошли на услужение к интервентам и белогвардейцам», но сам привёл развернутую информацию о многочисленных исследованиях, проводимых под патронажем антибольшевистских органов власти, которая подтверждается и источниками¹³². И хотя объём исследовательской деятельности существенно сократился в сравнении с дореволюционным периодом, это не удивительно, учитывая слабость государственного бюджета, сокращение поступлений от общественных и благотворительных организаций. Тем не менее справедливо отметить, что сфера высшего образования и науки при антибольшевистском режиме находилась в привилегированном положении по сравнению с остальными направлениями культурной жизни¹³³.

Своеобразной кульминацией воплощения научных чаяний сибирской интеллигенции стало создание Института исследования Сибири. Эта идея была выдвинута ещё в 1917 г. С того же времени функционировало и Исполнительное бюро по организации этого

---

¹³¹ Боброва В.С. Управление архивным делом... С. 19–22; Дмитриенко Н.М. У истоков музейного дела в Томске (1880–1922 гг.) // Труды томского областного краеведческого музея. Томск, 2002. Т. 11. С. 178–187; Она же. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX в. Томск, 2000. С. 224–225; Завалишин В.В. Рождение геологической службы Сибири (1918–1922 гг.) // Вопросы истории науки и профессионального образования в Сибири: Материалы к науч. конф. Новосибирск, 1969. С. 64; Ковалева А.С. Библиотека ВСОРГО и краеведение // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы... Иркутск, 2000. Ч. 2. С. 47–51; Корнилов Г.Е., Тагильцева Н.И. Вклад краеведческих обществ в изучение истории крестьянства Урала и Сибири в период гражданской войны // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны: Тез. всерос. науч. конф. Тюмень, 1996. С. 32–34; Михеенков Е.Г. Научно-педагогическая (вузовская) интеллигенция... С. 106–115; Соскин В.Л. Сибирь, революция, наука... С. 52–55.

¹³² Завалишин В.В. Рождение геологической службы... С. 58–60, 64–65; см. также: Известия Геологического комитета. 1918. Пг., 1919. С. 82–95; Отчет об исследованиях, проведенных геологическим комитетом в 1918 г. в Сибири и на Урале. Томск, 1919. С. 69–82; Отчет геологического комитета, 1918. Т. 38. № 1. Пг., 1923. С. 227–240; Отчет о деятельности Сибирского геологического комитета за 1919 г. // Известия Сибирского геологического комитета. Томск, 1921. Т. 1. Вып. 6. С. 2–3; Профессора Томского университета. Томск, 1998. Т. 2. С. 446; Усов М.А. История учреждения Сибгеокома... С. 2–38.

¹³³ Соскин В.Л. Сибирь, революция, наука... С. 53.

учреждения. Представление по этому поводу подал в Совет министров ещё 14 ноября 1918 г. В.В. Сапожников, знакомый с проектом и поддерживавший его. 13 декабря 1918 г. Российское правительство вынесло постановление о созыве 15 января следующего года в Томске съезда по учреждению Института исследования Сибири, целью которого должна стать выработка положения об институте. Замысел выглядел далеко не казенной отпиской и предусматривал широкую поддержку общественной инициативы. Финансирование этого мероприятия взяла на себя казна, а ответственность за проведение съезда возложили непосредственно на министра народного просвещения В.В. Сапожникова¹³⁴. Работавший с 15 по 26 января 1919 г. съезд действительно выработал положения и устав общества «Институт исследования Сибири»¹³⁵. В состав сотрудников института удалось привлечь плеяду выдающихся исследователей региона. Выделенные в мае 1919 г. 230 тыс. руб. позволили организовать несколько исследовательских экспедиций. 28 июля 1919 г. Совет министров утвердил устав¹³⁶. С этих пор «Институт исследования Сибири» стал функционировать как общественно-научное учреждение и даже сформировал Среднесибирский и Дальневосточный филиалы¹³⁷. Активная работа института пришлась как раз на осень 1919 г.

Интенсивность научно-исследовательской работы слабо коррелировалась с положением на фронте. В то время как менялись политические режимы и рушились устои общества, ученое сообщество нарочито игнорировало политическую составляющую

---

¹³⁴ ПВ. 1919. 12 янв.; ЗДРП. Вып. 1. С. 109–111; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 48. Л. 50–50об.

¹³⁵ Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919.

¹³⁶ ПВ. 1919. 25 окт.; ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 91. Л. 304–305.

¹³⁷ «Целью института является...»: Документы об организации и деятельности Института исследования Сибири. 1919–1920 г. /публ. Л.А. Молчанова // Исторический архив. 2000. № 6. С. 158–177; Соскин В.Л. Сибирь, революция, наука... С. 66–76; Он же. К истории координации научных исследований в Сибири (конец XIX в. – 1919 г.) // Формы организации науки в Сибири: исторический аспект. Новосибирск, 1988. С. 97–102; Фоминых С.Ф. Из истории организации Института исследования Сибири // Научная сессия Томского университета (апрель 1992 г.). Томск, 1993. Ч. 1: Социально-экономические и гуманитарные науки. С. 88–91.

своей деятельности, заботясь лишь о чистой науке. Этот феномен не оппозиционности, а именно внеполитичности интеллигенции подметил ещё в советское время В.Л. Соскин¹³⁸. Но под такой маской находилось неприятие Гражданской войны, её причин и целей, отказ учитывать нужды воюющего государства, уверенность, что интересы науки и образования стоят неизмеримо выше политической борьбы и не могут приноситься в жертву ей. Что это, верность принципам или социальный эгоизм?

* * *

Безусловно, культурная политика разных антибольшевистских правительств отличалась друг от друга. Эсеровские политики Комуча высказывались за передачу определения основ культурной жизни в руки общественности в лице земств. Среди лидеров сибирской контрреволюции были сторонники разных подходов. Руководители Министерства народного просвещения и ряд близких им выходцев из научно-образовательной среды хотя и выступали за сохранение твердых рычагов управления культурными процессами в руках государства, но им не были чужды идеи использования общественной инициативы. Правда, и они твердо заботились о том, чтобы эта тенденция не перерастала в диктатуру общественности. Военные и сторонники диктатуры настаивали на мобилизации культурной сферы на военно-политические цели. Ни одно из этих направлений не получило явного перевеса. Впрочем, в любых своих вариантах социально-культурная политика государственной власти несла на себе отпечаток революционного утопизма. Недостаток прагматизма роднил правительственную политику с революционно-утопическими общественными настроениями, за которыми государственная власть плелась в арьергарде.

Позиция государственных органов на востоке страны оказалась значительно толерантнее по отношению к разным проявлениям культурной жизни общества, чем в советской России. Эта жизнь была ключом, и, несмотря на жестокость эпохи, антибольшевистский период оставил яркий след в культурной истории

---

¹³⁸ Соскин В.Л. Сибирь, революция, наука... С. 54.

восточных регионов России. До середины 1919 г. властям совместно с общественностью удалось удержать многие позиции, достигнутые в первые месяцы революции: сохранить и даже приумножить количество учебных заведений, учреждений внешкольного просвещения и научно-исследовательского характера, задержать сокращение их материальной базы. Этому способствовала возможность сочетать государственную, общественную и частную формы образовательной и культурно-просветительной работы. В самые трудные периоды своего существования государство не бросило учреждения культуры на произвол судьбы и сделало достаточно много для их поддержания.

Все это отчасти напоминало подход, присущий и культурной политике большевиков в первые месяцы установления советской власти, только без классовой нетерпимости, но кардинально отличалось от более позднего курса победителей, одерживавших верх над «белым» движением в 1919–1920 гг. Такие сопоставления наталкивают на мысль о непонимании лидерами антибольшевистского движения меры опасности, нависшей над их режимом, нежелании и неспособности твердо проводить мобилизационные мероприятия, концентрировать все средства и усилия для достижения победы. Складывается впечатление, что у правительственного руля – особенно это касалось основ культурной политики – стояли люди, которые готовы были работать на пользу родине, но не ощущали себя участниками смертельной схватки за власть. Они даже представить себе не могли, что власть ускользнет от них, и большая часть их деятельности потеряет смысл. Как это ни кощунственно звучит, затраты на поддержание культурной среды объективно являлись тем резервом, за счет которого возможно было увеличить мобилизационный потенциал общества. Но для этого следовало отсечь всё лишнее, не связанное с войной, а руководителям, определявшим основы образовательной и культурной политики, такой принцип отсеечения очень не нравился.

В условиях дефицита ресурсов антикризисный курс выразился в готовности инвестировать в высшее образование и поддержание функционирования науки за счет минимизации расходов на остальные институты культуры. Но, сохраняя широкие общественные свободы в сфере культуры, государство лишило себя

возможности использовать в полной мере имевшийся в обществе интеллектуальный, организационный и материально-технический потенциал. Всё ограничивалось ожиданием добровольной поддержки идеи войны.

Готовность общества идти на жертвы ради военной победы оказалась невелика. К сторонникам аполитизма принадлежала основная масса интеллигенции. Именно эта часть общества формировала общественную жизнь, и в ней доминировали оппозиционные настроения по отношению к воюющему государству. Но так ли аполитична была позиция интеллектуалов? Недаром руководство Министерства народного просвещения оказалось в роли своеобразной фронды и даже отказывалось перебираться в столицу, предпочитая «сибирские Афины»¹³⁹. Т.Ю. Красовицкая обратила внимание, что советские управленцы от образования в своих скороспелых руководящих документах почти не отразили его дидактическую сторону¹⁴⁰, из чего следует, что их как раз мало интересовали приемы воспитания и передачи знаний. Вся советская система начального образования с первых месяцев своего существования стала нацеливаться на формирование трудовых навыков и идейную мобилизацию учащихся. Восток России рисует иную альтернативу. Министерство народного просвещения Временного сибирского и Российского правительств затратило огромные усилия на разработку учебных программ и образовательных стандартов, вело дискуссии о педагогических приемах. Оно не занималось идеологией. Напротив, те, кто формировал основы культурной политики контрреволюции, считали, что военно-пропагандистские усилия государства противоречат общечеловеческим ценностям, заложенным в систему образования, просвещения и науки. В этом отношении аполитизм интеллигенции, и общественной, и чиновной, а также направляемой ею широкой общественности, оказался фактором, демобилизующим социальную систему.

---

¹³⁹ Это наталкивает на некоторые параллели. Нарком народного просвещения А.В. Луначарский тоже отказался переезжать в Москву и долгое время часть его ведомства оставалась в имперской столице, опираясь на питерскую интеллигенцию.

¹⁴⁰ Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917 – 1920 год. М., 2002. С. 9–10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Антибольшевистские правительства на востоке России в разной степени оказались вовлечены в решение социальных проблем и смягчение противоречий в обществе. Закономерно, что проведенное исследование концентрировалось главным образом на деятельности Временного сибирского и Российского правительств: регулирующая роль других правительств в социальной сфере осталась в зачаточном состоянии. Вместе с тем источники позволили изучить и основные направления социальной политики остальных антибольшевистских режимов восточного лагеря контрреволюции, что дает основание рассчитывать на достаточную полноту и репрезентативность выявленных фактов и, следовательно, на основательность полученных выводов.

Именно на востоке России удалось сохранить либо возродить многие государственные и общественные учреждения дореволюционного времени. Этот процесс зашел значительно дальше, чем в лагере «красных» и в других очагах «белого» движения. Огромную роль сыграло достижение осенью 1918 г. относительного единства государственного пространства в масштабах нескольких крупных регионов.

Общая структура государственных социальных служб и характер их взаимодействия с обществом отражали существовавшие в стране проблемы. Опыт Первой мировой войны пригодился и оказался широко востребованным. Его влияние заметно в нормативной базе и в использовании старого кадрового потенциала. Однако он имел как позитивные, так и негативные последствия. Вооруженный конфликт внутри одной страны более сложен, чем национальная война. Государственная же система в первую очередь настраивалась на возрождение дореволюционных институтов. Их адаптация к новым условиям происходила с большим запаздыванием.

Количество социальных амортизаторов, встроенных в антибольшевистскую государственность, росло постепенно. За полто-

ра года Гражданской войны наблюдалась весьма неожиданная динамика. «Демократическая контрреволюция» выросла из правосоциалистической концепции. Её лидеры заявляли, что самоорганизация граждан придет на смену государственной власти, по крайней мере, на низовом уровне. И при этом государство приобретет оттенок социального. Но в целом диалога с общественностью у социалистических Комуча и Западно-Сибирского комиссариата не получилось. Для этого есть как минимум три причины.

Первая заключалась в глубине социальных противоречий между отдельными группами общества. Они были настолько велики, что передача решения важнейших вопросов под контроль общественности неизбежно «воспроизводила» гражданскую войну на новом уровне и на новом витке.

Вторая причина состояла в слабости самих институтов гражданского общества в России. Всплеск политической активности в 1917–1918 гг. не должен вводить в заблуждение. Истинное развитие гражданского общества возможно только там, где крепка власть собственности. Но в революционные годы она пошатнулась в России сильно, как никогда. В зачаточном, а в эпоху революции в регрессирующем состоянии находились материальные основания для функционирования гражданского общества. Так что государство оказалось перед необходимостью ещё и финансово поддерживать стремительно тающую структуру общественных связей.

Правые социалисты были в большей степени людьми слова, а не дела, и в этом следует искать третью причину. Дефицит практических навыков они восполняли обильной социальной риторикой. Отчасти это даже помогало удержаться у власти в отсутствии ясных, понятных для населения и самой власти, основ социальной политики. Но пустословие способно обеспечить лишь кратковременный эффект.

Отдаляясь от концепции социального государства, эволюционируя в сторону этатизации, власть в то же время делала шаги по созданию и воссозданию институтов реализации социальной политики. Чем дальше вправо по политическому спектру сдвигалась правящая власть, тем меньше провозглашалось слов о социальном государстве и больше совершалось дел в области соци-

альной политики. Итак, с точки зрения удовлетворения социальных запросов, на порядок более эффективным оказался аппарат правительств, составленный из оппонентов социалистов, пришедших к власти в результате серии государственных переворотов. Это лишь подтверждает наблюдение Й. Шумпетера о том, что правительства, достигшие власти недемократическим путем, подчас способны лучше учесть и защитить интересы широких слоёв населения¹.

В целом революционная эпоха стала периодом господства квазидемократических органов. Тонкость ситуации заключалась в том, что и отнять инициативу у общественности в эпоху повышенной социальной активности было неблагоразумно. Такой поворот событий чреват социальным взрывом. Политическая изворотливость «белых» лидеров породила причудливые формы. Политикам, сменившим эсеров у руля власти, приходилось балансировать на грани гражданского конфликта. Быстро сформировался круг институтов, призванных обеспечивать контакт власти и общества. Осознание того, что прямое представительство в условиях социальной аномии ведет к буйству ценностей охлоса, подтолкнуло к формированию узкокорпоративных органов с согласовательными функциями. В антибольшевистском лагере можно наблюдать быстрое развитие демократических переговорных практик. Но всякое усложнение согласовательных процедур обычно ведет к геометрическому увеличению времени получения готового результата. Хотя на выходе мы должны наблюдать эффект синергии от взаимосогласия сторон, в условиях военно-политического противоборства от скорости принятия решений подчас зависит больше, чем от их социальной комфортности. Да и сам эффект синергии оказался трудно достижим. Ведь для него нужен был консенсус по базовым вопросам эволюции государства и общества, а участники переговоров демонстрировали конфронтацию.

Обращает на себя внимание существование двух амбивалентных социальных устремлений государства. С одной стороны, прилагались усилия по поддержанию жизнеспособности социальной базы режима. Она оказалась достаточно узкой. Для каж-

---

¹ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 355.

дого правительства это, прежде всего, собственный государственный аппарат и армия. Лишь Российское правительство могло позволить себе расширить этот круг лиц, включив в него казачество, довольно многочисленное в данном регионе, и, напротив, тончайший верхний слой интеллигенции. Для этих групп населения создавались условия жизни, относительно благоприятные на фоне социальных катаклизмов Гражданской войны. Хотя слабость материальной базы правительства не позволяла эффективно справляться даже с этой задачей.

С другой стороны, независимо от политического облика все антибольшевистские правительства в одинаковой степени стремились стать выразителями идеи социального мира, выступить в качестве арбитра, способного разрешать основные общественные конфликты. Однако, на наш взгляд, в условиях дефицита ресурсов этот принцип являлся ложным. Необходимо было четко определить иерархию производственных приоритетов и в соответствии с ней выстроить иерархию социальных льгот. В этом смысле эволюция, пройденная советской властью в сфере регулирования трудовых отношений, выглядит гораздо более перспективной, хотя и критикуется современными исследователями за быстрое формирование социальной пирамиды. Если ресурсы в дефиците, появление такой пирамиды неизбежно². Противники большевиков не смогли подняться до осознания необходимости искусственно формировать социальную базу, причем руководствуясь не идеологическими, а сугубо прагматическими задачами.

Тем не менее ориентация на консенсус значила многое. Более четко, чем в императорской и революционной России, социальные функции государства оказались прописаны в законодательстве, отражены в структуре государственного аппарата, подкреплены солидной долей социальных расходов. Провозгласив готовность оказать материальную поддержку многочисленным группам нуждающихся, социально незащищенных, антибольшевистские правительства категорически исключили из своего арсенала социальный реваншизм и классовый принцип решения гуманитарных проблем. Конечно, отдельные случаи сведения социальных

---

² Корнай Я. Дефицит. М., 1990. С. 442–448.

счетов имели место не только в обществе, но и на государственном уровне, но не они определяли существо социальной политики.

Сам этот позитивный фактор, характеризующий декларативный уровень политической культуры противников большевиков, накладывался на ситуацию государственного банкротства, минимизировавшую его эффект. Наличие всё увеличивающегося слоя нуждавшихся в социальной помощи, бессилие институтов общественной благотворительности не позволили пойти на сокращение государственных социальных расходов. Однако в стихии Гражданской войны государство оказалось неспособно в достаточном количестве аккумулировать кадры, денежные и материальные ресурсы. Наиболее действенными оставались административные рычаги решения социальных проблем. Но они давали множество побочных эффектов.

Индикатором социального нездоровья стали общественные настроения, демонстрировавшие утрату понимания действительности. Слой людей, участвовавших в выработке политических ценностей и расстановке социальных приоритетов государственной деятельности, оставался чрезвычайно тонок. Тон задавали представители российской интеллигенции, основная масса которых была охвачена «культурничеством», интеллектуальным подвижничеством. Идея интеллектуального «большого скачка» стала общепринятой. Значительная часть членов правительства – видные общественные деятели и выходцы из российской профессуры – также разделяли этот взгляд на перспективы революционного и постреволюционного развития. В результате одним из приоритетов государства стала поддержка образования и просвещения. В ещё большей степени этими проблемами оказались отягощены бюджеты муниципалитетов. Политическая элита и широкие слои общества не были нацелены на минимизацию расходов, связанных с удовлетворением потребностей самовыражения и саморазвития. А ведь это высвобождало бы значительный ресурс, столь необходимый для поддержания элементарных, экзистенциальных нужд стремительно нищавшего общества. Социальный утопизм здесь явно блокировал чувство самосохранения.

В целом политика антибольшевистских режимов оказалась более человекосберегающей, но менее мобилизационной. С этой

точки зрения социальная политика большевиков безусловно выигрывала. Хотя утопизма в ней было даже больше, но он носил характер мобилизующей идеологии, не мешал, а способствовал успешному противоборству с противниками.

Там, где в стабильном обществе социальные расходы в значительной мере могут восприниматься как инвестиции в человеческий капитал или в повышение качества жизни, в ситуации Гражданской войны в России они стали формой выживания общества. О качестве жизни речь не могла идти по определению. Очевидно, что человеческий и социальный капитал, накопленный в предшествующее время, стал важнейшим фактором, позволявшим выживать отдельным социальным группам. Как всегда в эпоху экономического и политического коллапса, эксплолярные формы хозяйственной активности стали более разнообразны и порой играли определяющую роль. Слабеющее государство и ещё более немощные структуры общественного призрения могли охватить своим воздействием лишь некоторую часть нуждающихся, но и для них правительственная помощь оказалась малоэффективна. Оставалось уповать на самовыживание. Патернализм российского общества перестал играть свою стабилизирующую роль. При этом наиболее ценными качествами стала внутригрупповая солидарность и готовность презреть устойчивые стереотипы социального престижа. Обладавшие этими признаками индивиды и группы населения смогли встать на путь социального шантажа, достаточно эффективного там, где работники противостояли не государственной машине, а разрозненному и слабому классу предпринимателей или реализовали себя в теневой экономике. В условиях ослабления политического и социального контроля открылся широкий простор для социальной борьбы. Причем потенциал выживания, похоже, в большей степени определялся не индивидуальными качествами, а социальными навыками, социальной памятью. Наибольшую живучесть показали самые отдаленные от антибольшевистской государственности группы, что косвенно лишний раз подтверждает закономерность исхода Гражданской войны.

Вместе с тем антибольшевистская альтернатива рисует и ряд позитивных перспектив взаимодействия общества и государства,

опередивших своё время и поэтому оказавшихся невостребованными. Были подготовлены к запуску механизмы послевоенной социальной стабилизации. В рамках социально-трудовых отношений отработывались тонкие нормативные механизмы взаимодействия оппонентов. При всех правительствах в этой сфере господствовали меньшевики. Именно работа социал-демократов в недружественном правительственном окружении заставила тщательно вымерять нормативную базу.

Лишь слабость государственной материальной базы не позволила эффективно ответить на вызовы истории и природы. Но в целом во второй половине 1918 – 1919 г. в антибольшевистском лагере принцип социальной ответственности государства укрепился. На это указывает сравнение с предшествующим периодом революции и с советским режимом. Продолжилось укрепление традиции взаимодействия государства и общества по решению социальных проблем, сложившейся в годы Первой мировой войны. В результате были заложены предпосылки для послевоенного функционирования системы медицинского обеспечения наемных работников, для государственного регулирования рынка труда. Власть отработала схему мобилизации не только государственных, но и общественных ресурсов на помощь населению, пострадавшему от чрезвычайных ситуаций. В условиях войны таких ситуаций возникало множество. Но и в мирное время в России они случались нередко. И сколько раз до революции, да и после нее, государство оставляло пострадавшее население на произвол судьбы по доброй воле, а не из-за нехватки средств. На востоке России в целом удавалось избегать такого отношения к обездоленным. Был достаточно четко определен круг людей, имевших основание на социальную поддержку государства и общества. Он оказался довольно широк в связи с наложением друг на друга двух войн – мировой и гражданской.

Всё это, безусловно, является «активом» социальной политики антибольшевистских правительств. Но не следует преувеличивать достижения. Гражданская война оставалась стихией человеческой жестокости, несмотря ни на какие теоретические конструкции политических лидеров или исследователей. Противники советской власти, в конце концов, не смогли защитить сторон-

ников своего лагеря ни от Красной армии, ни от партизан, ни от произвола собственных чиновников и военных, допускаящих достаточно злоупотреблений.

Критерии социальной справедливости трудноуловимы. По-видимому, есть два метода определения искомого предмета. В первом случае это тонкий баланс между противоборствующими социальными группами, нахождение компромисса в общественном сознании. Во втором – распределение ресурсов таким образом, чтобы минимизировать социальные издержки политической борьбы и экономического развития (стагнации, кризиса). В революционную эпоху невозможно существование правительства, которое примирит всех и удовлетворит запросы подавляющего большинства. Само понятие «народ» и «народная воля» становятся эфемерными. Любая чрезвычайщина накладывает тяжелую печать на взаимодействие государства и общества. Раз ступив на её путь, трудно вернуться к нулевому варианту, прекратить насилие и восстановить справедливость. Успешная социальная политика заключается не в общественном консенсусе в условиях анонимии и не в том, чтобы превратить воюющее государство в социальное. Революция – это самораспад общества, и государство, стремящееся просто его затормозить, а не кующее новую социальную реальность, обречено на поражение.

Потому, вероятно, предшествующие исследователи избегали углубляться в данную тему – опасались ставить вопросы. Результат этого забвения нельзя признать плодотворным. Удивительно крепкими оказались историографические стереотипы. Не только советские, но и современные историки не замечали значительную, структурированную сферу взаимодействия государства и общества, изучение которой обеспечено громадными комплексами источников. Настоящее исследование ни в коем случае не претендует на исчерпанность темы. Решая одни научные проблемы, оно приоткрывает завесу других, вероятно, более сложных.

СПИСОК АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва

- Ф. Р-131. Административный совет Временного сибирского правительства.
- Ф. Р-143. Центральное управление Государственного банка Российского правительства.
- Ф. Р-157. Междусоюзный железнодорожный комитет по восстановлению деятельности транспорта Китайско-Восточной и Сибирской железных дорог.
- Ф. Р-159. Министерство земледелия и колонизации Российского правительства.
- Ф. Р-161. Министерство труда Российского правительства.
- Ф. Р-167. Отдел государственных движимых имуществ при Комитете членов Учредительного собрания.
- Ф. Р-176. Совет министров Российского правительства.
- Ф. Р-181. Управление внутренних водных путей сообщения Министерства путей сообщения Российского правительства.
- Ф. Р-190. Государственное экономическое совещание.
- Ф. Р-198. Особая канцелярия по кредитной части Министерства финансов Российского правительства.
- Ф. Р-320. Министерство народного просвещения Российского правительства.
- Ф. Р-341. Политический центр.
- Ф. Р-667. Ведомство иностранных дел Комитета членов Учредительного собрания.
- Ф. Р-670. Совет управляющих ведомствами Комитета членов Учредительного собрания.
- Ф. Р-1561. Информационно-агитационный отдел Министерства внутренних дел Временного сибирского правительства.
- Ф. Р-1845. Временное главное управление Российского общества Красного Креста.
- Ф. Р-3516. Ведомство земледелия, землеустройства и государственных имуществ Делового кабинета при Временном правителе на Дальнем Востоке.
- Ф. Р-4376. Ведомство труда Комитета членов Учредительного собрания.

Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ), Владивосток

Ф. 28. Владивостокская городская управа.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО), Иркутск

Ф. 135. Иркутское горное управление.

Ф. Р-2. Управляющий Иркутской губернией Всероссийского Временного правительства.

Ф. Р-2143. Восточно-Сибирский районный уполномоченный по топливу.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК), Красноярск

Ф. 1188. Управляющий Енисейской губернии.

Ф. 1800. Енисейский губернский комиссариат.

Государственный архив Кемеровской области (ГАКО), Кемерово

Ф. Д-13. Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей.

Ф. Д-20. Судженские копи Л.А. Михельсона.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), Новосибирск

Ф. Д-51. Областной союз сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт».

Ф. Д-97. Новониколаевская городская управа.

Ф. Д-144. Документы по истории общественного и революционного движения, о борьбе с контрреволюцией в Сибири.

Ф. Д-149. Документы по истории рабочего и профессионального движения в Сибири.

Ф. П-5. Сибирская комиссия по изучению истории Коммунистической партии (Сибистпарта).

Государственный архив Омской области (ГАОО), Омск

Ф. Р-953. Акмолинского областного комиссариата труда министерства труда Временного сибирского правительства.

Ф. Р-1617. Управляющий Акмолинской областью Министерства внутренних дел Временного сибирского правительства.

Ф. Р-1858. Железнодорожный отдел Министерства финансов Сибирского правительства.

-
- Ф. Р-1898. Главный уполномоченный общества Красного креста.
  - Ф. Р-2069. Западно-сибирский учительский союз.
  - Ф. Р-2105. Совет Всесибирских кооперативных съездов.

Государственный архив Приморского края (ГАПК), Владивосток

- Ф. Р-1370. Коллекция воспоминаний.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Екатеринбург

- Ф. Р-569. Временное областное правительство Урала.
- Ф. Р-588. Екатеринбургское бюро Совета съездов горнопромышленников Урала.
- Ф. Р-838. Управляющий Камышловского уезда.
- Ф. Р-1951. Канцелярия главноуправляющего Временного областного правительства Урала.
- Ф. Р-1952. Главное управление торговли и промышленности Временного областного правительства Урала.
- Ф. Р-1956. Канцелярия главного начальника Уральского края.

Государственный архив г. Тобольска (ГАТ), Тобольск

- Ф. И-580. Заведующий поземельно-устроительным и переселенческим делом в Тобольской губернии.
- Ф. И-722. Тобольский губернский комиссар Временного сибирского правительства.

Государственный архив Томской области (ГАТО), Томск

- Ф. 149. Томское отделение Государственного банка.
- Ф. 196. Томская губернская казенная палата.
- Ф. 198. Томское уездное казначейство.
- Ф. Р-72. Сибирская областная дума, г. Томск.
- Ф. Р-312. Томская губернская инспекция труда.
- Ф. Р-1362. Управляющий Томской губернией.

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), Хабаровск

- Ф. П-44. Отдел Дальневосточной краевой комиссии по собиранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и истории ВКП(б) при Хабаровском краевом комитете ВКП(б) (Дальистпарт).

**Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК),
Барнаул**

Ф. 235. Управляющий Алтайской губернией.

**Центр хранения документации новейшей истории Омской области
(ЦХДНИОО), Омск**

Ф. 19. Омский истпарт.

**Центр хранения документации общественных организаций Сверд-
ловской области (ЦХДООСО), Екатеринбург**

Ф. 41. Свердловский (Уральский) истпарт.

Список сокращений

Всекосовет	– Всесибирский совет кооперативных съездов
ВЧК	– Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем
ЗДБПС	– Выявление и изучение новых источников по истории общественной жизни Сибири (конец XIX в. – 1920 г.). Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918 года). Вып. 1–3. Томск, 1998
ГАИО	– Государственный архив Иркутской области
ГАКК	– Государственный архив Красноярского края
ГАКО	– Государственный архив Кемеровской области
ГАНО	– Государственный архив Новосибирской области
ГАОО	– Государственный архив Омской области
ГАПК	– Государственный архив Приморского края
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области
ГАТ	– Городской архив г. Тобольска
ГАТО	– Государственный архив Томской области
ГАХК	– Государственный архив Хабаровского края
ЗДРП	– Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 г.). Вып. 1. Томск, 2002; Вып. 2. Томск, 2003
КВЖД	– Китайско-Восточная железная дорога
ПВ	– Правительственный вестник (Омск). 1918–1919
Прикамуч	– Прикамский комитет членов Учредительного собрания
РГИА ДВ	– Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, Владивосток

РСДРП	– Российская социал-демократическая рабочая партия
САСШ	– Северо-Американские Соединенные Штаты
СВ	– Сибирский вестник (Омск). 1918
СНК РСФСР	– Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
Сибземгор	– Всесибирский союз земств и городов
СУР ЗСК	– Собрание узаконений и распоряжений Западно-Сибирского комиссариата Временного сибирского правительства, издаваемое управлением делами комиссариата. Омск, 1918. № 1–2
СУР ВОПУ	– Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала. Екатеринбург, 1918. № 1–8
СУР ВСП	– Собрание узаконений и распоряжений Временного сибирского правительства. Омск, 1918. № 1–23
СУР РП	– Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Омск, 1919. № 1–16
ЦХАФАК	– Центр хранения архивного фонда Алтайского края
ЦХДООСО	– Центр хранения документов общественных организаций Свердловской области
ЦХДНННОО	– Центр хранения документов новейшей истории Омской области
FRUS	– Foreign Relation of the United States. Washington, 1932. V. III.
YMCA	– Всемирный союз христианской молодежи

Именной указатель

- Miller F., 335
 Swan J., 335
 Smith Ch., 313
 Yellen J., 183
- Аблажей Н.Н., 46
 Абрамовский А.П., 255
 Авдеев В.В., 397
 Авдошкина О.В., 75
 Авроров П.П., 394
 Аксарин В.В., 403
 Акулов М.Р., 72
 Алдашов А.Н., 75
 Алексеев, ген., 290
 Алексеевский А.Н., 42, 43, 90
 Акелроф Дж. (Akelfroff G.), 11, 183
 Аманжолова Д.А., 38, 46
 Аминев З.А., 271
 Анастасьев В.М., 59
 Андреев Г.И., 291
 Аничков В.П., 96
 Анненков Б.В., 47
 Арентд Э.Э., 93
 Асейкин Н.В., 54
 Ашкинадзе Д.И., 287
- Бабаков В.В., 46
 Бабицкий, предприниматель, 108
 Балковая В.Г., 75, 394
 Балмасов С.С., 31, 330
 Барсукова С.Ю., 13
 Басаев В.Р., 385
 Бегидов А.М., 385
 Безродный К.Э., 406
 Белоголовый, владелец
 типографии, 282
 Белоусов Г.М., 33
 Беляев А., 187
 Березин В.П., 16
 Берсенева И.В., 50
 Бляхман Б.Я., 247
 Боброва В.С., 406, 409
 Бова П.А., 16
- Богданович П.В., 36
 Бокарев Ю.П., 181
 Болдырев В.Г., 265
 Боренштейн Н.Я., 210
 Борисова Л.В., 183, 248, 249, 269
 Бородин А.Д., 95
 Бородин Н.А., 75
 Бородин Н.Д., 95
 Бострем Г.И., 280
 Будберг А.П., 187, 329
 Букин А.Ф., 391
 Булдаков В.П., 57
 Буллард А., 310
 Бульгин А.А., 353
 Бурьшкин П.Н., 54, 307
 Бутенин Н.А., 42
 Бянкин В.П., 244, 289
- Вавилина Н.Д., 13
 Василевский В., 89, 254, 314, 359,
 385
 Введенский С.А., 267
 Вегман В.Д., 32, 73, 264
 Веденяпин М.А., 54
 Велтищев Н.М., 185
 Верещагин В.И., 409
 Вишневецкий К.Е., 48
 Войнов В.М., 395
 Войтеховская М.П., 382
 Волков В.И., 89
 Волков Е.В., 154, 155, 156, 200,
 314, 385
 Волков Е.З., 315
 Волков С.В., 385
 Вольский В.К., 35
 Вологодский П.В., 36, 43, 45, 47,
 151, 230
 Воробьева В.Я., 75
 Вторушин М.И., 72
- Гаевский Э.И., 172
 Гайда Р.Х., 288, 292
 Галкин Н.А., 270

- Ганин А.В., 31
Гармиза В.В., 14, 15, 32, 42, 45, 88, 255
Гаттенбергер А.Н., 54
Гессен С.И., 370, 394, 395
Гизатуллин Д., 278
Гиндина Р., 220
Гиневский В.П., 36
Гинс Г.К., 47, 53, 151, 187, 230, 358, 400
Глухарев, полк., 33
Горелов Ю.П., 195, 342, 358
Греков Н.В., 187, 264
Гречищев К.М., 56
Гришаев В.Ф., 58
Грэвс В. (Grieves W.S.), 313
Гойер Л.В. фон, 53
Гоппер К., 156
Губскова Г.Г., 18, 19, 137, 363, 377
Гудков П.П., 92
Гуревич А., 164, 227
Гусев К.В., 75
- Даровский, комиссар, 121
Демидов В.А., 38
Деминов Б.А., 401
Дербер П.Я., 32, 33, 42, 43
Джек А., 179
Дмитриев Н.И., 15, 19, 53, 58, 69, 103, 104, 113, 114, 168, 244
Дмитриев П.Н., 35, 172, 226, 274
Дмитриева Т.В., 168
Дмитриенко Н.М., 281, 337, 340, 377, 392, 409
Добровольский А.В., 46, 50, 75
Долгов Л.Н., 93
Дорн-Михайленко М.М., 239, 283
Доронин Ю.П., 156
Дробченко В.А., 71, 161, 247, 285
Дрожбин П., 121
Дроков С.В., 92, 232
Дробченко В.А., 232, 272
Думова Н.Г., 45, 75
Дутов А.И., 31, 35, 36, 48, 49, 169
Дэвис Д., 314
- Евтушевский А.Г., 313
Еленевский А., 320
Енборисов Г.В., 341
Ерёмин И.А., 205, 301, 316
Ершов В.Ф., 385
Ефимов А., 323
- Жабасва Л.Б., 38, 46
Железняков, инженер, 253
Жиров А.А., 181
Жувеналь Б. де, 3, 8
Жук С.В., 409
Жуковский В.Г., 56
Журавлев В.В., 32, 34, 37, 186, 228
Журавлев М.Н., 271
- Завалишин В.В., 409, 410
Залеская О.В., 105, 106
Зальгальв Ф.П., 90
Запольская В.М., 39
Звягин С.П., 21, 77, 106, 127, 132, 140, 141, 142, 188, 255, 267
Зензинов В., 45
Зефилов Н.С., 187, 188
Зима Н.Ф., 355
Зиминова В.Д., 132, 200
Зомбарт В., 6
Зырянов П.Н., 329
- Иванов Б.В., 67, 121
Иванов Е.Е., 20, 137, 383, 387
Иванов П.В., 39
Иванов-Ринов П.П., 106
Ивлев М.Н., 31, 321
Иконникова Т.Я., 264
Ильиных В.А., 28
Илошин В., 286, 287
Иозефович С., 248
Ионов А.М., 321
Иоффе Г.З., 33, 42, 45, 237
Ипполитов С.С., 16, 17, 303, 304, 306, 311, 312, 342, 349, 350, 351, 352, 353, 356, 357, 358
- Кадейкин В.А., 14, 15, 161, 162, 211, 240, 243, 271, 287, 292, 296

- Казаков Е.Э., 238
Казанчиев А.Д., 36, 44
Калмыков И.П., 47, 385
Кальнин Я., 179, 180, 263, 271, 296
Калягин А.В., 16, 84
Карвил Э., 182
Каргин К.Л., 35, 36
Катанаев Г.Е., 46
Кейнс Дж., 11
Киндяков М.Л., 305, 357
Кинэ Х., 311
Кирюшина В.И., 245
Кислицин В.А., 329
Кладова Н.В., 242, 255
Клеванский А.Х., 34
Клерже Г.И., 400
Клеткин И., 271
Климушкин П.Д., 153, 156
Ковалёва А.С., 410
Ковальчук М.А., 105, 251, 254
Козлов А.Г., 399
Козлова С.А., 287, 296
Козловски П., 7, 8
Кокоулин В.Г., 75
Колоницкий Б.И., 282
Колчак А.В., 15, 21, 45, 46, 50, 52,
58, 220, 306, 329
Константинов С.И., 153, 154, 194
Коновалов И.А., 205
Корнаи Я., 9
Кирилов Г.Е., 410
Коробкин А.А., 39
Коробов А.И., 322
Корчагин А.А., 55, 302
Костогрызов П.И., 32, 36
Кочурина С.А., 18, 19, 137, 368,
380, 381, 382
Краснов Г.А., 54, 144
Красовицкая Т.Ю., 414
Кривоносов Я.Е., 404
Кричинский И.Р., 186
Кроль Л.А., 53, 186
Кроль Р.И., 88, 249
Круговский В.М., 54
Кручинин А.С., 46
Крушанов А.И., 255
Кудашев Н.А., 105
Кудинов М.А., 20, 137, 383, 387
Кузнецов Ю.А., 89
Кузнецова Г.И., 365
Кузнецова О.А., 382
Кузнецова О.В., 242
Кузьмин В.Л., 75
Кузьмин В.Ю., 300
Куликов К.И., 35, 172, 226, 274
Кульшарипов М.М., 36, 38, 46
Кундинский, владелец складов, 126
Куприянова Л.В., 207, 208
Курбатов С.М., 394
Курцев А.Н., 315, 316
Куцкий Г.С., 14, 15, 237, 259, 270,
289, 290 291
Кучеряев В.А., 14, 15, 97, 216, 217,
235, 237, 238, 255, 271, 284
Лазарев Е.Е., 59
Лапандин В.А., 225
Ларионов А.М., 285
Ларионов Н.И., 233
Ларьков Н.С., 33, 34, 38, 57, 198
Латугин А.Н., 107
Лашенков П.Н., 394
Ленин В.И., 269
Лившиц С.Г., 34, 43, 45, 46
Линдберг М.Я., 34, 197
Линден М. ван дер, 182
Линчевская Н.Г., 312, 356
Липовецкий В., 335
Лоусон Т. Хилл-мл., 310, 325, 332,
335, 356
Луков Е.В., 17, 18, 303, 322, 327,
334, 392, 397, 399, 403
Лукияновский, предприниматель, 90
Луначарский А.В., 414
Лунегова Е.П., 28
Лычагин, комиссар труда, 239
Люттов С.Н., 398
Лященко М., 335
Майский И.М., 34, 58, 226, 227,
270, 271, 409
Макарчук С.В., 15, 58, 240, 272

- Максаков В., 46
Маландин В.А., 15, 16
Мальцева Т.В., 50, 64
Мальгин А.Я., 140
Мальшев В.П., 93
Малявина Л.С., 394
Мария Федоровна, императрица, 299
Марков Б.Д., 34
Маршанг, управляющий казначейством, 252
Маслов П.П., 40, 41
Матвеев М.Н., 63
Махов В., 66
Медведев В.Г., 15, 16
Медведев Е.И., 256, 270, 283
Мелентьева А.П., 28
Мелихов Г.В., 33
Мельгунов С.П., 43, 44, 45, 50, 64, 340
Мельников М.В., 27
Мендрин Г.И., 349
Меренкова Е.Ю., 205
Мизес Ф. фон, 9
Минаев В.В., 20, 317, 324, 336, 399
Минаев, предприниматель, 90
Михайлов И.А., 53, 135, 139
Михайлов П.Я., 34
Михеева Г.В., 406
Михеенков Е.Г., 18, 19, 132, 146, 368, 370, 392, 395, 403, 410
Михельсон Л.А., 161
Мишин Н.Ф., 255
Молкина О.И., 335
Молодых И.И., 409
Молотов К., 236
Молчанов Л.А., 77, 397, 404, 406, 407, 411
Моргунова Е.И., 367, 387
Московкин В.В., 76
Московский А.С., 72, 82
Мурашев П.В., 58, 208, 227
Мышанский А.А., 16, 17, 18, 148, 193, 196, 202, 255, 302, 327, 342, 343, 344, 347, 348, 366, 368, 373, 377, 399
Назимок В.Н., 43
Назыров П.Ф., 41
Найбороденко Л.М., 375
Нам И.В., 376
Нарский И.В., 21, 112, 259, 308, 309, 345, 354
Наумов В.П., 240
Наумова Н.И., 46, 378, 382
Неклютин К.Н., 175
Некрылов С.А., 392
Нестеренко П.Л., 17, 309
Нестеров И.П., 36
Нечаев А.П., 388
Никитин А.Н., 63, 73, 77, 202, 228, 242, 302
Никонов С.П., 394
Никонова О.Ю., 16, 171, 179, 208, 209, 216, 217, 219, 220, 233, 256, 261, 271, 280, 294
Новиков П.А., 31, 107, 154
Новосёлов А.Е., 38
Норенко С.Н., 391
Носач В.И., 236
Обухов Н.М., 58, 208, 278
Одалевская, предприниматель, 90
Остроухов М.Я., 185
Павел I, 299
Павленков В.А., 11
Павловская М.А., 394
Пайчадзе С.А., 398
Парамонов В.Н., 15, 84
Паркинсон А., 141
Пепеляев В.Н., 50, 54, 331, 332, 333, 357
Петров Н.И., 321, 390
Петров П.П., 156
Пётр I, 299
Пивовар Е.И., 385
Пигу А., 8, 11
Плешкевич Е.А., 31, 36, 39, 40, 41, 48
Плотников И.Ф., 45
Плотникова М.Е., 45, 240, 242
Плышевский, полк., 186

- Полани К., 11
Полуаршинов А.В., 316
Попов Ф.Г., 224, 229
Посадсков А.Л., 391, 392, 398, 401
Поспелов А.Н., 394
Постников С.С., 40, 48
Преображенский П.И., 60
Прибыльский Ю.П., 382
Привалова Е.А., 312
Присяжный А.Г., 118
Присяжный Н.С., 183
Протасов И., 239, 244
Протасов Л.Г., 35
- Рабинович Г.Х., 182
Рабинович М.М., 73
Радаев В.В., 10, 183
Распопина А.А., 106, 107
Резниченко А.Н., 164
Рипп Г.Х., 16, 340, 353, 354
Розанов С.Н., 47, 175
Ролс Дж., 7, 8
Романов Н.С., 310, 314, 333, 340
Роцевский П.И., 292
Руднев С.П., 138, 151, 320, 323
Русаков К., 58
Рынков В.М., 19, 21, 23, 24, 28, 66,
68, 70, 117, 123, 125, 159, 188,
240, 294, 339, 367
Рынкova С.А., 28
Рязановский В.А., 394
- Савенко Е.Н., 398
Савченко С.Н., 31, 49, 74
Сазонов А.В., 66
Самодуров С.С., 256
Сапоговская Л.В., 293
Сапожников В.В., 60, 389, 392, 394,
410, 411
Сахаров К.В., 149
Светачев М.И., 105, 106
Свиридовская О.Н., 409
Святицкий Н.В., 45
Семёнов В.Ф., 409
Семёнов Г.М., 37, 38, 43, 46, 47, 51,
202
- Семёнова Е.В., 20
Семёнова Н.М., 73, 242, 243, 247,
280, 281, 296
Семенченко И.В., 367
Сербин А.И., 82
Сергеева Е.Б., 76
Сечейко О.Ю., 368
Сидоров В.О., 227
Симонов Д.Г., 27, 46, 156
Сичинский Е.П., 39, 41, 170, 227
Скалабан И.А., 406
Скотт Дж., 11
Смил Дж.Д. (Smele J.D.), 22, 180,
296
Смирнов М.И., 119
Смоляков А., 313
Солнцева С.А., 264
Солодовников Б., 64
Сонин В.В., 394
Сорокин П.А., 9, 10
Соскин В.Л., 18, 313, 365, 380, 388,
389, 392, 395, 405, 410, 411
Спирин Л.М., 187
Станкевич А.К., 100
Степаненко Г.М., 162, 168, 233
Степанов М.М., 132, 140
Струк Е.Н., 50
Сукин И.И., 395
Сулимов В.С., 376
- Тагильцева Н.И., 410
Талапин А.Н., 264
Таняев А.П., 14, 15, 39, 84, 166,
178, 215, 232, 296
Тарановски Т., 230
Тейлор Ф., 10
Тельберг Г.Г., 267
Толочко А.П., 205
Торговицкий Г.И., 163, 211, 239, 281
Трани Ю., 314
Третьяк С.М., 287
Третьяков С.М., 63
Троицкая Н.А., 393
Троицкий П.И., 281
Трофимов Л.М., 190
Турунов А., 46

- Угрюмова М.В., 16, 17, 347, 368
Ульянова Н.Г., 299
Усов М.А., 408, 410
Устругов Л.А., 119, 143, 144, 168,
206, 291, 332
- Файоль А., 10
Файк К.Е. (Fike С.Е.), 17, 313, 333
Фалкова Ж.З., 207
Федотов Н.П., 16, 349
Фейгин А., 120
Филатов В.В., 391, 394
Флуг В.Е., 33
Фомин В.Н., 76
Фоминых С.Ф., 21, 392, 411
Футорянский Л.И., 30
- Хайек Ф.А., 9
Харченко К.В., 84, 125
Хвостов Н.А., 30
Хмельницкий В.С., 392
Холквист П., 402
Хорват Д.Л., 33, 42, 43, 47, 69, 105,
133
Хорошкин Б.И., 75
Хоффман Ф., 332
Храмков Л.В., 396
Хруцкий К.И., 96, 272
- Цветков В.Ж., 187
Ципкин Ю.Н., 75, 93
Циркульников А., 369
Цысь В.В., 149
- Червен-Водали А.А., 50, 307
Черняев В.Ю., 224
Черняк Э.И., 21, 74, 212, 228, 239,
241, 243
Чеховских К.А., 18, 19, 137, 363,
370, 371, 376, 380
Чудаков О.В., 205
Чураков Д.О., 16, 224, 226, 297
Шамахов Ф.Ф., 363, 380, 381
Шанин Т., 173
Шаховской, предприниматель, 90
Шаяхметов И.Т., 12
- Шевелев Д.Н., 21, 392, 397, 399,
403
Шелашников А.Н., 305
Шемелев А.И., 164
Шемелев В.И., 14, 15, 163, 164, 171,
239, 271, 296
Шереметьева Д.Л., 64
Шерстянников Н.А., 75
Шиканов Л.А., 228
Шиловский М.В., 32, 34, 38, 44, 50
Шиндялов Н.А., 42
Шишкин В.И., 23, 27, 45, 228, 265
Штольц Ф.А., 408
Штыка А.П., 45
Шудляков В.А., 27, 45, 75, 127, 158,
321
Шульга, районный комиссар, 232
Шумиловский Л.И., 58, 73, 170,
219, 231, 234, 245, 254, 256, 267,
274, 287, 292, 294
Шемпетер Й., 417
Шустов Ю., 31
- Щагин Э.М., 105
Щетинина А.С., 316
Щукин Н.Н., 112, 118
- Эйхе Г.Х., 236
Энгель И., 220
- Юхневич Б.П., 239
- Яблоков Ю.Н., 382
Якимов К.В., 58, 208
Яковлев П.Д., 73, 121

Географический указатель

- Алтай, 49, 164, 404
 Акмолинская обл., 316, 318, 368, 399
 Америка, 310, 335
 Амур, р., 106
 Амурская обл., 41, 42, 93, 136, 146
 Амурский бассейн, 107
 Амурский горный окр., 93, 112
 Ангаро-Байкальский бассейн, 106
 Аральское море, 40
 Аскольд, о-в, 90
 Атбасарская, станция, 158
 Ачинск, г., 94, 338
 Ачинский горный окр., 97
 Ачинский у., 266
- Барабинск, г., 149
 Барнаул, г., 95, 149, 163, 237, 239
 Берёзовский у., 149
 Бийск, г., 95, 149
 Благовещенск, г., 20, 42
 Боготол, г., 180
 Бурейский горный окр., 93, 112
- Верхнеуральский у., 37, 40
 Владивосток, г., 34, 42, 63, 64, 66, 126, 169, 179, 229, 237, 238, 259, 286, 289, 310, 312, 313, 320, 337, 340, 349, 350, 384, 385, 386, 392, 393, 395, 405
 Волга, р., 101, 119
 Волжско-Камский бассейн, 103, 104, 107, 119
 Восточная Сибирь, 5, 37, 38, 99, 118, 147, 205, 238, 391
 Вятская губ., 40
- Дальний Восток, 5, 18, 20, 32, 33, 41, 43, 47, 62, 63, 64, 66, 70, 78, 101, 105, 106, 113, 124, 175, 184, 186, 205, 209, 262, 263, 264, 290, 291, 293, 294, 311, 314, 318, 343, 363, 378, 393, 401
- Даурия, ст., 46
- Европа, 408
 Европейская Россия, 220
 Екатеринбург, г., 39, 40, 44, 45, 49, 72, 99, 139, 178, 179, 209, 219, 260, 282, 329, 384, 395
 Екатеринбургский у., 40, 41, 178
 Енисейск, г., 244
 Енисейская губ., 49, 95, 96, 112, 146, 260, 272, 334, 347
 Енисейская тайга, 97, 112
 Енисейский бассейн, 103, 107, 120
- Женева, г., 351
- Забайкалье, 5, 37, 38, 41, 46, 50, 51, 93, 99, 100, 112
 Забайкальская обл., 136
 Забайкальский р-н, 99
 Забайкальского казачьего войска территория, 30
 Западная Европа, 276
 Западная Сибирь, 34, 37, 69, 88, 102, 209, 316, 341, 344, 377
 Западно-Сибирский военный окр., 342
 Зауралье, 292
 Зейский горный окр., 93, 112
 Златоуст, г., 353
 Златоустовский окр., 260
 Златоустовский р-н, 112
 Златоустовский у., 36, 41
 Змеиногорский у., 380

- Ижевско-Воткинский р-н, 226
Ирбитский у., 37, 40
Иркутск, г., 32, 37, 50, 53, 146, 147, 148, 149, 151, 175, 179, 245, 282, 287, 313, 314, 324, 336, 340, 384, 389, 390, 391, 405
Иркутская губ., 49, 73, 89, 108, 112, 146, 237
Иртыш, р., 329
- Казань, г., 103, 319, 323, 389, 391
Кама, р., 119
Камчатка, 372, 373
Камчатская обл., 136, 146
Камышлов, г., 94
Камышловский у., 40
Канск, г., 94
Канский у., 127
Каслинская вол., 40
Каслинский горный окр., 41
КВЖД, полоса отчуждения, 374
Киренский у., 108,
Киргизская степь, 112
Китай, 101, 106, 160, 263, 353, 374
Кокчетав, г., 201
Корея, 160, 263
Краснофимский у., 40, 158
Красноярск, г., 89, 92, 95, 237, 239, 336, 347, 361
Красноярский горный окр., 97
Красноярский у., 127
Куломзино, ст., 329, 336, 353
Кульджа, г., 321
Кунгурский у., 40
Курган, г., 92, 218, 232, 322, 385
Курганский у., 40
Кустанай, г., 358
Кыштымская вол., 40
Кыштымский горный окр., 41
Кыштымский р-н, 112
- Лена, р., 120
Ленско-Байкальский р-н, 107
Лысьвенский окр., 294
Ляпино, с., 329
- Маньчжурия, 51
Марининский у., 266
Минусинский у., 368
Москва, г., 334, 388, 392, 414
- Невьяновский р-н, 40
Никольск-Уссурийский, г., 382
Новая Земля, о-ва, 40
Новониколаевск, г., 34, 84, 118, 149, 180, 239, 267, 283, 324, 325, 336, 338, 340, 377
Новониколаевский у., 368
- Обской бассейн, 103, 107, 120, 291
Обь-Иртышский бассейн, 292
Омск, г., 34, 38, 40, 43, 44, 46, 47, 48, 50, 57, 60, 66, 69, 73, 89, 102, 104, 122, 123, 133, 147, 149, 186, 200, 210, 239, 285, 305, 308, 314, 321, 322, 328, 329, 330, 334, 338, 340, 353, 358, 378, 384, 390, 395
Омск, ст., 338
Оренбург, г., 35, 36, 38, 90, 127, 164, 320, 385
Оренбургская губ., 40, 48, 55, 220, 302, 320, 363, 377, 404
Оренбургский у., 48
Оренбургского казачьего войска территория, 30, 31, 330
Оренбургье, 36, 49, 62, 372
- Пекин, г., 105
Пенза, г., 34
Пермская губ., 40, 48, 109, 110, 220
Пермский р-н, 107, 178
Пермь, г., 49, 89, 92, 140, 169, 178, 219, 329, 353, 384, 391
Петроград, г., 29, 334, 335, 387
Петропавловск, г., 322, 334, 340
Петропавловск-Камчатский, г., 372
Поволжский р-н, 307, 332
Поволжье, 5, 18, 20, 33, 39, 51, 54, 59, 62, 63, 69, 84, 86, 87, 101, 103, 126, 134, 224, 229, 239, 270, 301, 318, 320, 321, 322, 323, 324, 329, 342, 350, 367, 370, 396

- Приамурье, 41, 90, 93, 112
 Приамурский край, 175
 Прибалтика, 377
 Прииртышье, 353
 Прикамье, 5, 103, 226, 229, 323, 329
 Приморье, 42, 47, 51, 79, 90, 93, 98,
 112, 147, 289, 392, 393
 Приуралье, 41, 170, 369
 Приуральский край, 369

 Русский, о-в, 312, 335, 385

 Самара, г., 33, 34, 36, 43, 44, 69,
 103, 126, 169, 207, 305, 321, 383,
 387
 Самарская губ., 48, 55, 220
 Самарский край, 387
 Самаро-Уфимский край, 48
 Сарапул, г., 226
 Сахалин, о-в, 93
 Сахалинская обл., 136
 Северный Урал, 99
 Северо-Американские
 Соединенные штаты (САСШ),
 309, 310
 Семипалатинск, г., 89, 218
 Семиреченского казачьего войска
 территория, 31
 Семиречье, 47
 Симбирск, г., 319
 Синьцзян, провинция, 321
 Среднее Поволжье, 249
 Средний Урал, 99
 Средняя Сибирь, 102
 Сретенск, г., 336
 Степно-Баджейское, с., 127
 Степной край, 47
 Сучан, пос., 282, 283

 Тавда, р., 329
 Тагильский окр., 260
 Тарский у., 347
 Тасево, с., 127
 Тобол, р., 49, 329
 Тобольск, г., 329, 340, 381, 347,
 376, 368
 Тобольская губ., 17, 89, 185
 Тобольский у., 323
 Томск, г., 32, 34, 60, 63, 72, 89, 139,
 180, 210, 239, 334, 336, 340, 370,
 377, 378, 381, 382, 384, 389, 391,
 395, 405, 410
 Томская губ., 112, 214, 236, 273,
 316, 347, 368, 399
 Томский горный окр., 112
 Томский у., 368
 Троицк, г., 170, 385
 Троицкий у., 41, 48
 Тургайская обл., 31, 48
 Тургайские степи, 31
 Туринск, г., 92
 Тыреть, с., 95
 Тюмень, г., 139, 291, 292, 293, 376

 Урал, 5, 16, 18, 21, 33, 36, 39, 40,
 47, 54, 58, 59, 62, 63, 66, 69, 70,
 72, 77, 79, 84, 87, 98, 101, 112,
 113, 118, 134, 147, 162, 166, 185,
 197, 209, 210, 220, 232, 235, 237,
 239, 253, 256, 259, 261, 264, 276,
 278, 293, 295, 316, 318, 321, 323,
 329, 332, 333, 334, 335, 342, 343,
 354, 361, 363, 367, 369, 378, 401,
 403
 Урало-Поволжский регион, 35
 Уральск, г., 384
 Уральский край, 48
 Уральский регион, 307
 Усолье-Сибирское, г., 218
 Уфа, г., 36, 44, 45, 66, 69, 74, 103,
 169, 259, 323, 353, 373, 389, 400,
 407
 Уфимская губ., 36, 40, 48, 354
 Уфимский р-н, 107
 Уральского казачьего войска
 территория, 31
 Уссурийского казачьего войска
 территория, 31

 Хабаровск, г., 385
 Хабаровский р-н, 47
 Харбин, г., 33, 106, 286, 313, 349

Челябинск, г., 36, 40, 43, 45, 169,
170, 226, 256, 286, 322, 324, 353,
391

Челябинский (Приуральский) окр.,
41

Челябинский р-н, 40

Челябинский у., 37, 40, 41, 48

Черемховский угольный бассейн,
117, 118

Чита, г., 89, 146, 314, 336

Шадринский у., 37, 40, 41

Южный Урал, 46, 49

Южно-Уральский край, 48

Якутия, 121

Ялуторовск, г., 92

Япония, 349, 374

Содержание

Введение	3
Глава 1. Гражданская война на востоке России: государство, общественные организации, социальные группы	29
1.1. Политическое пространство Гражданской войны.....	29
1.2. Социальная политика государства: бюрократическое измерение	51
1.3. Расстановка сил на поле лоббирования социальных интересов	61
Глава 2. Вокруг собственности: юридические права и социальные обязательства	81
2.1. Поиск механизмов защиты погранных имущественных прав	81
2.2. Восстановление прав собственников: шаг вперед, шаг назад	92
2.3. Права владения и распоряжения под прессом чрезвычайных обстоятельств	114
Глава 3. Материальное положение работников: государственное регулирование и саморегулирование	132
3.1. Государственные служащие	132
3.2. Жалование военнослужащих	151
3.3. Материальное вознаграждение рабочих	160
3.4. Политэкономия обочин: маргинальные формы вознаграждения за труд	173
Глава 4. Социальные трансферты в условиях социального банкротства	192
4.1. Пенсии, пособия и пайки	192
4.2. Социальное страхование	206
Глава 5. Государство, предприниматели, рабочие: социальная конфликтность и опыты социального партнерства	224
5.1. Поиск организационных форм	224
5.2. Регулирование рынка труда: требования рабочих и действия властей	248
5.3. Интенсивность труда: взгляд «эксплуатируемых» и «эксплуататоров»	269

Глава 6. Огосударствление благотворительности: социальная катастрофа в действии	299
6.1. Государственное социальное призрение и общественная благотворительность	299
6.2. Трагедия беженства	315
6.3. здравоохранение в тылу и на фронте	342
Глава 7. Культурная политика на фоне хозяйственного кризиса	362
7.1. Государственные и общественные авторитеты в сфере образования	362
7.2. Просвещение и наука: во имя победы или вопреки?	397
Заключение	415
Список архивных фондов	423
Список сокращений	427
Именной указатель	429
Географический указатель	435

Научное издание

Рынков Вадим Маркович

**Социальная политика антибольшевистских режимов
на востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.)**

Редактор *А.П. Мелентьева*
Оригинал-макет *Е.П. Лунегова*

Подписано в печать 15.04.08. Формат 60x84 1/16.
Уч.-изд. л. 23. Усл. п.л. 25,6. Тираж 350 экз. Заказ № 05-19-08
